

В.И. Маслов

МИНУВШИХ ДНЕЙ ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ

С.И. Мамонтов

К.Д. Артыкухин

А.Е. Буга

М.Ф. Шуров

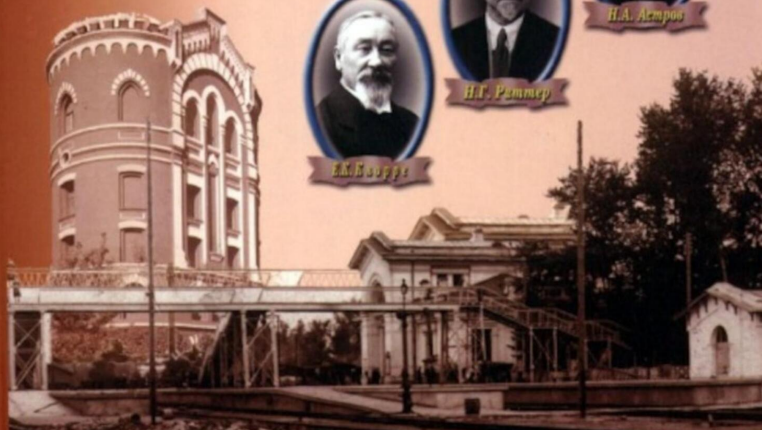
Н.А. Астров

Н.Ф. Реймер

Е.М. Баурер

Валентин Иванович Маслов

Минувших дней людские судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69841132

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга рассказывает о российских предпринимателях и инженерах, посвятивших свою жизнь развитию промышленности России на рубеже XIX–XX столетий, а также об их последователях, работавших уже в Советское время. Их имена были известными не только в России, но и за ее пределами – С. И. Мамонтов, К. Д. Арцыбушев и А. В. Бари – основатели Мытищинского завода, ныне ЗАО «Метровагонмаш», В. Г. Шухов – один из талантливейших инженеров и др. Своей деятельностью они оставили яркий исторический след и на Мытищинской земле.

Содержание

Об авторе	8
От автора	16
Предисловие	24
Неизвестные страницы истории строительства ярославской железной дороги	31
Савва Иванович Мамонтов	54
Начало истории Мытищинского вагонного завода	95
Реформатор России на рубеже XIX–XX веков	119
Вершина противостояния двух гигантов	155
Все остается потомкам	179
Константин Дмитриевич Арцыбушев	235
Александр Вениаминович Бари	343
История с Мытищинским водопроводом	609
Итоги	662
Евгений Карлович Кнорре	672
Николай Александрович Астров (28.IV.1906– 4.III.1992)	748
Послесловие	769
Родословные	780
Список использованной литературы	789
Комментарии	

Валентин Маслов Минувших дней людские судьбы

Уважаемые читатели!

Мытищинская земля, наша малая родина, славится как уникальной природой, так и удивительно талантливыми людьми. Она богата историческими событиями и традициями, сложившимися в коллективах предприятий. Связь времен и поколений продолжается.

История нашего города неразрывно связана с развитием фабрик и заводов, с наследием предков – творческим вкладом всех, кто жил и трудился на Мытищинской земле.

Флагманом отечественного машиностроения признан «Метровагонмаш», продукция которого известна далеко за пределами России. Завод на протяжении более чем вековой истории является основой социально-экономического развития района.

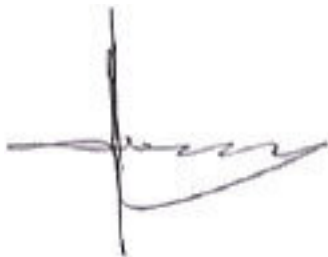
Увлекательная повесть Валентина Ивановича Маслова «Минувших дней людские судьбы» написана на основе изучения материалов в государственных и семейных архивах потомков основателей завода – известных российских предпринимателей и талантливых инженеров – С. И. Мамонтова и К. Д. Арцыбушева, А. В. Бари и В. Г. Шухова, Е. К. Кнорре и Н. Г. Риттера, оставивших своей многогранной деятельностью заметный след в истории завода, Мытищинской земли и в целом необъятной России.

В повести раскрывается не только история инженерного дела и научных идей, но и судьбы людей, олицетворявших эти идеи. Считаю, что книга позволит глубже осознать

причастность сегодняшних жителей города к наследию их пращуров. Она будет полезной и для молодого поколения, которое много интересного и поучительного почерпнет из исторического прошлого своих отцов и дедов.

Осмысление и понимание уроков жизненного опыта предыдущих поколений поможет нам осознать нашу главную задачу – общими усилиями превратить Мытищи в один из лучших городов Подмосковья.

Выражаю признательность автору за многолетний и успешный труд по сбору малоизвестных исторических событий и фактов, а также уникальных фотографий, с которыми Вы познакомитесь при прочтении этой книги, посвященной юбилейным датам Мытищинской земли.

*Глава Мытищинского района
Мурашов*

Е.

Об авторе

Валентин Иванович Маслов родился в 1936 году в городе Мытищи. В настоящее время – преподаватель Мытищинского машиностроительного техникума. Заслуженный учитель Российской Федерации, член Международного и Российского Союзов научных и инженерных объединений. Его многочисленные статьи печатались в московских газетах и журналах, в газетах «Машиностроитель», «Родники». Специалистам, студентам и читателям известны книги В. И. Маслова: «Духовые музыкальные инструменты ГДР и ФРГ» (Москва, 1971), учебник «Сварочные работы» (Москва, 1996), «Отчизне посвятим» (Москва, 2001); его документальная повесть «Кирпичики» включена в книгу «Связующая нить» (Мытищи, УПЦ «Талант», 2002).

Автор выражает признательность

Главе Администрации Мытищинского района Александру Ефимовичу Мурашову и председателю Совета депутатов Мытищинского района Геннадию Ивановичу Киселеву, которые были первыми читателями

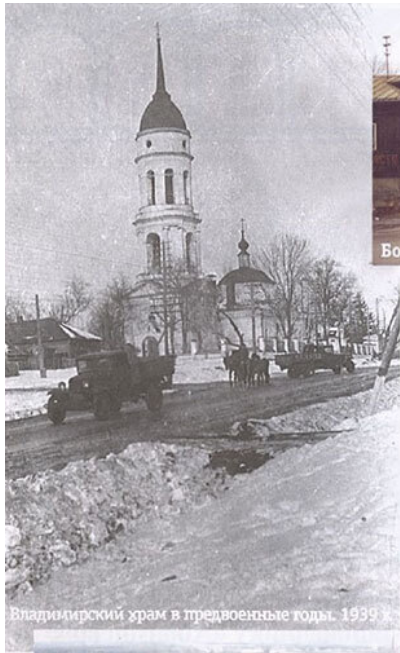
рукописи этой книги и поддержали идею ее издания;

ЗАО «Инвест-Строй» и лично Чибухяну А. Н., Мытищинскому историко-художественному музею, Государственному музею-заповеднику «Абрамцево», Музею Московской железной дороги —

за предоставленные архивные материалы и фотографии из своих фондов;

потомкам основателей ЗАО «Метровагонмаш», доверивших автору частную переписку предков и фотографии из семейных архивов.

Владимирский храм в предвоенные годы. 1939 г.

Большие Мытищи

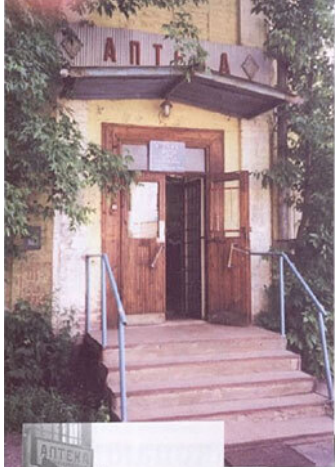
Владимирская слобода

Заречье – вид с колокольни Владимирского храма

Аптека на ул. Колонцова. 2000 г.

Платформа Тайнинская. 1923 г.

1939 г.

Центральная проходная ММЗ - «Дом с часами». 1950 г.

75-летний юбилей города Мытищи

Слева направо: Губернатор Московской области Б. В. Громов, Глава Администрации Мытищинского района А. Е. Мурашов, Премьер-министр Литвы А. Бразаускас

Возрождение памятника Николаю II в Тайнинском

Сайт автора: <https://maslovvi.ru>

От автора

*Крепостная Россия
Выходит
С короткой приструнки
На пустырь
И зовется
Россию после реформ.
Борис Пастернак*

22 мая 1997 года Мытищинский машиностроительный завод ЗАО «Метровагонмаш» отметил 100-летний юбилей.

Занимаясь историей завода, я попытался воссоздать ее с момента закладки первого кирпича и на архивных материалах проследить судьбы людей, стоявших у самых истоков его основания. В процессе работы в центральных архивах г. Москвы, еще за пять лет до юбилея, возникли основные направления поиска:

- кому и на основании каких документов принадлежали земли, на которых был построен завод;
- кто был архитектором производственных корпусов;
- кто проектировал технологический процесс изготовления намечаемой к выпуску продукции;
- кто рассчитывал привод к оборудованию и его расстановку по технологическому процессу;
- исследование личностных качеств основателей завода:

С. И. Мамонтова, К. Д. Арцыбушева, А. В. Бари; их окружения – представителей культуры, ученых и инженеров, предпринимателей и чиновников, с которыми они имели творческие или деловые контакты;

– судьбы этих людей, их предков и потомков, а также последователей и всего их наследия, оставшегося нам для размышления над нашей историей;

– какую роль сыграл и играет завод в судьбе города Мытищи.

Из семи лет работы над историей завода более года ушло на бесплодные поиски, но накопившийся опыт позволил глубже осмыслить события 100-летней давности, «ухватить» нить поиска.

В одном из номеров «Московского журнала» была напечатана статья о работе известного инженера В. Г. Шухова в фирме А. В. Бари. Автор статьи – Е. М. Шухова. В редакции журнала попросил телефон Е. М. Шуховой. Созвонились. И автор статьи, Елена Максимовна (как выяснилось – правнучка В. Г. Шухова), любезно подарила фотографию: В. Г. Шухов и А. В. Бари, 1885 г., а также написанный ею краткий очерк об их совместной деятельности. Через нее потянулась цепочка к внуку А. В. Бари – Александру Александровичу Воскресенскому. Так пришла первая помощь.

Александр Ефимович Мурашов, в то время заместитель, а ныне Глава администрации Мытищинского района, дал те-

лефон правнука С. И. Мамонтова, Николая Александровича Щельцина, через которого удалось познакомиться с родственниками К. Д. Арцыбушева – Светланой Дмитриевной Лансере (невесткой дочери К. Д. Арцыбушева – Ольги) и ее сыном Евгением Евгеньевичем – его правнуком.

На протяжении века завод постоянно разрастался. Увеличивалось число рабочих, росло и население города. Мытищи постепенно становились одним из крупных промышленно-развитых городов Подмосковья.

«Метровагонмаш» по праву признан флагманом отечественного метровагоностроения, его продукция известна далеко за пределами России. Все эти годы завод являлся градообразующим Мытищ.

Юбилейная программа мероприятий включала торжественное собрание и выставку продукции, выпускаемой заводом; салют в честь труда многих поколений заводчан, посещение завода делегациями и закладку капсулы с посланием следующим поколениям.

Мытищинский историко-художественный музей пригласил потомков основателей завода, которые собрались в музее 15 июня 1997 г. Гостей встречали хлебом-солью студенты Мытищинского машиностроительного техникума. На встречу приехали восемнадцать человек, внуки и правнуки основателей завода и члены их семей.

Гости ознакомились с работой музея и экспозицией,

посвященной 100-летию завода. За чаепитием завязалась непринужденная беседа, и обнаружились некоторые подробности из жизни основателей завода, которые никогда не публиковались. Тут и возникло желание написать книгу об основателях завода, об их вкладе в развитие России, завода, города; об их потомках, которые бережно сохраняют и чтут свою родословную, воспитывая детей и внуков на лучших проявлениях семейных традиций.

Люди не могут жить вне истории. Каждый уважающий себя человек испытывает нравственную потребность гордиться своими предками и не лишать этой возможности потомков.

Интересующиеся историей люди имеют хоть какое-то представление о Савве Ивановиче Мамонтове и Константи-не Дмитриевиче Арцыбушеве, хотя бы по портретам, выполненным М. А. Врубелем, и не путают Савву Мамонтова с Саввой Морозовым. Но об Александре Вениаминовиче Бари не было известно практически ничего, пожалуй лишь то, что он гражданин Североамериканских Соединенных Штатов. Так распорядилась история, что юбилей завода совпал со 150-летием рождения А. В. Бари, который в годы строительства взял на себя разработку исполнительного проекта и завод был сдан «под ключ» за два года. Бари к тому времени был уже известным в России и за рубежом инженером-предпринимателем. Он родился и умер в России, где почти тридцать шесть лет своей жизни отдал любимому делу в области

строительства металлоконструкций.

В 1897 году завод именовался Вагонным и являлся самым крупным проектом, выполненным к тому времени «Строительной конторой инженера А. В. Бари». Поэтому первый очерк об истории завода начал формироваться с исследования его творческой и жизненной судьбы. Текст был отдан на прочтение Евгению Борисовичу Пастернаку. От него была получена первая поддержка и одобрение.

Неоценимую помощь в сборе архивных материалов оказали сотрудники Московского Политехнического музея, директор бывшего музея Метростроя О. В. Пешкова, работники библиотеки МПС, сотрудники библиотеки и фототеки Государственной Третьяковской галереи, директор музея ВНИИ железнодорожного транспорта Н. В. Мурина, Вадим Саввич Пикуль – родственник писателя Валентина Пикуля, сотрудники Мытищинского историко-художественного музея, Московского Государственного архива, Государственного архива Российской Федерации, а также Российского Государственного архива литературы и искусства, музея Московской железной дороги, Государственного музея-заповедника «Абрамцево», заводских музеев при ДК ММЗ и ОКБ-40.

Особую признательность автор хотел бы выразить потомкам С. И. Мамонтова, К. Д. Арцыбушева, А. В. Бари, В. Г. Шухова, Е. К. Кнорре, Н. Г. Риттера, сохранившим память о предках. Для опубликования они любезно предоставили

многие подробности из жизни своих дедов и прадедов: редкие фотографии, воспоминания и письма из семейных архивов.

В процессе работы над рукописью часто приходилось обращаться за советом к потомкам. Иногда за одним столом собирались все пятеро правнуков Саввы Ивановича Мамонтова, чтобы уточнить с автором некоторые подробности и события из жизни прадеда и других предков. Каким-то внутренним чувством угадывалось и корректировалось направление мысли о событиях в России тех лет.

Писать о выдающихся людях при живых потомках – дело чрезвычайно ответственное и деликатное, поскольку ошибки или неточности в изложении материала могут вызвать недоумение или болезненное неприятие отдельных выводов. И только общение с потомками вселяло уверенность, что чувство авторской ответственности за каждое слово подкрепляется их участием.

Отдельные отрывки из рукописи публиковались в периодической печати. Многие читатели присылали отзывы и замечания, которые приходилось осмысливать и перепроверять. Что-то принималось, что-то подтверждало правоту автора. Так постепенно снималась излишняя восторженность в описании характеров героев повествования. Чем глубже было стремление к истине, тем сложнее становился путь к ее познанию.

Главный критерий, который выявился в процессе работы

над книгой, – это личностные качества героев: знание своего дела и высокая порядочность. Очевидно, эти качества и помогли им, не теряя человеческого достоинства, преодолеть трудности на их жизненном пути. Их потомки унаследовали эти традиции от своих дедов и прадедов.

Основной упор в работе делался на исследование малоизвестных и совершенно неизвестных фактов из нашей истории.

Автор благодарен читателям, которые (каждый по-своему), смогут оценить то, что написано бессонными ночами и выстрадано сердцем. В старину пишущие часто обращались к читателям, чем и я хочу завершить свою мысль:

*Отцы и братья,
Еже где худо описал, или переписал, или не дописал,
Чтите, исправляя Бога ради, а не кляните.*

Пройдут годы, и молодые последователи, используя нами накопленный опыт, смогут собрать и обобщить уже опубликованные и новые сведения о жизни героев этого повествования...

Старайтесь и дерзайте так, чтобы праведная мысль А. С. Пушкина руководила Вашим пером:

*И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.*

Предисловие

*К 80-летию со дня кончины Саввы Ивановича
Мамонтова*

В январе 1918 года Савва Иванович простудился и слег. Болезнь случилась на 77-м году жизни и приняла затяжной необратимый характер. Он сильно похудел, перестал узнавать окружающих. Кончина наступила 24 марта (по старому стилю).

Отпевали С. И. Мамонтова в Спиридоньевской приходской церкви, пресса печатала некрологи, воспоминания: «Московский Медичи», «Савва оперный», «Последний из могикан». На сороковой день состоялся торжественно-памятный вечер в Художественном театре. В сопровождении хора ветераны Частной оперы исполнили «Stabat Mater» Россини и другие литургические песнопения.

80 лет с того январского дня пролетело, как одно мгновение. Сколько событий и перемен произошло в нашей истории и людских судьбах?! Это ведь жизнь не одного поколения. Но не угасает свеча памяти в руках тех, кому дорога история России.

4 апреля 1998 года я получил приглашение от потомков на панихиду по С. И. Мамонтову в Абрамцево, где в приделе усадебного храма покоится его прах, рядом с могилой сы-

на Андрея. Еще с вечера решил, что поеду заранее, чтобы осмыслить все прошедшее время и восстановить в памяти прочитанное когда-то о нем.

Обычная электричка до Сергиева Посада – Пушкино, далее везде. Перебираю в памяти события далеких лет и думаю о том, что же написать о Мамонтове? Уже многие маститые писатели и журналисты выпустили в свет статьи и очерки, брошюры и книги о его жизни, и все же мне хочется поделиться с читателями своими впечатлениями и мыслями, своим видением триумфа и трагедии Саввы Ивановича.

Вслушиваюсь в хрипловатый голос помощника машиниста: «Следующая остановка – Абрамцево»... Медленно иду через лес, еще рано, ни души. Стихает шум уходящей за поворот электрички. В лесу тихо, только издалека доносится весенняя песнь дятла – дробь о сухой толстый сосновый сук. Запруженная часть реки Вори еще под толстым слоем льда. Ближе к крутому берегу сидят на ящиках рыбаки. Поднимаюсь в гору, ворота на территорию музея еще закрыты. Подходят сотрудники музея и певчие, прикрывающие платком рот, чтобы не настудить горло.

Через десять минут все собираются в храме и готовятся к службе. Внимательно рассматриваю убранство храма, прошу разрешения пройти к могиле Саввы Ивановича и возложить цветы.

Приготовление закончено, теперь можно поставить свечи всем, кто здесь нашел упокое: Елизавета Григорьев-

на Мамонтова; Вера Саввишна Самарина (Мамонтова), да это она – «Девочка с персиками» Валентина Серова; Сергей Александрович Самарин – сын Веры Сазвишны; Андрей Саввич Мамонтов, чей образ запечатлен В. М. Васнецовым в картине «Три богатыря» (Алеша Попович); Савва Иванович Мамонтов.

Уже давно умерли все, кто здесь когда-то писал картины, музицировал, спорил, читал стихи и прозу, участвовал в домашних спектаклях: художники, скульпторы, музыканты, писатели, историки. Их нет среди нас, но мы водим своих детей и внуков по залам Третьяковки: «Смотрите – это Врубель, Коровин, Серов, Васнецов, Репин, Поленов, Суриков, Левитан, Крамской»... и в каждом из них частица души Саввы Ивановича, неустанно повторявшего: «Мало знать, надо чувствовать привлекательность родной красоты! Надо во всей глубине переживать и показывать в картинах поэзию родной жизни и родных людей».

Во время литургии пронизывает странное ощущение: невозможно оторваться от иконостаса храма, от взгляда с иконы Спаса Нерукотворного, написанной И. Е. Репиным, и невозможно смотреть долго. Почему-то жутковато становится на душе, будто и сам в чем-то виноват перед Саввой Ивановичем. Наверное, это ощущение Памяти и Совести. На службу поминовения собрались ближайшие родственники, сотрудники музея и те, кто помнит и чтит Савву Ивановича. Богослужение совершается по полному чину.

После чая мне предложили оказию до Мытищ, но почему-то захотелось задержаться в Абрамцеве. Остаюсь. Знакомлюсь с работниками музея, которые, кстати, добрым словом вспоминают талантливого художника Евгения Андреевича Кольченко^[1], работавшего некоторое время здесь, а позднее в Мытищах. Его работы в эти дни были выставлены в Мытищинском историко-художественном музее в годовщину его безвременной кончины. Последние пятнадцать лет жизни Евгений Андреевич вместе с супругой (Людмила Федоровна Кольченко в эти годы была директором музея, она – искусствовед) работал над расширением и реформированием небольшого Мытищинского краеведческого музея, превратив его в историко-художественный – один из интереснейших музеев¹ Подмосковья.

Неторопливо, по третьему разу, обхожу территорию Абрамцевской усадьбы и каждый раз задерживаюсь у таблички с надписью: «Дуб черешчатый, возраст более 300 лет». Этот дуб стоит в центре усадьбы и высоко несет свою крону над всей территорией музея, напоминая образ Саввы Ивановича, всегда возвышавшегося над суетностью жизни.

На прощание снова останавливаюсь перед усдебным храмом во имя Спаса Нерукотворного, который построен в Абрамцеве в 1882 году. С тех пор смотрит на нас и наши деяния репинский Спас.

¹ В декабре 2002 года Мытищинскому историко-художественному музею исполнилось 40 лет.

Грустно расставаться с Абрамцевом, хочется сюда вернуться. Последний взгляд с холма на реку Ворю. Вспоминаются слова: «Мы все еще в неоплатном долгу перед С. И. Мамонтовым». Долг не оплачен и по сей день.

Невольно приходит мысль о том, что необходимо создать фонд «В защиту наследия С. И. Мамонтова», учредить именные стипендии в технических и художественных учебных заведениях, помочь музею в Абрамцеве в его проблемах. Тогда и Память будет благословенна, и Совесть чище.

22 мая 1998 года в конференцзале Третьяковской галереи состоялся вечер памяти С. И. Мамонтова. Девизом вечера были слова К. С. Станиславского: «Всем, что делал Савва Иванович, тайно руководило искусство».

Организаторы вечера – Государственная Третьяковская галерея и Международный союз музыкальных деятелей. На вечер были приглашены многочисленные потомки Саввы Ивановича, сотрудники музея Абрамцево и Мытищинского историко-художественного музея. Искусствовед Надежда Дуданова сделала сообщение о значении художественного наследия С. И. Мамонтова для России, которое закончила известным посланием Художественного театра к юбилею Саввы Ивановича: «Пока Россия имеет таких сынов, как Вы, она сильна!»

С докладом о промышленной деятельности С. И. Мамонтова выступил его правнук Николай Александрович Щельцын. В художественном отделении вечера приняли участие

учащиеся и педагоги Московской детской школы искусств № 2 имени С. И. Мамонтова, Заслуженные артисты России Лев Евграфов и Татьяна Дронова.

Эти памятные мероприятия помогли глубже осмыслить масштабность личности Саввы Ивановича и его заслуги перед отечеством как крупного промышленника, строителя железных дорог и мецената, известного деятеля в области театра и музыки^[2].

Литература о Савве Ивановиче Мамонтове, его предках и потомках продолжает пополняться, однако довольно сложно охватить весь объем информации, уже изученной и еще изучаемой исследователями. Интересные сведения по истории рода Мамонтовых, начиная с 1730 г., содержатся в книгах потомственного купца П. Бурьшкина, товарища городского Головы Москвы М. В. Челнокова (1914–1917 гг.), «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954).

Вот уже 35 лет в Москве, в Бабушкинском районе (Ярославское шоссе, дом 65) работает детская школа искусств № 2 имени С. И. Мамонтова. Руководит этой школой Виктор Иванович Шелудько – президент Российского благотворительного общественного фонда содействия сохранению и развитию русской культуры имени С. И. Мамонтова.

Государственный музей-заповедник «Абрамцево» продолжает научный поиск художественного наследия Саввы Ивановича, в Мытищинском историко-художественном музее пополняются фонды по материалам поисковых исследо-

ваний родословной его потомков.

А мы, дорогие читатели, обратимся к давно минувшим дням, чтобы напомнить о том, как начиналось строительство железных дорог в России в начале-середине XIX века и какими событиями богата наша история того времени. Запасемся терпением, чтобы отследить цепочку этих событий и людей, имевших причастность к их развитию. Ведь и «Москва не сразу строилась».

Связующая нить начнется с князей Щербатовых и барона Андрея Дельвига и выведет нас к Ивану Федоровичу Мамонтову, от него к сыну, Савве Ивановичу – одному из главных героев повествования.

Неизвестные страницы истории строительства ярославской железной дороги

Окончилась Отечественная война 1812 года. 25 декабря – в день Рождества Христова – император Александр I подписал манифест, гласивший: «В ознаменование благодарности Нашей и Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились Мы в первопрестольном граде Москве создать церковь во имя Спасителя Христа». В 1815 г. был объявлен конкурс на создание проекта будущего храма. 12 октября 1817 года Александр I заложил камень в его основание. Торжество происходило в присутствии 400 тысяч зрителей на Воробьевых горах, где сегодня смотровая площадка МГУ. Но начавшееся строительство затянулось на долгие годы. Грунт в этом месте вот уже много веков постоянно оползает к Москве-реке, да и подрядчики оказались не совсем честными, начались тяжбы, и через десять лет решено было перенести строительство в центр Москвы.

10 сентября 1839 года уже Николай I принял на себя верховное попечительство над строительством храма Христа Спасителя и заложил первый камень на новом месте. Началось строительство. Глубина заложения фундамента достигла 13, 5 метров. Толщина наружных стен составляла 3, 2 мет-

ра, по проекту требовалось не менее 40 миллионов кирпичей.

В 1843 году градоначальником Москвы был назначен князь Алексей Григорьевич Щербатов^[3], он лично составлял сметы расходов и следил за их исполнением. Строительством руководил архитектор Константин Андреевич Тон.

А. Г. Щербатов скончался в 1848 году. В семье было пятеро детей (две дочери и три сына). Григорий, Владимир и Александр – были в дружественных отношениях с Андреем Ивановичем Дельвигом, который был их частым гостем. Барон А. И. Дельвиг^[4] – один из первых директоров Мытищинского водопровода, а позднее главный инспектор частных железных дорог России и первый председатель ИРТО². Он имел звание генерал-лейтенанта Инженерного корпуса. На дружеских обедах обсуждались многие важные государственные задачи, в частности, проблемы строительства железных дорог в России. Князья Щербатовы избирались в исполнительный орган городского самоуправления, так называемую Шестигласную Думу, а позднее – в Московскую Всесловную Думу. 10 апреля 1863 года Александр Алексеевич Щербатов был избран Городским головой Москвы. Так что Щербатовы пользовались большим влиянием в правительственных кругах Москвы. По вопросам строительства железных дорог они советовались с А. И. Дельвигом.

² ИРТО – Императорское Российское Техническое общество (Подробнее см. в дальнейшем тексте)

Первая железная дорога в России (Санкт-Петербург – Павловск – Царское Село) была построена в 1838 г., вторая – Варшавско-Венская – в 1848 г. третья – Санкт-Петербург – Москва (Николаевская) – в 1851 г. В 1856 году было образовано «Русское общество капиталистов» для постройки следующей дороги – до Саратова; а вслед за тем в 1857 году правительство передало постройку дорог «Главному обществу российских железных дорог». «Общество Московско-Ярославской железной дороги» было образовано в 1858 году.

Главное общество российских железных дорог было учреждено для строительства железнодорожных линий протяженностью 4 тысячи верст, которые соединили бы хлебородные районы России с Петербургом, Москвой, Варшавой, а также с побережьями Балтийского и Черного морей. При создании Общества ему была передана в собственность дорога Петербург – Варшава, строительство которой было уже начато казной. Среди учредителей Общества были иностранные банкиры: парижские – братья Перейра, лондонские – старые кредиторы русского правительства братья Беринг, парижский банкир Готтингер, голландский – Гоппе, берлинский – Мендельсон, петербургский – Штиглиц и варшавский – Френкель. С самого начала Общество не смогло собрать и половины определенного его уставом капитала.

Вскоре выяснилось, что, несмотря на правительственную гарантию 5 %-ной прибыли, Общество не справлялось со

строительством намеченных линий. По существу, это была спекулятивная затея иностранных банкиров, не желавших вкладывать в дело собственные капиталы.

Тем не менее, правительство оказало покровительство Обществу, освобождая его от ряда обязательств по новому уставу 1861 года, выдавая пособия, покупая проекты начатых строительством, но заброшенных линий и т. д. В 1868 году правительство передало Обществу во временное владение Николаевскую дорогу (Петербург – Москва), предоставило безвозвратную ссуду на ее переустройство. В 1894 году дороги, построенные Обществом (Петербургско-Варшавская и Московско-Нижегородская), были выкуплены казной, и Общество прекратило свое существование. (См. комментарии к Избранным воспоминаниям, С. Ю. Витте. М., 1991).

В первой трети XIX в. Москва находилась на перекрестке важнейших водных и сухопутных путей. О масштабах гужевых перевозок того времени можно судить хотя бы по статистике Ярославской дороги, самой оживленной: в течение года перевозки по ней осуществляли свыше 4 тысяч подвод местных жителей, 35 тысяч лошадей в дилижансах, 15 тысяч почтовых и 200 ямских троек.

Как пишет К. Филимонов (Сергиев Посад. Страницы истории. – М.: 2002):

«Дилижанс между Москвой и Сергиевским Посадом открылся 20 июня 1825 г. Организатором выступило «состоящее под покровительством почтового начальства Общество

учреждения по тракту между столиц дилижансов». Из Москвы дилижанс отправлялся по четным дням недели в 9 часов утра, а из Посада – по нечетным в 14 часов. В Москве места можно было заказать заранее на Мясницкой улице, а в Посаде – в здании лаврской гостиницы. Проезд стоил 8–10 рублей ассигнациями или серебром по местному курсу. Экипажи были на мягких рессорах, и каждый сопровождался надзирателем. Согласно «Почтовому дорожнику» за 1852 год, регулярное сообщение между Первопрестольной и Сергиевским Посадам сохранялось.

Были и почтово-пассажирские экипажи, которые прибывали в Посад четыре раза в неделю. Скорость движения в разное время года составляла 8–12 верст в час. Стоимость проезда экипажем оставалась довольно высокой: без оплаты багажа – 2, 5–4 коп. серебром за версту, в зависимости от места. Сверх этого полагалось дать ямщику 6 коп. на водку.

Наиболее дешевым видом транспорта были обыкновенные крестьянские телеги. Когда приток богомольцев в лавру был особенно велик, только ленивый крестьянин из окрестностей Посада не мог заработать извозом. В телегу помещалось 4–6 человек; проезд от Москвы до Лавры стоил 40–50 коп. серебром с человека.

Пеший путь из Москвы в Лавру занимал 2–4 дня. Большинство простого народа ходило в Лавру пешком. Именно так, по примеру простых людей, летом 1830 года совершил паломничество в Троицкую обитель 16-летний М. Ю. Лер-

монтов. Яркие впечатления о путешествии из Москвы в Лавру через село Большие Мытищи составили основу повести «Богомолье» И. С. Шмелева». Все это предстояло заменить железнодорожным транспортом^[5].

В своих воспоминаниях³ А. И. Дельви́г писал, что из тех, кому можно было бы доверить строительство железной дороги до Ярославля, наиболее подходящей кандидатурой по деловым качествам являлся Василий Александрович Кокорев^[6] (1817–1889).

О В. Кокореве говорили, что ему бы «не питьевыми конторами заведовать, а всей Россией. Но больно уж ершист». Василий Александрович слыл златоустом московского купечества. К нему прислушивались в литературных салонах, где он весьма любопытно излагал свои идеи: «Российская промышленность не сможет развиваться без свободных рабочих рук. Нужно выкупить крестьян из помещичьей кабалы совокупным купеческим капиталом».

Да и сегодня не грех прислушаться к его мыслям, изложенным в книге воспоминаний – «Экономические провалы» (1887): «Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными присадками родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу, без искреннего

³ Дельви́г А. И. Полвека русской жизни, мои воспоминания 1820–1870, Т. 1–2. – М.-Л., 1930.

родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни; пора твердо убедиться в том, что только это спасет Россию от экономических провалов.»

Другом и партнером В. А. Кокорева по откупному винному делу был И. Ф. Мамонтов. Доходы Василия Александровича были более солидными, чем у Ивана Федоровича – более 8 млн. рублей в год. Но вкладывать деньги в строительство железных дорог Кокорев наотрез отказывался.

Из других немногочисленных кандидатур на возможное строительство железной дороги до Ярославля князь Щербатовы и А. Д. Дельвиг остановили свой выбор на И. Ф. Мамонтове^[7]. Как пишет В. А. Бахревский (Савва Мамонтов, ЖЗЛ. – М.: 2000): «Иван Федорович <...> искал счастья в провинции. Торговал вином в Мосальске, в Шадринске, где записался в купеческую гильдию, в Ялуторовске, Чистополе, Орле, Пскове. Наконец прибрал к рукам винную торговлю в Московской губернии и переехал в Москву. Это было в самом конце 1840-х годов». Доходы Ивана Федоровича были около 3 млн. рублей. Но не так просто было уговорить его взяться за незнакомое дело, заманчивое и весьма сомнительное. И все-таки близкие друзья семьи Мамонтовых, Михаил Петрович Погодин и Федор Васильевич Чижов^[8], убедили Ивана Федоровича в целесообразности строительства дороги. Иван Федорович решился на этот серьезный шаг, став

не только одним из первых учредителей акционерного общества, но и самым крупным вкладчиком! Правительство определило, что первым должен быть построен участок дороги от Москвы до Сергиева Посада⁴. А Савве Мамонтову в ту пору едва исполнилось семнадцать лет, он родился еще в Сибири, когда семья жила в Ялуторовске.

Первые учредители Общества по строительству железной дороги на этом участке составили договор и подписали первый акт о начале изыскательских работ 27 июня 1858 года. (Архивные материалы предоставлены музеем Московской железной дороги).

Подписанный акт начинается с общепринятой фразы: «Мы, нижеподписавшиеся, <...> согласились составить Общество на акциях для устройства железной дороги от Москвы до Троице-Сергиева Посада и условились внести для первоначальных издержек, долженствующих простираться, имея в виду подробную карту Московской губернии и нивелировку по Ярославскому шоссе, до пятнадцати тысяч рублей серебром⁵, из коих на каждого причитается по три тысячи рублей.

Избираем мы совещательным инженером полковника барона Дельвига, на обязанности которого будет распоряжение

⁴ 18 августа 2002 года Московско-Ярославской железной дороге исполнилось 140 лет.

⁵ По курсу того времени 25 коп. серебром – 1 руб. ассигнациями или 100 коп. медной монетой.

изысканиями для составления проекта, избрание для сего инженеров, наблюдение за правильным составлением проекта и обсуждения всех технических вопросов, касающихся этого дела; в хозяйственных же и прочих вопросах, он имеет голос равный с учредителями.

В вознаграждение его трудов полагается: – до образования Правления на время производства изысканий и составления проекта – жалованье ему и <НРЗБ> три тысячи рублей.

Означенную сумму пятнадцать тысяч рублей мы обязываемся внести немедленно по утверждении приступа к изысканию, в распоряжении одного из нас и совещательного инженера по образованию Общества, эти 15000 рублей записываются в расход из первых полученных сумм за акции и возвращаются нам, учредителям, по принадлежности с законными процентами.

Статский Советник – Николай Павлович Шипов

Полковник – Дмитрий Павлович Шипов

Действительный Статский Советник – Александр Павлович Шипов

Действительный Статский Советник, Камергер – Николай Гаврилович Рюмин

Почетный Гражданин – Иван Федорович Мамонтов»

Андрей Иванович Дельвиг после утверждения акта немедленно приступил к изыскательским работам и составлению проекта. 31 марта следующего года в Главное управление

путями сообщения и публичными зданиями был представлен первоначальный проект строительства железной дороги и предварительная смета расходов.

Главноуправляющий (начальник управления) К. В. Чевкин^[9] направил проект на рассмотрение известному инженеру Путей сообщения Д. И. Журавскому^[10]. Получив положительное заключение, Главное управление утвердило общее направление предполагаемой трассы, но вопрос о строительстве московской станции был отложен до времени.

После анализа проекта был составлен список замечаний, предложений и рекомендаций. «В дополнениях к техническим замечаниям отмечалось, что желательно на крайних станциях иметь комнаты на случай проезда особ Императорской фамилии и чтобы фасады жилых зданий станций, обращенных к железной дороге, имели более красивый вид»⁶.

29 мая 1859 года был высочайше утвержден устав «Общества Московско-Ярославской железной дороги», в котором записано, что Общество основано «для устройства сообщения от Москвы на Ярославль посредством паровозной железной дороги через Троицко-Сергиевский Посад».

10 марта 1860 года изменения, внесенные в проект по замечаниям Главного управления, были представлены на рассмотрение Главноуправляющему Путей сообщения П. П. Мельникову^[11] и специалисту по мостостроению С. В. Кер-

⁶ Зензинов Н. А., Толстов Ю. Г. и др. Московская железная дорога. Через годы, через расстояния... (под общ. редакцией Паристого И. Л. – М.: 1997).

бедзу. Через месяц были проведены дополнительные изыскания и в конце апреля – начале мая начались работы по строительству железнодорожного полотна, начиная от Сергиева Посада на протяжении 44 верст, хотя вся трасса до Москвы составляла 66 верст (1 верста = 1,0668 км).

15 мая состоялся молебен об успехах начатого дела. Однако утверждение трассы со стороны Москвы до моста через реку Язу (Ростокино) затянулось. Окончательно проект этого отрезка дороги утвердили только 4 января 1862 года.

Первоначально предполагалось станцию в Москве (вокзал) построить в районе 1-й Мещанской улицы на земле, принадлежавшей Ботаническому саду. Но в процессе строительства и дополнительных согласований в проектную документацию вновь вносились изменения. В конце концов, было принято решение о строительстве вокзала в Москве рядом с Николаевским (ныне Ленинградский). Так, на Каланчевской площади появился еще один вокзал – Ярославский. Здание просуществовало до конца XIX века. На его месте в 1902–1904 гг. было завершено строительство нынешнего здания по проекту академика Петербургской академии художеств Федора Осиповича Шехтеля.

Ярославский вокзал (1902–1904 гг.)

Строительство участка от Сергиева Посада в сторону Москвы не обошлось и без обращений в суд: судились с директором Почтового департамента Прокоповичем-Антоновским, который требовал возмещения убытков за срубленные леса, затяжное разбирательство было с Хотьковским монастырем...

Для производства строительных работ по укладке полотна железной дороги пригласили троих инженеров – Шульца, Друри и Рехневского. Архитектором деревянных станционных зданий был приглашен М. Ю. Левенстам (дальний родственник Мамонтовых).

На строительство дороги было привлечено более шести тысяч рабочих, и дело двигалось споро. Но для начавшихся строительных работ необходимо было обеспечить и надежное финансирование. Сметная стоимость строительства составляла 4, 05 миллиона рублей. Таких денег у Ивана Федоровича не было... Где взять недостающий миллион рублей?

Выло выпущено 27 тысяч акций по 150 рублей каждая. Но продать удалось только 21 834 акции. Учредители Общества обратились к правительству с просьбой о получении ссуды на недостающий капитал. 16 мая 1861 года постановлением правительства ссуда была выделена в размере 588, 5 тысяч рублей (кредитных) на условии возврата ее в течение 26 лет с уплатой 5 % прибыли и 2 % погашения, начиная с 5 июля 1863 года.

В начале 1862 года подводились первые итоги строительства дороги от Сергиева Посада на Москву. Открытие движения наметили на 18 августа, чтобы к Успенью первые богомольцы смогли прибыть в Троице-Сергиеву лавру уже по железной дороге.

Строительство продолжалось, и приближались сроки его завершения. 4 августа в Особую канцелярию Управления пу-

тей сообщения было направлено прошение (вх. № 4796) о назначении первой приемочной комиссии:

«Его Высокопревосходительству Господину Главноуправляющему Путей Сообщения и Публичными зданиями Генерал-адъютанту и Кавалеру Константину Владимировичу Чевкину.

Полагая открыть в августе сего года движение по участку железной дороги от Сергиева Посада до Москвы, Правление Общества Московско-Ярославской железной дороги имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство назначить освидетельствование этого участка.

Директор Надворный Советник – Ф. В. Чижов
Директор Почетный Гражданин И. Ф. – Мамонтов
Директор Действительный Статский Советник – Н. Г. Рюмин»

На прошении наложена резолюция:

«Назначить полковника Александра фон Таубе <... >, направить в ДЖД (Департамент железных дорог) к неотложному исполнению.

7 августа 1862 г. К. В. Чевкин»

Деловая переписка между ведомствами, к удивлению, не затянулась, все решалось положительно и быстро. 12 августа А. фон Таубе телеграфирует, что комиссия освидетельствовала Ярославскую дорогу и дает заключение:

«Рельсовый путь хорош, местами откосы балласта не досыпаны, мосты прочны. Водоснабжение

обеспечено, на Троицкой станции водопровод оканчивается. Телеграф в действии, станционные дома удовлетворительны для приема пассажиров, мебель расставляется. Подвижной состав достаточен. Личный состав по движению имеется. Упомянутые неоконченные работы могут быть исполнены в четыре дня.

Полковник А. фон Таубе»

14 августа Правление Общества обращается к К. В. Чевкину с прошением «об открытии для публики 18 августа движения по означенному участку».

Замечания Комиссии были исполнены и участок железной дороги от Москвы до Сергиева Посада подготовлен для движения.

15 августа К. В. Чевкин телеграфирует на имя Правления Общества:

«Инженеру Генерал-майору барону Дельвигу.

Согласно заключению свидетельствовавшей Комиссии разрешаю открыть 18-го сего месяца движение по Троицкой дороге, коль скоро лично удостоверитесь, что все замеченные недостатки исполнены и движение сполна обеспечено. По открытии донесите мне в Тверь (возм. на ст. Волхов).

Генерал-адъютант

К. В. Чевкин»

Настал день и час: 18 августа 1862 года специальный поезд из Москвы отправился в 3 часа пополудни в Сергиев По-

сад. Первыми пассажирами вместе с представительной Комиссией, возглавляемой Андреем Ивановичем Дельвигом, был митрополит Московский Филарет, именитые акционеры и члены Правления Общества – И. Ф. Мамонтов, Ф. В. Чижов и Н. Г. Рюмин. После короткой остановки в Хотькове, в половине пятого поезд прибыл на станцию Сергиево. Весь путь был преодолен за полтора часа.

В лавре митрополит Филарет сказал свое напутствие:

«Рекомендую железную дорогу. Сколько употреблено искусства, усилий и средств для того, чтобы вместо пяти ехать полтора часа»⁷.

Андрей Иванович Дельвиг к этому времени был произведен в чин генерал-майора. По долгу службы он отправляет срочную телеграмму Главноуправляющему Путей Сообщения и публичных зданий:

«Волховская станция или где находится Генерал-адъютант К. В. Чевкин. Прибыл в Сергиевский Посад. Поезд был встречен Наместником и всем духовенством Лавры. Главою и Начальником Посада.

18 августа 4 часа 30 минут пополудни Генерал-майор А. Дельвиг

верно: старший телеграфист – подпись.»

Завершение строительства железной дороги и открытие движения от Москвы до станции Сергиево ознаменовалось

⁷ Воспоминания о высокопреосвященном митрополите Московском Филарете. Григорий, архимандрит. Православное обозрение, 1888, 731 с.

торжественным молебном и чином Освящения.

В первый год эксплуатации железной дороги от Москвы до Сергиева Посада не удалось рассчитаться за ссуду. Учредители Общества снова обратились к правительству с просьбой об отсрочке уплаты по первой ссуде на 4 года (до 5 июля 1867 г.), а также уменьшению размера погашения до 1 % и продления срока погашения до 37 лет.

Правительство удовлетворило и эту просьбу «Общества Московско-Ярославской дороги». В этой ситуации было над чем задуматься Ивану Федоровичу Мамонтову. Рельсы, болты, накладки, стыковые подкладки были закуплены в Англии на заводе Болко-Вогена. Стрелки из бессемеровской стали приобретены на заводе Джона Броуна в Шеффилде (Англия) по 26 ф. ст. за полную стрелку с механизмом, но без крестовин. Крестовины из литой тигельной стали поставлял другой завод – Викерс в Шеффилде (33 ф. ст. за тонну). Поворотные круги были закуплены в Берлине на заводе Борзига по 3000 талеров за каждый. Вагонные весы приобретены на заводе Катено-Беранже в Лионе (Франция) по 1900 рублей за комплект с разновесами и т. д.⁸

Здания вокзалов с платформами строились из бетона Конаье, как и тумбы указателей откосов и верстовых столбов. Всего не перечислить, но все это влетало в «копеечку».

На всем протяжении железной дороги от Москвы до Яро-

⁸ Собрание чертежей сооружений Московско-Ярославской дороги. – М.: Изд. типогр. Мамонтова А., 1872 г.

славля было построено более 20 мостов через реки, низины и овраги. Металлические стропила, фермы и отдельные части всей конструкции мостов были закуплены в Германии на заводе Кельнского акционерного Общества. Узлы и детали металлоконструкций прибывали в Кронштадт, а затем перевозились в Петербург и по Николаевской железной дороге – к месту их монтажа.

За пуд металлоконструкций балочных и раскосных мостов платили 7, 75 франков, перила к мостам – 10 фр. за пуд, не считая доставку и последующую сборку. В среднем мост обходился в 15–20 тысяч рублей. Для монтажных и погрузо-разгрузочных работ был закуплен в Англии, на заводе Дёбенс и К°, паровоз-кран стоимостью 14089 руб. 21 1/2 коп.

Конечно, правительство шло навстречу, выдавая ссуды, но ведь и долги надо возвращать к условленному сроку. И. Ф. Мамонтов работал не покладая рук, скрупулезно считал каждую копейку, торгуясь с поставщиками и исполнителями. Закрадывалось в душу сомнение – все свои капиталы вложил в строительство дороги и на закупку оборудования за границей, а прибыли пока нет. Не ровен час – недолго и обанкротиться. Его друзья М. П. Погодин и Ф. В. Чижов (он одновременно состоял и в составе Правления Московско-Курской железной дороги, и в Правлении Московского Купеческого банка) поддерживали И. Ф. Мамонтова своими публикациями в прессе, обращая внимание общественности на то, что эта железная дорога строится на Мамонтовские

рубли – без привлечения иностранного капитала. И общественность откликнулась, акции стали приобретать многие известные лица и представители среднего класса.

12 декабря 1863 года был опубликован список акционеров⁹. В этом списке числилось 560 вкладчиков, из них около 100 человек имели по 50 и более акций. Это означало, что они могут быть избраны в члены Правления. Первыми в списке числятся Их Императорские Высочества Великие Князья (дети Александра II) – Николай, Александр (будущий император Александр III), Владимир, Алексей и Сергей Александровичи.

Семья Мамонтовых числилась почти в полном составе – 10 членов семьи во главе с Иваном Федоровичем (наибольшее количество акций). Много представителей известных фамилий пожелали стать акционерами Общества: князь Федор Васильевич Мещерский, барон Андрей Иванович Дельвиг, Михаил Петрович Погодин и Федор Васильевич Чижов, братья Погожевы, Рюмины, семья Матиссен, Анна Ивановна Катуар, Мартемьян Иванович Борисовский, князь Николай Николаевич Гагарин, братья Шиповы, Кузьма Терентьевич Солдатенков и Игнатий Павлович Сазиков, Гавриил Гаврилович Солодовников, князья Трубецкие, Хомяковы, Хлебниковы, Ольга Николаевна Шереметева и Петр Петрович Энгельгардт, известный архитектор Степан Николаевич Дельсаль, Василий Петрович Ефремов, Лахтины (родствен-

⁹ Из коллекции «Чертковская библиотека». ГПИБ России. (А207/380)

ники Мамонтовых), Капитолина Ивановна Лукутина, Михаил Акимович Горбов, Якунчиковы, Фаворские, Краснопевцевы и т. д.

Как говорится, всем миром включились в продолжение строительства железной дороги до Ярославля. Все понимали, что дорога от Ярославля до Москвы значительно сократит и удешевит торговый путь от Нижнего Новгорода до Москвы, и терпеливо ожидали хорошей прибыли на свои вклады.

С ухудшением здоровья Иван Федорович Мамонтов все чаще задумывался о дальнейшей судьбе своего дела, о том, кому доверить продолжение начатого железнодорожного строительства. Дочерей он в расчет не брал, а из сыновей пока никто не обнадеживал. Тогда еще юного Савву отец считал шалопаем изрядным. Николай был еще несовершеннолетний, Федор – болезненный, Анатолий вообще не хотел заниматься предпринимательством, считая наиболее достойным занятием для культурного человека книгоиздательство.

С годами отец снова возвращался мысленно к Савве, внимательнее присматриваясь к его формирующемуся характеру. Каким-то чутьем стал угадывать: только Савва потянет крупное, мужское, миллионное дело.

Впервые Иван Федорович представил Савву на заседании Правления Ярославской дороги, когда ему исполнилось 27 лет. Он уже имел свою семью и собственное дело, занимаясь производством и торговлей шелком. Отец разглядел в сыне

хватку делового человека.

В проблемах железнодорожного хозяйства Савва Иванович еще слабо разбирался, поэтому на первых порах текущие финансовые дела Московско-Ярославской дороги контролировались Федором Васильевичем Чижевым, который натаскивал молодого Мамонтова по вопросам кредитной политики и финансового обращения.

К 1869 году (год смерти Ивана Федоровича) дорога от Москвы до Сергиева Посада принесла Обществу первую солидную прибыль – почти 517 тыс. рублей, что составило 13 % от затраченного капитала. В Ярославль железная дорога пришла в 1870 году, официальное открытие состоялось 18 февраля. К летнему сезону, с открытием навигации по Волге, грузопоток увеличился до 27 млн. пудов, валовая выручка дороги составила 1 млн. 882 тыс. рублей.

Солидная выручка позволила Савве Ивановичу самостоятельно приступить к строительству ветки от Ярославля на Вологду (узкоколейной). В последующие годы сеть железных дорог севернее Московской губернии связала многие промышленные предприятия и сельские местности богатые хлебом и мясо-молочными продуктами, лесопромышленные общества.

Несмотря на увеличившиеся эксплуатационные расходы, прибыль из года в год возрастала. Были построены ветки от Александрова на Карабаново, затем на Киржач и Юрьев-Польский, Мытищи – Щелково (1895 г.), Савеловская ветка.

Продолжалось строительство от Ярославля на Кострому и на Архангельск. К 1892 году пассажирские перевозки составили более 1 млн. 700 тыс. человек, грузовые – около 2 млн. пудов, валовой доход вырос на 30 % и достиг 4 млн. 546 тыс. рублей. Прибыль на акционерный капитал превысила 23 %.

В начале 1890-х годов кроме учредителей и акционеров в распределении прибыли стала принимать участие казна. По условиям ссуды Обществу пришлось время расплачиваться и за своевременную поддержку Министерства финансов. Доходность общества к 1895 году возросла до 42 %. Дорога считалась образцовой.

Открывался огромный простор для освоения русского Севера, для вложения капитала с последующим преумножением не только ради денег, а и дальнейшего строительства самих железных дорог. Россия необъятна.

Последняя треть XIX века – это время необычайного подъема инженерной мысли в России. Благодаря накопленному опыту в строительстве железных дорог, Россия, с вводом в строй знаменитого Транссиба, вышла на первое место в мире по протяженности железнодорожных путей сообщения.

Однако строительство железных дорог требовало и огромных затрат на закупку необходимого оборудования, подвижного состава, самих рельсов и комплектующих изделий к ним. Много приходилось закупать за границей, привлекать инвестиции и брать огромные займы.

Но Савва Иванович, как сформировавшийся крупный промышленный деятель нового поколения, видел главную задачу в том, чтобы освободиться от захлестывающей страну иностранной зависимости и считал, что развитие России в ее собственных возможностях.

Савва Иванович Мамонтов

(1841–1918)

В семье Савва был четвертым ребенком, а всех детей у отца с матерью было восемь – Александра, Федор, Анатолий, Савва, Мария, Николай, Ольга и Софья (см. родословную Мамонтовых в приложении).

Отец выбился в люди благодаря упорству и трудоусердию, он рано осиротел и воспитывался в доме дяди Аристарха. Поэтому своих детей не баловал. Мать была из небогатой купеческой семьи Лахтиных. Иван Федорович и Мария Тихоновна поженились в Мосальске.

Младшие дети росли под присмотром нянек и бабушки по линии матери – Александры Ивановны. Старшие дети получали домашнее образование и готовились в гимназию. «Слуги кланялись маленьким хозяевам, – как пишет В. Бахревский, – а гувернер, подчеркнута вежливый, за малейшую провинность сек розгами». Частенько доставалось и Савве. Мать заступалась за Саввушку и упрекала отца:

– Надо прекратить наказания <...> это не детство, это солдатчина.

– Ну что ты, голубушка. Не будет бит – ума не наберется. Дядя Аристарх, бывало, говаривал: русский человек задним умом крепок. Чтоб ум в голову перешел – без воза лозы не

обойтись...

Московский дом, в котором поселилась семья, был на Первой Мещанской. Здесь принимал Иван Федорович своего давнего друга Василия Александровича Кокорева, частым гостем бывал и генерал-губернатор Москвы Арсений Андреевич Закревский.

1852 год для Мамонтовых был омрачен печальными событиями. На следующий день после рождения Софьи, последней дочери, скончалась Мария Тихоновна. Сразу же после похорон Иван Федорович продал дом вместе с мебелью Алексею Ивановичу Хлудову. Семья переехала в дом Шульца на Новую Басманную. Не успели обжиться, как умирают одна за другой Мария и Софья.

М. Т. Лахтина – мать С. Мамонтова (худ. Лассон, 1852 г.)

Савву хорошо подготовили к экзаменам для поступления в гимназию. По результатам вступительных экзаменов Савва был принят во второй класс 2-й Московской гимназии. Гувернер, немец Федор Борисович Шпехт, не только хорошо занимался экзекуцией, он вложил своим воспитанникам хорошие знания французского и немецкого языков. Так что к четырнадцати годам Савва свободно разговаривал со старшими братьями по-французски и по-немецки.

*Иван Федорович Мамонтов (стоит) и Михаил Петрович
Погодин (1860-е гг.)*

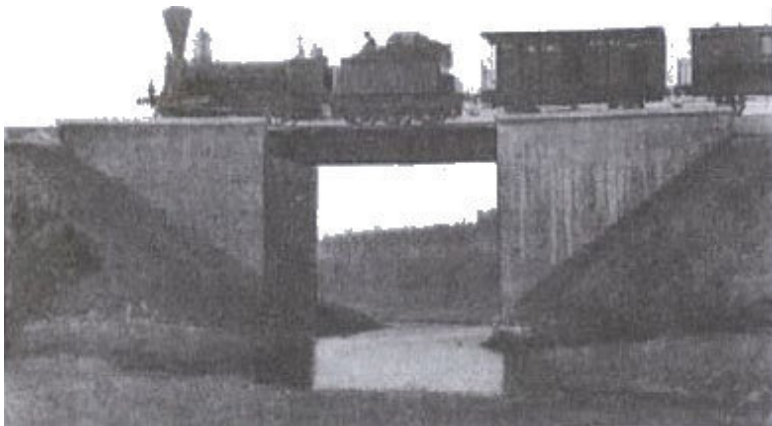
Андрей Иванович Дельвиг

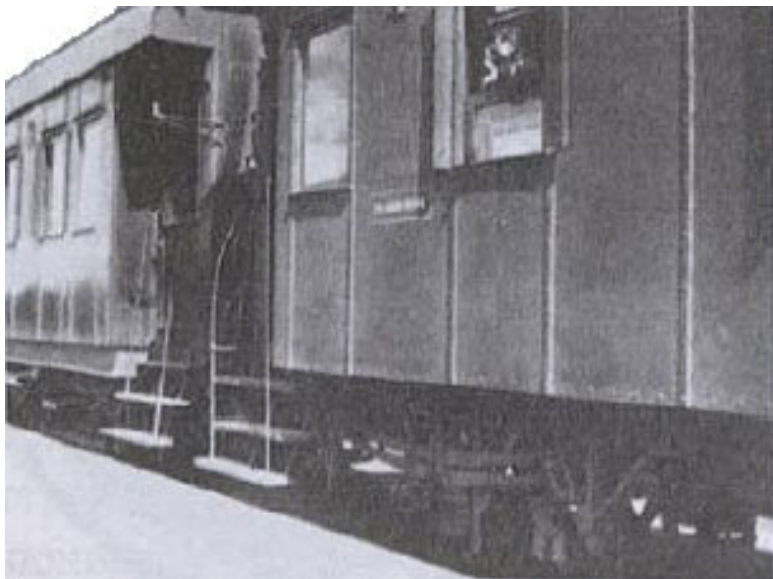
Константин Владимирович Чевкин

Строительство Ярославской железной дороги

Первые железнодорожные мосты

Савва Иванович Мамонтов в вагоне поезда Ярославской железной дороги

Станция Сергиево (Сергиев Посад)

Станция Лосиноостровская

Ярославский вокзал (до 1900 г.)

В 1855 году с двумя двоюродными братьями – Виктором, будущим хормейстером Большого театра, и Валерьяном – Савву отправили учиться в Петербург, в Горный корпус: отцы их вместе с В. А. Кокоревым задумывали создать нефтеторговую компанию. Неплохо было бы сделать специалистами собственных детей.

Но непривычные условия учебы в закрытом учебном заведении с полувоенным режимом, оказавшиеся слишком тяжелыми для Саввы, и внезапная смерть Валерьяна привели к тому, что через два года Савва возвратился во 2-ю Московскую гимназию.

К этому времени Савва уже не беззаботный мальчик. Он следит за периодикой, интересуется живописью и музыкой, часто посещает оперные спектакли. Характер формируется трудный – пробуждается юношеская независимость. Не складываются отношения с преподавателями, он умудряется дерзить даже самому директору гимназии.

Через знакомых в Петербурге подставной студент за приличное вознаграждение сдает за Савву экзамены, и Савве оформляется перевод в Московский юридический институт. Здесь он знакомится со студентом Ф. Н. Плевако^[12], который 23 июня 1900 года, уже как известный адвокат, будет защищать интересы С. И. Мамонтова по так называемому «мамонтовскому» делу.

Но и юриспруденцией заниматься серьезно Савва не мог, его душа рвалась к искусству. Отец по этому поводу очень переживал. Иван Федорович внимательно следил за поведением сына в обществе «передовых студентов» и видел, что формирование юного Саввы не отвечает понятиям отца. Увлечение политикой может обернуться серьезными последствиями.

Иван Федорович получил записку от доброжелателя: «У Вас есть сын Савва в университете, уберите его, иначе может быть очень плохо». Надо срочно прятать Савву... Что такое Сибирь и как из нее возвращаются, Иван Федорович знал не понаслышке: декабристы бывали в их доме, когда семья жила в Ялуторовске (от Тюмени верст 60).

Приказ отца – закон для сына: «Вон из Москвы! Маршрут – Баку». Там знакомые люди, которые быстро к делу пристроят и присмотрят. Летом 1862 года Савва был отправлен в Закавказье. В письмах отец наставлял сына:

«Савва! Федор и Анатолий, совершеннолетние молодые люди, не могут жить и содержать себя. Ничего не делают и ходят с туманом в голове, а от чего это? Оттого, что они не привыкли к трудам. Надобно трудиться правильно, как трудится каждый добрый гражданин, добросовестно, не надеясь на чужие силы»¹⁰.

Требования отца Савва выполнял не прекословя. Он понимал заботы отца. С одной стороны – максимум труда,

¹⁰ РГАЛИ, ф. 799, оп. 1, ед. хр. 333А.

гражданского долга и любви к делу; с другой – минимум лени и пустых удовольствий.

В бакинской конторе были выполнены первые поручения отца, а дальнейший маршрут – побережье Каспийского моря, город Мешхед, и снова Баку. Из Баку Савва отправился с партией персидских товаров на ярмарку в Нижний Новгород и только после Нижнего с разрешения отца вернулся в Москву.

Следующая командировка в Милан – центр производства и торговли шелком. Для Саввы это подарок судьбы! В этом городе с 1778 года существует один из крупнейших центров мировой оперной культуры – театр «Ла Скала»!

Божественная Италия – мечта многих музыкантов, живописцев, скульпторов, поэтов и писателей. Здесь Савва добросовестно занимается отцовскими наказаниями, но и выкраивает время, чтобы заняться вокалом у Сарриотти. Еще дома Савва заручился рекомендательным письмом певицы Марии Александровны – жены брата Анатолия. А первые уроки пения он получил у П. П. Булахова^[13] – автора многих романсов, в том числе и «Гори, гори, моя звезда». Савва посещал музеи, внимательно присматривался к архитектуре, изучал древние памятники.

В Милане Савва познакомился с Верой Владимировной Сапожниковой, владелицей шелкопрядильной фабрики, и с ее 17-летней дочерью Лизой. Молодые люди, восхищенные Италией, впервые прониклись высоким чувством друг к дру-

гу. По истечении срока командировки было сделано предложение и, как и полагалось воспитанному молодому человеку, Савва попросил у Веры Владимировны руки ее дочери.

Родня невесты не вызывала у Мамонтовых никаких сомнений. Мать Лизы, Вера Владимировна Сапожникова, рано овдовела, но дела свои вела толково и прибыльно, успешно управляла шелкопрядильной фабрикой (ныне «Передовая текстильщица»). Всегда советовалась с родным братом, С. В. Алексеевым (отцом будущего актера К. С. Станиславского), владельцем большой золотоканительной фабрики в Москве.

25 апреля 1865 года Савва Иванович с Елизаветой Григорьевной Сапожниковой обвенчались в церкви Преподобного Сергия в Киреево (подмосковный Звенигород), как заведено было семейной традицией. В том же году, в той же церкви венчались Вера Николаевна Мамонтова и Павел Михайлович Третьяков.

Весной следующего года у молодой четы Мамонтовых родился первенец, назвали Сережей. Дед радовался появлению внука. Прошло два года.

Братья Мамонтовы (1856 г.) слева направо: Анатолий, Федор, Савва

Савва Иванович и Елизавета Григорьевна. Первые годы семейной жизни

Савва Иванович с сыновьями (слева направо): Сергеем, Андреем, Всеволодом

Савва Иванович с дочерьми Шурой (слева) и Верой

Елизавета Григорьевна с синовьями (слева направо): Андреем, Всеволодом, Сергеем (1880-е гг.)

Шура и Вера (справа) Мамонтовы в Абрамцево

Вера и Всеволод Мамонтовы в Абрамцево

*Вера Саввина Самарина (Мамонтова) с сыном Юрием
(1904 г.)*

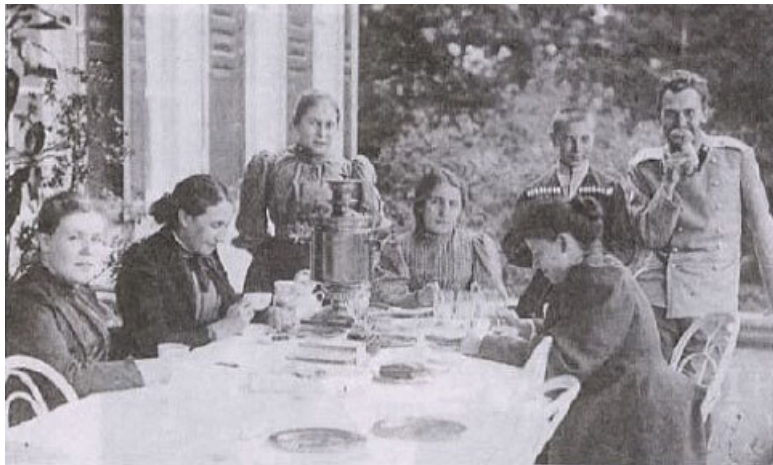
*Елизавета Григорьевна с внуками Лизой, Юрием, Сергеем
(дети Веры)*

Абрамцевский художественный кружок

На скамейке у дома. Абрамцево (слева направо): Сергей, Савва Иванович, Шура (Александра), Всеволод и Николай Иванович Мамонтовы (1910-е годы)

За чаем на террасе. Абрамцево (слева направо): Н. Я. Давыдова, Елизавета Григорьевна, Вера, Шура, Дмитрий Арцыбушев, Сергей Мамонтов и М. Ф. Якунчикова

Савва Иванович Мамонтов в доме на Садовой-Спасской в

кругу семьи и близких друзей

В гостях у Саввы Мамонтова (слева направо): И. Е. Репин, В. И. Суриков, С. И. Мамонтов (за роялем), К. А. Коровин, В. А. Серов, М. М. Антокольский (скульптор) (1890-е гг.)

За обедом в столовой в доме на Садово-Спасской. На переднем плане картина В. М. Васнецова «Ковер-самолет» (1890-е гг.)

Иван Федорович перед кончиной испытал последнюю радость в жизни, когда у Саввы родился второй сын – Андрей.

Когда Савва и Елизавета Мамонтовы решили приобрести где-нибудь в Подмосковье усадьбу или небольшое имение, то Ф. В. Чижов присоветовал им Абрамцево, которое в то время продавала Софья – дочь Сергея Тимофеевича Акса-

кова, бывшего хозяина усадьбы.

22 марта 1870 года утренним поездом доехали они до Хотькова, а потом на санях добрались до места. Через несколько дней нотариально заверили купчую. Новой хозяйкой Абрамцева стала Елизавета Григорьевна, жена потомственного почетного гражданина Саввы Ивановича Мамонтова. Осенью родился третий сын Всеволод. Через пять лет родилась первая дочь Вера, а еще через три года – Александра. Первые буквы имени каждого ребенка составили полное имя отца – Савва (Сергей, Андрей, Всеволод, Вера, Александра).

Ф. В. Чижов^[14], сохраняя добрую память об И. Ф. Мамонтове, по-отечески опекал Савву, который на лету схватывал опыт финансиста-предпринимателя в деле строительства и эксплуатации железных дорог.

В последующие годы Савва Иванович неоднократно называл Ф. В. Чижова своим «Великим Учителем» и всегда помнил, что Федор Васильевич активно поддерживал отца и саму идею создания акционерного общества по строительству Московско-Ярославской железной дороги – первого в России частного предприятия такого рода, сознательно основанного без привлечения иностранного капитала.

К 1876 году, когда только складывалась акционерная группа по строительству железной дороги в Донецком бассейне, Ф. В. Чижов предложил акционерам ввести в состав Правления молодого, энергичного и опытного Савву Мамон-

това. Большие надежды возлагались на дорогу (до Мариуполя) в связи с открытием минеральных богатств Донецкого бассейна. Правление Общества Донецкой дороги находилось в Москве. Савва Иванович не сразу возглавил Правление, но постоянно принимал участие в его работе по решению многих финансово-экономических вопросов.

В 1891 году по распоряжению Канцелярии Министерства путей сообщения был издан статистический сборник «Состав Советов и Правлений железнодорожных Обществ» (С.-Петербург, 1891). Краткие сведения собраны из официальных документов по Донецкой дороге и сведены в таблицу:

Федор Васильевич Чижев

Правление общества в Москве

«Название жел. дороги, должностей и лиц	Год избра- ния или назнач.	Под- дан- ство	Вероис- поведе- ние	Вознаг- ражде- ние, руб. в год
---	----------------------------	----------------	---------------------	--------------------------------

Донецкая железная
дорога

Председатель, пот. поч. гражд. Савва Иванович Мамонтов	1890	Рос.	Правосл.	3000
--	------	------	----------	------

Директоры:

По назн. мин. п. с., действ. ст. сов.	1892	Рос.	Правосл.	5000
--	------	------	----------	------

Алексей Адрианович
Головачев

По назн. мин. госуд. имущества, тайн. сов.	1876	Рос.	Правосл.	5000
---	------	------	----------	------

Владимир Александрович
Иславин

По выбору акционеров:

Действ. ст. сов. инж. п. с.	1888	Рос.	Лютеран.	4000
--------------------------------	------	------	----------	------

Вильгельм Александрович
Шмидт 1-й

Пот. поч. гражд. Александр Васильевич Штром	1891	Рос.	Правосл.	4000
---	------	------	----------	------

Лич. поч. гражд.	1889	Рос.	Правосл.	6000
------------------	------	------	----------	------

Дворянин Александр Васильевич Кривошеин	1891	Рос.	Правосл.	3000
Действ. ст. сов. Петр Николаевич Баташев	1891	Рос.	Правосл.	Не по- лучал

Управление дорогою в Луганске

Управляющий, и.д., кол. асс., инж. п. с. Владимир Александр- рович Кованько	1889	Рос.	Правосл.	12000
--	------	------	----------	-------

Начальники служб:

Ремонта пути и зданий –

Надвор. сов., инж. п. с. Владислав Игнатьевич Стульчинский	1889	Рос.	Рим.- катол.	7000
--	------	------	-----------------	------

Подвижного состава и тяги –

инж. техн. Адам Ромуальдович Стабровский	1878	Рос.	Рим.- катол.	6000
--	------	------	-----------------	------

Движения –

и.д., тит. сов. инж. п. с. Сергей Андреевич Байкин	1889	Рос.	Правосл.	6000
--	------	------	----------	------

Телеграфа –

кол. асс. Петр Карлович Фолькерт»	1887	Рос.	Лютеран.	2400
---	------	------	----------	------

Финансовое состояние Московско-Ярославской дороги было безупречным. К 1891 году ветка до Вологды уже давала прибыль, поэтому железнодорожное Общество именовалось «Московско-Ярославско-Вологодское», а дорога сохраняла название «Московско-Ярославская». Правление находилось в Москве. Его состав опубликован в упоминаемом источнике:

«Название жел. дороги, должностей и лиц	Год избрания или назнач.	Подданство	Вероисповедание	Вознаграждение, руб. в год
---	--------------------------	------------	-----------------	----------------------------

Московско-Ярославская железная дорога

Председатель, пот. поч. гражд. Савва Иванович Мамонтов	1875	Рос.	Правосл.	6000
---	------	------	----------	------

Директоры:

Дворянин	1885	Рос.	Правосл.	4000
----------	------	------	----------	------

Константин Дмитриевич Арцыбушев

Пот. поч. гражд. Николай Иванович Мамонтов	1890	Рос.	Правосл.	4000
--	------	------	----------	------

Николай Иванович Мамонтов

Кандидаты:

Действ. ст. сов. инж. п. с. Валериан Алек- сандрович Титов	1889	Рос.	Правосл.	4000
---	------	------	----------	------

инж. п. с.

Валериан Александрович Титов

Действ. ст. сов. Петр Николаевич Баташев	1890	Рос.	Правосл.	Не по- лучал
--	------	------	----------	-----------------

Действ. ст. сов. инж. п. с.	1891	Рос.	Лютеран.	Не по- лучал
--------------------------------	------	------	----------	-----------------

Вильгельм Алек- сандрович Шмидт 1-й Правитель дел (Управляющий делами),	1889	Рос.	Правосл.	2200
--	------	------	----------	------

лич.поч.гражд. Михаил Константи- нович Старичков Управляющий доро- гою (в Москве) действ. ст. сов. инж. п. с.	1865	Рос.	Лютеран.	12000
--	------	------	----------	-------

Вильгельм Александр-
ович Шмидт 1-й

Начальники служб:

Ремонта пути и зданий –

тит. сов., инж. п.с.	1888	Рос.	Правосл.	5000
----------------------	------	------	----------	------

Семен Петрович

Чоколов

Подвижного состава и тяги –

гражд.	1872	Прусск.	Лютеран.	4560
--------	------	---------	----------	------

г. Гальберштадта

Август Федорович

Вигель

Движения –

Савва Иванович Мамонтов, приняв дело после смерти Ф. В. Чижова, следуя его советам, отказался от услуг зарубежных предпринимателей и начал налаживать отечественное производство всего, что необходимо было для строительства и эксплуатации железных дорог. Им были привлечены к работе известные российские ученые: И. М. Федорович – заведующий кафедрой «Строительное искусство» Императорского Московского инженерного Училища (ныне МИИТ); В. Н. Образцов – инженер Технического отдела (многие годы работал заместителем начальника Службы Пути железной дороги и преподавал на кафедре «Железные дороги», в советское время – академик АН СССР)¹¹; Л. Д. Проскуряков, профессор Училища, известный ученый-мостостроитель, по его проекту был построен мост через реку Которосль у Ярославля и другие мосты по пути в Архангельск; Е. Ютиков – инженер, специалист по строительству деревянных мостов.

С 1875 года по конец июля 1899 года Савва Иванович был бессменным председателем Правления Акционерного общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Директорами Правления были: с 1885 года – Константин Дмитриевич Арцыбушев, с 1890 года – младший брат Саввы Ивановича, Николай; кандидатами на должность директора входили сыновья: в 1895 году – Сергей и в 1896 году – Всеволод. С приходом брата Саввы – Николая Ивановича – в Прав-

¹¹ Каплан А. А. Северная железная дорога. – М.: 1926.

ление Общества братья внесли значительную долю своих капиталов на восстановление Невского механического завода в Петербурге и учредили на паях «Товарищество Невского механического завода», в которое вошли также брат Анатолий Иванович и племянник Иван Федорович. Одновременно они учредили «Общество восточносибирских чугунолитейных заводов» с акционерным капиталом в 3 млн. руб.

Начало истории Мытищинского вагонного завода

В 1896 году у деревни Шарапово потомственным почетным гражданином Саввой Ивановичем Мамонтовым, дворянином Константином Дмитриевичем Арцыбушевым и гражданином Североамериканских Соединенных Штатов Александром Вениаминовичем Бари учреждается «Московское Акционерное общество, Вагоностроительный завод» (ныне Мытищинский машиностроительный завод ЗАО «Метровагонмаш»).

Потребовались кредиты для покупки земли, создания исполнительного проекта, строительства цехов; закупки оборудования, его установки и «привязки» по технологическому процессу.

Выбор места под строительство завода определялся целым рядом причин. По архивным документам и сведениям потомков основателей завода проясняются такие обстоятельства. На близлежащих землях еще до строительства вагонного завода существовали «Домостроительное акционерное общество» и «Северное лесопромышленное акционерное общество», директором которых был Константин Дмитриевич Арцыбушев. А земля, занимаемая строениями этих организаций, была прежде куплена у крестьян Удельного ве-

домства на имя его супруги Марии Ивановны Арцыбушевой (Лахтиной). На месте еще не существовавшей фабрики «Вискоза» К. Д. Арцыбушев имел небольшую паркетную фабрику. Основная продукция «Домостроительного акционерного общества» – столярка – определялась из потребностей в пиломатериалах для дачного строительства, была и своя шпалорезка. Производственные корпуса были построены по проекту архитектора Виктора Александровича Коссова. Правление Акционерного общества находилось в Москве на Новой Басманной, в доме кн. Куракина.

Однако в 1895 году случившийся на заводе пожар уничтожил большую часть строений, оборудование и склады с пиломатериалами. К. Д. Арцыбушев пытался восстановить предприятие, но Савва Иванович Мамонтов предложил другой вариант – объединить капиталы, совместными усилиями построить Вагонный завод и восстановить деревообделочное и столярное производство. Можно было построить Вагонный завод и в другом месте, ближе к Москве. Но не везде можно было купить землю по сходной цене, а за аренду пришлось бы платить втридорога. Предложение С. И. Мамонтова было принято. Землю выкупили по уговорной цене у М. И. Арцыбушевой. В архивных фондах сохранились:

– Прошение в Московское Губернское правление после пожара и восстановления основного здания Северного лесопромышленного акционерного общества... «имею честь покорнейше просить на

восстанавливаемом производстве разрешить начать работы.

Директор К. Д. Арцыбушев».

– Акт освидетельствования деревообделочного и столярного производства, подписанный Исправником и Управляющим Р. Рехневским.

– Справка для доклада господину Московскому Губернатору Московского Губернского Правления I отделения 2-го стола, в которой указано, что в настоящее время это предприятие по причине реконструкции закрыто.

Делопроизводитель В. Падуров.

– Заключение: «Ввиду сего предписать исправнику, что в случае самостоятельного возобновления работ сего завода, своевременно доложить. Дело кончить.

За Вице-Губернатора ст. советник Н. Сергеев

Делопроизводитель В. Падуров

В Московском Государственном архиве имеются документы, подтверждающие развитие дальнейших событий по закупке земли и строительству Вагонного завода.

Интерес представляет «Дело Московского губернского Правления, II-го отделения, 3-го стола. По прошению Московского Акционерного общества Вагоностроительного завода производить работы на заводе у д. Шарапово Московского уезда». Дело начато 9 декабря 1896 года и решено 10

января 1897 года.

Выпись из крепостной книги московского нотариального архива по Московскому уезду 1896 года за № 18:

«г. Москва, Яузская часть, 1-ый участок, в доме Воронина, на Мясницкой...

Жена дворянина, Мария Ивановна Арцыбушева, проживающая в г. Москве, Яузская часть, 2-ой участок, в доме Арцыбушева на Сыромятниках;

Поверенный Правления Московского Акционерного общества, дворянин Константин Александрович Аверкиев, проживающий в Сергиевом Посаде на Нижней улице, в доме Сафонова.

В присутствии свидетелей:

Личный Почетный Гражданин, Петр Егорович Войтехов, проживающий в Москве, Каланчевский переулок, в доме Курова;

Гвардии отставной прапорщик, Аполлон Александрович Бартнер, проживающий в Москве, Мясницкий проезд в доме Воронина;

Крестьянин Московской губернии Дмитровского уезда, д. Машина Дмитрий Яковлевич Голубев, проживающий в Москве, Доброслободский переулок, в доме Васильева.

В присутствии Ивана Алексеевича Рукавишникова – нотариуса Сергиева Посада, имеющего контору на Вифанской улице в доме г.г. Богословских, заключили договор купли-продажи от 1896 года, марта 20-го дня на следующих условиях:

Я, Мария Ивановна Арцыбушева, продала Московскому Акционерному обществу Вагоностроительного завода, из принадлежащей мне усадебной земли, землю с находящимися на ней строениями и состоящую в Московской губернии Мытищинской волости при деревне Шарاپово, в окружной меже.

Земля, всего мерою 13340 кв. сажень, как значится по плану, составленному землемером П. Тихомировым, доставшаяся мне от Общества крестьян Московской губернии и уезда Мытищинской волости мещанки Веры Николаевой; крестьянина Тверской губернии Калязинского уезда, д. Селищи Михаила Филиппова; крестьян Рязанской губ. и уезда села Федякина Мавры Трофимовой, Александры Васильевны и Ивана Васильевича Фоминых по пяти ранее совершенным купчим крепостям.

В межах состоят владения:

Московской уездной Земской больницы – ее (продавицы) Арцыбушевой и купца Шилова;

Шоссейная дорога в село Большие Мытищи;

Владения крестьян Фоминых Общества крестьян д. Шарاپово и земля, ранее проданная Северному лесопромышленному акционерному обществу.

Акт сей, совершенный в конторе Сергиева Посада нотариуса Рукавишника, утвержден старшим нотариусом 24 апреля 1896 г., взысканы установленные пошлины и определено:

Главную выпись на гербовом листе в 312 руб.

по сумме акта купли-продажи 68500 руб.(серебром) выдать, за учинением расчета, поверенному Правления Московского акционерного общества дворянину К. А. Аверкиеву.

Землемером показанная в настоящем акте земля находится в Московском уезде, по плану генерального межевания значится под названием села Тайнинского с селами Большие Мытищи и Болтином и деревнями с количеством земли 9091 десятин 1149 сажен и записана в алфавите Московского уезда под литерой т 7.

По сей купчей крепости деньги 68500 руб. (серебром) получила и купчую передала доверенному заводу К. А. Аверкиеву жена дворянина Мария Ивановна Арцыбушева (урожд. Лахтина)».

Исполняющий дела старшего нотариуса – подпись

С подлинным верно, директор-распорядитель Московского Акционерного общества Вагоностроительного завода

К. Арцыбушев – подпись

Сверял: делопроизводитель Д. Голубев – подпись»

23 января 1896 года Министерство финансов, департамент Торговли и Мануфактур II отделения 2-го стола известили господ учредителей Московского Акционерного общества Вагоностроительного завода С. И. Мамонтова, К. Д. Арцыбушева и А. В. Бари:

«Государь Император, по положению Комитета Министров, высочайше повелеть соизволил разрешить Вам учредить акционерное общество под наименованием: «Московское Акционерное общество,

Вагоностроительный завод»^[15] на основании Устава, удостоверенного Высочайшего рассмотрения и утверждения в С.-Петербурге в 12 день января 1896 года.

Департамент Торговли и Мануфактур уведомляет о сем Вас присовокупляя, что о таком Высочайшем повелении донесено вместе с сим за № 2055 Правительствующему Сенату с представлением Устава Акционерного общества для надлежащего опубликования. При этом Департамент предлагает доставить:

– Список всех лиц, принявших участие в предприятии:

– Засвидетельствованную установленным порядком копию с протокола первого общего собрания с указанием времени и места собрания, всех участвовавших в собрании лиц, числа акций и голосов, принадлежащих каждому в собрании, а также лиц, избранных в члены правления и числа голосов, которым произведено их избрание;

– Десять экземпляров Устава Акционерного общества по отпечатании оною.

Вице-директор В. Михневич – подпись

Нач. II отделения В. Сибилев – подпись

С подлинным верно, директор-распорядитель Московского Акционерного общества Вагоностроительного завода

К. Арцыбушев – подпись

Сверял: делопроизводитель Д. Голубев – подпись»

Таким образом Устав акционерного общества был высочайше утвержден в С.-Петербурге в 12 день января 1896 года, где были определены цель учреждения общества, права и обязанности учредителей. Всего в Уставе 69 параграфов. Подписал Устав министр финансов С. Ю. Витте, скрепил подписью директор департамента Торговли и Мануфактур В. Ковалевский.

По окончании оформления вышеперечисленных документов было получено

«Разрешение Московской Управы и Московской Уездной Земской Управы на производство работ на Вагоностроительном заводе с предоставлением актов осмотра машин и оборудования, актов освидетельствования паровых котлов от московского исправника; актов санитарного состояния, необходимого освещения и вентиляции, а также список всего оборудования на заводе.

Член Управы – Кирхгоф

Санитарный врач – В. Богословский

Ст. фабр, инспектор Московской губ. – К. Агеев

Московский исправник – подпись

Пристав – подпись»

На основании Устава 18 декабря 1897 года были разработаны и введены расчетные книжки, где были оговорены условия работы при найме рабочих и служащих (некоторые пункты):

«— работы начинаются в будние дни в 7 утра и оканчиваются в 7 вечера, по субботам работы оканчиваются на 1 час раньше, перерыв на обед с 12 часов до 2 часов дня (для обеда вне завода);

— в воскресенье работ не производится;

— для праздников — особое расписание;

— лица моложе 15 лет на работу не принимаются;

— наказания за прогулы, появление на работе в нетрезвом виде, за распитие спиртных напитков в рабочее время, нарушение трудовой дисциплины, порчу инструмента или изделий, нарушение правил пожарной безопасности;

— заработная плата со всеми вычетами и т. д.

— трудовые споры решать в судебном порядке.»

Все документы прошли необходимое согласование с основными положениями Промышленного Устава и скреплены подписями:

*Председатель департамента Торговли и Мануфактур —
подпись*

За Губернатора,

вице-губернатор кн. В. Голицын — подпись

Нач. Моск. губ. жандармского управления Середа — подпись

Прокурор Московского окружного суда Обнинский — подпись

Окружной фабричный инспектор Янжул — подпись

Оплачиваемые отпуска в Уставе не упоминаются за отсутствием самого понятия. Однако рабочие имели право по семейным обстоятельствам брать отпуск без содержания, а также было установлено расписание праздников, в которые

работ на заводе не производилось (даты по ст. ст.):

1 января – Новый год, 6 января – Богоявление Пэсподне, 2 февраля – Сретение Пэсподне, 25 марта – Благовещение Пресвятой Богородицы, 9 мая – Св. Николая Чудотворца (летний), 29 июня – Св. Апост. Петра и Павла, 20 июля – Св. Пророка Ильи, 6 августа – Преображение Господне, 15 августа – Успение Пресвятой Богородицы, 29 августа – Усекновение Гл. Иоанна Предтечи, 8 сентября – Рождество Пресвятой Богородицы, 14 сентября – Воздвижение Креста Господня, 1 октября – Покров Пресвятой Богородицы, 22 октября – Казанской иконы Божией Матери, 21 ноября – Введение во храм Пр. Богородицы, 6 декабря – Св. Николая Чудотворца (зимний), 24 декабря – Рождественский Сочельник, – по 1 дню; 25, 26, 27 декабря – Рождество Христово – 3 дня.

На переходящие праздники: Сырной недели: пятница и суббота – 2 дня; Страстной недели: четверг, пятница, суббота – 3 дня; Святой пасхи – 4 дня; Вознесение Господне и День Сошествия Св. Духа (Духов День), – по 1 дню. Всего 31 день.

Представляют интерес некоторые выдержки из расчетной книжки рабочих Акционерного общества Вагоностроительного завода от 18 декабря 1897 года:

«Табель взысканий с рабочих Мытищинского Вагонного завода.

За прогул	с получающих поденную плату	с получающих сдельную плату
1 день	жалов. за 1 день	1 руб.
2 дня	жалов. за 2 дня	2 руб.
3 дня и более	жалов. за 3 дня	3 руб.

Сверх того у рабочего удерживается заработная плата за прогульное время.

Договор найма может быть расторгнут заведующим заводом вследствие неявки рабочего на работу более 3-х дней кряду или, в общей сложности, более 6-ти дней в месяц без уважительных причин (Ст. 105 Промышленный Устав).

Уволенному на основании сей Статьи с завода рабочему предоставляется в течение месяца расторжение договора обжаловать суду, который, если признает жалобу основательной, постановляет о вознаграждении рабочего за понесенные им убытки.

Управляющий заводом инженер-механик П. Юденков

Утверждаю – фабричный инспектор Московской губ. К. Агеев»

Основной капитал «Московского Акционерного общества Вагоностроительный завод» был определен в размере 1, 5 млн. рублей. Петербургский Коммерческий международ-

ный банк по размерам кредита имел 1259 акций, Московский Купеческий банк – 750 акций. Учредителям акционерного общества принадлежало 40 % акций. С. И. Мамонтов имел наибольшее число акций (850 – вместе с другими членами семьи) и был избран Председателем Правления акционерного общества. К. Д. Арцыбушев имел 600 акций – он был избран первым директором-распорядителем с окладом 8 тысяч рублей в год. А. В. Бари имел также 600 акций и принял на себя исполнительный проект по строительству завода и оснащению его оборудованием.

На строительство производственных корпусов было выделено 1, 1 млн. рублей. А. В. Бари пригласил архитектора Эгмонта Оттоновича Паррота¹², который разработал проект с учетом технологических особенностей завода; он же осуществлял руководство строительством и авторский надзор в течение всего периода стройки. Кирпич поставлялся с Мытищинских заводов Челноковых и Герасимова, а так же с завода Худякова (Софрино), о чем красноречиво свидетельствуют клейма в кирпичной кладке старых корпусов.

По образованию Э.О. Паррот был военным инженером, он жил в Москве у Чистых прудов в Потаповском переулке, в 5 минутах ходьбы от дома А. В. Бари.

В сентябре 1895 года в «Строительную контору А. Бари» пришел инженер-механик Моисей Григорьевич Кларнет, в 1893 году окончивший механическое отделение Рижского

¹² Рогачев А. В. «Московские зодчие». Справочник. – М.: 1997.

политехникума. М. Г. Кларнет получил хорошую профессиональную подготовку, слушая механику у Грюблера; занимался проектированием у Молля и Арнольда. Как писал «Вестник инженеров» в № 3–4 за 1924 год: «В Москве Моисей Григорьевич, после долгих мытарств, поступает в Бюро по составлению исполнительного проекта Вагонного завода в Мытищах. Бюро это находилось при Правлении Московского Акционерного общества Вагоностроительного завода, одним из учредителей коего был известный инженер А. В. Бари. Он принял Моисея Григорьевича без каких-либо рекомендаций, а лишь на основании личного впечатления, и не ошибся». С 1895 по 1897 г., до окончания строительства Вагонного завода, М. Г. Кларнет работал инженером в конторе А. В. Бари по строительству и оснащению оборудовани-ем завода: занимался составлением расчетов и рабочих чертежей всевозможных установок, трансмиссий, гидроприводов, воздухопроводов, нефте- и водопроводов, горнов, печей и т. д. Он отличался исключительной работоспособностью и деловой сметкой, что позволило сдать завод «под ключ» в невероятно короткие сроки.

По тем временам завод был оснащен самым современным оборудованием. И до сего дня работают прессы в кузнице, трансбордер в старом вагоноборочном цехе, мостовой кран в отделении крупных штампов инструментального цеха – ровесники завода.

Петр Петрович Кончаловский^[16], прадед известных Ники-

ты и Андрона Михалковых-Кончаловских, оставил нам описание завода того времени:

«Возле самой станции Мытищи громоздятся ряды каменных корпусов с высокими трубами, башнями и стеклянными крышами; между этими корпусами проложены сети рельсов, соединяющих эти колоссальные постройки, составляющие принадлежность двух заводов: одного Лесопильного и деревообделочного, принадлежащего Северному лесопромышленному акционерному обществу и другого Вагоностроительного, принадлежащего так называемому Московскому акционерному обществу.

Еще нет года, как началась постройка обоих заводов, а между тем оба уже почти готовы и некоторые их отделения находятся в полном ходу. Лесопильный и деревообделочный завод доставляет на вагоностроительный все необходимые деревянные части для вагонов, на заводе работают до 600 человек.

Здания Вагоностроительного завода занимают площадь в 6 десятин земли и состоят из четырех главных корпусов, в которых помещаются: чугунолитейный цех, кузницы, механический цех и вагоносорочный. Кроме того, в отдельном корпусе устроены паровые котлы, нагревающиеся нефтью, и в другом огромном помещении магазин для склада материалов. Все здания освещаются электричеством и отапливаются паром.

Станки чугунолитейного цеха и кузниц приводятся в дви-

жение электричеством. Всех огней в кузнице 60, молотов 9, из них паровых 6 и приводных 3. Тут же находится уникальный американский кузнечный пресс для штамповки различных вагонных частей. В литейном цехе машинная формовка производится при помощи гидравлического давления.

Механический цех снабжен специальными станками новейшей конструкции; причем во всех корпусах и мастерских завода подъемные средства для различных тяжелых материалов и выделанных вагонных частей доведены до высшей степени совершенства.

Корпус вагоносорборочного цеха обращает на себя внимание такой же колоссальностью и такими же техническими совершенствами постройки. Он занимает площадь в 0, 5 десятины земли и, кроме громадных окон, освещается сверху четырьмя стеклянными фонарями, идущими в четыре ряда поперек всей крыши здания. В этом здании можно разом собирать десять вагонов в сутки. Для вывода готовых вагонов здесь устроены рельсы, по которым вагоны выводятся при помощи электрической тележки, подающей вагоны прямо к станции.

Все описанные здания имеют внутренние и внешние пожарные краны и снабжаются водой из самостоятельного водопровода, устроенного от реки Язуы. Телефон соединяет все корпуса завода между собой и с конторой завода, а последняя соединена телефоном с Москвой. Вагоностроительный завод рассчитан на изготовление до 3000 товарных ва-

гонов в год с числом рабочих до 1500 человек.»

22 мая 1897 года, в день Святителя Николая Чудотворца, состоялось официальное торжественное открытие и освящение завода. По воспоминаниям А. М. Дашевского¹³:

«При открытии завода был обед отдельно в конторе для служащих, отдельно в сборочном цехе для рабочих. Разрешалось унести порцию домой... состав ее: 100 г вина, бутылка пива, 200 г телятины, фунт копченой и фунт вареной колбасы, большой пирог с мясом, такой же с вареньем, огурец; а также хрустальный бокал, салфетка чистого полотна (аршин на аршин), бумажная салфетка с датой «1897», вилка и ложка. У служащих было и шампанское. Отслужили молебен, играла музыка. Певчие пели с 10 часов утра до 2 часов дня.»

По приглашению Саввы Ивановича Мамонтова, который был известен музыкальной общественности как «знаток и коллекционер» прекрасных голосов, в освящении завода принимал участие диакон Константин Васильевич Розов^[17] (неимоверной красоты голос, бас-профундо).

При исполнении чина Освящения К. В. Розов строго соблюдал установленные традиции церковнобогослужбной музыкальной культуры. Как пишет о своем отце Л. Розова¹⁴,

¹³ Дашевский А. М. Мытищинский пролетариат в первой русской революции 1905–1907 г.г.

¹⁴ Розова Л. К. Великий архидиакон. Изд. отдел Московского Патриархата. – М.: 1994.

«собиратели редких голосов России обратили внимание на певческий талант Константина Васильевича еще в Симбирске и часто приглашали его на службу в Москву».

В 1898 году Высокопреосвященнейшим митрополитом Московским и Коломенским К. В. Розов был «определен на штатное диаконское место к Московскому Кафедральному Христа Спасителя Собору»..., а 8 ноября 1902 года он был определен также к Большому Успенскому Собору и возведен в сан протодиакона. В 1903 году императорская семья присутствовала на богослужении с участием протодиакона Розова в Большом Успенском Соборе. После чего «Всемилоостивейше пожаловано ему из кабинета Его Императорского Величества золотые часы с золотой цепью». В 1921 году, 19 сентября, в Москве торжественно отмечалось 25-летие священного служения Церкви архидиакона К. В. Розова. Торжество возглавлял Святейший Патриарх Тихон, который пожаловал Константину Васильевичу звание Великого Архидиакона.

Семья К. В. Розова жила в Москве, на Воздвиженке. Дачу снимали в поселке Клязьма по Ярославской железной дороге. Как вспоминает Л. К. Розова, «...немало слухов, небылиц и легенд о Розове существовало в его время... Едем мы с отцом на дачу поездом. В вагоне идет беседа: один пассажир рассказывает о встрече с Розовым, о силе этого богатыря не только голосом, но и возможностью «лихо» выпить. Подъезжая к станции Клязьма, папа встал и громко сказал: «Я Ро-

зов, но лично с Вами никогда не выпивал». Рассказчик замер, а мы вышли из вагона».

В послереволюционное время семья бедствовала, но К. В. Розов продолжал благотворительную концертную деятельность^[18]. Скончался Константин Васильевич от сердечного приступа в марте 1923 года, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Кроме Мытищинского вагонного завода к 1900-му году в сферу забот Саввы Ивановича входили с 1890 года бывшие казенные горнорудные заводы Томской губернии в Алапаевске (управляющим Алапаевского завода служил Илья Петрович Чайковский – отец будущего композитора Петра Ильича Чайковского), чугунолитейные в Нижнеудинске Иркутской губернии, Невский механический завод в Петербурге, домостроительные акционерные общества в Петербурге и Москве, лесопромышленные предприятия в разных частях страны. Размах деятельности Саввы Ивановича был огромен.

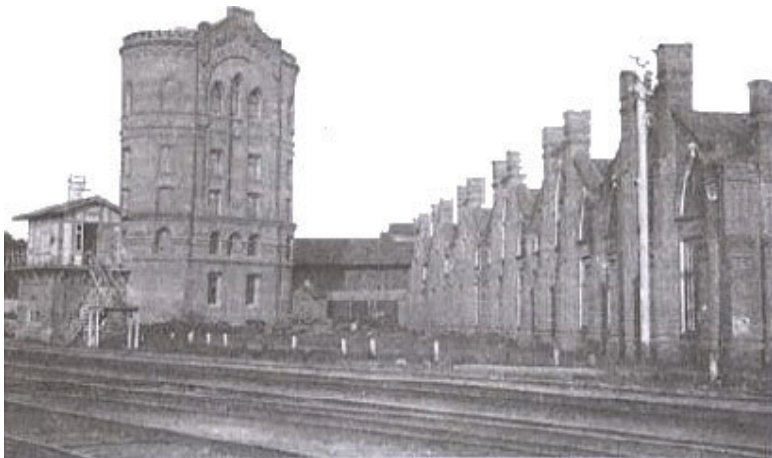
Конец XIX века – время начала реализации идеи хозяйственного и культурного освоения российского Севера. Савва Иванович думал о том, чтобы продукция всего комплекса заводов служила для бесперебойной работы разветвленной сети железных дорог на всем пути от Москвы до Архангельска с перспективой развития поперечного направления – дороги от Вятки, через Вологду до Петербурга и далее на польский город Калиш, чтобы соединить это направление с

Западно-Европейскими железными дорогами.

За время правления С. И. Мамонтова в этом огромном промышленном конгломерате происходили события, приводной ремень, как и тормоз которых, был в руках всесильного министра финансов Сергея Юльевича Витте.

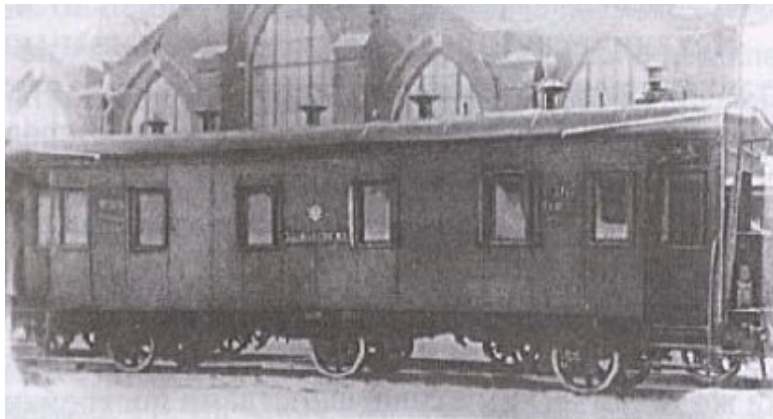
Служащие, рабочие и «ученики» в день официального открытия Вагонного завода у Народного дома (22 мая 1897 года)

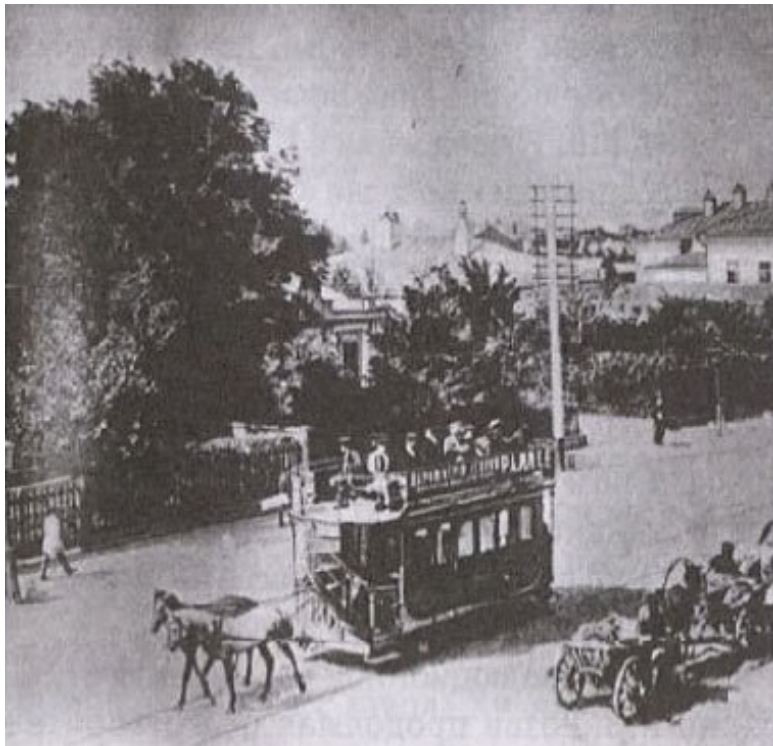
Диспетчерская и водонапорная башня, принадлежавшие железной дороге. Справа корпуса литейных мастерских завода.

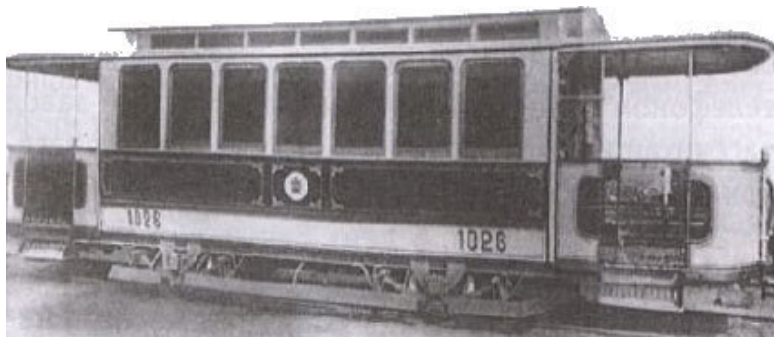
«Швеллерный» цех. Во время Великой Отечественной войны – административный корпус (сгорел во время пожара 1969–1970 гг.)

Пассажирские, почтовые и различные грузовые вагоны – основная продукция завода.

Московская конка – трамвай конца XIX – начала XX века.

Трамвайные прицепные и ведущие вагоны

Реформатор России на рубеже XIX–XX веков

С. Ю. Витте (1849–1915) окончил в Одессе Новороссийский университет, двадцать лет проработал в крупных железнодорожных компаниях, досконально изучил профессиональные обязанности движенцев, путейцев, коммерческих специалистов. В сорокалетнем возрасте он перешел на государственную службу, возглавил и реформировал Департамент железных дорог при Министерстве финансов. Написал фундаментальный труд «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов». В 1892 году его назначили министром путей сообщения и в этом же году С. Ю. Витте стал министром финансов. Распорядитель финансов во всех сферах хозяйственной жизни страны являлся влиятельным чиновником и прежде, но при С. Ю. Витте Министерство финансов приобрело исключительное значение в разработке и осуществлении экономической политики России.

В последнее десятилетие XIX века, на которое приходится самый пик деловой активности Саввы Ивановича Мамонтова и Сергея Юльевича Витте, произошло их знакомство.

С. Ю. Витте был инициатором важнейших преобразований, подвигнувших Россию на рельсы бурного развития капитализма. Сергей Юльевич отличался особыми способно-

стями математика-аналитика, виртуозно решал в уме сложнейшие задачи. Со своим предшественником, экс-министром финансов И. А. Вышнеградским (инженером по образованию, профессором практической механики Петербургского Технологического института) он, Витте, любил упражняться в решении задач относительно дробных чисел с большим количеством знаков.

После крушения царского поезда в Борках (1888 г.) Сергей Юльевич, в то время начальник эксплуатации Юго-Западных железных дорог, немедленно прибыл на место аварии, осмотрел балласт, путь, узнал зафиксированную скорость движения и через минуту вычислил, что при такой скорости произошло превышение удельного давления колесной пары на место стыка рельсов. Вывод комиссии, расследовавшей крушение, подтвердился – недопустимое превышение скорости движения состава.

Впрочем, по «Воспоминаниям» С. Ю. Витте¹⁵, он вызывался в следственную комиссию лишь в качестве свидетеля. Из тех же «Воспоминаний» можно процитировать и методы С. Ю. Витте в поисках «козлов отпущения», благодаря которым сам он всегда оставался чистеньким: «Из Петербурга был прислан А. Ф. Кони для расследования этого случая. По-видимому, Кони очень хотелось, чтобы в этой катастрофе была виновата администрация дороги, чтобы было виновато управление дороги, поэтому ему ужасно не нравилась

¹⁵ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. (1849–1911 гг.) М., 1991, с. 141

моя экспертиза. Он хотел, чтобы экспертиза установила, что было виновато не управление поезда, не инспектор императорских поездов, не министр путей сообщения, а чтобы было виновато управление дороги. Я же дал заключение, что виновато исключительно центральное управление – министерство путей сообщения, а также виноват инспектор императорских поездов. Результат расследования этой катастрофы был следующий: через некоторое время министр путей сообщения К. Н. Посьег должен был выйти в отставку. Главный инспектор железных дорог барон Шерваль также должен был выйти в отставку... Государь с этими лицами расстался без всякой злобливости...» (с подачи С. Ю. Витте – прим. авт.).

С подобными приемами Витте Мамонтову придется столкнуться на собственном горьком опыте, о чем будет сказано далее.

По характеру С. Ю. Витте был жестким человеком. Холодная расчетливость и немногословность определяли его поведение. Сергей Юльевич никогда не поддавался эмоциям, художественный энтузиазм был ему совершенно чужд, но Савва Иванович ему импонировал и даже определенно нравился. Очевидно, по контрасту с официальным типовым окружением министерства. Витте сразу выделил Мамонтова из всех предпринимателей и чиновников Департамента железных дорог.

Савва Иванович – человек увлеченный и увлекающийся, искренний, с душой, открытой для добра, безоговорочно по-

верил в прогрессивность и действенность мероприятий нового министра. Мамонтов активно вел переговоры о возможности получения кредитов для продолжения строительства Московско-Ярославской дороги до Архангельска, для восстановления Невского завода, завода в Нижнеудинске, Алапаевского завода. С. Ю. Витте обещал С. И. Мамонтову новую концессию на строительство дороги (Вятка – Вологда – Петербург), но с условием, что Савва Иванович вытянет перечисленные заводы из руин финансовых и производственных. Заводы были очень важны для страны.

В 1890 году С. И. Мамонтов взвалил на себя эти махины-развалины. Он думал о будущем, о создании единого концерна: Невский завод – предприятие оборонного значения; Нижнеудинский – это чугунное литье, полуфабрикаты для Невского; Алапаевский завод – руда для Нижнеудинского завода.

Свой металл, свои рельсы, свои шпалы, свои паровозы. В мыслях уже намечалось строительство вагонного завода. Для дороги нужны были товарные и пассажирские вагоны, а также запасные части к ним.

Для первых железных дорог в России^[19] паровозы закупались в большинстве случаев в Англии, Франции, Германии...

С. И. Мамонтов помнил, что еще в 1870 году вышло правительственное постановление о запрещении закупки паровозов за границей. Но, чтобы привлечь российских пред-

принимателей к отечественному производству, было выделено из государственной казны 2, 5 млн. рублей для поддержки реального дела. Савва Иванович надеялся на правительственную поддержку и с присущей ему кипучей энергией принялся за дело.

Он выкладывается в своих финансовых возможностях, чтобы быстрее достроить железную дорогу до Архангельска и поднять в первую очередь на ноги Невский завод, на котором до него уже было выпущено 1500 паровозов. Но дальнейшее их производство было прекращено по причине финансового краха завода.

С. И. Мамонтов решил восстановить паровозостроение. Но сначала необходимо было наладить производство быстрокупаемых металлоконструкций. Поэтому стали изготавливать мосты, стропила, подъемные краны, резервуары, газгольдеры, цистерны. Для военно-морского ведомства были выполнены заказы по изготовлению броненосной батареи «Кремль»; фрегатов «Адмирал Спиридов», «Адмирал Чичагов», «Генерал-Адмирал», «Минин»; мониторов «Лава», «Перун» и других морских и речных судов, буксиров, миноносцев, клиперов и т. д. Выпускались паровые машины и котлы для судов. Стальное литье организовали на самом заводе, помимо мартеновского способа, способом Тропенаса. Для нужд Московско-Ярославской дороги стали выпускать запасные части, которых при той интенсивности движения не хватало.

Каких усилий стоило это Савве Ивановичу!

Донецкая дорога долгое время считалась малопродуктивной. Магистральные дороги принадлежали мощным компаниям в главе с Поляковыми, К. фон Мекк и П. фон Дервиз. Для них мамонтовская Донецкая дорога была бельмом в глазу. Малопродуктивность этой дороги искусственно поддерживалась ими за счет «подставок»: минуя Донецкую дорогу, уголь вывозили по более дорогим подрядам до магистральных дорог гужевым транспортом. Даже в Николаев уголь доставляли на лошадях, лишь бы не по Донецкой дороге.

Савве Ивановичу пришлось расстаться с дорогой за бесценок. Ее тут же купили упомянутые лица. Все, что было выручено за Донецкую дорогу, Мамонтов вложил в Невский завод (таково было условие С. Витте), но этих денег не хватало на реконструкцию и развитие завода. Савва Иванович понимал, что рискует, но не видел другого пути, как перевести нужные деньги из кассы Московско-Ярославско-Архангельской дороги на Невский и Нижнеудинский заводы. Он не скрывал своих действий. С. Ю. Витте тоже прекрасно понимал, что бухгалтерия дороги совершает нарушения не ради наживы хозяев, а ради государственной пользы; видели и молчали служащие и более поздние акционеры – Солодовниковы, Грачевы, братья Джамгаровы.

Мамонтов надеялся на обещание Витте относительно получения концессии на строительство новой дороги. В этом случае он мог быстро вернуть в кассу Московско-Ярослав-

ской дороги, средства которые он вложил на окончание строительства дороги до Архангельска^[20] и на реконструкцию Невского и Нижнеудинского заводов.

1894 год... Витте пригласил Мамонтова принять участие в ознакомительной поездке вдоль Кольского полуострова, чтобы лично убедиться в необходимости окончания строительства дороги до Архангельска и в перспективе будущего строительства незамерзающего порта в Мурманске для военно-морского флота России. В состав группы вошли эксперты по экономическим, транспортным и морским проблемам. Со временем предполагалось провести в Мурманск железную дорогу через Карелию. Поездка оказалась полезной и для Витте, и для Мамонтова.

Сохранилось письмо Саввы Ивановича, в котором он восторгается российским Северным краем и характеризует С. Ю. Витте как государственного чиновника, подававшего ему большие надежды на сотрудничество:

«Четверг 16 июня 1894 года. 1 час дня, сто верст до Архангельска. Вчера принялись меня уговаривать ехать в кружной путь с министром, т. е. на Мурман и кругом до Норвегии. Из Москвы я выехал с твердым намерением возвратиться вспять из Архангельска, т. к. не рассчитывал на впечатление, которое сделал на меня Север. Теперь это путешествие улыбнулось мне, и я на приглашение Витте согласился... Надеюсь, что, кроме большого удовольствия видеть далекий

Север, я вынесу из поездки такую пользу, которая может отразиться благоприятно и на наших детях. Возвращаясь к характеристике Витте. Прежде в министрах я ранее делового и умного человека всегда видел царедворца и высокую чиновную особу, а теперь совсем иное. Витте отлично умеет себя держать и министр сразу виден, но в то же время чувствуешь сразу и ум и дело – и постоянная реальная забота. О нем говорят, что он все делает слишком бойко и скоро может напутать, это неправда. Голова его постоянно свежа и работает без усталости, а потому и решение скорое и обдуманное до мелочей. На пустяки и пустословие у него нет времени, чего про других царедворцев сказать нельзя. Витте очень правдив и резок, и это в нем чрезвычайно привлекательно...»

Вот такое впечатление производил Сергей Юльевич на Савву Ивановича. Но, знал бы он, что будет через пять-шесть лет? А пока... С. Витте выполнил свое обещание.

Савва Иванович получил концессию на строительство дороги Вятка – Вологда – Петербург. Это обещало солидные прибыли и покрытие задолженностей в кассе Московско-Ярославской дороги. Указ Государственного Совета и последующая подпись Николая II подтвердили права Мамонтова на получение концессии на законных основаниях. Акции общества пошли вверх, доходы акционерного общества железных дорог составили более 5 млн. руб. в год. Перспектива виделась обнадеживающей. Определилось место

для строительства вагонного завода в Мытищах.

1896 год... Пока К. Д. Арцыбушев занимался текущими делами по формированию состава «Акционерного общества, Вагоностроительный завод» в Мытищах, С. И. Мамонтов был занят подготовкой к Всероссийской художественной и промышленной выставке в Нижнем Новгороде, которую предполагалось разместить рядом со знаменитой Нижегородской ярмаркой.

14 мая 1896 года в Москве состоялось коронация Николая II и Императрицы Александры Федоровны. После коронационных торжеств была намечена дата открытия Нижегородской выставки – 28 мая того же года.

В день коронации императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Крайний слева стоит Сергей Юльевич Витте

Официально выставка именовалась «XVI Всероссийская торгово-промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде». На строительство выставочного комплекса из государственной казны было выделено 3 млн. руб., на благоустройство города – 1 млн. руб. Обустройством города занимался Андрей Иванович Дельвиг.

На площади свыше 80 гектаров в 120 павильонах были представлены достижения российских предпринимате-

лей, казенных заводов, культурных центров, в которых предполагалась большая культурная программа. Все павильоны были электрифицированы. В строительстве павильонов принимали участие лучшие российские архитекторы – А. М. Померанцев, Л. Н. Бенуа и другие. Из частных павильонов обращали на себя внимание здания с панорамами заводов и нефтепромыслов Баку акционерного общества «Товарищества Бранобель»; комплексы зданий павильонов «Производства фабрично-заводские и ремесленные», «Строительное и инженерное дело, морское и речное торговое судоходство», водонапорная башня и павильоны, изготовленные «Строительной конторой А. В. Бари» по проектам одного из передовых инженеров России – В. Г. Шухова.

Савва Иванович Мамонтов построил и оборудовал павильон российского Севера, в котором разместил экспозицию о необыкновенных богатствах этого края.

Павильон Художественного отдела был построен «Товариществом Московского Металлического завода» (бывш. Ю. П. Гужона, ныне «Серп и молот»). Расчет металлоконструкций и проект здания был выполнен талантливым инженером Николаем Григорьевичем Риттером.

С. Ю. Витте, уже знавший С. И. Мамонтова, поручил ему неофициальный догляд за культурной программой выставки. Но была и специальная отборочная комиссия, которая отвечала за экспозицию художников. Она обратила особое внимание на необычные работы выдающегося художника М.

А. Врубеля^[21] «Микула Селянинович» и «Принцесса Греза». Маститые академики живописи, стоявшие во главе комиссии, упорно не хотели видеть и понимать – что изображено на эскизном панно! М. А. Врубель был подавлен бурной реакцией руководителей от искусства на свое творчество и испытывал особую неловкость перед Саввой Ивановичем, который был инициатором представления в отборочную комиссию Нижегородской выставки этих работ. Что было делать в такой щекотливой ситуации? И вот Савва Иванович решился на поступок величайшей дерзости и независимости – взял на себя ответственность за пропаганду одного из направлений в живописи. Он оплатил Врубелю заказанную работу и распорядился выстроить рядом с выставочной территорией специальное помещение для показа врубелевских работ, отвергнутых академическим начальством. Там были выставлены и другие работы М. А. Врубеля, устраивались концерты классической музыки. Благодаря усилиям С. И. Мамонтова на Врубеля обратили внимание, о нем заговорили. Здесь же впервые состоялся как оперный певец и Федор Иванович Шаляпин.

Все замыслы Врубеля с эскизов были перенесены на панно его друзьями В. Д. Поленовым и К. А. Коровиным. Сам Савва Иванович получил на выставке золотую медаль за изделия своей керамической мастерской.

Технические новинки и изобретения также представляли интерес. На выставке демонстрировался первый россий-

ский автомобиль конструкции П. А. Фрезе и Е. А. Яковлева, а также трактор на гусеничном ходу с паровым двигателем. Создатель трактора – механик-самоучка Федор Абрамович Блинов. Им была впервые в мире разработана оригинальная ходовая система поворота машины за счет забегания одной и отставания другой гусеницы. Этот экспонат был отмечен Похвальной грамотой выставки, в которой значилось: «Завод-изготовитель – Чугунолитейный и механический завод Блинова, село Балаково Саратовской губернии». 1896 год принято считать годом начала отечественного тракторостроения.^[22]

Николай II прибыл на выставку и осматривал экспозиции павильонов с 17 по 20 июля. Не обходилось и без курьезов, как пишет в своих записках Г. Б. Ефимов, правнук А. Бари:

«На Нижегородской выставке, накануне ее открытия и приезда Николая II, вдруг прошел сильный град и побил большую часть стекол в световых фонарях на крыше одного из павильонов. Что делать? Вставить новые уже не успеть. Александр Вениаминович решил: «Выбьем остальные, авось завтра будет погода!». И сам полез вместе с рабочими на крышу выбивать остатки стекол. Успели выбить и убрать. На завтра погода выдалась отличная, посетители ничего не заметили. Государь похвалил «чистоту» стекол. В последующие дни без спешки вставили новые. Рабочие были в восторге: «Рисковый хозяин, решителен, да удачлив. А узнал бы царь, что тогда?!»

Упоминавшийся Павел Бурьшкин в своих мемуарах не обошел вниманием и другие курьезы: «На Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 года ярмарочное и, прежде всего, московское купечество хотели подчеркнуть, какую важную роль они играют, являясь оплотом торговли и промышленности могущественной России. Одним из внешних проявлений этой тенденции явилась организация почетной охраны Государя в то время, когда он приезжал осматривать выставку. 27 детей из московского и нижегородского родовитого купечества составили отряд рынд (почетной охраны), одетых в красивые белые кафтаны с секирами на плечах. Молодые люди были подобраны один к одному. Костюмы были очень дорогие. У многих были подлинные серебряные секиры. Словом, отряд производил внушительное впечатление и всем очень понравился. Понравился он и Государю, который решил проявить к рындам свое внимание. Обратясь к одному из них, он спросил:

– Как твоя фамилия?

– Шульц, Ваше Императорское Величество, – последовал немедленный ответ.

И действительно, это был Андрей Иванович Шульц, в будущем маклер по учету при Московской бирже, очень красивый человек, а в молодости, как говорят, напоминал юного греческого бога.

Тогда Государь обратился к другому с тем же вопросом:

– Ну, а твоя фамилия?

– Ценкер, Ваше Императорское Величество, – ответил вопрошаемый.

Государь несколько смутился и наудачу спросил еще одного:

– А ты как называешься?

– Кноп, Ваше Императорское Величество.

Государь фамилий больше не спрашивал, но спросил еще одного из рынд:

– А что работает ваша фабрика?

Тот, в смущении, вместо того, чтобы сказать «ситец», назвал свою фамилию:

– Чичец, Ваше Императорское Величество.

На этом и кончилось общение царя с рындами. Этот эпизод считали символом немецкого засилья в купеческой Москве и довольно много, хотя и добродушно, над этим случаем посмеивались.»

За 125 дней работы выставки ее посетили 991.033 человека, экспонентов было представлено более 9700. Студенты и рабочие посещали выставку бесплатно.

Закрытие Всероссийской художественной и промышленной выставки состоялось 1 октября 1896 года. Эксперты доложили правительству свои впечатления и были подведены итоги ее работы.

К концу года С. Ю. Витте во всеподданнейшем докладе Николаю II отметил многих выдающихся экспонентов, в том числе и С. И. Мамонтова. Сергей Юльевич уведомил Савву

Ивановича любезным письмом:

*«1 января 1897 г. Его Высочородию С. И. Мамонтову
Милостивый Государь Савва Иванович*

*Государь Император, по засвидетельствованию
моему об отлично-усердной и полезной деятельности
Вашей, Всемилостивейше соизволил в день 1 января
сего года пожаловать Вам орден Св. Владимира 4-й
степени.*

*Поздравляя Вас с таковою Монаршиюю милостию,
прошу принять уверение в совершенном моем уважении
и преданности.*

С. Витте»

Естественно, при таких уверениях Савва Иванович воспринимал Сергея Юльевича как благодетеля и единомышленника. Да и что говорить, когда многие ученые и инженеры, чиновники и предприниматели по первым впечатлениям были в восторге от ясной головы лучшего министра двух последних российских императоров.

Однако... С. Витте, как человек проницательный, понял, что С. И. Мамонтов с его энергией и упорством может не только проложить дорогу через топи и болота к Архангельску, но и разрешить невероятной трудности инженерные и финансовые проблемы. Тогда он может стать одним из крупнейших предпринимателей, в чьих руках, возможно, будущее страны. В таком внутреннем противостоянии с Мамонтовым Витте был готов на все – лишь бы удержаться у власти. Первая же возможность представилась.

Возникла ситуация, когда решалась судьба самого С. Витте. Дело в том, что для строительства базы военно-морского флота существовало 2 проекта: первый – строить на Балтике в городе Либава, и второй (самого Витте) – в Мурманске. В свое время Александр III поддержал проект Сергея Юльевича и этим обнадежил его. Но вступивший в 1896 году на престол Николай II, благосклонно выслушав очередной всеподданнейший доклад министра финансов, задумался и как-то не очень уверенно поблагодарил С. Витте. Сергей Юльевич насторожился, но был спокоен за свой проект и возвратился в министерство. Через короткое время Сергей Юльевич узнает, что государем подписан указ на строительство порта не по его предложению, а – в Либаве!

Как быть? По тогдашним правилам следовало подавать прошение об отставке. Репутация С. Витте резко пошатнулась.

Но нет, смириться с падением своего авторитета, а не дай бог, и с лишением карьеры, Сергей Юльевич не мог.

Если внимательно читать его мемуары, то обнаруживается любопытный феномен – на каждые 100 страниц текста местоимение «я» С. Витте упоминает до 500 раз. Оскорбленное самолюбие так и сквозит через все три тома:

«Чувство «Я» есть одно из чувств, наиболее сильных в человеке. Люди в отдельности или в совокупности всегда будут бороться насмерть за сохранение своего «Я». Оно организует и двигает все.»

Можно привести и еще несколько отрывков из его «Воспоминаний» по крупным делам. Именно в них он раскрывается во всей полноте своей натуры – амбициозный, властолюбивый, с болезненным самолюбием. . . А заодно и сравнить его характеристики Николаю II, меняющиеся в зависимости от ситуации.

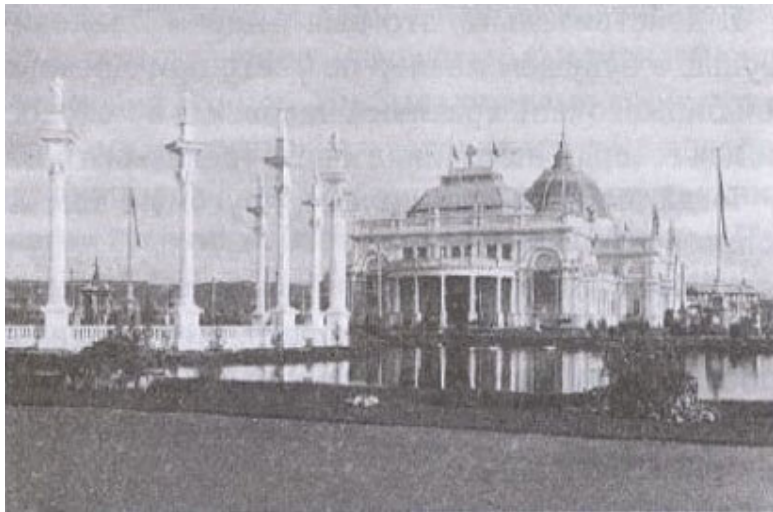
Стр. 261

«В царствование императора Александра III установилась твердо идея о государственном значении железных дорог, которая в значительной степени исключает возможность построек и в особенности эксплуатации железных дорог частными обществами, которые в основе своей преследуют идеи не общегосударственные, а идеи характера частных интересов.

Сделался полный переворот в железнодорожном деле как с точки зрения практической, так и теоретической. Поэтому, когда я был министром путей сообщения, а потом министром финансов, были начаты, с одной стороны, последовательный выкуп железных дорог из рук частных обществ, а с другой стороны – преимущественное сооружение железных дорог казной. Эти государственные взгляды в полном объеме были мною проведены и осуществлены уже в царствование императора Николая II.»

Савва Иванович Мамонтов

Нижний Новгород (1896 г.) Павильон художественного отдела

У павильона «Крайний Север»

Первый российский автомобиль

Павильон «Крайний Север»

В павильоне «Крайний Север». Вера Саввишна Мамонтова

Стр. 283

«Строительство Великого Сибирского пути, я не преувеличу, если скажу, что это великое предприятие было совершено благодаря моей энергии.»

Стр. 286

«Император Николай II – человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает. В этом отношении, по своим способностям, он стоит гораздо выше своего августейшего отца.»

Стр. 299

«Конечно, император Николай II не Павел Петрович, но в его характере немало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство), но, конечно, нет образования Александра I. Александр I по своему времени был одним из образованнейших русских людей, а император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства.»

Стр. 306

«Отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в жизни своей не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II.»

Стр. 355

«Еще в царствование императора Александра III была в основе предreshена денежная реформа, которую я имел честь совершить, которая спасла, укрепила русские финансы и на которой зиждется и основывается, несмотря на несчастную японскую войну и все ужасные происшедшие от нее последствия, настоящее благосостояние России.»

Стр. 395

«В. К. Плеве¹⁶ имел против меня личный зуб потому, что он думал, что я дважды помешал ему стать министром внутренних дел, он был злопамятен и мстителен. В течение более чем десятилетнего моего управления финансами я их привел в блистательное состояние, но очень мало мог сделать для экономического состояния народа, ибо не только не встречал сочувствия реального в правящих сферах, а, напротив, встречал противодействие, и во главе оного за кулисами стоял всегда Плеве.»

Стр. 418

«Во время моего министерства меня никогда не покидала мысль об иностранных капиталах для русской промышленности и я в значительной степени вводил их, это происходило исключительно благодаря моему личному влиянию, причем я большею частью всегда встречал те или иные препоны в Комитете министров.

Государь император (Николай II), близко не знакомый с

¹⁶ Министр внутренних дел с 1902 г.

финансовой историей, ни с финансовой наукой, боялся того, чтобы посредством иностранных займов и инвестиций не внести в Россию значительного влияния иностранцев, а члены Комитета министров, чувствуя, что иностранные капиталы не в особенном фаворе наверху, боялись по этому предмету высказаться... В течение всего моего пребывания министром финансов я совершал на слово различные сделки на миллиарды и миллиарды.»

Стр. 419

«В мое управление я значительно расширил в департаменте Торговли отдел образования коммерческого... Я провел через Государственный совет положение о коммерческом образовании, благодаря которому последовало значительное расширение сети коммерческих училищ. Когда после смерти Вышнеградского я был назначен министром финансов, то я в то же время занял должность председателя дома призрения и ремесленного образования бедных детей в С.-Петербурге. Я занимался этим домом, в котором было два училища: ремесленное училище цесаревича Николая и женская школа императрицы Марии Александровны. Этими училищами я занимался весьма ретиво и с большим удовольствием.

Развив сеть коммерческого образования в России, у меня явилась мысль устроить высшие заведения – коммерческие и технические университеты в России в форме политехнических институтов.

Мною был создан при помощи моих сотрудников устав С.-Петербургского политехнического института, который ныне составляет одно из славных высших учебных заведений Петербурга. Я относился к этому делу с полным увлечением.

Кроме С.-Петербургского политехнического института по тому же принципу мне удалось основать еще два: один в Варшаве, другой в Киеве.»

Стр. 545 (о манифесте 17 октября 1905 г., о революционных событиях в Петербурге)

«Между тем, что я себе ставлю в особую заслугу – это то, что за полгода моего премьерства во время самой революции в Петербурге было всего убито несколько десятков людей и никто не казнен... Волею государя я был брошен в костер с легким чувством: «Если, мол, уцелеет, можно будет затем его отодвинуть, а если погибнет, то пусть гибнет. Неприятный он человек, ни в чем не уступает и все лучше меня знает и понимает. Этого я терпеть не могу...»»

А если обратиться к документам и высказываниям его современников, то обнаруживаются факты, упоминать о которых С. Ю. Витте предпочитал вскользь или вообще умалчивал. А попросту – обманывал себя.

Особые заслуги Витте в «непролитии крови» в период его премьерства весьма лицемерны. По инициативе Витте посылались карательные экспедиции генералов Ренненкампа и Меллер-Закомельского в Сибирь, Мина – в Москву... В

конце 1905 – начале 1906 года правительство Витте издает серию секретных циркуляров¹⁷ о расстреле без суда и следствия участников революционных событий, об арестах забастовщиков и т. д. Его резолюция на циркулярах: «без всякого колебания прибегать к употреблению оружия», «немедленно истребить силой оружия бунтовщиков». Казненных и расстрелянных были тысячи.

И. Ф. Цион – физиолог, профессор Петербургского университета (1870 г.), чиновник особых поручений при министерстве финансов (с 1875 г.) писал в донесениях императору Александру III: «Без разрешения министра частные железнодорожные общества не смеют заказать ни вагона, ни локомотива. Другими словами, они принуждены заказывать их у тех заводчиков, немецких по преимуществу, которые пользуются специальным покровительством гг. Витте и Ротштейна. Заводы не смеют выдавать даже дивидендов своим акционерам, не испросивши первоначально разрешения у г. Витте. Он терроризирует частные банки, как терроризирует все сколько-нибудь выдающиеся промышленные и торговые предприятия.»

Другой известный финансист в российском торгово-промышленном мире конца XIX века Игнатий Порфирьевич Манус написал статью^[23], в которой открыто негативно отзывался о деятельности С. Ю. Витте: «...экономические

¹⁷ Высший подъем революции в России в 1905–1907 гг., Ч. I. – М.: Док. № 73–108.

невзгоды и финансовые затруднения в России происходят от неправильной системы ведения нашего государственного хозяйства. Затруднения эти были бы значительно меньше, если бы министерство финансов принимало к сведению мудрые советы знающих и добросовестных людей. Люди, на какой бы высокой точке государственного положения не стояли, не гарантированы от ошибок и заблуждений.

Считать себя непогрешимым во всех отношениях – великая ошибка, упорствовать же или же настаивать на своем из самолюбия – доказательство слабости, ибо сильные не боятся сознаваться в своих ошибках.

Финансовые, экономические и сельскохозяйственные вопросы интересуют все образованное человечество; чем культурнее страна, тем больше ее интересует экономическая жизнь своего государства».

Александр III, сделавший в свое время ставку на Сергея Юльевича, отсылал эти донесения и статьи самому С. Витте, а тот долгое время успевал проводить упреждающие действия. Круг замыкался, но нерешенные вопросы накапливались и только обостряли проблемы. К началу XX века приток зарубежных инвестиций и иностранные займы во Франции, Голландии и Германии позволили привлечь в Россию около 2 млрд. золотых рублей. Но избежать зависимости от французских банков и выйти на международный рынок не удалось.

Мобилизовать внутренние денежные ресурсы также не

было возможности из-за реальной несостоятельности налогоплательщиков после отмены крепостного права. По статистике¹⁸ к началу XX в. сбор хлеба в России на душу населения составлял 400 кг, а потребление на одного едока – 192 кг.

Внешне все хорошо, а реально – был голод^[24]. Голод не потому, что хлеба не было, а потому, что не было денег на его покупку. В неурожайные годы цены резко поднимались. На огромной территории России засушливые годы очень часто прокатывались по всему Поволжью (от Астрахани до Казани). И только в Москве и Петербурге хватало всего – и хлеба, и мяса. Предшественник С. Ю. Витте – И. Вышнеградский – хвастался: «не доедим, а вывезем». И даже в неурожайные годы вывоз хлеба за границу продолжался. А настоящая картина выглядела так: из 12 млн. дворов зажиточных насчитывалось около 2 млн., они-то и вывозили, и «доедали». А остальные просто голодали. Поэтому отказывались платить как подати, так и выкупные платежи, отсюда – бесконечные крестьянские волнения с пусканием «петухов» и крови в помещечьих усадьбах и землевладениях.

С. Витте во всеподданнейших докладах Александру III, как и Николаю II, докладывал только о самых крупных крестьянских волнениях и объяснял их причины «обманными призывами» нигилистов, интеллигентов и анархистов. Умалчивание о причинах недовольства основной массы несостоя-

¹⁸ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств: Ежегодные издания. – СПб., 1907–1917.

тельных налогоплательщиков – огромной армии беднейших крестьян и рабочих – привело в конечном итоге к тому, что в 1905–1907 годах запылал настоящий «пожар». Нужно было давно и срочно реформировать налоговую систему, но время было упущено. А очень хотелось удержаться у власти.

Даже при элементарном анализе совершенно очевидно, что «Воспоминания» Сергея Юльевича написаны обиженно-пристрастно. Он без конца оправдывает свои промахи и ошибки, постоянно напоминая о себе – недооценили, мешали. И обиды, обиды, обиды...

Что ж, возможно всем российским реформаторам – Петру I, Александру II, как и С. Витте, – приходилось сталкиваться с невероятными, а порой и непредвиденными трудностями. Отдадим должное и Сергею Юльевичу. Среди царских сановников и тогдашних министров он был на порядок выше. Личность яркая – ученый-экономист, почетный член Российской Академии наук. Как крупный государственный деятель России конца XIX – начала XX века он не нуждается в приукрашивании. Он вполне осознавал, что реформы могут быть проведены в полном объеме только при непременном условии, что в этот период войны и революции для России нежелательны. Но на его долю выпало и то, и другое. Невозможно, да и не нужно принижать его роль в укреплении российской валюты; в строительстве железных дорог, в частности, Транссибирской магистрали; инвестиционной политике, разработке Положения о таможенных и железно-

дорожных тарифах, развитии нефтедобывающей отрасли. И, в конце концов, заключение перемирия в Портсмуте^[25] после унижительного поражения России в Русско-японской войне.

Однако, как и всякий человек, он обладал массой недостатков и слабостей – это и нетерпимость к противникам методов проводимых им реформ, и несдержанность, и обидчивость... Да и в моральном отношении он не был выше своих современников, чиновников-бюрократов.

Всех участников своих «Воспоминаний» С. Витте разделял на честных патриотов – тех, кто крутился около него и поддерживал все его начинания; и интриганов-аферистов, пекущихся только о своих интересах, – тех, кто был не согласен с его методами реформирования.

Весь его чиновничий аппарат брал взятки по круговой системе, а уж концы прятали – каждый по своему. Но при опасности все друг друга прикрывали. Это «тараканье царство» всегда необычайно сплочено. Даже крупные предприниматели были вынуждены заводить в бухгалтерии амбарные книги, в которые заносились расходы на взятки. Они понимали, что в России, с ее бюрократическим аппаратом, дело не сдвинешь, пока на «подмажешь».

США. Портсмут. Русско-японские переговоры

Бывая в высшем свете Петербурга, Сергей Юльевич держался настороженно и никогда не высказывал своего мнения раньше других. Он внимательно прислушивался к разговорам, помалкивал и только старался определить «откуда дует ветер». Однако дворцовые завсегдатаи и все, кто крутился в этом вертепе то на балах, то на раутах, прекрасно знали эту незамысловатую хитрость С. Витте.

Пока он прислушивался к разговорам в ближнем углу, в дальнем – вице-директор (в то время) Горного департамента К. А. Скальковский^[26], знавший Сергея Юльевича еще по

Одессе, без стеснения высказывался в его адрес:

– Запомните, что Витте очень умен, но бездушен до отращения... Во всяком случае, это самый умнейший из мошенников, какие встречались мне во всех частях нашего грешного света. Я сам мошенник, но таких... еще поискать надо.

В следующем углу дамы поворачивали голову в сторону самого К. Скальковского с затаенной завистью и легким томлением, так как они имели к нему свой интерес. Они знали, что Константин Аполлонович был заядлым «балетоманом», что он побил все мыслимые и немыслимые рекорды в получении взяток и имел на содержании наиболее привлекательную часть кордебалета. А за любую концессию драл с претендентов на добычу угля, нефти или золота в России столько, сколько могли вместить все карманы его сюртука. В это время К. А. Скальковский особенно «уважал» претендентов, желающих получить концессию на разработку залежей нефти.

Красноречивые взгляды сплетниц сопровождались шепотком:

– Слыхали?! Говорят, на днях бакинский «керосинщик» А. З. Иванов просил концессию и выложил К. А. Скальковскому 20 тысяч со словами: «Не волнуйтесь, никто не узнает».

– А что же Константин Аполлонович?

– Выкладывай, говорит, 40 тысяч и болтай кому угодно...

Миллионами ворочаете, так не считайте пятаков.

– Ах, как ловко он его срезал...¹⁹

Подобные разговоры, ходившие по кругу, доходили до Сергея Юльевича. Но в том обществе они ни у кого не вызывали ни осуждения, ни возмущения, разве что зависть – кто больше взял. Взятки были этаким невинным барышом и назывались скромным словом «комиссионные». Между собой чиновники обычно говорили: «Имел комиссию», и все тут.

Однако Сергея Юльевича больше интересовала политическая интрига – его стихия. Он чувствовал, что именно здесь он может получить необходимую информацию, чтобы всегда держать «нос по ветру» и упредить скользкие обстоятельства в отношении возможных собственных неприятностей. Всем было известно, что он берет огромные займы за границей, но куда их вкладывает и на что расходует – оставалось загадкой. И это порождало множество слухов и разговоров. Сквозь цензуру в печати изредка прорывалась и правда вперемежку с домыслами.

¹⁹ Пикуль В., из рукописного наследия. Т.1. – М.: 1993.

Вершина противостояния двух гигантов

1897–1899 годы... Три года редактор еженедельника «Русский труд» С. Ф. Шарапов упорно мусолил мамонтовскую тему, раздувая на его страницах результаты ревизии на строительстве железной дороги от Вологды до Архангельска. Ревизия проводилась с санкции министерства юстиции, был обнаружен перерасход сметной стоимости. Савва Иванович в своей объяснительной записке привел убедительные аргументы в оправдание перерасхода. Реальные трудности – сплошные топи и болота, применение дорогих экскаваторов, закупленных в Америке. Построенные участки дороги еще не дают прибыли. Но уже каждая построенная станция в ближайшее время будет выполнять роль своеобразного центра культурного и промышленного освоения богатств российского Севера.

«Однако, – как пишет Е. Арензон, – за финансовыми частностями стояли принципиальные проблемы государственной политики и власти, а также непринципиальные амбиции людей, эту политику вершивших».

В очередной раз С. Витте в «Воспоминаниях» отделался небольшой фразой: «В последние годы Муравьев²⁰ имел про-

²⁰ Н. В. Муравьев – министр юстиции (1894–1905), посол в Риме (1905–1908).

тив меня совершенно неосновательно, так сказать, маленький зуб».

На самом же деле противостояние Министерства юстиции и С. Витте «набирало крутые обороты» по причине бесчисленных растрат казенных денег его «друзьями». Сергей Юльевич, не желая вступать в открытую конфронтацию с Минюстом, принял все меры к тому, чтобы основательно подставить Савву Ивановича за свои промахи и сделать его одного ответственным за результаты ревизии.

5 сентября 1898 года в одной из передовых статей газеты «Русский труд» тот же С. Шарапов восклицал: «Мы воюем не только против господ Мамонтовых, то же творится и в других акционерных обществах, в самом их основании лежит обман». Это был откровенный намек на причастность самого С. Витте к покровительству хапуг-предпринимателей при строительстве железных дорог – его «друзьями», которые использовали гарантированные казной денежные ссуды в откровенно корыстных целях. Это не на шутку беспокоило его. Да еще и его подчиненный В. Максимов успел вляпаться – вырвал взятку у С. Мамонтова за концессию.

С. Витте начинает настраивать «обиженных» вкладчиков-акционеров против С. Мамонтова, а те – строчить доносы уже в министерство финансов. Весной 1899 года последовала новая ревизия. И снова С. Витте упорно травит С. Мамонтова с одной целью – выгородить себя и свое ведомство. Если у Саввы Ивановича будут обнаружены нарушения, то

мы, дескать, здесь ни при чем.

Инженер-путеец, известный писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, работавший на строительстве железной дороги у С. И. Мамонтова, по его просьбе неоднократно обращался в министерство финансов за обещанным кредитом, но Сергей Юльевич отказывал, ссылаясь на «некоторые» объективные трудности. Вместо того, чтобы поддержать Савву Ивановича, Сергей Юльевич его подло предал. Привлекая в российскую экономику западные капиталы, С. Витте зарабатывал себе авторитет у западных банкиров и внешне выглядел радетелем процветания России. Зачем же тогда душил отечественное предприятие С. Мамонтова? Ведь даже и простому обывателю было ясно, что Север в ближайшее время будет поставлять лес, пушнину, мясо, рыбу, минеральное сырье и другие природные запасы.

Если говорить по большому счету, то С. И. Мамонтов был во всех отношениях на голову выше С. Ю. Витте. Савва Иванович искренне любил Россию и был истинным патриотом своей страны.

А Сергей Юльевич больше любил себя и свою должность. Его мысль, вскользь высказанная в «Воспоминаниях», невольно еще раз раскрывает всю его амбициозную натуру: «Не дать обойти себя».

Тревожили С. Витте и материальные проблемы^[27], но он лучше других чиновников ориентировался в бурном потоке презренных ассигнаций. Он прекрасно понимал, что его

должность не позволяет ему пользоваться дешевыми приемами К. Скальковского. Слишком прозрачны были все министерские бумаги и взаимоотношения с ближайшим окружением. Свои «комиссионные» он имел через подставных лиц, которые были связаны с иностранными капиталами (займами и инвестициями). Его супруга появлялась то в Париже, то в Амстердаме, и там у ее ног лучшие ювелиры Запада раскладывали бриллиантовые пасьянсы. Так что въедливый Н. В. Муравьев никак не мог зацепить С. Ю. Витте, эти «делишки» были не по его ведомству.

К этому времени позиции С. Витте и С. Мамонтова совершенно обозначились и разошлись по главным направлениям:

– Витте в своей деятельности опирается на иностранный капитал, привлекает в экономику России крупные инвестиции и делает огромные займы (как он выражался: «беру деньги там, где они есть»).

– Мамонтов же своим упорным трудом и всем образом жизни доказывает, что российская промышленность, обладая огромными возможностями, способна добиться прогресса собственным умом и собственными руками. А для этого необходимо утверждать национальное самосознание людей через сохранение и развитие российской культуры.

Надо отдать должное самообладанию С. И. Мамонтова, он прекрасно понимал и видел, какая травля велась против его имени, сколько сплетен и домыслов ходило в известных

кругах высшего света. В газетах ёрничали, называя его «давним покровителем муз». Даже Ф. И. Шаляпин поддался на уговоры директора Императорского театра Владимира Аркадьевича Теляковского, который посулил ему более высокую оплату. В переговорах с Федором Ивановичем Владимир Аркадьевич недвусмысленно намекал, что Частная опера Саввы Ивановича существует до тех пор, пока он может ее содержать, а что будет завтра, если положение изменится? Насколько вообще честен и порядочен этот Савва, делами которого уже интересуется государственный контроль? И Ф. И. Шаляпин в трудный момент соблазнился большими деньгами и предал Савву Ивановича, покинув Частную оперу – детище С. Мамонтова – основу русского оперного искусства. Такой же ход сделал и художник К. А. Коровин, писавший декорации к многим постановкам Частной оперы. Позднее оба сожалели о содеянном.

Благородный Савва Иванович! Он буквально «лепил» своего Феденьку, как талантливый скульптор-режиссер: «Вникай в дух музыкального произведения, тщательно продумывай фразировку. Каждое пропетое слово должно ясно восприниматься слушателем. Каждая фраза должна произноситься со смыслом, выраженном в музыке. Музыка несет в себе большое духовное содержание. Чтобы передать его зрителям и слушателям, далеко не достаточно быть отличным певцом, надо играть еще, как в драме».

С каждой репетицией, а это был мастер-класс, шлифо-

вался талант Федора Ивановича^[28]. Савва Иванович, выполняя роль огранщика самородного алмаза, довел его до блеска бриллианта.

Если обычному хаму не давать отпора, то он примитивно наглет. Но не таков был С. Ю. Витте. Как тонкий знаток интриги, он с опаской решается на крайний шаг – срочно лишить Савву Ивановича концессий. Моральные издержки в такой ситуации для С. Витте значения не имели, его заботил только один вопрос – как, каким образом это осуществить, чтобы самому не запачкаться? Отобратить концессию напрямую нельзя, нет повода. Лучший прием – сделать это чужими руками. Нарушения финансовой дисциплины в акционерном обществе у С. И. Мамонтова можно было обнаружить невооруженным глазом, он их ни от кого не скрывал. Савва Иванович не видел криминала в том, что он переводил деньги из кассы железной дороги на восстановление Невского и Нижнеудинского заводов, так как он был основным держателем акций. Эти операции проходили через Государственный банк, акционеры-вкладчики оповещались на заседании правления, долг Савва Иванович записывал на свое имя. Так что наличных денег он и в руках-то не держал.

С. Витте был осведомлен о сложном положении на Московско-Ярославской железной дороге от самого Саввы Ивановича, реакция его была молниеносной. Знал, что С. Мамонтова нет в Москве, и потому мгновенно натравил «гон-

чих стаю»...

Савва Иванович находился на лечении в Германии. Письмо от сына было неожиданным. Понаехали ревизоры, судебные следователи, копают, – во что бы то ни стало найти вину! Комиссию, присланную товарищем (заместителем) Государственного контролера сенатора А. П. Иващенко, возглавлял инженер И. Ю. Шульц – человек Витте. Вернувшийся Савва Иванович срочно составлял всевозможные объяснительные записки, а дело уже передали судебному следователю Чистову. Следствие обнаружило нарушения. Огромные деньги перекачивались из кассы железной дороги в кассы убыточных заводов: Невского в Петербурге, Николаевского в Нижнеудинске – и обратно. Концессию на строительство железнодорожной ветки Вятка – Вологда – Петербург у Мамонтова мгновенно отобрали и передали в казну. Государственный совет отменил Постановление Комитета министров. Постановление было передано в прессу.

На бирже поднялась паника, акции всех предприятий Саввы Ивановича упали в цене. Он пытался спасти положение, закладывая акции железной дороги в Московский банк Общества взаимного кредита. Но из Петербурга последовал окрик – прижать строптивца Мамонтова. Банк послушно потребовал солидную доплату. Савва Иванович, еще не понимая откуда «дует ветер», обратился за советом и помощью к С. Витте. Сергей Юльевич, не дрогнув ни одним мускулом на лице, предложил обратиться к товарищу (помощнику) ми-

нистра финансов А. Ю. Ротштейну – директору Петербургского международного коммерческого банка.

А. Ю. Ротштейн был рад помочь Мамонтову и предложил перевести уже заложенные акции в Петербургский банк без доплаты. Но необходимо было выполнить одно «небольшое условие» – стать участником так называемого «мыльного» банковского синдиката, а для этого нужно продать 1500–2000 акций по цене, за которую они были заложены. Остановились на 1650 акциях.

Савва Иванович не предвидел дальнейшего хода событий, считая, что спасти дело поможет новый кредит под заем акций, и это еще был выход. Он подписал соглашение.

Крышка захлопнулась. Такого предательского удара С. Мамонтов не ожидал.

В дом на Садовой прибыла полиция. Следователь объявил цель визита:

– Господин Мамонтов, по причине растраты в кассе правления Московско-Архангельской железной дороги, дом санкцией прокурора города Москвы подлежит обыску. Вы обязаны немедленно вернуть в кассу 100 тысяч рублей!

Савва Иванович только развел руками:

– Таких денег у меня нет. Деньги потрачены на производство паровозов, пароходов, вагонов... Ищите, коли обыск...

Искали упорно и нашли – 53 рубля 50 копеек.

Ночь на 11 сентября 1899 года Савва Иванович провел

в одиночной камере знаменитых «Каменщиков». Родственники тщетно обращались в различные судебные инстанции, хотели внести в кассу дороги теперь уже другую сумму – 763 тыс. рублей, чтобы взять С. Мамонтова на поруки. На официальном прошении резолюция – «Замены содержания под стражей в тюрьме домашним арестом допущено быть не может». Обращались к адвокату, который посоветовал, чтобы прошение было от имени Саввы Ивановича со ссылкой на состояние здоровья. Но в ход пошла еще одна подножка. Величину залога с 763 тысяч подняли до 5 млн. Знали деятели Фемиды, что таких денег родственники даже вместе со всеми знакомыми не соберут. Кому-то Мамонтов нужен был только в тюрьме и только в одиночке. С. Ю. Витте с обычной для него «правдивостью» объяснял арест С. И. Мамонтова направленной против него, Витте, интригой министра юстиции Н. В. Муравьева. Возможно, отчасти так оно и было...

Но если опять обратиться к известным мемуарам С. Ю. Витте, то обнаруживается удивительная его «неосведомленность»: «Когда я после И. А. Вышнеградского сделался министром финансов, то директором департамента железнодорожных дел работал В. В. Максимов. Но он вскоре запутался на одном деле, касавшемся железнодорожных предприятий известного москвича С. И. Мамонтова. Дело это касалось постройки дороги на Архангельск, и здесь Максимов явился в таком виде, который показывал если не его некорректность, то во всяком случае увлечение, так как он дал обойти себя

Мамонтову. Дело Мамонтова разбиралось в московском суде, и Мамонтов должен был отсидеть под арестом, чуть ли не в тюрьме (? – авт.). В виду этого я принужден был попросить Максимова оставить службу...»

Что означает фраза: «Максимов явился в таком виде, который показывал если не его некорректность, то во всяком случае увлечение...»? Секрет этой фразы раскрывает А. А. Лопухин²¹, директор департамента полиции Министерства Внутренних дел (1903–1905 гг.). По поводу «увлечения» В. В. Максимова он пишет: «... мое знакомство с С. Ю. Витте произошло в 1901 г. Но прибегая к его же выражению по поводу одного из его сослуживцев, я могу сказать, что летом 1899 г., когда я был прокурором московского окружного суда, в Москве возникло громкое уголовное «Мамонтовское» дело. История его возникновения весьма для С. Ю. Витте характерна... При производстве следствия по «мамонтовскому» делу, при осмотре следователем документов, отобранных у одного из обвиняемых, заведовавшего коммерческим агентством правления Московско-Ярославской железной дороги А. В. Кривошеина, в его записной книжке была обнаружена запись, свидетельствующая о взятке^[29], данной директору железнодорожного департамента министерства финансов В. В. Максиму. По всем данным, за содействие в предоставлении Московско-Ярославской железной

²¹ Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте. – М.: Пг., 1923. с. 47, 60–65.

дороге той концессии, которая была впоследствии отобра-
на. Что и было подтверждено показаниями хозяина книжки.
Весь обвинительный материал был сообщен министру фи-
нансов С. Ю. Витте. Но по действующему закону уголовное
преследование против должностного лица (государственно-
го чиновника) могло быть возбуждено только его началь-
ством. Начальство же в лице С. Ю. Витте дело против свое-
го подчиненного в данном случае замяло, дало ему возмож-
ность по своей воле уйти в отставку и устроиться на теплое
место в частном предприятии. Вот каким С. Ю. Витте «от-
крылся» мне еще ранее моего личного знакомства с ним.»

Ловчил Сергей Юльевич, ловчил, когда писал свои «Вос-
поминания».

Далее А. А. Лопухин подробно описывает юридическую,
правовую сторону так называемого «Мамонтовского» дела.

«Упомянутая концессия была дана С. И. Мамонто-
ву по инициативе самого С. Ю. Витте, с ведома Государ-
ственного совета и последующим утверждением ее Нико-
лаем II в законодательном порядке. Отобрание концессии
было осуществлено ведомственным постановлением, издан-
ном в порядке управления. Таким образом, законодательный
акт был нарушен самим С. Ю. Витте, являвшимся в то вре-
мя председателем Комитета министров. Он не остано-
вился на этом и продолжал уголовное преследование всего со-
става правления «Общества Московско-Ярославско-Архан-
гельской железной дороги». Ссылаясь на ещё неутвержден-

ный закон^[30], он аннулировал права Общества на железную дорогу Москва-Архангельск со всем имуществом. Акции Общества резко упали в цене и были принудительно переданы в казну. А далее – в карман Петербургского международного банка. Этот акт явился вопиющим нарушением принципа неприкосновенности частной собственности без решения суда.

Защита и Присяжные заседатели в процессе суда над С. И. Мамонтовым разобрались в беззастенчивом выборе средств и произволе С. Ю. Витте, в его махинациях. Суд вынес оправдательный приговор, не поддержав иск об уголовной ответственности. На репутацию же С. Ю. Витте история так называемого «Мамонтовского» дела в глазах всех, кто знал его закулисную сторону, легла еще одним несмываемым темным пятном.»

На этом можно было бы поставить точку, но нужно добавить еще несколько строк.

В 1906 году вышла брошюра по псевдонимом Small «Зигзаги. Паломничество С. Ю. Витте в Портсмут». В ней говорилось о злоупотреблениях С. Ю. Витте на посту министра финансов. Автор указал, что железную дорогу Пермь – Котлас, важнейшую часть которой как раз и составляла линия Петербург – Вологда – Вятка, строил родственник жены С. Витте инженер путей сообщения И. Н. Быховец, а Архангельско-Ярославской дорогой в это время стал управлять другой ее родственник – врач Леви... Это, конечно, уже ме-

лочи жизни. Однако, как видим, не брезговал Сергей Юльевич и мелочами.

Остается загадкой еще один факт. С. Ю. Витте перед уходом из министерства финансов уничтожил документы, переданные ему в свое время Александром III, которые касались закулисной деятельности его предшественника И. А. Вышнеградского. Возможно, они оба применяли определенную проверенную схему – получение комиссионных под видом заботы о делах государственных.

Со временем шок от ареста Саввы Ивановича, поразивший родственников и друзей, миновал. Наиболее настойчивые получали разрешение на свидание. Истинные друзья поддерживали Мамонтова как могли.

Следствие шло своим чередом. Нет необходимости перечислять все переживания, как подследственных, так и их родственников; друзей и передовой общественности; перемены обывателей и уж тем более падкой до сенсаций прессы. Следственная тюрьма и предстоящий суд – вещь не из приятных и по сей день.

С 13 февраля 1900 года еще не очень тогда известный художник Валентин Александрович Серов писал портрет Николая II. Пятница, третий сеанс.

Поборов в себе первоначальное чувство неловкости и переступив порог подкатывающей боязни (а вдруг не получится?), Серов обратился к императору:

– Ваше Величество! Мой долг просить Вас о Мамонтове.

Мы все – Репин, Васнецов, Поленов, все наше множество, очень сожалеем о случившемся с Саввой Ивановичем. Он верный друг художников. Всегда поддерживал самое даровитое – молодое, новое, а потому еще не всегда признанное...

– Я уже сделал распоряжение, – ответил государь.

– Спасибо, Ваше Величество... Я в этом деле до сих пор разобраться не могу, ничего не понимаю в коммерции.

– Я тоже не понимаю, – и, помолчав, государь добавил:

– Третьякова и Мамонтова я всегда почитал за людей, много сделавших для русского искусства.

19 февраля Савву Ивановича освободили, перевели на режим домашнего ареста. Дом на Садовой-Спасской опечатали в 1901 году. До 1903 года он пустовал. Множество ценнейших документов и рукописей было растащено, картины пошли с молотка...

В 1904 году дом был куплен Ф. Н. Кудряшовым, а через 7 лет его купила Мария Александровна Страхова. В 1912 году она подала прошение в Московскую городскую Управу о «сломке 3-хэтажного здания и возведении новых построек». Через год в этом здании была открыта мужская гимназия, а ныне здесь размещается Московский университет печати. (Садовая-Спасская, дом б).

Дом изменился до неузнаваемости. И только на дверях бывшего кабинета С. И. Мамонтова, где собирались когда-то лучшие представители российской высокой культуры, при-

бита весьма убогая, самодельной чеканки, табличка с надписью «Шаляпинский зал». А о том, что в этом доме жил наш великий соотечественник Савва Иванович Мамонтов, нигде не удалось увидеть хотя бы стенда или мемориальной доски в память о нем и всех, кто бывал и творил в этом доме. За высоким забором до сегодняшнего дня каким-то чудом сохранился флигель, принадлежавший С. И. Мамонтову, построенный по проекту М. Врубеля.

Со стороны двора в ранней кирпичной кладке и кладке более поздних перестроек можно обнаружить клеймо на кирпичках, изготовленных на Мытищинских кирпичных заводах – «И. П. Воронин», «Челноков», «Т-во В. К. Шапошников, М. В. Челноков и К^о».

Пришлось Савве Ивановичу поселиться в крохотной усадьбе за Бутырской заставой. В окладных книгах Московской Управы за 1900 год значилось «владение Александры Саввишны Мамонтовой, дочери коммерции советника, на 2-ой улице Ямского поля». Сегодня это улица Правды, и уже ничто не напоминает о том, что где-то здесь провел последние годы жизни Савва Иванович. Он купил этот участок земли, когда Правление Ярославской дороги приступило к строительству Савеловской ветки. Здесь уже жили К. Д. Арцыбушев, инженер-путеец С. П. Чоколов и А. В. Кривошеин – служащий коммерческого отдела дороги. Доехать было не сложно: трамваем до Бутырской заставы (у Савеловского вокзала) и десять минут ходьбы через Нижнюю Масловку.

23 июня 1900 года в Митрофаньевском зале Московского окружного суда началось слушание дела коммерции советника Саввы Ивановича Мамонтова, его брата, потомственного почетного гражданина Николая Мамонтова, двоих сыновей: первого – поручика запаса гвардейской кавалерии Сергея Мамонтова и второго – потомственного почетного гражданина Всеволода Мамонтова; дворянина Константина Дмитриевича Арцыбушева и потомственного почетного гражданина Александра Васильевича Кривошеина.

Председательствовал на первом слушании председатель суда Н. В. Давыдов.

От обвинения – товарищ прокурора Московской судебной палаты П. Л. Курлов и товарищ прокурора Московского окружного суда В. В. Цубербиллер.

От защиты – присяжный поверенный Ф. Н. Плевако защищал интересы С. И. Мамонтова; К. Д. Арцыбушева – Н. П. Карабчевский; А. В. Кривошеина – Н. П. Шубинский; Сергея и Всеволода Мамонтовых – М. М. Багриновский; Николая Мамонтова – помощник присяжного поверенного В. А. Маклаков.

Гражданский иск Управления казенных железных дорог поддерживали присяжные поверенные М. П. Домерщиков и Н. Е. Рейнбот; иск акционеров и частных лиц – присяжный поверенный В. В. Быховский.

Из 46 свидетелей не явились 10 человек. Суд решает продолжать слушание дела. Старшиной присяжных избран Г.

Внимательно вчитываясь в речи обвинения, защиты, допросы свидетелей, последние слова подсудимых, мысль возвращается в место и время действия²²: 30 июня 1900 года в 8 часов 10 минут раздался призывный звонок... «Суд идет, прошу встать!» Судьи заняли свои места.

Двери совещательной комнаты открылись и с листом в руке вышел присяжный старшина, а за ним присяжные заседатели. В зале настороженная тишина...

Старшина зачитывает первый вопрос:

«— Доказано ли, — что члены Правления Московско-Ярославской железной дороги с 1895 года по июль 1899 года сознательно, нарушая доверие акционеров, передали Невскому заводу несколько миллионов рублей. Причем 6 млн. переведены были на Савву и Николая Мамонтовых в виде долга...

— Да, доказано!

— Виновен ли Савва Иванович Мамонтов в том, что, состоя председателем, сознательно... передал Невскому заводу несколько миллионов рублей?..

— Нет, не виновен!

Один за одним мелькают вопросы и ответы; всего 29 вопросов, ответы:

Нет, нет, нет, не виновны...

²² Судебные драмы. Процесс Саввы Мамонтова и др. Речи в защиту и обвинения. Печатня А. И. Снегиревой. М., 1900.

Все факты признаны, вина подсудимых судом присяжных не признана!

– Подсудимые, – говорит председатель, – вы свободны.»

Стража уходит. Суд выносит решение, в котором постановил всех обвиняемых «считать по суду оправданными, а гражданские иски оставить без рассмотрения в порядке уголовного судопроизводства».

Суд состоялся, но не состоялось судилища!

Отголоски в печати – «Московский листок», «Русский листок»:

«Когда публика услышала об оправдательном приговоре, плакали, целовались с присяжными, жали руки всем Мамонтовым, лобызали Савву Ивановича».

«Присяжные заседатели целовались с представителями печати – общественная совесть и общественное мнение на этот раз оказались вполне солидарными: честь и доброе имя истинно русского деятеля, Саввы Ивановича Мамонтова, и всей его семьи реабилитированы».

П. А. Бурышкин в мемуарах «Москва купеческая» подвел общий итог мамонтовской драмы: «В конце прошлого столетия С. И. Мамонтову пришлось пережить тяжелое испытание и глубокую внутреннюю драму: в постройке и эксплуатации Ярославской железной дороги были обнаружены злоупотребления, и Мамонтову, как и его коллегам по правлению, пришлось сесть на скамью подсудимых. Злоупотребления,

несомненно, были, но, с другой стороны, вся эта «Мамонтовская панама», как тогда говорили, была одним из эпизодов борьбы казенного и частного железнодорожного хозяйства. Чтобы осуществить выкуп дороги, министерство финансов, скупавшее акции через Петербургский международный банк, старалось сделать ответственным лишь Мамонтова за весь ход дела. В Москве общественные симпатии были на стороне Саввы Ивановича, и его считали жертвой. Оправдательный приговор был встречен бурными аплодисментами...»

В заключительной речи адвокат Ф. Н. Плевако дал характеристику обстановки «правления» С. Ю. Витте, при которой господствовала не деловая и честная конкуренция, а ведомственный протекционизм и административные амбиции: «Мамонтова судят за то, что при другом стечении обстоятельств могло стать предпринимательским триумфом... унижение такого незаурядного человека, как Мамонтов, — это подлинный вред, наносимый обществу».

К. С. Станиславский неопределимую заслугу Саввы Ивановича перед Россией выразил убедительной мыслью: «Это он, Мамонтов, провел железную дорогу на Север, в Архангельск и Мурман, для выхода к океану, и на Юг, к Донецким угольным копиям... хотя в то время, когда он начинал это важное культурное дело, над ним смеялись и называли его аферистом и авантюристом».

После суда Савва Иванович выехал в Париж на Всемир-

ную выставку, где получил золотую медаль как экспонент художественной керамики. В то же время на выставке был и С. Ю. Витте, но он не пожелал, а возможно и побоялся встретиться с С. И. Мамонтовым.

В последующие годы Савва Иванович писал статьи и брошюры: «Назревший вопрос» (о необходимости строительства новых железных дорог, соединяющих Среднюю Азию и Сибирь), «О железнодорожном хозяйстве в России» и др. Все его предложения сопровождалось расчетами с подробным анализом экономической целесообразности строительства новых и развития существующих железных дорог. В этом вопросе Мамонтов не был антигосударственником, он понимал и соглашался с тем, что железные дороги стратегического значения должны быть казенными, но само строительство или эксплуатацию вспомогательных дорог можно предоставлять частным обществам. И эту идею Мамонтов пытался довести до сознания чиновников. Однако новый министр финансов В. Н. Коковцов не принимал предложений С. И. Мамонтова, так как был противником всякого частного предпринимательства на транспорте, ссылаясь на опыт строительства Транссиба и передачу всех железных дорог в государственное подчинение в последнее десятилетие XIX века. Эти крупные мероприятия были тесно связаны и с политическими проблемами, и с экономической ситуацией в России.

Предвидя неизбежность военного конфликта с Японией, в марте 1891 г. Александр III подписал высочайший рескрипт,

повелевавший наследнику престола цесаревичу Николаю по возвращении из путешествия по странам Востока объявить о начале строительства Транссибирской магистрали. 19 мая 1891 г. цесаревич после торжественного молебна совершил символическую закладку первого камня на месте намечаемой конечной станции Владивосток. Будущий император России сам нагрузил тачку землей и отвез ее на насыпь будущей железной дороги, а затем уложил на раствор первый кирпич в фундамент здания вокзала.

21 ноября 1892 г. был образован Комитет Сибирской железной дороги, председателем Комитета стал цесаревич под патронажем С. Ю. Витте.

Принцип строительства определялся одной фразой: «вести постройку Сибирского рельсового пути дешево, а главное скоро и прочно, чтобы впоследствии дополнять, но не перестраивать».

1 января 1899 г. железная дорога на участке Красноярск – Иркутск была сдана в эксплуатацию и официально передана в ведение Управления казенных дорог. Необходимо отметить, что Александр III внимательно контролировал передачу частных железных дорог в ведение казны, и завещал это делать наследнику. За время его правления уже были выкуплены многие железные дороги, в том числе и принадлежавшие самым крупным акционерным обществам – Главному Обществу российских железных дорог и Обществу Юго-Западной железной дороги. Однако Московско-Яро-

славско-Архангельская дорога, построенная С. И. Мамонтовым, еще сохраняла самостоятельность.

1899 год оказался весьма трагичным для многих предпринимателей. Очередной экономический кризис потряс не только Западную Европу, но существенно сказался и на экономике России. Сложную ситуацию приходилось решать тем, кто стоял у вершины власти: как преодолеть спад производства и удержать экономику от губительных последствий кризиса, ведь западноевропейские банки отказывали в кредитах, на которые рассчитывал С. Ю. Витте.

Николай II, С. Ю. Витте и министр путей сообщения князь М. И. Хилков решали и другую проблему – как обеспечить финансирование строительства Транссиба... Алексей Иванович Путилов вместе с представителями Военного ведомства был озабочен тем, чтобы не было заторможено крайне необходимое производство полевой артиллерии.

Мог ли в такой экономической ситуации Савва Иванович Мамонтов рассчитывать на то, что обещанная концессия на строительство железной дороги Вятка – Вологда – Петербург будет подкреплена государственным кредитом? – Мог! Но, единственной надеждой была порядочность С. Витте, в которой С. Мамонтов уже сомневался.

Упомянувшийся художник Константин Коровин оставил нам свои воспоминания²³ о последнем разговоре с С. И. Ма-

²³ Зильберштейн И. С., Самков В. А. Константин Коровин вспоминает. – М.: 1990, с. 168.

монтовым: «Савва Иванович навестил меня в мастерской на Долгоруковской улице. Он был озабочен и расстроен, что с ним бывало крайне редко...

– Я как-то не пойму, – сказал он мне, – есть что-то странное, не в моем понимании. Открыт новый край, целая страна, край огромного богатства – российский Север. Строится дорога, кончается, туда нужно людей инициативы, нужно бросить капиталы, золото, кредиты и поднять энергию живого сильного народа, а у нас все сидят на сундуках и не дают деньги. Мне навязали Невский механический завод, а заказы дают, торгуясь так, что нельзя исполнить. Думают, что я богат. Я был богат, правда, но я все отдал, думая, что деньги для жизни народа, а не жизнь для денег. Какая им цена, когда нет жизни. Нет, я и Чижов думали по-другому. Если цель – разорить меня, то это не трудно. Я чувствую преднамерение, я расстроен...»

Савва Иванович прекрасно понимал ситуацию. Но, как человек обязательный, не мог он бросить дело государственной важности. Да и за строительство железных дорог брался в полной уверенности, что в лице С. Ю. Витте найдет помощника и сподвижника. Но предательство С. Ю. Витте поставило С. И. Мамонтова в такое положение, когда у него не было другого выхода, как перевести деньги из кассы железной дороги на реконструкцию Невского и Нижнеудинского заводов. Возможно, что события развернулись бы по-другому, если бы Савва Иванович имел свой банк.

А в официальных документах²⁴ Министерства финансов приводятся сведения, что в 1893 году была выкуплена казной Московско-Курская железная дорога, в 1894-ом – Московско-Нижегородская, в 1896-ом – Московско-Брестская, 1900-ом – Московско-Ярославско-Архангельская.

Наиболее дорогостоящей дорогой была последняя. Ее выкупная стоимость составляла 131 332 тыс. золотых рублей, суммы ликвидационных счетов и дефицита по эксплуатации – 3196 тыс. руб. Долги казне по гарантиям и ссудам, списанные при выкупе, составили 8128 тыс. руб. Общая стоимость выкупаемой дороги – 142 656 тыс. рублей.

По сравнению с вышеперечисленными, Московско-Ярославско-Архангельская дорога была самой протяженной (1826 верст) и наиболее дорогой при самой низкой цене за 1 версту – 78, 1 тыс. рублей.

Вот такой «подарок» сделал казне С. Ю. Витте. А ведь не выкупил, а отобрал!

²⁴ Соловьева А. М. Выкуп частных железнодорожных дорог в России в конце XIX в. Исторические записки. – М.: Т.82, 1968, с. 101.

Все остается потомкам

Последние годы жизни (1900–1918) Савва Иванович прожил в небольшой усадьбе за Бутырской тюрьмой. Здесь он продолжал встречаться с друзьями-художниками, скульпторами и музыкантами Частной оперы. Сюда, в Бутырки, была переведена из Абрамцева гонимая мастерская, которая стала известна под названием Московское «Абрамцево».

Его жизнь в этот период довольно широко описана неоднократно упоминавшимися писателями, близкими и дальними родственниками... А что осталось после него? – Его дело и потомки.

Савва Иванович жил воспоминаниями, которые все чаще всплывали в его сознании. Был и триумф, были и неудачи. Не все мечты воплотились в реальные дела. Как-то сложится судьба детей и внуков и что останется им в наследие... Смогут ли они повторить творческий и жизненный путь самой яркой личности в роду Мамонтовых.

Революции 1917 года и последующие события так или иначе коснулись потомков С. И. Мамонтова. Куда только не забрасывала судьба семьи ближних и дальних родственников, его внуков, правнуков и праправнуков: Австрия, Австралия, Аргентина, Бразилия, Германия, Марокко, Италия, США, Сербия, Финляндия, Франция, Чехословакия, Швеция, Швейцария, Югославия. Многие остались в России и

пережили мучительные годы репрессий, сибирские ссылки на лесозаготовки и другие «великие» стройки страны.

* * *

Из пятерых детей Саввы Ивановича Мамонтова и Елизаветы Григорьевны Сапожниковой только двое продолжили родословную – Всеволод и Вера.

Старший сын **Сергей** (1867–1915) был известным драматургом, поэтом, журналистом, критиком²⁵. В первую мировую войну он, как военный корреспондент, оказался в Галиции. Его жизнь оборвалась в августе 1915 года, похоронен на воинском братском кладбище в Москве. Потомков от него не было.

Андрей умер, когда ему исполнилось всего 22 года, он увлекался искусством керамики. Работая в Киеве, во Владимирском соборе, Андрей застудил почки – это стало для него смертельным (1891).

Александра оставалась незамужней, детей не было.

Всеволод Саввич (1870–1951) окончил юридический и математический факультеты Московского университета, состоял в Правлении Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Он был женат на Елене Дмитриевне Свербеевой, у них было трое детей: **Андрей, Екатерина и Со-**

²⁵ Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1., М., 1994, с 502–504.

фья.

Всеволод Саввич Мамонтов

После июньского судебного процесса 1900 года Всеволод Саввич, лишенный состояния, определился на службу инспектором страхового общества «Россия». Не Бог весть какое получал жалование.

Он не унаследовал от отца взрывной энергии, волевого характера и размашистости. Он был более степенным и сдержанным. Но, бывая на бегах, неизменно преображался, как только рысаки напрягались в момент разрешающего старта. Еще в дореволюционные годы он слыл великим знатоком гончих, водил русских борзых, да и в орловских рысаках знал толк. Всеволод Саввич состоял товарищем председателя отделения собаководства и промысловых животных Императорского русского общества акклиматизации животных и растений. В кругу близких и знакомых он был человеком легким, милым и деликатным, с ним нельзя было соскучиться. Он обладал прекрасной памятью и был интересным рассказчиком.

После революции знакомые и друзья из прежних коннозаводчиков сосватали его в Наркомзем. Всеволод Саввич стал управляющим Тульской государственной конюшни. Своих подопечных – чистокровных орловских рысаков – он любил нежно и преданно, конюшня и ее руководитель слыли образцовыми. Для любителей и профессиональных охотников им был написан «Толковый словарь псовой охоты», высоко оцененный академиком Д. С. Лихачевым как памятник

ушедшего языка. Словарь сохранился до сего времени в семейных архивах потомков. Он состоял во Всесоюзном охотничьем обществе, имел звание судьи всесоюзной категории и частенько брал с собой внуков на «собачьи праздники» – оценочные выставки, где был главным судьей. Всеволод Саввич был образованнейшим человеком, владел европейскими языками, да и Европу исколесил изрядно. Как грамотный и тонкий ценитель музыки он знал отличительные особенности знаменитых певцов и певиц всего мира. Его врожденная внимательность к людям и деликатность снискали ему расположение всех, кто с ним так или иначе общался. Он не скрывал своей неприязни к хамам и разгильдяям, презирал неучей и невоспитанность.

Екатерина Всеволодовна Щельцына и Елизавета Александровна Самарина-Чернышева (внучки С. И. Мамонтова)

В 1930-х годах Всеволода Саввича дважды подвергали аресту по мотивам происхождения. Но он не сник, нашел в себе мужество и в 1945 году принялся за восстановление биографии отца. Основой задуманной книги должна была стать история создания Русской Частной оперы как наиболее значимого вклада Саввы Ивановича Мамонтова в культуру России. Архивные материалы помогал собирать его двоюродный брат – Платон Мамонтов. Рукопись в основе своей была закончена и уже был заключен договор на издание книги. Но Всеволоду Саввичу рукопись возвратили с вежливым отказом – публикация невозможна, так как вышло соответствующее постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Ему посоветовали отступить от желания издать книгу о деятельности отца и попробовать написать книгу о русских художниках Абрамцевского кружка – как более «проходной» вариант.

Всеволод Саввич снова собирает архивные материалы, воспоминания оставшихся в живых участников, воскрешает и свои личные детские впечатления. Редакторы урезали рукопись до тонкой книжки. И только благодаря усилиям Академии художеств ее все-таки удалось издать. В свой родной дом – музей в Абрамцево – Всеволод Саввич Мамонтов смог возвратиться лишь в 1948 году, когда ему было уже под

80 лет. Все свои последние годы жизни он активно, сколько позволяли силы, помогал восстанавливать полуразрушенный и полурастащенный музей. Похоронен он на Ваганьковском кладбище. Его жена, Елена Дмитриевна Свербеева, пережила мужа на 20 лет.

Их старший сын – **Андрей Всеволодович** (1898–1968) – служил в Белой армии, оказался в Югославии, затем в Германии, Австрии и в 1949 году переехал в Аргентину; он был женат на Александре Васильевне Матвеевой; детей двое – **Савва и Елена**, которые теперь представляют аргентинскую ветвь родословного древа Саввы Ивановича Мамонтова.

Савва Андреевич женат на Татьяне Петровне Веревкиной; у них трое детей: Сергей (р. 1953), Андрей (р. 1956) и Александр (р. 1964)... (подробности см. далее в родословной Арцыбушевых и Веревкиных). В 2000 году Савва Андреевич со всем семейством отмечал свой 70-летний юбилей во Флориде (США) у своего свата – Константина Дмитриевича Арцыбушева (внука первого исполнительного директора Мытищинского вагонного завода).

Елена Андреевна в Аргентине вышла замуж за Валентина Васильевича Хасапова. Оба преподавали в русской приходской школе русский язык и историю. Их дети – Наталья и Василий.

Наталья Валентиновна преподает испанский язык в средней школе и русский язык для дипломатов.

Василий Валентинович окончил архитектурный факуль-

тет университета в Буэнос-Айресе, он – архитектор.

Екатерина Всеволодовна (1901–1987), любимица отца, прожила долгую 86-летнюю жизнь, и далеко не безоблачную.

Первый муж Павел Михайлович Мясоедов, дети: Елизавета Павловна (1924–1981) и Варвара Павловна (р. 1927). У них уже свои дети и внуки. Дети от второго мужа – Александра Федоровича Щельцына: **Любовь Александровна** и **Николай Александрович**.

Александр Федорович Щельцын был человеком удивительной доброты, с мягким и уравновешенным характером. Он был участником двух последних великих войн России первой половины XX века. В действующие армии призывался, что называется, от сохи. Все его предки – крестьяне, как и он сам, – пахали землю. Александр Федорович с детства любил лошадей, увлекался рысаками, как и его будущий тесть. Это его увлечение со временем переросло в профессию, и он стал классным наездником, одним из первых мастеров в стране. С годами приходил опыт, появился вкус к тренерской работе, к воспитанию своих учеников, созданию отечественной школы наездников Московского ипподрома.

Уже окончилась Великая Отечественная война, люди с трепетной надеждой ожидали улучшения полуголодной жизни и с нетерпением вчитывались в газетные строки, где сообщалось об очередном снижении цен.

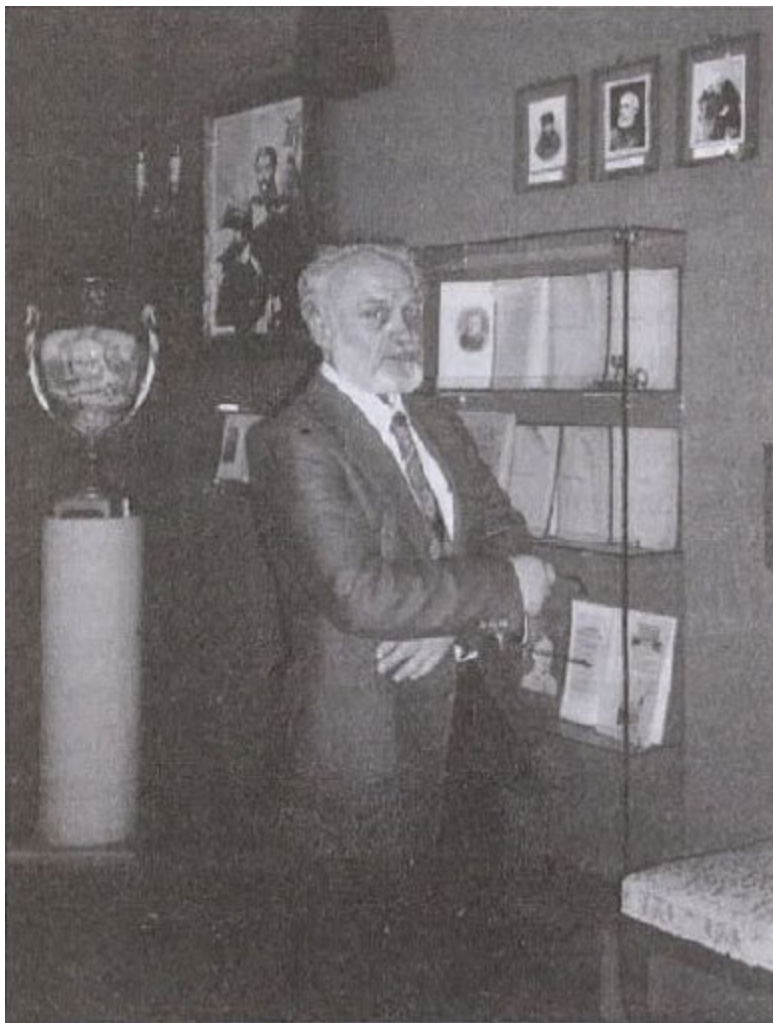
1949 год... Александра Федоровича неожиданно арестовали. Начались бесконечные допросы, но следователи так ничего и не добились. Он не подписал протокол допроса. Результатом его несговорчивости стала ссылка в Красноярский край на 10 лет, куда вслед за ним выехала и Екатерина Всеволодовна со всей семьей. Какое же надо было иметь мужество, чтобы перенести такие жизненные невзгоды!? Она окружила детей особой заботливостью и вниманием, не давая им потерять веру в то, что было заложено от Бога в семейной традиции Мамонтовых, – делать людям добро от чистого сердца, по велению души, и тогда «воздастся по делам твоим».

В декабре 1954 года Александра Федоровича реабилитировали, а в 1955 году семья вернулась в Москву. Екатерина Всеволодовна устроилась библиотекарем в Центральную клиническую больницу им. С. П. Боткина, где работала оставшиеся годы жизни. Она не имела специального образования, но в молодые годы окончила гимназию с золотой медалью и владела основными европейскими языками. Как в семье, так и на работе она каким-то внутренним обаянием, естественной простотой и сердечностью притягивала людей. Такой она и осталась в памяти детей и внуков, близких, знакомых и сослуживцев.

Любовь Александровна Щельцына работала преподавателем в Москве, ныне на пенсии, воспитывает внуков. Ее муж Сергей Николаевич Чернышев – доктор геолого-минералогических наук, профессор, работает в Москве, в МГСУ

им. В. В. Куйбышева (бывш. МИСИ – Московский инженер-
ностроительный институт).

Брат Сергея Николаевича Чернышева – Иван Николаевич
– инженер-станкостроитель, работает в Москве.

Сергей Николаевич Чернышев в Мытищинском историко-

художественном музее. Сентябрь 2002 года

Их отец – Николай Сергеевич Чернышев (1898–1942) – известный художник. Его женой была Елизавета Александровна Самарина (1905–1985) – дочь Веры Саввишны Мамонтовой – внучка Саввы Ивановича.

Сергей Николаевич и Иван Николаевич Чернышевы в сентябре 2002 года по приглашению Главы администрации Мытищинского района Александра Ефимовича Мурашова побывали на Дне города в Мытищах. Сергей Николаевич передал в дар Мытищинскому историко-художественному музею мерный лоскут сукна, выпускавшегося на фабрике «Товарищества Пелагеи Чернышевой сыновья» в 1914–1915 гг. Это сукно поставлялось для полевой формы офицерского состава Русской армии. А также два портрета Сергея Николаевича Дурылина, выполненные его отцом Николаем Сергеевичем Чернышевым (предположительно 1917–1918 гг.), и подлинник фотографии деда в последние годы его жизни.

Если еще углубиться в родословную Чернышевых, то обнаружатся и другие сведения, связанные непосредственно с Мытищами. Так, дедом Сергея и Ивана Николаевичей был Сергей Иванович Чернышев – один из последних директоров и совладельцев основанной в 1865 г. суконной и бумагопрядильной фабрики «Пелагеи Чернышевой сыновья» – Товарищество в Троицкой волости, в селе Пирогово (после революции фабрика именовалась «Пролетарская победа», но в

народе больше прижилось название «Пролетарка»). Рядом, в деревне Зимино, Чернышевы построили для собственных нужд кирпичный завод в 1898 г. В Товарищество также входили: шелкоткацкая фабрика в Москве, в Басманной части; бумагопрядильная, суконная и сукноотделочная фабрики в Москве и в селе Городенки Серпуховского уезда.

Родословная Чернышевых известна с начала XIX века. Мать Пелагеи Яковлевны, Татьяна Макаровна, была замужем за Яковом Щербаковым и держала небольшую ткацкую фабрику в Москве (у теперешнего Электрозаводского моста). На этой фабрике работала сама хозяйка и 6–7 рабочих. Татьяна Макаровна была свидетельницей разорения Москвы Наполеоном. Младшая дочь Евдокия вышла замуж за Алексея Ивановича Хлудова. А Пелагея (1805–1882) – за Андрея Трофимовича Чернышева, крепостного крестьянина села Крылатское, работавшего обжигальщиком на древесно-угольных ямах барина Петрищева. Андрей Трофимович, как и другие работники, вечно был черный от угольной сажи. Отсюда пошло прозвище – «Черныш», а потом появилась и фамилия – Чернышев. В семье было шестеро детей: Иван старший, Иван младший^[31], Анна, Петр, Алексей и Михаил. Пелагея Яковлевна овдовела в 36 лет и одна поднимала шестерых детей. Человеком она была волевым, с крутым нравом – до самой кончины никому из сыновей не разрешала выделяться из общего пая, хозяйство вела рачительно. Совместно с Хлудовыми она построила ткацкую фабрику в се-

ле Пирогово, затем откупила ее у Хлудовых (так как Евдокия скончалась в 1854 году), и стала единоличной хозяйкой; прикупила еще земли с лесом – обеспечила фабрику топливом²⁶.

Один из сыновей Пелагеи – Михаил Андреевич (1840–1925) – женился на Варваре Федоровне Мазуриной (1849–1916). Ее мать – Александра Васильевна Перлова – из династии известных чаеоторговцев Перловых.

Наиболее знаменательной является ветвь родословной Чернышевых от Ивана младшего. Иван Андреевич был женат на Марии Семеновне, и у них было трое детей: Петр, Анна и Сергей – это первое упоминание о Сергее Ивановиче Чернышеве (1868–1924). От брака его с Варварой Андреевной Самгиной (1875–1942) родилось пятеро детей: Мария, Иван, Александр, Вячеслав и Николай, впоследствии женившийся на внучке Саввы Ивановича Мамонтова – Елизавете Александровне Самариной. Так пересеклись родословные ветви Чернышевых и Мамонтовых.

Сергей Иванович Чернышев, очевидно, был наиболее яркой личностью в семейном Товариществе «Пелагеи Чернышевой сыновья».

В 1889 г. он окончил ИМТУ (Императорское Московское техническое Училище – ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана) и состоял членом Попечительского совета училища,

²⁶ Заведующим лесобиржей (дровяным складом) был приглашен бывший опытный лесничий из Тверской губернии – Василий Федорович Михайлов.

оказывая финансовую помощь этому учебному заведению. Двое его сыновей учились в классической немецкой гимназии (Peter-Schule) в Москве при Евангелическо-лютеранском комплексе собора св. Петра и Павла. Так как в дореволюционные годы вся инженерно-техническая периодика выходила на немецком языке, то дети многих русских ученых и инженеров учились в этой гимназии. И по окончании ее хорошо владели немецким языком. Однако для сохранения и пополнения знаний по русскому языку и русской культуре родители приглашали домашних учителей. Сергей Иванович Чернышев приглашал в Пирогово для этой цели С. Н. Дурылина^[32]. Частым гостем здесь бывал и Борис Леонидович Пастернак.

Впоследствии сыновья С. Н. Чернышева также окончили МГТУ имени Н. Э. Баумана. Из политических партий Сергей Иванович выделял кадетов и состоял членом этой партии. Он свободно владел немецким языком и при установке новых ткацких станков приглашал наладчиков из немцев, от которых требовал не скрывать секретов пуско-наладочных работ.

На средства семьи Чернышевых на Мытищинской земле было построено три школы, два храма (кирпичный – в селе Болтино и деревянный – рядом с фабрикой), больница, общежития для рабочих и дома для служащих, отдельный дом для учителей и врачей^[33], центр культурных услуг, санаторий для детей, больных туберкулезом, у деревни Сено-

едово – «Дубки»; проложена железная дорога от Мытищ до фабрики и построен так называемый «чугунный» мост через Клязьму.

Сергей Иванович никогда не пил вина, был абсолютным трезвенником. 7 февраля 1898 года им было подано прошение в Московскую городскую управу об утверждении проекта устава Общества трезвости при фабрике. Общество размещалось на верхнем этаже двухэтажного здания культурного центра, здесь был установлен орган, были приобретены мандолины и гитары. Рядом находилась парикмахерская. На первом этаже – баня и прачечная. На берегу Клязьмы была устроена лодочная пристань, и рабочие в свободное время устраивали лодочные прогулки в сопровождении собственного струнного ансамбля.

В 1920 году кому-то из администрации фабрики пришла мысль, что из трубок органа можно сделать духовой оркестр, и орган сломали. Но из этой затеи получился пшик. А иметь духовой оркестр на фабрике уж очень хотелось (подробнее – чуть дальше).

В воскресные дни Сергей Иванович собирал рабочих и служащих и устраивал туристические прогулки по окрестным местам.

Примечательна его судьба после революции. Еще до 1917 года он перевел в Англию миллион рублей на закупку нового ткацкого оборудования. Однако в «окаянные» дни Сергей Иванович не уехал за границу к тем деньгам, а остался

в Москве вместе со всей многочисленной семьей и добился поставки всего оборудования. Рабочие уже национализированной фабрики обратились к нему с просьбой остаться на прежней работе в должности главного инженера, так как некому было запустить в производство поступившее оборудование. Цена же благодарности новых руководителей фабрики была такова: сначала Сергея Ивановича понизили до должности счетовода, а в 1924 г. наиболее рьяные активисты революционного обновления общества устроили «показательный процесс» над бывшим хозяином – его посадили на тачку и под улюлюканье толпы вывезли за проходную. Сергей Иванович Чернышев, не выдержав унижения, скоропостижно скончался в том же 1924 году в возрасте 56 лет. Похоронен он на кладбище в Черкизове (ст. Тарасовская по Ярославской ж.д.).

Об этом событии автору рассказывал очевидец – С. В. Михайлов – сын упоминавшегося лесничего (тогда еще мальчишка). Всю жизнь Сергей Васильевич проработал на фабрике^[34].

Сломанный орган культурного центра на «Пролетарке» и Черкизово перекликаются своими судьбами и событиями той жизни. Несмотря на то, что еще продолжалась Гражданская война, молодежь страстно стремилась приобщиться к высокой культуре. В Черкизове в 1920–1921 годах был образован музыкальный техникум им. Н. А. Римского-Корсако-

ва. Шефствовал над техникумом Большой театр. Педагогами были известные музыкальные деятели: С. В. Чудинов – балетмейстер Большого театра, А. Марков вел класс скрипки, композитор В. Я. Шебалин – теорию музыки, Л. Г. Ефимова – класс вокала, А. Н. Балахов – класс фортепиано, М. М. Морозов (внучатый племянник Саввы Ивановича Мамонтова) – историю театра, Ю. П. Никольский – дирижер, руководитель симфонического оркестра техникума, Н. К. Кацари вел класс духовых инструментов и был руководителем духового оркестра в черкизовском «Детгородке» – колонии по типу С. Макаренко, где директором был Павел Филиппович Шутов.

Сергей Васильевич Михайлов на любимой рыбалке в Астрахани (фото автора, 1970-е гг.)

В 1923 году на «Пролетарке», в Пирогово, брат Николая Кацари – Константин Константинович^[35] – организовал в помещении культурного центра (на бане) фабричный духовой оркестр. Со временем он организовал еще и женский духовой оркестр – более 20 человек. С учениками и взрослыми численность оркестра доходила до 100 человек. Играли семьями. Духовые инструменты получили с Московской музыкальной фабрики «Пятилетие Октября» (бывш. завод фирмы «Юлий Генрих Циммерман»), Репетиции проходили в предбаннике – и помещение большое, и акустика хорошая. Из тридцати лучших музыкантов был отобран образцовый состав, который в 1928 году сопровождал делегацию Московских профсоюзов на празднование 10-летия установления Советской власти на Украине. В то время столицей Украины был г. Харьков. После торжественных мероприятий на центральной площади города оркестр был приглашен на закладку фундамента ДнепроГЭСа. В 1931 году с этим же составом оркестра на Брянском (Белорусском) вокзале встречали А. М. Горького, вернувшегося в Россию. От имени рабочих фабрики «Пролетарская победа» ему подарили «штуку» хорошего сукна, а московские булочники преподнесли трехметровую булку, было много и других подарков... Алексей Максимович подходил к оркестру и с характер-

ным оканьем благодарил музыкантов за игру: «Спасибо, хороший оркестр, хороший».

В 1930-е годы Михаил Михайлович Морозов, читавший в техникуме (в Черкизово) историю театра, много писал о театре и Шекспире. Ставил сцены из спектаклей. Со временем он стал известным шекспироведом, крупнейшим знатоком и пропагандистом творчества Шекспира, редактировал переводы Бориса Пастернака шекспировских текстов. Софья Владимировна Гиацинтова дружила с его матерью – Маргаритой Кириловной Морозовой (урожд. Мамонтовой)

– племянницей Саввы Ивановича Мамонтова. Известен серовский портрет М. М. Морозова в пятилетнем возрасте – «Мика». Михаил Михайлович был образованнейшим человеком, всегда отличался блестящим остроумием. До сих пор сохранилась в воспоминаниях близких ему людей любопытная фраза: «Я так благодарен революции! Я ею спасен. Вы представляете меня миллионером? Да я бы спился давно и утонул в ванне с шампанским. Ведь все эти Хлыновы, Курослеповы из «Горячего сердца» – это же мои «родственники». О, их кровь во мне взыграла бы! А теперь я профессор, писатель – батюшки мои! Правда, я пью водку, но не купаюсь же в ней».

Сергей Иванович Чернышев студент ИМТУ. 1898 г.

Сергей Иванович Чернышев среди служащих, учителей и врачей фабрики в Пирогово (сидит в центре, справа батюшка местного храма)

Храм, построенный на средства Чернышевых. 1939 г. – готовится надругание, уже накинуты веревки на крест и купол

Духовой оркестр из рабочих фабрики «Пролетарская победа» (в центре, в папаше первый директор фабрики А. Преснов; слева К. Кацари – руководитель оркестра). 27 марта 1926 года в 3-летний юбилей оркестра

Детский духовой оркестр

Женский духовой оркестр

Николай Александрович Щельцын – кандидат технических наук, профессор, директор Государственного научно-исследовательского тракторного института (НАТИ). Н. А. Щельцын работает в НАТИ с 1963 года, с 1989 года – директор. В 2000 году институту исполнилось 75 лет, его история – это история коллектива людей, посвятивших свою жизнь исследованиям и разработке отечественных тракторов. Николай Александрович удивительно бережно относится к истории института – как и к своей родословной. Многими сведениями о потомках Саввы Ивановича Мамонтова читатель обязан этому обаятельнейшему человеку.

Его жена – Ольга Николаевна Сорокина – инженер НАТИ. Есть у них и дети, и внуки.

Любопытно отметить: Савва Иванович Мамонтов родился в 1841 году, его правнук по линии сына Всеволода – Николай Александрович Щельцын – в 1941 году, а другой правнук по линии дочери Веры – Иван Николаевич Чернышев – тоже в 1941 году. Таким образом, оба правнука по разным линиям родословной родились через 100 лет после рождения их знаменитого прадеда! Поистине, число 41 – знаменательное в роду Мамонтовых.

Софья Всеволодовна Мамонтова (1904–1991)

– младшая дочь Всеволода Саввича Мамонтова – была замужем за писателем Олегом Васильевичем Волковым (1900–1996), автором книг «Погружение во тьму», «Два стольных града» и др.

Олег Васильевич Волков по материнской линии – правнук Михаила Петровича Лазарева – знамени того русского адмирала. М. П. Лазарев с 1833 по 1851 год был главнокомандующим Черноморским флотом и воспитал таких флотоводцев, как В. И. Истомин, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов. Род Лазаревых дал России семерых адмиралов...

Михаил Петрович Лазарев (1788–1851) родился в дворянской семье, окончил Морской кадетский корпус, всю свою жизнь посвятил российскому флоту. Свое первое кругосветное плавание он совершил в 1813–1816 гг. – от Крон-

штадта до Аляски и обратно. В 1819–1821 годах он в качестве командира шлюпа «Мирный» и помощника начальника кругосветной экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена участвовал в открытии Антарктиды. Михаил Петрович – участник многих морских сражений и научных экспедиций. В его честь названы острова, бухты, мысы, порты, заливы и – море Лазарева у берегов Антарктиды.

В летнее время мать О. В. Волкова, Александра Аркадьевна, вывозила детей во Францию, в Ниццу, где жил ее отец Аркадий Юльевич Левенстам, женившийся в свое время на Елизавете Андреевне Лазаревой. А его брат, **Михаил Юльевич Левенстам**, был архитектором всех вокзальных и других деревянных строений Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги.

Левенстамы – родовитые датчане, издавна укоренившиеся в России. Брат матери О. В. Волкова – Александр Аркадьевич Левенстам – учился в Пажеском корпусе в Петербурге – самом привилегированном учебном заведении, для поступления в которое требовалось иметь не менее шести поколений наследственного дворянства.

Вся жизнь семьи Волковых была омрачена мытарствами по ссылкам, тюрьмам и лагерям в период сталинских репрессий: Софья Всеволодовна провела пять лет в марийских лагерях, отбывала ссылку в Архангельске, Олег Васильевич – в Архангельской тюрьме, на Соловках, в лагерях Коми края.

Дети Олега Васильевича Волкова и Софьи Всеволодовны

Мамонтовой – Мария и Всеволод.

Мария Олеговна работала радисткой в Арктике, на острове Диксон; там она вышла замуж за Валентина Игнатьевича Игнатченко – начальника Западного сектора Арктики, инженера связи.

Всеволод Олегович, – доктор экономических наук. Он много лет работал в Госплане СССР, в Министерстве внешней торговли. Последние годы он возглавлял небольшие консалтинговые компании. В настоящее время – директор по финансам и маркетингу американской консалтинговой компании Hagler Bailly. Его жена – Анна Всеволодовна Веселовская. У них две дочери Мария и Софья, внуки – своя ветвь родословной.

Более подробные и интересные сведения о судьбе О. В. Волкова, жизни его поколения, полной трагизма и высокой стойкости духа, содержатся в авторских книгах Олега Васильевича.

Младшая дочь Саввы Ивановича Мамонтова Александра после смерти сестры Веры (1907 г.) и матери (1908 г.) стала хозяйкой усадьбы Абрамцево. На ее плечи легли заботы по уходу за домом и хозяйством. Порой опускались руки, не было сил для поддержания всех ценностей усадьбы – наследия Аксаковых и Мамонтовых. Наступили «окаянные дни»... Александра Саввишна написала письмо другу семьи П. А. Флоренскому о трудном положении, сложившемся в

результате и материальных затруднений, и своей усталости. Ее не покидало состояние угнетенности и безысходности. Павел Александрович откликнулся ответом:

«1917. VII.30. Сергиев Посад.

Глубокоуважаемая Александра Саввишна.

С грустью я получил сегодня после обедни Ваше письмо. Вы пишете о своей апатии и даже о своем равнодушии к тому, над охранением чего стояли столько времени. Если Вы утомлены, если Вы расстроены чисто физически, конечно, я понимаю Вас: слишком много у каждого из «граждан» нашего милого отечества поводов для усталости. Но, конечно, эта усталость пройдет в свое время. Однако Ваши слова звучат, кажется, и более значительно. Вы, как мне показалось из письма, допускаете в свое сердце равнодушие и более существенное, чем от нервного утомления. Но из-за чего. Все, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что нигилизм, исчерпав себя, докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе; и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись обратятся к русской идее, к идее России, святой Руси. Все то, что Вам дорого в Абрамцеве, воссияет с силой, с какой никогда еще не сияло, потому что наша интеллигенция всегда была наполовину, на треть, на четверть и т. д. нигилистичной, и этот нигилизм надо было изжить, как надо бывает болезни

пройти через кризис. Я уверен, что худшее еще впереди, а не позади, что кризис еще не миновал, но я верю и в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века. Тогда «Абрамцево» и Ваше Абрамцево будут холить и беречь: каждое бревнышко Аксаковского дома, каждую картину, каждое предание... И Вы должны заботиться об этом ради будущей России вопреки всяким возгласам и крикам. А покос-Бог с ним. Вы проживете и без покосов. А Абрамцево с покосами мало связано, по крайней мере в моем сознании. Я понимаю, что человеческую недобросовестность тяжело видеть, но она была, есть и будет. И пока мы живем в мире, а не на небесах, будет бесчестность, грубость, будут разбои и войны, и с ними надо заранее как-то посчитаться в душе своей и раз и навсегда как-то перестать их замечать. Иначе, волнуясь за других, мы рискуем потерять из виду собственную свою светлую уже, духовную культуру Родины, рискуем оторваться от живого нерва Руси. А ведь Вы-то не сомневаетесь, что дорогое Вам, Ваша теплота к отошедшим отсюда, то благоухание прошлого, которым жила Родина, Ваше чувство связи с историей – все это действительно есть. И что Вы хранительница чего-то более тонкого, чем только покосы, лес и даже дом, что Абрамцево, дорогое Вам, есть духовная идея, которая неуничтожаема. Скажу худшее. Если бы Абрамцево уничтожили физически, то и тогда, несмотря на это великое преступление перед

русским народом, если будет жива идея Абрамцева, не все погибло. Но вот когда Вы внутренне охладете к аромату истории, тогда будет совсем худо и Ваша вина, вина Вас, знавшей душу Абрамцева, будет неизмеримо больше вины тех кто не зная души его, погубил его тело. Простите глубокоуважаемая Александра Саввина мои рассуждения, которые невольно вылились у меня в связи с Вашим письмом. Преданный Вам, священник Павел Флоренский^[36].»

* * *

Фундаментальные исследования всей огромной родословной Саввы Ивановича Мамонтова принадлежат ныне покойной Ольге Ивановне Арзумановой. Она была главным хранителем Государственного музея-заповедника «Абрамцево» и много лет посвятила изучению судеб потомков С. И. Мамонтова, искусствоведческому анализу их портретов, написанных известными и незаслуженно забытыми ныне художниками, хранящимися в Государственных музеях и частных коллекциях. Ольга Ивановна мечтала написать книгу на основе собранных ею материалов по родословной большой семьи Мамонтовых с кратким описанием и фотографиями – от предков до потомков. Но неожиданная, преждевременная кончина ее в январе 2001 года перечеркнула все надежды и планы.

Автору же представилась возможность только коротко осветить их судьбы с помощью опубликованных сведений и архивных материалов, полученных при общении с сотрудниками музея в Абрамцево и краеведческого отдела Историко-художественного музея-заповедника в Сергиевом Посаде, и, конечно, с самими потомками Саввы Ивановича. Везде – доброжелательное отношение к поискам и с их любезного разрешения представляется возможным привести некоторые сведения, собранные ими.

Зима в Абрамцево

**(из воспоминаний Е. А.
Самариной-Чернышевой)**

«...Зима – первый снег, сколько радости он приносит в детстве. Дом становится еще уютнее с топящимися печами и каминами, слышно потрескивание дров и их совсем особый сильный запах, а по вечерам всюду в доме зажигаются керосиновые и спиртовые лампы с такими красивыми расписными абажурами. А вот уже появляются лыжи и санки, и мы с необычайным азартом катаемся с гор. Это увлечение присуще Абрамцево еще со времен мальчиков Мамонтовых, сыновей Саввы Ивановича^[37], и с ними Серова, кото-

рые, по рассказам, на санках катались от самой террасы дома до нижнего пруда, обгоняя друг друга, и притом ухитрялись перекидывать на ходу с одних саней на другие младшего члена безумной компании Александру Саввишну – Шуру, отличавшуюся крайней смелостью. Помню, как по заведенному бабушкой Елизаветой Григорьевной обычаю, нас на Святках уже ночью, как, наверное, казалось нам тогда, усаживали в большие сани и возили на быстрых, запряженных парой или гуськом лошадях в лес, где на какой-нибудь поляне были зажжены свечи на большой заснеженной елке, и мы, маленькие дети, верили, что елка у зверей. А звери-то тогда действительно были. Осенью медведь выходил на поспевающие овсы где-то между Абрамцевом и Артемовом».

Елизавета. Александровна Чернышева (Самарина) – дочь Веры Саввишны Мамонтовой – мужественно перенесла невзгоды своей судьбы через всю жизнь (1905–1985). Детство ее прошло в Абрамцеве. В 1930-е годы она последовала за отцом, А. Д. Самариним, в ссылку – в Якутию, а затем в Кострому. После смерти мужа, Николая Сергеевича Чернышева, репрессированного по так называемому церковному делу в 1941 г. (погиб в заключении в 1942 г.) одна вырастила и воспитала двоих детей – Сергея и Ивана. С 1945 года ее жизнь была связана с музеем В. Д. Поленова, где, вернувшись из эвакуации, она получила приют и работу (из-за ареста мужа Елизавета Александровна была лишена квартиры и

московской прописки). Начав работать в скромной должности бухгалтера музея, со временем стала его главным хранителем. Всю оставшуюся жизнь Елизавета Александровна посвятила научной работе. Она составила каталог музея-усадьбы В. Д. Поленова (издан в 1964 г.), написала прекрасные воспоминания об отце – А. Д. Самарине («Московский вестник», № 1, 2, 1990).

В августе 1920 года Абрамцево стало музеем. Заведующей была назначена Александра Саввишна Мамонтова. Экскурсии тогда водили все члены семьи. В эти годы работал в музее и отец Елизаветы – Александр Дмитриевич Самарин. Историк, в прошлом московский губернский предводитель дворянства, а в 1915 году (с 5.07 по 25.09) – обер-прокурор святейшего Синода. Первый раз его арестовали осенью 1918 года. Второй раз он был вызван повесткой из Абрамцева в Москву в августе 1919 года. Тогда его приговорили к расстрелу, но заменили тюремным заключением «впредь до окончательной победы мирового пролетариата над мировым империализмом». Когда Таганскую тюрьму, где находился Александр Дмитриевич, посетили члены Коминтерна, одна из посетительниц, узнав о приговоре и сроке Самарина, с недоумением спросила его по-французски: «А когда это будет, месье?»

Елизавета Самарина с отцом Александром Дмитриевичем Самариным в Якутской ссылке. 1927 г.

В 1922 году его освободили. И еще три с половиной года он проработал в Абрамцевском музее. Вложил в него много сил и энергии. На нем лежали заботы по ремонту хозяйства. Водил он и экскурсии. Работал в огороде, колол дрова. Чистил стойло коровы... Последовал третий арест. Е. А. Самарина-Чернышева вспоминает:

«...Была глухая, темная бесснежная осень 1925 года. Земля замерзла, но не покрылась снегом. Ночи стояли темные и мрачные. В такую ночь раздался резкий стук в двери дома. Обыск. Чужие, чуждые люди пришли за моим отцом. Зажгли

убогие керосиновые лампы, началось хождение по темному холодному дому. Мы жили тогда в разных концах дома, отапливались отдельные комнаты-оазисы. Музей занимал большую часть низа и на зиму был закрыт. Обыск. Что может быть отвратительней враждебных, чужих глаз и рук, имевших право пересматривать все самое дорогое и заветное. Кто не испытал этого, тот не поймет всей униженности, которую чувствует человек при виде этих рук и глаз, проникающих в его жизнь. Ночь на исходе. Люди кончили «свое дело». Отец готов идти. Почему-то в памяти не сохранились минуты прощания в эту ночь. Может быть, потому, что мне разрешено проводить отца до станции Хотьково. Столько раз мы ходили вместе, вдвоем, в столь любимый нами Хотьков монастырь. Папа всегда впереди, высокий, с легкой и быстрой походкой, я за ним почти вприпрыжку и тоже легко и радостно. Хотьков мне второй дом. Как любили мы монашеское стройное пение, чинность службы, необычайную чистоту – сияние в храме. В эту ночь мы шли молча, окруженные конвоем, чужими людьми. Вот и станция. Сидим в столь знакомом с детства станционном «зале». Молчание. Подходит поезд из Сергиева Посада. Я отхожу в сторону. Что в это время в душе! Расставание с отцом уже не первое... В этот день, вернее в эту темную, мрачную ноябрьскую ночь, отец ушел из дома навсегда, а для нас ушел из жизни родной, милый абрамцевский дом».

А. Д. Самарин был сослан на три года в Якутию. Потом

получил «минус шесть», т. е. было исключено право жить в Москве и еще пяти крупных городах. В 1929 году он поселился в Костроме. Весной 1931 года его арестовали снова. Умер А. Д. Самарин на свободе в январе 1932 года. (См. публикацию Т. В. Смирновой в газете «Вперед» от 6 августа 1998 г.).

Когда Александра Саввишна стала заведующей музеем «Абрамцево», она имела на руках охранную грамоту от Советской власти. Национализированный музей-усадьба первое время носил имя С. Т. Аксакова. В административной и хозяйственной деятельности помогали родственники и друзья семьи – упоминавшиеся П. А. Флоренский, С. Н. Дурылин, П. П. Кончаловский.

Была налажена культурологическая деятельность музея, в усадебном храме продолжались праздничные службы.

1926 год... Александру Саввишну арестовали второй раз (первый арест был в 1918 году). Однако Константин Сергеевич Станиславский вступился за нее. Начались ходатайства, и вскоре А. С. Мамонтову освободили, но запретили проживать в Абрамцево, как и всем родственникам.

В 1932 году музей преобразовали в Дом отдыха творческих работников, в первые годы Великой Отечественной войны здесь был размещен госпиталь. После войны, по ходатайству И. Э. Грабаря^[38], началось восстановление музея. Сколько было невосполнимых потерь из музейных фондов!?

И все-таки, из того, что осталось, Мамонтовы вновь воссоздают мемориальную среду усадьбы – наследие Аксаковых и Мамонтовых. В 1945 году на усадебном доме появилась другая охранная «грамота» – доска с указанием, что здесь жил и работал великий русский художник-реалист И. Е. Ре-

пин... всего лишь.

Род Мамонтовых продолжается. Мамонтовы, Арцыбушевы, Лансере, Веревкины, Чернышевы... судьбы потомков пересеклись удивительным образом. Как говорит народная молва, «знакомых мы выбираем сами, а родных дает Бог».

Святость семейных традиций поддерживается всей многочисленной ближней и дальней родней потомков Саввы Ивановича.

Имя Саввы Ивановича Мамонтова власть предержавшие старались предать забвению. Им было неведомо, что С. И. Мамонтов – это и есть духовная идея, которая неуничтожаема.

При жизни его называли благородным меценатом. В постсоветское же время само это слово вызывало аллергию у апологетов марксистской идеологии. Да и в 2000 году еще можно было услышать по Московскому областному радио: «Куда девали народные деньги эти Мамонтовы и Арцыбушевы?» Другие пытались изобразить С. И. Мамонтова этаким подгулявшим купчиком: «И – и – эх, знай наших ходи черноголовые, да я четвертаками дорогу выстелю...». Третьи писали и пишут, что он «являлся противоречивой фигурой своего времени: с одной стороны делец, владелец заводов, а с другой – талантливый самородок, знаток искусства; с одной стороны стяжатель, а с другой – человек, оказывающий бескорыстную помощь художникам, композиторам...»

Только вот души-то Саввы Ивановича они так и не поняли

по причине нежелания утруждать себя знанием подлинной истории жизни наших славных соотечественников. В том-то и ценность личности Саввы Ивановича Мамонтова, что его натура, как символ русской души и мысли, многогранна и цельна!

С. И. Мамонтов никогда не заискивал перед властью, был он человеком гордым и независимым, ему чужды были низкопоклонство, зависть и честолюбие. А по отношению к близким людям он всегда был искренне заботлив, поэтому и покровительствовал художникам, поэтам и писателям, артистам и музыкантам. Он ведь и сам был даровитым скульптором, да и за рояль садился в любой момент, когда требовалось разобрать с солистами или хором любой клавир из готовящейся к постановке оперы.

Не лишним будет напомнить читателям о том, что слово «меценат» имеет свои исторические корни. Гай Цильний Меценат (Maecenas) был придворным советником у Римского императора Октавиана Августа, человеком слыл независимым и состоятельным. Лучшие поэты того времени, в том числе Вергилий и Гораций, находили в нем внимательного и заботливого защитника и покровителя. Своими деяниями он заслужил славу и признательность перед римской литературой, и имя его осталось в веках.

Так и имя благородного, почетного гражданина Саввы Ивановича Мамонтова будет навсегда сохранено в истории России.

30 мая 1999 года – День Св. Троицы. В Сергиевом Посаде – это День города. Из обширной культурной программы:

«Привокзальная площадь – 13.30. Открытие памятника предпринимателю и меценату Савве Мамонтову. В здании железнодорожного вокзала – фотовыставка, посвященная Савве Ивановичу».

На открытии памятника выступили и возложили цветы Глава администрации Сергиево-Посадского района В. Гончаров, сотрудники государственного музея-заповедника «Абрамцево» и многочисленные гости.

С краткой речью обратился к присутствующим и совершил чин Освящения главный эконо́м Троице-Сергиевой лавры о. Георгий.

Из потомков С. И. Мамонтова присутствовали: Всеволод Олегович Волков и Иван Николаевич Чернышев – правнуки; Сергей Саввич Мамонтов с сыном Ванечкой – праправнук с прапраправнуком.

Скульптор памятника – Валентин Александрович Чухаркин.

На основании памятника высечены слова:

«Выдающемуся деятелю Российской культуры, меценату, крупному промышленнику, строителю железных дорог России».

Всеволоду Олеговичу Волкову была представлена честь сказать ответное слово и перерезать ленту, открыть памятник – символ торжества восстановленной Памяти об одном из славных сынов нашего Отечества.

В октябре 2001 года в Ялуторовске, на родине С. И. Мамонтова, установлен еще один памятник – стела с бюстом Саввы Ивановича к его 160-летию со дня рождения. На открытие памятника были приглашены потомки С. И. Мамонтова. Связь времен и поколений продолжается.

Юбилейная дата широко отмечалась общественностью в Москве и Подмосковье. С 17 по 21 октября проводились различные культурные мероприятия в Абрамцеве, ЦДКЖ (Центральный дворец культуры железнодорожников), концертном зале ДК МГСУ им. В. В. Куйбышева, в Московской ДМШ им. В. И. Мурадели, Московской детской школе искусств № 2 им. С. И. Мамонтова. Весь комплекс программы проводился под патронажем Министерства культуры Российской Федерации, комитета по культуре Правительства Москвы и Регионального благотворительного общественного фонда содействия сохранению и развитию русской культуры им. С. И. Мамонтова. Финансовую помощь в организации этой акции оказало Управление Московской железной дороги.

17 октября состоялось открытие фотовыставки «С. И. Мамонтов и его современники» из коллекции музея-заповедника «Абрамцево». В последующие дни проходили конкур-

сы-фестивали, в которых приняло участие более 20 детских хоров и солистов детского академического и народного пения под девизом «С любовью к Отечеству»,

В заключительной части программы состоялся концерт лауреатов конкурса. Член жюри, композитор Мераб Константинович Парцхаладзе от имени оргкомитета передал сборник своих новых детских песен (а капелла) в дар детскому хору Мытищинского городского дворца культуры.

10 февраля 2002 года потомки С. И. Мамонтова и К. Д. Арцыбушева пригласили в Абрамцево работников посольств Чили, Франции и Литвы для ознакомления с творческим наследием С. И. Мамонтова и его окружения из друзей и соратников – художников, скульпторов, музыкантов и писателей. Чрезвычайный и Полномочный посол Чили Пабло Кабрера с работниками посольства, представители Литвы – доктор Зенонас Намавичус, Римантас Шидлаускас, Дайнис Тринкунас, представитель Европейской комиссии Евросоюза – Борис Ярошевич, ведущий солист Большого театра Владимир Редькин и другие гости ознакомились с достопримечательностями усадьбы, мемориальным комплексом дома-музея.

Праправнуку Саввы Ивановича, Сергею Саввичу Мамонтову, была вручена памятная записка от имени Главы администрации Мытищинского района А. Е. Мурашова и председателя Совета депутатов Мытищинского района Г. И. Киселева:

«Мытищинцам памятно имя Саввы Ивановича Мамонтова как крупного промышленника и строителя железных дорог России, разносторонне образованного театрального и музыкального деятеля; как инициатора строительства и одного из основателей Мытищинского вагонного завода».

В центре Николай Александрович Щельцын (правнук С. И.

Мамонтова)

Слева направо: Федор Васильевич Поленов (внучатый племянник С. И. Мамонтова), Сергей Николаевич Чернышев (правнук С. И. Мамонтова), Н. Дуданова – искусствовед

Всеволод Олегович Волков (правнук С. И. Мамонтова)

Учащиеся детской школы искусств № 2 имени С. И. Мамотова

Заслуженная артистка России Татьяна Дронова

Зенонас Намавичус с супругой Нейле в Абрамцево, 10 февраля 2002 г.

Справа налево: Сергей Саввич Мамонтов (праправнук С. И. Мамонтова с детьми Андреем и Иваном), посол Чили Пабло Кабрера, советник посольства. Абрамцево, 10 февраля 2002 г.

Открытие памятника Савве Ивановичу Мамонтову в Сергиевом Посаде 30 мая 1999 г.

Стела на родине С. И. Мамонтова в Ялutorовске, октябрь 2001 г.

Константин Дмитриевич Арцыбушев (1849–1901)

О месте рождения, годах детства и отрочества К. Д. Арцыбушева документальных сведений не обнаружено. Известно лишь, что в 1869 году он окончил учебное заведение в Германии, где получил инженерное образование. Деловую карьеру начинал как инженер-технолог в Домостроительном и Лесопромышленном акционерном обществах. Через год-два производство пиломатериалов окупилось и стало прибыльным благодаря его деловым качествам и знаниям технических возможностей деревообрабатывающих станков и оборудования. В течении десяти лет он весьма успешно продвигался по службе и вскоре принял пост управляющего в обоих акционерных обществах, а затем стал их директором.

Женитьба на Марии Ивановне Лахтиной сблизила его с семьей Мамонтовых. Отец Саввы Ивановича Мамонтова, Иван Федорович, был женат на Марии Тихоновне Лахтиной, приходившейся Марии Ивановне двоюродной сестрой. Так Иван Федорович и Константин Дмитриевич стали свояками. Арцыбушев с юных лет трепетно относился к искусству живописи. Бывая в Германии и Петербурге, он обязательно посещал художественные салоны, картинные галереи и извест-

ные музеи, был завсегдатаем на вернисажах, где мог часами рассматривать и анализировать работы наиболее интересных художников^[39].

В семье Мамонтовых Арцыбушевы почитались как самые близкие родственники и на лето, по приглашению Саввы Ивановича, перебирались из Москвы в Абрамцево.

Цеха Домостроительного акционерного общества размещались в Мытищах. Для строящейся Московско-Ярославской железной дороги Арцыбушев приобрел шпалорезку и оперативно запустил ее в работу – шпалы поставлялись бесперебойно.

В 1885 году он возглавил Правление дороги и пять лет руководил эксплуатационной и ремонтной службами. Под его руководством был установлен образцовый порядок в службе движения дороги.

В составе Правления Арцыбушев был наиболее опытным руководителем и грамотным инженером – правой рукой Саввы Ивановича, его первым заместителем. В общей сложности они проработали вместе около двадцати лет. Поэтому Мамонтов привлекал его к реконструкции Невского и Нижнеудинского заводов как самого надежного исполнителя. С мнением Арцыбушева по техническим вопросам считались все члены Правления дороги и заводские инженеры. Ему и доверил Савва Иванович все организационные вопросы по формированию Московского «Акционерного общества Вагоностроительный завод» и само строительство завода в Мы-

тицах. На всех документах, относящихся к организации общества и строительству завода, стоит его подпись: Директор-распорядитель К. Арцыбушев.

Первоначально К. Д. Арцыбушев жил в Москве, в доме № 2 по Фролову переулку – рядом с Училищем живописи, ваяния и зодчества, напротив Главпочтамта.

Затем у него был свой дом на Сыромятниках, у Курского вокзала, в котором он оборудовал прекрасную мастерскую, чтобы там могли работать художники К. Коровин, В. Серов, В. Васнецов, М. Врубель (дом не сохранился, на этом месте теперь универмаг «Людмила»). Константин Дмитриевич был человеком одаренным от природы, он тонко понимал искусство, ценил труд художников и всегда помогал им; многих поддерживал материально, как и Савва Иванович Мамонтов. По натуре он был очень скромным и даже застенчивым, не любил позировать перед фотообъективом. На всех групповых семейных фотографиях он всегда на заднем плане, в тени. Ни на одной из фотографий, сохранившихся в фондах РГАЛИ, невозможно различить черты лица^[40]. Единственный портрет, передающий его напряженное внутреннее состояние, выполнен М. А. Врубелем в 1897 году и считается одним из шедевров русской живописи.

1899 год. Судебное расследование, арест, судебный процесс... В книге «Процесс Саввы Мамонтова и другие судебные драмы» в главе «Последнее слово подсудимых» приводятся выдержки из его речи:

«Говорят, что я пришел на Ярославскую дорогу неимущим и на ней нажился, составил себе громадное состояние. Все это неправда. Я никогда не был неимущим, и карьера моя сложилась удачно, через два года после окончания технического образования за границей я получил место управляющего <...>, директора вагонного завода. С тех пор я никогда не получал низких окладов и в течение 30-ти лет имел собственные дела. И до ареста я не обладал никаким таким громадным состоянием. А после ареста, – если присяжные будут объективны и снисходительны, и я выйду из зала суда оправданным, что меня ожидает на свободе? Я выйду отсюда с разбитым сердцем, с потерянными здоровьем, обесславленным».

С момента ареста Константина Дмитриевича, как и Савву Ивановича, около года содержали в одиночке Московской губернской тюрьмы. Сохранилось его письмо к Виктору Михайловичу Васнецову, который навещал своего друга, как и другие художники:

«Дорогой Виктор Михайлович, крепкое спасибо тебе за твою память и твое дружественное письмо. Ты не можешь представить себе, как обескураживает человека подобное заключение. Чувствуешь себя совершенно беспомощным, беззащитным и оскорбленным до крайности. И если бы не доходили сочувственные отзвуки с извне – так хоть умирай. Василий Дмитриевич (Поленов-прим. авт.) при посещении сумел меня обнадежить,

что наши милые друзья нам верят и ожидают нас, чтобы зажить вновь новою жизнью. Замедлил тебе писать, п.ч. был в большом волнении, ожидая окончания следствия и надеялся на освобождение. Но, увы! Теперь приходится ожидать суда, как оказалось, суда нескорого, но надеюсь милостивого и, во всяком случае, справедливого. Еще раз большое спасибо тебе за дружбу и память, кланяюсь всем твоим, обнимаю тебя крепко, любящий тебя – К. Арцыбушев.

10 мая 1900 года. Камера одиночного заключения № 163 Московской губернской тюрьмы.

Р. С. Не мне стыдно за все это!»

Через год после суда и освобождения Константин Дмитриевич Арцыбушев скончался. Место его захоронения неизвестно.

Родословная Константина Дмитриевича Арцыбушева имеет свою, весьма любопытную историю. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, изданном в 1890 году, приводятся сведения о его предках, собранные в труде известного исследователя генеалогии русских дворянских родов Петра Владимировича Долгорукого (1816–1868) – «Российской родословной книге» (1854 г. изд.).

Арцыбашевы – самые первые известия о представителе этой фамилии появляются в начале XVI века: некто Петр по прозвищу «Арцыбаш», Кашпаров сын, – немец по происхождению, переселился из Германии в Литву, а из Литвы в Россию еще при отце Ивана Грозного.

Со временем от исходной фамилии произошли три сходные по звучанию: Арцыбашевы, Арцыбышевы и Арцыбушевы.

«Петр Арцыбаш имел двух сыновей, из которых один – Андрей Петрович был дьяком и сопровождал Русское посольство князя Захария Ивановича Сугорского к императору Максимилиану II в 1573(?)г. Другой сын – Григорий Петрович погиб при взятии Казани и 2 октября 1552 года его имя вместе с именами других погибших вписано в синодик Московского Успенского собора на вечное поминовение. Внук Андрея Петровича – Федор Михайлович, как выборный от серпуховских дворян, участвовал в 1613 году в избрании царя Михаила Федоровича Романова».

Сыновья Григория Петровича – Василий Невзор и Матвей Торопец – уже числились как дети боярские Богословского Погоста, в Вотской пятине, в Новгородской земле; кроме того, они были жалованы от Ивана Грозного поместьями за усердную государеву службу в ратном деле в Московском уезде со 2 октября 1550 года.

В XVII веке Арцыбашевы находились в городских дворянах, стольниках и стряпчих. Так, Михаил и Назарий Иевлевичи в последней четверти XVII века были стольниками царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, первой жены Петра I, матери царевича Алексея. Правнук Василия Невзора, Иван Иванович, погиб под Чудновым в 1659 году. Правнуки Матвея Торопца, Демид и Прокофий Перфильевичи, погибли под Конотопом в 1660 году.

Таким образом прослеживается «специализация» мужской ветви Арцыбашевых как людей в основном служивых, военных, участвовавших во многих кампаниях, как и положено государевым дворянам. В 1669 году населенными именьями владели уже тринадцать родов Арцыбашевых, Арцыбышевых и Арцыбушевых. Причем, каждая ветвь фамилии имела свой герб и свою родословную роспись в Разрядном приказе – государственном учреждении допетровской Руси, ведавшем вопросами генеалогии.

Герб рода Арцыбушевых^[41] по сей день сохраняется у потомков в виде гипсовых слепков, на именных перстнях, на рисунках и гравюрах.

В «Русском Биографическом словаре» издательства Гранат есть расхождения с предыдущими изданиями «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Дело в том, что многочисленные потомки рода Арцыбашевых в конце XVII века, при упорядочении родословных росписей, подали в Разряд путаные сведения относительно происхождения своего рода. По разным причинам были пропущены многие родственники, в том числе и Андрей Гаврилович!

В жалованной грамоте от 12 февраля 1575 года указывается, что Андрей Гаврилович был дьяком царя Ивана Грозного в одном из московских Приказов. А его брат Посник Гаврилов владел поместьем под Москвой в Шеренском стане. В одной из росписей все-таки обнаружен Гавриил Григорьевич Арцыбашев – очевидно, их отец, внук родоначальни-

ка – Петра по прозвищу «Арцыбаш». Вся интрига возникла вследствие того, что потомки, запутавшись в огромной родословной, записали Гавриила Григорьевича бездетным!

Составители «Русского Биографического словаря» обратились в архивы министерств иностранных дел России и Германии (П. В. Долгоруков, корреспондент Герцена и Огарева, находясь в эмиграции, сделать этого, естественно, не мог). Оказалось, что в Германии сохранились подлинники документов, по которым был уточнен год приезда Московского посольства к Максимилиану П: 1576–1577, вместо 1573 г.; там же были обнаружены краткие сведения о составе посольства, а также выгравированное изображение всех его членов. И под портретом сопровождавшего посольство дьяка Арцыбашева выгравировано: «Andre Gawrilowiz Ertzybuschuf».

Обнаружено также, что в Москве был сочинен и ходил по рукам любопытный вымышленный статейный список посольства с описанием пышных приемов в честь этого события, красочных обстоятельств возвращения послов и т. д. Не обошлось и без излишних восторгов, и, к сожалению, домыслов, ошибок (ну прямо как в газетах сегодняшних дней).

В результате дальнейших поисков обнаружено подлинное описание истории посольства (1576–1577) и по документально уточненным сведениям был составлен наиболее достоверный очерк истории этого посольства, который произвел тогда огромное впечатление в Европе и в России.

«...В самом начале в 1576 г., когда в Москве были по-

слы императора Священной Римской империи, по поводу не занятого Польского Престола, Иоанн Кобенцель и Даниил Принц, состоялось назначение Андрея Гавриловича в Посольство. К императору Максимилиану II были отправлены в качестве «легких» послов князь Захарий Иванович Сугорский с титулом наместника Белозерского и дьяк А. Г. Арцыбашев. Целью Посольства было уяснение отношений Германии и России в польском вопросе. Послы должны были выразить готовность русского государя содействовать всеми мерами избранию на Польский Престол австрийского принца Эрнеста, при условии что, если поляки и литовцы не выберут себе одного государя, то «литовское бы великое княжество и с Киевом и что к нему города» отошли бы к государству Московскому. Последнее условие основывалось на том, что сам царь и еще более сын его были претендентами на Польскую корону. Относительно Ливонии заявлена была решительная просьба, чтобы император в нее не вступался, так как она «прародительская изстаринная отчина» царя и великого князя.

Русские послы выехали из Москвы 5 марта 1576 года. С ними ехал и Даниил Принц, 3 мая подошли из Юрьева к рубежу и 13 мая прибыли в Ригу. 27 июня послы добрались до Праги, где и пробыли шесть дней».

В статейном списке описана торжественная встреча русских послов в Праге. «И послы на королеве почтivosti целом били и завстречники ехали в город, а как въехали в го-

род и по улице стояли по обе стороны стрельцы с пищалями и рогатинами человек с тысячу...»

Самого императора в Праге не было, поэтому послы 2 июля выехали в Рейншпурк (Регенсбург), где находился в это время Максимилиан. В город въехали 7 июля с еще большей торжественностью. После нескольких парадных обедов и угощений 16 июля состоялось представление российских послов Императору.

Андрей Гаврилович подробно описывал прием – даже мелочи не ускользали от его внимания. С необыкновенной тщательностью он описывал костюм императора и его постель.

Максимилиан II и его «думники» отнеслись к российскому посольству чрезвычайно внимательно, письменный ответ от императора исправлялся несколько раз по указаниям послов, которые имели несколько аудиенций у цесаря и несколько раз разговаривали с императорскими «думниками» о государевом царском имении и о Лифляндских землях.

Приемы у императора были 1, 7, 27 и 28 августа. Переговоры подходили к концу, как вдруг, после очередной аудиенции – в тот же день, Максимилиан заболел. «Изымала его немощ великая», – как отвечал послам пристав, – «лежит конечно болен». Русское посольство решено было отпустить как можно скорее, чтобы оно могло вернуться в Москву до зимы – это произошло 15 сентября. Андрей Гаврилович от-

мечал в своих записях: «Цесарь принимал послов в постели, а на нем юпа, – сукно бархатно, – теплая; колпак пухов бурнатын, подложен бархатом червленым; одеяло – камка золотное. При цесаре стоял пан Ласской да два каморника».

Послы были отпущены с великой почестью и осыпаны дарами. 17 сентября посольство выехало в Россию.

Андрей Гаврилович получил от цесаря золотую цепь, кубок и двести «злотых белых польских». Возвращались послы из Штетина морем. Пока ожидали попутного ветра, пришло известие о кончине Максимилиана, последовавшей 12 октября. На следующий день вышли в море и были уже в пути шесть дней, когда поднялся сильный шторм и усилились морозы. Послы были вынуждены повернуть назад, чуть было не зазимовав в Померании. Только 15 декабря добрались до Пернова (совр. Пярну), а 3 января 1577 года посольство возвратилось в Москву²⁷.

Удачное участие в посольстве выдвинуло Андрея Гавриловича, и он был назначен дьяком в Разряд, а затем старшим дьяком в Приказ Большого Прихода, где и прослужил 6 лет. В последующие годы А. Арцыбашев служил старшим дьяком в Великом Новгороде, но попал в опалу, по указу 23 декабря 1593 г. «...Ондреевское поместье Арцыбашева, что им владел без государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу самоволством» велено было отписать

²⁷ Подробнее о посольстве см. в кн.: Путешествия русских послов в XVI–XVII вв. Статейные списки. М., Л., 1954.

за государем царем и великим князем. Но Андрей Гаврилович сумел сохранить за собой какую-то часть поместий в Великом Новгороде, и в 1599 он вновь числился старшим дьяком Большого Прихода. Его подпись находится на скрепах приказных дьяков, на грамоте избрания на царство Бориса Годунова. Последнее упоминание его имени обнаруживается в документах Разряда в 1603 году: «а указал нам царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии которым бояром и дворяном и дьяком быть на Москве в осадное время, – в большом старом и каменном городе быть боярину князю Федору Михайловичу Трубецкому да дьяком Андрею Арцыбашеву да Насилью Нелюбову». Дальнейшая судьба его неизвестна. Очевидно около этого времени Андрей Гаврилович Арцыбашев скончался...

Выше должности дьяка на государевой службе никто из потомков Петра, родоначальника российской ветви родословной, не поднимался. Из многочисленных родов в Курской^[42] губернии позднее обосновались **Арцыбушевы** – мелкопоместные дворяне, служилые люди, не имевшие на воинской службе чина выше майора. Следует отметить, что все потомки – Арцыбашевы, Арцыбышевы, Арцыбушевы – связаны первоначальным родством от Петра, Кашпарова сына, по прозвищу Арцыбаш и обнаруживаются по всей России в сходных фамилиях – в Сибири, Казани, Курске, Великом Новгороде, Петербурге, Москве, Твери, Калязине, Волоколамске и т. д.

1687 г. 10 мая
Арцыбушевских

Герб рода Арцыбушевых

Елена Семеновна Арцыбушева (урожд. Третьякова) – мать Константина Дмитриевича Арцыбушева (фото сделано на Большой Дворянской улице в Воронеже)

Петербург, 1870 год. Константин Дмитриевич Арцыбушев (слева) после окончания курса института в Германии (будущий первый директор-распорядитель Мытищинского вагоностроительного завода)

Константин Дмитриевич Арцыбушев с женой Марией Ивановной (урожд. Лахтиной)

Мария Ивановна Лахтина в девичестве. 1870 г.

Дети Константина Дмитриевича и Марии Ивановны Арцыбушевых

Сергей Арцыбушев с супругой (фото сделано на Московской улице в доме Томарова в Курске)

Юрий Арцыбушев. 1906 г.

Дмитрий Арцыбушев (предположительно 1900 г.)

Ольга Арцыбушева с младшим братом Игорем (1896–97 гг.)

Андрей Арцыбушев в госпитале после ранения (1914 г.)

Игорь Арцыбушев. Ленинград 1941 г.

У Константина Дмитриевича и Марии Ивановны Арцыбушевых было шестеро детей: **Сергей**, о котором никаких сведений не сохранилось, **Юрий** (1877–1952), **Дмитрий** (1880–1944), **Ольга** (1881–1966), **Андрей** – скончался в 1914 г. от ран, полученных на войне, Игорь – умер в блокадном Ленинграде (1942).

Ю. К. Арцыбушев – художник, известен как создатель большого числа портретных зарисовок политических деятелей, писателей, поэтов, художников. В 1905 году был издателем и редактором литературно-художественного и сатири-

ческого журнала «Зритель». Журнал преследовался цензурой и был закрыт в 1908 году. В 1918 году Юрий Константинович издал альбом автолитографий «Диктатура пролетариата», куда были включены портреты деятелей революции, в том числе несколько зарисовок В. И. Ленина, сделанных им на заседаниях Совета рабочих и солдатских депутатов, съездах и других собраниях (декабрь 1917 – январь 1918). С конца 1920 года по конец 1940-х годов Ю. К. Арцыбушев был в эмиграции во Франции. За границей сделал ряд портретных зарисовок русских эмигрантов. Наиболее известные портреты, написанные Юрием Константиновичем, хранятся в фондах Российского Государственного архива Литературы и Искусства (РГАЛИ): В. В. Андреева, А. А. Бахрушина, А. Богданова, А. К. Боровского, И. А. Бунина, А. З. Бураковского, С. М. Волконского, А. П. Воротникова, М. А. Крыжановской, А. В. Луначарского, Д. С. Мережковского, М. М. Петипа, Н. А. Тэффи.

Находясь в эмиграции, Юрий Константинович продолжал работать художником и издателем. Его жена, М. А. Бураковская, содержала частную балетную школу. В семье было двое детей: родная дочь Галина Юрьевна и приемная дочь Елизавета – балерина. Однако судьба преподнесла Юрию Константиновичу такой удар, от которого прервалась жизненная нить этой ветви Арцыбушевых. По указанию посольства СССР во Франции священник, митрополит Евлогий, навестил семью Ю. К. Арцыбушева и передал настоятельную

просьбу Советского правительства о желательном возвращении семьи в СССР. После мучительных колебаний Юрий Константинович возвратился в Советский Союз, но как только семья приехала на родину, ему были предъявлены режимные условия, т. е. запретили проживать в культурных центрах страны. Семья Арцыбушевых была вынуждена переехать в Грузию, где были родственники, но и там продолжилась ползучая репрессия. Юрия Константиновича с женой и детьми выслали в Казахстан на принудительные лагерные работы по устройству виноградников, где в 1952 году родители умерли от голодного истощения (до сих пор неизвестно место их захоронения). Никакие посылки и денежные переводы от сестры – Ольги Константиновны – до них не доходили. Дочери возвратились в Грузию в 1954 году, но, не выдержав унижительных условий жизни и работы, ушли из жизни, приняв смертельную дозу снотворного.

Ольга Константиновна была замужем за художником **Евгением Евгеньевичем Лансере** (1875–1946) – старшим сыном известного скульптора Евгения Александровича Лансере. Подробные сведения о жизни и творчестве Евгения Александровича, его предках и потомках можно почерпнуть в документальной повести «Созвездие» (М.: 1997.). Автор повести – Валентин Васильевич Михайлов-Цнин – работал над ее созданием 21 год.

В архивных фондах РГАЛИ и семье Лансере хранятся интересные сведения, которые собрала и сберегла невестка Ольги Константиновны – Светлана Дмитриевна Лансере (Якунина). После ее кончины (1999 г.) некоторые подробности по исследованию родословной уточнялись с ее сыном Евгением Евгеньевичем.

1812–1814 годы... Майор наполеоновской армии Лансере после ранения и лечения в России не пожелал вернуться во Францию, избрав для себя новую родину. Взяв имя Павел он женился на прибалтийской немке из дворянской семьи баронессе Ольге Карловне фон Таубе. Семья обосновалась в Черниговской губернии, где в 1815 году у них родился первенец – сын Людвиг (по-русски Александр). Когда Людвигу исполнилось 14 лет, он был зачислен воспитанником Корпуса инженеров путей сообщения, а через 4 года, в 1833 г. по высочайшему повелению, «по экзамену в науках», его произвели в прапорщики. В 1834 году он был командирован в Моршанск на работу по изысканию возможностей улучшения судоходства по реке Цне. Здесь курсант Л. Лансере был представлен полковнику Гравве. По представлению хорошей аттестации его зачисляют на действительную службу в Третий округ путей сообщения с «оставлением при тех же занятиях». Дворянское происхождение способствовало продви-

жению по службе. В 1837 году он назначается в помощь капитану П. И. Палибину «для составления полного проекта об улучшении Цнинского судоходства». Два года работы с талантливым начальником обогатили инженерный опыт Людвига Лансере, и он был назначен на самостоятельную работу. Творческие взаимоотношения и дружеское расположение с П. И. Палибиным сохранялись на протяжении многих лет.

С будущей супругой Элеонорой Людвиг познакомился в Саратове у своего давнего знакомого Бэра. В Моршанск молодые люди возвращались уже вместе. В. В. Михайлов-Цнин пишет: «Благородные господа Людвиг Павлов сын Лансере, юноша тридцати лет, с госпожою Элеонорою Антоновой дочерью Яхимовского, девицею двадцати лет, обоих Римско-католического исповедания законным браком сочетал и торжественно благословил в присутствии достойных свидетелей капеллан Пятого округа внутренней стражи Антон Карлович Барановский, ноября 9 дня 1844 года».

У Людвиг (Александра) Павловича и Элеоноры Антоновны было четверо детей – Элеонора, Евгений, Мария и Зинаида. Так в династии Лансере появился Евгений (I) Александрович – будущий скульптор (12 августа 1848 года).

В эти годы Людвиг Павлович Лансере служил полицмейстером судоходства по реке Цне, имел уже чин майора и ожидал назначения во вновь открывавшийся Седьмой округ путей сообщения.

Людвиг Павлович сообщал жене, что за хорошую работу – успешный сплав моршанского весеннего каравана – он отмечен особым Монаршим благоволением. Это вторая похвала за два года работ, теперь надо ждать наград.

В год рождения Евгения в Моршанске свирепствовала холера, и в каждую семью вкрадывался страх, в губернии от этой страшной болезни умерло более 20 тысяч человек. Но тогда беда обошла стороной семью Лансере.

1856 год... Ушла из жизни Элеонора Антоновна Лансере (Яхимовская). Она приходилась племянницей барону Филиппу Федоровичу Вернезьеву (Вильгельму Вернези) и воспитывалась в его семье, так как своих детей у него не было. Филипп Федорович с супругой Варварой Николаевной приняли детей Лансере на воспитание.

Филипп Федорович искренне заботился о воспитании внучатых племянников. Для обучения общей грамоте приглашали учителей. А сам дед возил детей на природу, в лес, в села с посещением церквей, в поля на уборку урожая. Знакомил с родными местами по воскресеньям и христианским праздникам.

Филипп Федорович часто брал с собой внука на ярмарки, где Евгений приходил в восторг от множества людей, всяких товаров, поделок-игрушек. Внук как настоящий цыган крутился вокруг всевозможных повозок – его страстью были лошади. После осенних ярмарок Евгений всю зиму до самой весны делал зарисовки лошадей по памяти. Так форми-

ровался уникальный талант будущего скульптора, который всю свою жизнь посвятил ваянию человеческих фигур и лошадей в жанровых композициях скульптур малой формы.

В 1862 году Людвиг Павлович Лансере получил чин полковника. К этому времени он имел правительственные награды – орден Святой Анны, Святого Станислава 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени. Он принял российское подданство и теперь перед ним открывалась более уверенная перспектива продвижения по службе. Людвиг Павлович зарекомендовал себя грамотным инженером, и вскоре получил известие о переводе его в Петербург, где в последующие годы дослужился до чина генерала.

А пока перед ним стояла первейшая задача – дать детям приличное образование. В Петербурге он устраивает дочерей в пансион, а сына – в классическую гимназию...

Прошли годы. Евгению пришла пора определяться с профессией и дальнейшей учебой. В. В. Михайлов-Цнин отмечает: «Евгению хотелось заниматься искусством ваяния, но все родные и друзья семьи, как сговорившись, разными словами давали советы с одним смыслом: «Не пристало посвящать себя мужицкой профессии, да и не специальность это вообще»».

Так Евгений стал студентом юридического факультета Петербургского университета. Но отступить от своей детской мечты он уже не мог. В свободное время Евгений посещал музеи, слушал лекции в Императорской Академии ху-

дожеств, завязал дружбу со слушателями Академии и упорно продолжал совершенствовать свое мастерство – его квартира превратилась в мастерскую скульптора.

Свои первые работы он представил на суд Правления Императорской Академии 19 августа 1869 года. Академия художеств за «хорошее познание скульптуры» присвоила ему звание некласного художника второй степени. Это было первым признанием его таланта.

Со временем работы Евгения все чаще привлекаются на выставки. Руководство Академии художеств обращает более серьезное внимание на успехи молодого мастера. Он получает премии, его скульптуры приобретаются Академией. Приходит и официальное признание: «Удостоить Лансере звания класного художника Первой степени.» Молодому таланту в этот год исполнилось всего 22 года.

На одной из выставок Евгений познакомился с Екатериной. Девушка хорошо разбиралась в искусстве, а последующие встречи и прогулки приносили взаимную радость. Он еще не знал ее фамилии и не бывал в доме родителей. Впереди предстояла поездка в Среднюю Азию для зарисовок бытовых сцен и сбора материала для будущих работ. После возвращения из поездки Евгений был приглашен в дом в Санкт-Петербурге у храма Николы Морского (в устье Крюкова канала) и познакомился с родителями Екатерины, которые оказались из известной семьи Бенуа^[43].

1874 год... Евгений Лансере и Екатерина Бенуа обвенча-

лись, справили свадьбу и отправились в свадебное путешествие с надеждой посетить лучшие западноевропейские музеи.

Осенью Академия художеств вручила Евгению диплом почетного вольного общника. А дальше – работа, работа и работа...

Евгений Александрович прожил всего 38 лет, но за свою короткую жизнь он создал около 400 скульптур. В России известно сегодня чуть более 40 работ, но видимо еще не все обнаружены. Его скульптуры приобретали многие крупные музеи и частные коллекционеры в различных странах мира – жанровые сцены с изображением лошадей, русские тройки; сюжеты охоты, исторической и военной тематики. Евгений Александрович официально не имел художественного образования. Тем не менее он стал непревзойденным мастером не только благодаря таланту, но и удивительной работоспособности. Его произведения отличались изысканной выразительностью в проработке мельчайших деталей и жизненностью образов.

Работал он до самозабвения, не щадил здоровья. Евгений Александрович не состоял на казенной службе – вольный художник, он ваял по заказам частных лиц в основном, тех предпринимателей, которые имели возможность воспроизводить его работы в металле – чугун, бронза, серебро.

Всемирное признание пришло еще при жизни мастера. Его скульптуры выставлялись не только на Всероссийских

выставках, но и на международных – в Лондоне и Вене, Париже и Филадельфии (1870–1882 гг.) Во Франции, например, в городе Ментоне хранятся две его скульптуры – «Русский сокольничий» и «Киргиз с беркутом». Эти работы были подарены городу в свое время Александром III.

Евгений Александрович весьма тяжело переносил сырой климат Санкт-Петербурга. Однако заботы о детях, содержание семьи и дома требовали постоянной и напряженной работы – порой сутками, не смыкая глаз. Болезнь века, как называли тогда туберкулез, прогрессировала. На семейном совете решили купить дом в Нескучном, недалеко от Харькова. Но скорый конец жизни скульптора был уже предрешен. Евгений Александрович скончался в 1886 году.

После смерти мужа на руках Екатерины Николаевны Лансере, овдовевшей в 36 лет, осталось шестеро несовершеннолетних детей – Софья, Екатерина, Мария, Николай, Евгений и Зинаида. Пришлось семье вернуться под кров родителей.

Друзья и родственники помогли осиротевшей семье как могли. Академия художеств по ходатайству скульптора А. Обера купила за 1500 рублей работу Лансере – «Святослав на пути в Константинополь». Но эти деньги были случайными крохами в скудном семейном бюджете.

Братья Екатерины Николаевны советовали ей продолжить дело мужа: была его талантливой ученицей, много помогала мужу в работе и вела все финансовые дела семьи. «Пусть имя одного Евгения Александровича войдет в историю скульпту-

ры», – считала она.

Трое из шестерых подросших детей унаследовали от родителей рано пробудившийся художественный талант. Николай стал архитектором, Евгений и Зинаида (в замужестве Серебрякова) стали известными художниками. В династии Лансере появляется Евгений (П) Евгеньевич.

Евгений Евгеньевич был женат на красавице Ольге Константиновне Арцыбушевой. Напомним читателям, что Ольга Константиновна – дочь Константина Дмитриевича Арцыбушева, первого исполнительного директора Мытищинского вагонного завода.

Вот таким образом родословная Арцыбушевых пересеклась с родословной Лансере, которая по своей линии восходит к известным художникам, скульпторам и архитекторам рода Бенуа и Кавос, оставивших России, да и не только России, необъятное художественное наследие.

Евгений Евгеньевич учился в Петербурге, в 1890-х годах в Париже у известных мастеров Каллоросси, Жирардо и Куртуа. В многочисленных произведениях книжной графики (иллюстрациях к повестям Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», «Казачьи», в различных театральных декорациях («Юлий Цезарь» В. Шекспира, «Горе от ума» А. С. Грибоедова); в оформлении Казанского вокзала, гостиницы «Москва» ярко выразилась его приверженность к классическим формам искусства. Признанный талантливый мастер композиций, тяготевший к эпическому повествованию, Евгений Ев-

геньевич был профессором Академии художеств Грузии, руководил кафедрой графических дисциплин Архитектурно-го института и монументальной мастерской Академии художеств в Ленинграде. В зрелые годы его удостоили звания академика, народного художника России и Грузии, лауреата Сталинской премии^[44].

Работая над иллюстрациями к толстовскому «Хаджи-Мурату», Евгений Евгеньевич полюбил Кавказ, его народ, культуру и обычаи. Он убедил младшего сына Хаджи-Мурата в том, чтобы его дочь обязательно получила образование в Петербурге. Так внучка Хаджи-Мурата, ставшая врачом, появилась в доме Лансере и стала на многие годы другом семьи.

У Евгения Евгеньевича и Ольги Константиновны было двое детей – Евгений и Наталья. Наталья Евгеньевна вышла замуж за Георгия Ипполитовича Волошинова. Оба были архитекторами.

Династию Лансере продолжил следующий Евгений (III) Евгеньевич, он известен как художник уже в советское время. В 1945 г. он экстерном окончил Московский Архитектурный институт, дипломный проект был выполнен под руководством И. В. Рыльского и Г. А. Захарова – «Музей 800-летия Москвы». В молодые годы Евгений Евгеньевич работал помощником у отца, создававшего монументальные росписи для ресторанов гостиницы «Москва» и Казанского вокзала, позднее самостоятельно закончил оформление начатых отцом панно «Мир» и «Победа» в вестибюле того же Казан-

ского вокзала. В 1950-х годах он выполнил росписи Ярославского и Курского вокзалов. Известна и его более ранняя работа – «Метростроители» – панно на радиальной станции метро «Комсомольская» (перед выходом в сторону Ярославского вокзала).

Его женой стала Светлана Дмитриевна Якунина^[45]. Она родилась в семье потомственных дворян. Отец умер рано, и воспитанием детей – Людмилы и Светланы – занималась мать, Лидия Ивановна Якунина. Семья жила на Арбате в Серебряном переулке в собственном доме. Лидия Ивановна по образованию была историком, работала в Государственном Историческом музее, имела чин Статского советника.

Светлана Дмитриевна родилась в 1924 году, училась на историческом факультете МГУ, а после его окончания работала в историко-археологическом отделе Государственного исторического музея. Английским и французским языками владела свободно – как образованный интеллигентный человек, уважающий культурное наследие своей страны и знающий европейскую культуру.

С будущим мужем познакомилась, когда семья жила на квартире в Кривоколенном переулке, так как собственный дом на Арбате отобрали. Позднее перебрались в дом на углу Боброва и Милютинского переулков.

1952 году у них родилась дочь Екатерина, а еще через год – сын, названный в честь отца, деда и прадеда Евгением (IV). Эти годы были особенно тяжелыми для молодой семьи.

Светлана Дмитриевна не работала, а муж, как свободный художник, не всегда имел заказы. Бывало, что даже на метро не хватало пятака.

Евгений (Ш) Евгеньевич превыше всего ценил свободу творчества. Всю свою сознательную жизнь он прожил во времена советской власти, но не состоял ни в комсомоле, ни в ВКП(б). Однако власть, всегда относившаяся с подозрением к любому интеллигентному человеку, считала семью Лансере если уж не враждебной, то во всяком случае чуждой – мало того, что разносторонне образованы, да и еще из бывших дворян.

Он помнил о судьбе родных: Николай Евгеньевич, его дядя, был репрессирован и погиб в 1942 году, а тетя, известная художница Зинаида Серебрякова, оказавшись во Франции, так и не смогла вернуться на родину – повод для ареста всегда нашелся бы.

Евгений Евгеньевич был тихим и скромным человеком, среди своих знакомых москвичей считался одним из образованнейших людей. Он не был идеологическим бойцом или борцом, ни с кем и никогда не «воевал», и даже не пытался сражаться. Не по нутру ему была государственная служба, где приход на работу и ее окончание отмечались перебрасыванием с гвоздика на гвоздик личных номерков-жетончиков. И он, оставив архитектуру и государственную службу в Московском Архитектурном институте, стал живописцем; вступил в Союз художников, чтобы не числиться в так называе-

мых тунеядцах.

Его связывала многолетняя искренняя дружба с Кукры-никсами, семейно дружили с Леонидом Максимовичем Леоновым и Петром Петровичем Глебовым – одним из любимых героев шолоховского «Тихого Дона».

В семейных архивах Лансере сохранились воспоминания Евгения (II) Евгеньевича о детских и юношеских годах:

«Суббота, 25 (старого стиля) декабря 1893 г., 11 часов утра. Рождество Христово. Что за великий день! Елка. Подарки! Все любят меня и я люблю всех, подарки, улыбки... 24-го вечером была елка у дяди Альберта Николаевича Бенуа, 25-го вечером играли на скрипках и рояле.»

Подарки были и от младшей сестренки Зинаиды, и от дедушки Николая Леонтьевича Бенуа. Взрослые вместе с детьми сами делали елочные игрушки и так разукрашивали их, что они казались живыми. Исподволь узнавались сокровенные детские желания и загодя готовились подарки. Убранство елки – это особый ритуал. Дети с трепетным ожиданием сидели в соседней комнате и шепотом переговаривались, пытаясь угадать – а что им подарят? Тем временем взрослые с особой тщательностью наряжали елку, да так, чтобы детское ожидание чуда сразу вспыхивало восторгом.

Торжественно открывалась дверь и перед восхищенным взором детей сказочно сияли настоящие свечи и блики «живых» игрушек. Появлялся Звездочет, а не Дед Мороз. По Евангелию звездочеты – это волхвы. Дед Мороз – это бо-

лее поздняя традиция^[46]. Следовало поздравление с Рождеством Христовым. Накрывался праздничный стол... Открывались бабушкины сундуки и начиналось маскарадное действо с фантами, шарадами, песенками и розыгрышами. В конце праздника раздавались рождественские подарки. Сценарий всего церемониала преследовал главную цель – формирование эстетических вкусов детей, а это в свою очередь зависит от любви взрослых к своим детям и внукам.

Рождественские праздники – это символ рождения Младенца, а елка – символ Вечности. Такая традиция поддерживалась во многих культурных российских семьях.

Вот в такую семью вошла Светлана Дмитриевна Якунина, она приняла фамилию и традиции семьи Лансере, заложенные предками более ста лет назад. Ее многолетними стараниями в московской квартире, что на углу Боброва и Милютинского переулков, был создан музей творческого наследия предков, в котором сохраняется память о близких родственниках, предках Мамонтовых, Арцыбушевых, династиях Лансере, Бенуа и Кавос.

В 1970–1980 годах Евгений Евгеньевич и Светлана Дмитриевна смогли съездить в Италию (многие годы они были невыездными). Позднее Светлана Дмитриевна побывала в Чехословакии, навестила родственников в Англии.

С 1982 года музей-квартиру стали посещать сотрудники дипломатических миссий. Здесь побывали послы Франции и Италии. Начало дружескому знакомству и творческому об-

щению с хозяйкой-хранительницей уникального музея заложил Ги де Мюизер – маршал Королевского двора Люксембурга, будущий посол Люксембурга в СССР. Музей-квартиру посещали и друзья семьи Лансере.

В этой приветливой семье автору довелось встречаться со многими родственниками героев этой книги – Мамонтовыми, Бенуа, Кавос, Кнорре. Первое знакомство с семьей Лансере состоялось по рекомендации правнука Саввы Ивановича Мамонтова – Николая Александровича Щельцына.

В последующие годы творческое общение со Светланой Дмитриевной становилось более доверительным, сердечным и плодотворным. Отчетливо запомнились некоторые эпизоды таких встреч и остались в памяти автора как личные воспоминания...

Герб рода Лансере

Евгений (I) Александрович Лансере с женой Екатериной Николаевной (урожд. Бенуа) за работой над скульптурой. 1887 г.

Скульптура Е. А. Лансере «Генерал Скобелев». 1882 г.

Евгений (II) Евгеньевич Лансере – академик живописи, художник, график – с сыном Евгением (III) (художник).

Евгений (IV) Евгеньевич Лансере у скульптурного наследия прадеда Евгения Александровича Лансере (ГТГ, 1998 г.)

Екатерина Евгеньевна Лансере-Павлинова (ГТГ, 1998 г.)

*Выставка творческого наследия Евгения (III) Евгеньевича
Лансере в МАРХИ. 1997 г.*

*В гостях у семьи Евгения IV Лансере посол Литвы Риман-
тас Шидлаускас с супругой Астрой (Рождество 2003 г.)*

Светлана Дмитриевна Лансере (урожд. Якунина) с другом семьи Петром Петровичем Глебовым (герой шолоховского «Тихого Дона» – Григорий Мелехов) 1998 г. Музей Л. Н. Толстого на Пречистенке

После долгих поисков в «Ленинке» удалось обнаружить герб Арцыбушевых. Дозвониться из библиотеки до Светланы Дмитриевны не удалось, а радость находки переполняла чашу терпения, поэтому пришлось без предупреждения поспешить по знакомому адресу. Звонок в квартиру...

– Здравствуйте Валентин Иванович. Какими судьбами?

– Здравствуйте. Извините, что вот так – экспромтом. Уда-

лось обнаружить герб Арцыбушевых.

– Проходите. Познакомьтесь – эта дама обнаружила в одной из библиотек Лондона дневники Александра Николаевича Бенуа и вот прибыла из Англии по этому поводу повидаться с нами. А мы как раз отмечаем Масленицу. «Жека, немедленно испеки блин Валентину Ивановичу!» – громко позвала Светлана Дмитриевна сына.

Беседа с дамой продолжалась на английском... Светлана Дмитриевна деликатно прерывалась и переводила суть разговора. Закончив беседу и проводив английскую гостью, она обратилась ко мне:

– Вот видите, у нас сегодня день находок, давайте-ка то, что Вы обнаружили...

С замиранием сердца я достал из папки ксерокопию герба Арцыбушевых. Стали сравнивать с тем гербом, который хранился в семейном архиве. Все детали и символы совпадали. Вот удача! Даже застучало в висках. Светлана Дмитриевна сама искала документальное подтверждение гербу. И вот, по разным направлениям поиска пришли к тому, что удалось подтвердить достоверность герба Арцыбушевых.

Так, от встречи к встрече, накапливалась информация, и в процессе общения уточнялись детали событий и достоверность жизни предков. Светлана Дмитриевна обратила внимание на процесс поиска интересующих меня материалов и подробных сведений. Это было после первой выставки работ Евгения (III) Евгеньевича в МАРХИ (Московский Архитек-

турный институт):

– Какая к Вам просьба, если хотите совет... Чтобы глубже понять отдельные поступки или достоинства любого из героев Вашей будущей книги, постарайтесь внимательнее приглядеться к их окружению. С кем они дружили, с кем общались, с кем поддерживали знакомство многие годы. Это поможет Вам более объективно оценить личность того, о ком Вы будете писать. И еще одно обстоятельство – кроме официальных архивных документов попробуйте, если это удастся, ознакомиться с семейными собраниями, особенно с личными письмами. В них Вы найдете самые сокровенные помыслы. Тогда Вы будете писать о своих героях так, как будто Вы их давно и хорошо знаете. и эти люди будут Вам близки и дороги. Я вижу и чувствую, как серьезно Вы занимаетесь историей... И пожалуйста, не покупайте больше цветов, по нашим временам это целое состояние.

Деловые встречи продолжались в течение нескольких лет. Невозможно забыть ее деликатных, тактичных и в то же время настойчивых пожеланий и доброжелательных замечаний.

Светлана Дмитриевна всегда заранее звонила и приглашала на все выставки творческого наследия Лансере и Бенуа, а я упорно старался одним из первых вручить ей скромную гвоздичку, за что она мягко выговаривала.

Уже будучи тяжело больной, она продолжала звонить знакомым по разным деловым вопросам, обменивалась необходимыми сведениями по организации выставок.

В такой ситуации было неловко просить ее прочитать рукопись и внести необходимые правки. Но однажды, не выдержав, пришлось позвонить и объяснить. В ответ услышал:

– Валентин Иванович, плюньте на ситуацию и приезжайте.

Увидев ее состояние, стало стыдно своих намерений и визита, но она твердо потребовала:

– Читайте!

Каждую строку текста приходилось перечитывать, она напрыгала память и делала замечания. Закончилось чтение рукописи, пришло время попрощаться...

Светлана Дмитриевна успокоилась и, откинувшись на подушку, как-то очень тихо попросила:

– Валентин Иванович, пожалуйста, на прощание поиграйте что-нибудь на пианино...

Я осторожно откинул клапп, провел пальцами по знакомым клавишам и стал играть то, что знал из репертуара Тамары Гвердцители, с которой Светлана Дмитриевна была хорошо знакома и дружна; старинные романсы и мелодии песен давних лет...

При прощании на глазах Светланы Дмитриевны навернулись слезы. Но не верилось, что она так скоро угаснет. Дней через десять позвонил Женя:

– Валентин Иванович, мама умерла, приезжайте...

Хоронили Светлану Дмитриевну по православному обря-

ду: отпевание состоялось в храме Федора Стратилата Антиохийского подворья у Чистых прудов, погребение – на Новодевичьем кладбище^[47], недалеко от могилы Ф. И. Шаляпина.

Поминовение состоялось дома, где были все самые близкие, кому бесконечно дорога память о ней, как о незабвенной Одигитрии в нашей суетной жизни. На этой печальной тризне было сказано много добрых слов памяти о Светлане Дмитриевне. Вспоминали свою молодость и детство все, кто когда-то бывал в этом гостеприимном доме.

За поминальным столом состоялось знакомство с Ольгой Петровной, дочерью Петра Петровича Глебова. Я вспомнил, что в рабочем фотоархиве хранилась фотография, на которой Петр Петрович и Светлана Дмитриевна – на выставке творческого наследия Лансере и Бенуа в музее Л. Н. Толстого, на Пречистенке. Мелькнула мысль: обязательно найти негатив, а фотографию передать через семью Лансере. Но случилось так, что скоро ушел из жизни и Петр Петрович.

Отпевание было в храме Илии Обыденного, недалеко от храма Христа Спасителя. Было множество венков от различных казачеств и кинематографических организаций, от Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Но один венок просто поразил: «ГЛАВНОМУ КАЗАКУ РОССИИ ОТ ИНГУШСКОГО НАРОДА».

Среди тех, кто пришел проститься с Главным казаком России, были знакомые артисты: С. Бэлза, А. Панкра-

тов-Черный, Е. Жариков, О. Стриженов и казаки, казаки, казаки...

В храме было душно и тесно от множества желающих отдать последние почести незабываемому образу Григория Мелехова... У правой колонны апсидного свода тихо и скромно стояла Аксинья – Э. Быстрицкая.

Мы помним по «Тихому Дону» историю яркой и трагической любви Григория и Аксиньи, ее гибель. Но в жизни самих артистов все сложилось иначе – Аксинья хоронила Григория.

Здесь же была передана Ольге Петровне, возможно, последняя прижизненная фотография Петра Петровича и Светланы Дмитриевны.

Они в разное время бывали в Мытищах. Петр Петрович приезжал в кинотеатр «Родина», где выступал с воспоминаниями о работе на съемках «Тихого Дона». А Светлана Дмитриевна приезжала вместе с Константином Дмитриевичем Арцыбушевым в Мытищинский историко-художественный музей.

Светлану Дмитриевну поминали на 9-й день и 40-й, и в годовщину ее кончины. И каждый раз были самые дорогие и близкие знакомые – Тамара Гвердцители и ее мама, Ги де Мюизер, консул Люксембурга в Москве Ги Дидериш, внук Зинаиды Серебряковой художник Иван Валентинович Николаев, внучка Евгения (II) Евгеньевича Лансере Мария Георгиевна Волошинова, посланники французского посоль-

ства Ксения Геринг и Жан Поль Жако, Игорь Васильевич Козловский – родственник по линии Кавос и многие, многие другие.

С 1997 по 1999 годы усилиями Светланы Дмитриевны и ее детей в Москве были проведены четыре выставки художественного наследия семьи Лансере, в которой четверо носят имя Евгений:

- 1997 г. – в Московском Архитектурном институте;
- 1998 г. – в музее Л. Н. Толстого на Пречистенке;
- 1998 г. – в Третьяковской галерее;
- 1999 г. – в музее А. Н. Скрябина. На этой выставке присутствовал атташе по культуре посольства Литвы Юозас Будрайтис.

Не угасала свеча памяти о предках в руках Светланы Дмитриевны, и ее дети остаются верны ее заветам. 26 декабря 2000 г. состоялась еще одна выставка работ Лансере и Бонуа в музее А. Н. Скрябина.

Дружеское и творческое общение с семьей Лансере продолжается.

Уважаемые читатели, кому придется волей случая оказаться в Москве, на углу Боброва и Милютинского переулков, задержитесь перед памятной плитой с надписью:

«В этом доме с 1934 года по 1946 год жил и работал выдающийся советский художник, академик Евгений Евгеньевич Лансере»

Вспомните Светлану Дмитриевну, сохранившую память

О многочисленных предках, близких и дальних родственниках: Мамонтовых, Арцыбушевых, Веревкиных, Лансере, Берна, Кавос...

* * *

Третий сын Константина Дмитриевича Арцыбушева – Дмитрий Константинович – был женат на Наталье Петровне Веревкиной, и от их союза продолжилась еще одна ветвь родословной. Дмитрий Константинович большую часть жизни был связан с Петербургом и Прибалтикой. В его семье было два сына – **Петр и Константин**, которые в более поздние годы оказались в США.

Петр Дмитриевич был мужем Милицы Бекетовой – дочери крупного винодела в Гурзуфе (Ялта). В журнале «Наше наследие» № 47 за 1998 год имеются сведения о случае, произошедшем с семьей Бекетовых: «...Царская семья проводила ежегодно некоторое время в Ливадии. Так, между 1911 и 1914 гг. по инициативе Государыни и под покровительством и участием Его Величества в Ялте проводился благотворительный базар в пользу бедных, больных туберкулезом. Эта акция была названа «Днем белого цветка». Иметь прилавок в той же зале, что и Государыня, участвовать в том же комитете, что и она, или хотя бы быть продавщицей в любом ее отделении считалось большой честью. В 1911 году базар открылся 25 сентября. Помимо продажи различных вещей и

сувениров, изготовленных собственноручно Императрицей и великими княжнами, устраивалась и большая лотерея. Из личных вещей царской семьи разыгрывались ковры, картины известных художников, посуда из Императорского фарфорового завода.

Этот праздник был омрачен страшной трагедией для семьи Бекетовых. Отец, Н. Н. Бекетов, с тремя сыновьями из четырех пригласил гостей покататься на его парусной яхте. Вечером пришло роковое известие: яхта потонула, все пассажиры погибли, их тела так никогда и не были найдены».

Злой рок преследовал и Милицу Николаевну Бекетову (Арцыбушеву). 17 мая 1974 года Милица Николаевна и Петр Константинович Арцыбушевы погибли в автомобильной катастрофе в США и похоронены в Америке, детей у них не было.

Прямым наследником фамилии Арцыбушевых является Константин Дмитриевич, названный в честь деда. Он родился 22 января 1921 года в городе Утяне в Литве, где в то время жила семья. Здесь он окончил гимназию. В 1940 году семья переехала в Германию. В 1944 году умер отец, он был похоронен в Берлине, на Тегельском кладбище^[48]. Отпевание состоялось по православному обряду.

Май 1945 года. После подписания Германией капитуляции Константин Дмитриевич поступил на медицинский факультет университета в Инсбруке (Австрия) и окончил его в

1950 году. В 1951 году он переехал в США, прошел стажировку в Нью-Йорке и поступил на службу в военное ведомство в качестве врача.

1955 год... Окончилась война в Корее. Константина Дмитриевича, врача военного ведомства, призвали на службу в военный госпиталь американского корпуса. Затем его перевели для работы в госпитале в Японию. Выполнив свой долг, К. Д. Арцыбушев возвратился в США и обосновался в северной части штата Флорида, в довольно далеком от столицы штата небольшом городке Тампа, рядом с другими такими же небольшими поселениями с любопытными названиями: «Санкт-Петербург» и «Одесса». Он продолжал работать в военном ведомстве и одновременно содержал частную клинику. Сейчас он на пенсии, но продолжает работать.

Константин Дмитриевич был женат на Анастасии Георгиевне Вуич^[49] (1920–2000), у них двое детей – сын и дочь, четверо внуков. Сын Дмитрий – бизнесмен (р. 1953). Дочь Надежда (р. 1956).

У Дмитрия двое детей – Константин (назван в честь деда, р. 31 октября 1986 г.) и Софья (р. 17 декабря 1990 г.).

У Надежды тоже двое детей – Александра (Саша, р. 6 ноября 1990 г.) и Петр (р. 12 августа 1994 г.). Все они живут там же – штат Флорида, США.

Дети Надежды Константиновны носят фамилию Мамонтовых, так как их отец – **Андрей Саввич Мамонтов!**

Надежда Арцыбушева и Андрей Мамонтов случайно

познакомились в самолете, потом поженились и, разобравшись в родне, узнали, что их предки когда-то были свояками. Так судьба свела праправнука Саввы Ивановича Мамонтова и правнучку Константина Дмитриевича Арцыбушева.

Константин Дмитриевич Арцыбушев (внук) приезжал в Москву в сентябре 1998 года и вместе с супругой Анастасией Георгиевной посетил Мытищинский историко-художественный музей, ознакомился с экспозицией к 100-летию завода. Ему был вручен подарок – поднос жостовской росписи на память о России. Константин Дмитриевич побывал в Петербурге, в Москве и в Ялте, где до сих пор сохранился дом-особняк жены его брата – Милицы Бекетовой. Он владеет французским, немецким и английским языками, свободно говорит на русском и на литовском. В этот приезд он сопровождал делегацию юных кадетов-преображенцев из Сербии и Франции, где для детей русских эмигрантов существуют Пажеские корпуса (училища). Они содержатся на средства тех, кто остался верен высоким идеалам лейб-гвардии Преображенского полка и его традициям, которые поддерживаются во имя высокой чести защиты Отечества и в память о тех, кто в разные годы отдал свои жизни за Россию. Особо чтимое для преображенцев историческое событие – Брусиловский прорыв 1915 года.

К. Д. Арцыбушев свято хранит память о своих дедах: и по линии отца – Дмитрия Константиновича Арцыбушева, и по

линии матери – Натальи Петровны Веревкиной.

* * *

Веревкины – старинный русский дворянский род. Предок его, Иван Иванович Веревкин упоминается становщиком в Шведском походе 1549 года. Его потомки продолжали семейную традицию ратных людей: сын Андрей Иванович в 1576 году участвовал в штурме крепости Ислам-Кермень, внук Игнатий Никитич – в осаде Смоленска в 1634 году. Среди смоленских помещиков упоминается имя Евстафия Веревкина, жалованного в начале XVII века Сигизмундом III вотчиной Szeluta и носившего впоследствии двойную фамилию Веревкин-Шелюта. Многочисленный род Веревкиных в середине и конце XVII века был жалован поместьями в различных местах Прибалтики.

Прапрадед К. Д. Арцыбушева по линии матери – генерал-лейтенант Николай Никитич Веревкин (1766–1830). Его сын Владимир Николаевич по окончании курса в Пажеском Его Императорского Величества корпусе получил чин прапорщика и 22 июля 1840 года был приписан в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1853 году он по собственному желанию был переведен в Подольский Егерский полк для непосредственного участия в Восточной войне. Храбрый и опытный офицер, он участвовал в осаде Силистрии, а после высадки союзников-неприятелей в Крыму, поступил в со-

став защитного Севастопольского гарнизона. В апреле 1855 года Владимир Николаевич – командующий Екатеринбургского пехотного полка, находившегося во втором отделении оборонительной линии. Во время Севастопольской обороны, когда неприятельские войска завладели редутом Шварца, В. Н. Веревкин бросился навстречу противнику всего с двумя ротами. Подоспевший резерв выбил противника из редута. Было захвачено значительное число пленных. Сам Владимир Николаевич, не успевший оправиться от контузии, в этом бою был дважды ранен, но не покинул сражение. В последующие годы, в Турецкую войну 1877–1878 гг., В. Н. Веревкин командовал 36-й пехотной дивизией, с которой перешел границу Румынии и занял низовья Дуная, возглавив Нижне-Дунайский отряд. После окончания Крымской кампании – командир первого, а потом четырнадцатого армейского корпуса, с которым он поступил в состав оккупационного отряда в Болгарии. В 1878 году Владимир Николаевич отошел от военных дел и вошел в состав «Александровского Комитета о раненых». Через два года ему предложили пост коменданта Петербургской (позже переименована в Петропавловскую) крепости.

Его сын, Петр Владимирович Веревкин, тоже участник Крымской войны, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, где встречался с наследником цесаревичем, будущим императором Николаем II.

Константин Дмитриевич Арцыбушев (внук К. Д. Арцыбушева, первого директора-распорядителя Мытищинского вагоностроительного завода) в Мытищинском историко-художественном музее (1999 г.) справа налево: Константин Дмитриевич, его супруга Анастасия Георгиевна (урожд. Вуич), Светлана Дмитриевна Лансере с сыном Евгением

Константин Дмитриевич в гостях у Светланы Дмитриевны (музей-квартира Лансере)

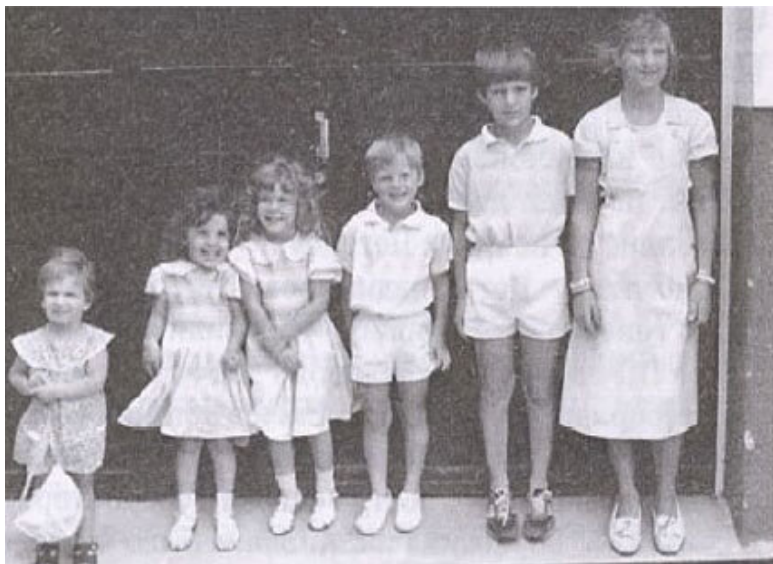
Крестины первого внука К. Д. Арцыбушева (США, Флорида, г. Тампа, 1986 г. Семья Саввы Андреевича Мамонтова (правнука С. И. Мамонтова), семья Константина Дмитриевича Арцыбушева, в центре стоит – крестный отец внука – Стивен Диббс)

*Сергей Саввич Мамонтов (праправнук С. И. Мамонтова)
с семьей в гостях у отца Саввы Андреевича Мамонтова. Ар-
гентина, Буэнос-Айрес, 1990 г.*

Сергей Саввич Мамонтов с детьми. Слева направо: Кира, Михаил, Борис; на коленях у отца Иван (прапраправнуки). Аргентина, Буэнос-Айрес

Прапраправнуки С. И. Мамонтова по линии Всеволода Мамонтова. Слева-направо: Вероника, Марианна, Елена Хасановы; Борис, Михаил, Кира Мамонтовы, Аргентина, Буэнос-Айрес, 1980 г.

Савва Андреевич Мамонтов с супругой Татьяной Петровой (урожд. Веревкиной) в гостях у Константина Дмитриевича Арцыбушева. В центре – дочь К. Д. Арцыбушева – Надежда (замужем за Андреем Саввичем Мамонтовым) и ее дочь Саша. США, Флорида, 2000 г.

70-летний юбилей Саввы Андреевича Мамонтова в доме Константина Дмитриевича Арцыбушева. Стоят: слева направо Василий Валентинович Хасанов с Иваном Мамонтовым на руках, Андрей Саввич Мамонтов, Борис Сергеевич Мамонтов. Дмитрий Константинович Арцыбушев, Сергей Саввич Мамонтов с сыном Андреем на руках; сидят: Савва Андреевич Мамонтов (юбиляр), Константин Дмитриевич Арцыбушев с внуком Петром и внучкой Александрой, Александр Саввич Мамонтов. США, Флорида, г. Тампа, 2000 г.

По традициям царской фамилии все члены семьи, составлявшие ее мужскую часть, были обязаны проходить военную подготовку. Цесаревич Николай с 1885 по 1890 год проходил цикл занятий по особой программе, соединявшей курс Академии Генштаба с рядом дисциплин гуманитарных фа-

культетов университета; два года он стажировался в Преображенском полку, два года – в Цесарском, и один год – в артиллерийских войсках. Надо сказать, что в это время цесаревич уже в совершенстве владел английским, немецким и французским языками прошел курс академического образования, но в военном деле пределом достигнутого было звание полковника, большего наследнику не полагалось...

После смерти отца Петр Владимирович уже в чине генерала (за отвагу и мужество в Крымской войне) принял пост коменданта Петропавловской крепости. В конце 1890-х годов П. В. Веревкин, в связи с назначением его генерал-губернатором Литвы, передал должность коменданта генералу А. В. Эллису и покинул Петербург. Перед отъездом в Прибалтику Петр Владимирович и Софья Эллис (дочь генерала А. В. Эллиса) справили свадьбу. В Литве П. В. Веревкин служил до 1914 года, совмещая губернаторскую должность и в Эстонии (ныне в музеях Вильнюса и Тарту хранятся документы о его деятельности на посту генерал-губернатора). В семье П. В. Веревкина и С. А. Эллис было четверо детей – **Александр, Наталья, Петр и Владимир.**

О судьбе Александра Петровича ничего не известно.

Наталья Петровна вышла замуж за Дмитрия Константиновича Арцыбушева (как упоминалось, в их семье было два сына – Петр Дмитриевич, погибший в автомобильной катастрофе вместе с женой, и Константин Дмитриевич, который приезжал в Москву и посещал Мытищинский истори-

кохудожественный музей).

Петр Петрович был женат на Ольге Львовне Клеменс. У них было трое детей: **Татьяна, Владимир и Елизавета**. (О судьбе Владимира и Елизаветы сведений не обнаружено). Еще в 1930-х годах семья осела в Аргентине, где Татьяна Петровна вышла замуж за Савву Андреевича Мамонтова – правнука Саввы Ивановича Мамонтова по линии сына – Всеволода.

У Татьяны Петровны и Саввы Андреевича тоже трое детей: **Андрей, Сергей и Александр**.

Андрей Саввич женат на Надежде Константиновне Арцыбушевой (о чем следует напомнить, чтобы не запутаться в переплетении родословных).

Сергей Саввич вернулся в Россию, но иногда вылетает в Аргентину или США навестить родственников, отогреться и переждать русские зимние холода. Он экономист, у него пятеро детей: Кира, Михаил, Борис, Иван, Андрей.

Об **Александре Саввиче** известно только, что ему было 32 года в 1999 г., когда писались эти строки; он гидрогеолог.

Владимир Петрович Веревкин-старший (1890–1915) в дни своей молодости был дружен с А. П. Кутеповым^[50]. Дочь Владимира Петровича – Марианна Владимировна – училась у И. Е. Репина, затем увлеклась модерном и стала известной художницей. Ее работы экспонируются и хранятся во многих музеях Франции, Швейцарии, Германии.

Вот так обнаруживаются скрещения человеческих судеб, скрытые от глаз за суетностью жизни и бесконечными проблемами, которые создает нам жизнь или мы сами себе создаем их. А потом тратим свою жизнь на их преодоление. Но их не решить никогда... Что-то должно остаться потомкам.

Мытищинский вагонный завод за все эти годы как живой организм подвергался воздействиям всевозможных интриг со стороны власть имущих. В зависимости от политической ситуации менялась и его судьба.

Не успел Савва Иванович навести порядок на заводе, заняться социальными проблемами рабочих и служащих. Не дали ему развернуться в реализации его планов. Он был грубо и предательски «подстрелен», как птица на взлете. Савва Иванович был лишен всех имущественных прав на завод и навсегда расстался со своим детищем.

Коллектив завода складывался стихийно, не сформировались еще традиции, семейные династии. Местные жители не горели желанием работать на заводе, выгоднее было сдавать землю в аренду, жилье квартирантам, иметь огородишко для пропитания. А в случае нужды многие нанимались сезонными рабочими по изготовлению кирпича на местные заводы М. В. Челнокова, И. Г. Герасимова и И. П. Воронина. Другие устраивались на службу по железнодорожному ведомству. Пришлого народа было до 80 %.

По многочисленным опросам старожилов их деды и прадеды пришли в Мытищи по разным причинам из окрест-

ностей Богородска (Ногинск), Рязани, Тамбова, Гусь-Хрустального, Владимира, Воскресенска и других мест. Это были, как правило, плотники или столяры, жестянщики и маляры, изредка – слесари. Но станочников, литейщиков и кузнецов катастрофически не хватало (особенно хороших специалистов).

Первый управляющий заводом П. Юденков так и не смог наладить четкое взаимодействие между цехами, хозяйственными службами и контроль за выпускаемой продукцией. В связи с общим кризисом в стране завод постоянно был в убытке, заработки были низкими. Единственным утешением было только одно обстоятельство – зарплату не задерживали никогда!

В 1901 году на завод был приглашен новый управляющий Станислав Генрихович Лабунский, который привез с собой толкового бухгалтера Тадеуша (Фаддея) Мартыновича Плуховского. Оба – с Путиловского завода, история которого дальними нитями перекликается с историей Мытищинского Вагонного завода и эпизодами из жизни Саввы Ивановича Мамонтова.

Дед Татьяны Петровны – Петр Владимирович Вережкин с группой офицеров Преображенского полка принимают на стажировку цесаревича Николая Александровича. Слева за столом Петр Владимирович, напротив цесаревич Николай. 1895 г.

В то время Путиловский завод был одним из крупнейших металлических заводов в Европе. В книге «Путиловскому заводу 100 лет» (СПб., 1902) приводится Указ Берг-коллегии от февраля 28 дня 1801 года, подписанный Павлом I в Михайловском замке. Этим указом судоремонтные мастерские были переведены из Кронштадта на берег Финского залива, в окрестности Петербурга. Мастерские получили ста-

тус завода, на котором возобновился ремонт судов, морской и береговой артиллерии; стали изготавливать и маломерные морские суда.

Пока завод находился в казенном управлении, судьба его не всегда складывалась благополучно. В 1868 г. завод в очередной раз оказался на грани развала. За возрождение завода взялся известный в то время морской офицер Николай Иванович Путилов. В 1840 г. по окончании курса офицерских классов Морского кадетского корпуса Морской академии Н. И. Путилову было присвоено звание лейтенанта, и он был назначен преподавателем астрономии и навигации при Морском корпусе. Уже тогда среди коллег Н. И. Путилов считался блестящим математиком. В аналитических статьях, опубликованных в журнале «Маяк», им были впервые вскрыты ошибки в теории интегральных исчислений знаменитого французского математика Коши. Занимаясь анализом военных успехов и неудач российского флота в Русско-турецкой войне, Николай Иванович собрал много фактического материала и на свои средства издал «Сборник известий» – 37 томов (1853–1855).

В 1855 г. Н. И. Путилов был назначен старшим чиновником особых поручений Кораблестроительного департамента. Великий князь Константин Николаевич поддерживал многие деловые предложения Н. И. Путилова.

В те годы в Финляндии, входившей в состав России, были открыты залежи железной руды и организовано произ-

водство железа из так называемых болотных руд – 200 тысяч пудов ежедневно. Котельная сталь, получаемая из такого железа, была признана Адмиралтейством более качественной, чем закупаемая в Англии и Бельгии. На Обуховском заводе было налажено производство бронебойных снарядов по технологии Н. И. Путилова, и правительство отказалось от их заказов у Круппа. В 1867 г. Николай Иванович предложил технологию производства комбинированных рельсов для российских железных дорог. Основание рельсов изготавливалось из котельного железа, а головка из стали с повышенным содержанием углерода. Такие рельсы были значительно долговечней бельгийских, английских и немецких.

В начале января 1868 г. Николай Иванович уговорил правительственных чиновников передать ему гибнущий завод. Он получил кредит от Государственного банка, и предприятие перешло в его собственность. Был заключен контракт на выполнение казенного заказа – для этого требовалось срочно восстановить работоспособность завода.

Ситуация складывалась аналогично той, в которой позднее оказался Савва Иванович Мамонтов со своими заводами. Только ценой невероятных усилий Николай Иванович произвел реконструкцию основных цехов и запустил завод за 18 дней!

Это событие потрясло не только правительственных чиновников, но и инженерную элиту Петербурга. Сам Н. И. Путилов проводил на заводе дни и ночи; не скупился на за-

траты, приглашая на срочную работу самых знающих и толковых специалистов. В считанные дни были восстановлены мартеновские печи, бессемеровский конвертер и прокатный стан. Рабочие набирались из бывших крестьян. Несмотря на тяжелейшие условия работы, поставленная задача была выполнена – производство восстановлено. Завод стал называться Путиловским.

А Н. И. Путилов уже разрабатывал планы по реализации новой технологии – прокатка рельсов из специально упрочняемой стали с повышенным содержанием марганца и кремния, так как на железных дорогах возрастали скорости и нагрузки,

О Николае Ивановиче говорили как о неутомимом труженике, знающем дело, но строгом и требовательном хозяине. Он мог простить запойный прогул толковому рабочему, и даже обуть-одеть его, если тот пропился до нитки. Но он терпеть не мог лодырей и бездельников. Николай Иванович заботился о том, чтобы бригады литейщиков и кузнецов формировались по семейным признакам – своего быстрее научат делу и не обидят в зарплате.

На заводе была заведена путиловская традиция – торжественно отмечать каждый миллион пудов рельсового проката.

Особенно торжественно был отмечен четвертый миллион. 13 июня, 1870 год...^[51] Самый большой производственный корпус – кузницу – убрали гирляндами из лапника ели и

украсили цветами. Расставили столы. Сигналом к открытию торжества стал протяжный заводской гудок. Было произнесено много добрых слов в адрес Николая Ивановича, восхищались его энергией и умом, неоспоримым успехом было признано производство лучших в Европе путиловских рельсов...

Ответная речь Николая Ивановича напечатана в упоминавшейся книге «Путиловскому заводу 100 лет»:

«Милостивые государи! Я прошу во всеуслышание продиктовать одну страницу будущему историку, который будет изучать истоки развития русской промышленности. Я скажу только о четырех фактах, бывших на моей практике, в доказательство изумительной способности русского народа к заводскому делу. Факты эти до такой степени поразительны необычностью своею, что о них можно говорить лишь при тысячах свидетелей из самих же рабочих. Иначе может явиться сомнение в достоверности фактов...»

Далее Николай Иванович напомнил собравшимся о том, что в 1854 г. во время очередной Крымской кампании, когда флоты Англии и Франции блокировали Кронштадт, и его по Высочайшему повелению Великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича назначили уполномоченным по сверхсрочному изготовлению флотилии маломерных судов для защиты Кронштадта. «За три месяца вчерашние безработные прядильщики и ткачи построили 30 канонерок и они же, бывшие прядильщики, пошли на флот работать

механиками и машинистами. Разве этот факт не доказывает способность русского народа к заводскому делу и разве не стоит внести его на страницу истории?

Вспомним и пуск этого завода... кликнули клич по губерниям – ехать свободному народу по железным дорогам и на почтовых. Через несколько дней приехало полторы тысячи человек. И через 18 дней началась прокатка рельсов по 5 тысяч пудов в сутки.

Милостивые государи! Это ли не факт удивительной сметливости русского рабочего. Третий факт: в 1869 году велено было экстренно произвести переделку 10 тысяч ружей. На все про все – один образец оружия и ни чертежей, ни единого лекала! И что же? Уже через два месяца началась приемка ружей Военным ведомством, и ружья были приняты без единого замечания.

Факт четвертый – когда начали постройку этой кузницы на 1000 человек, невольно задавались вопросом: откуда взять столько кузнецов? Ответ был один – с деревень, из свободных людей. Десятка два старых, опытных кузнецов, а остальные новички – из чернорабочих. И все, здесь сидящие, видели как они ковали стальные болты и другие детали вагонной упряжи.

Милостивые государи! Позвольте мне предложить тост за здоровье русского рабочего люда вообще и в частности за молодцов – вот этих закоптелых тружеников завода!»

Кроме военных заказов завод изготавливал мосты, строи-

тельные фермы, запасные части для паровозов и подвижного состава и т. д. Продукция Путиловского завода была удостоена высших наград России – двух Государственных гербов и получила международное признание. На Парижских выставках 1868, 1872 и 1896 гг. были получены Золотые медали и Почетные дипломы. Известные во всем мире заводы Круппа не могли конкурировать с продукцией Путиловского завода. Даже Англия и Бельгия покупали продукцию этого завода. А ведь было время, когда Россия закупала рельсы и другое оборудование в этих странах.

Николай Иванович Путилов скончался в 1880 году. Однако еще при его жизни большая часть акций (при получении очередных кредитов) уже перешла во владение Государственного банка, который снова стал владельцем завода.

Действовала система: как только казенный завод, находящийся на грани краха, передавался в частные руки и возрождался неимоверными усилиями хозяина-предпринимателя и рабочих, правительство всеми правдами и неправдами возвращала его в подчинение Государственного управления (казну). Эта же система сработала и в случае с Саввой Ивановичем Мамонтовым.

С 1880 по 1885 год акции Путиловского завода перепродавались Государственным банком то синдикату Брянского и Варшавского сталелитейных заводов, то снова Правлению Путиловского завода. Шла ожесточенная борьба среди конкурентов, которые имели страстное желание завладеть пред-

приятными, входящими в объединение Путиловских заводов. В составе объединения был и Невский механический завод, когда-то принадлежавший С. И. Мамонтову. За сферу влияния боролись немецкие, английские, французские, бельгийские и голландские фирмы. Представители различных финансовых кругов добивались приема при дворе русского императора, заручались поддержкой Великих князей, вели переговоры с военным министром. Кому-то отказывали, с кем-то искали взаимовыгодных условий, кто-то невольно оказывался жертвой закулисных интриг. Лоббирование и взяточничество были и в ту пору в порядке вещей. Однако все сделки не могли миновать С. Ю. Витте.

Так было угодно судьбе, что после смерти Николая Ивановича Путиловский завод возглавил другой Путилов – Алексей Иванович, однофамилец Николая Ивановича. Но не только судьба привела Алексея Ивановича на этот завод, его «привел» С. Ю. Витте.

Николай Иванович – талантливый инженер, знавший свое дело глубоко и досконально. Он имел собственные изобретения по рафинированию и обезуглероживанию металла, по способу закатки комбинированных рельсов на обжимном стане и мог своими руками работать не хуже любого мастерового. Николай Иванович Путилов лично знал Савву Ивановича Мамонтова, они состояли действительными членами Императорского Российского Технического общества (ИРТО) и оказывали финансовую помощь Обществу в рабо-

те по распространению научно-технических и инженерных знаний.

Алексей Иванович – кабинетный чиновник, не переступавший порога цехов завода, финансист. Родился он в 1866 г., окончил юридический факультет Петербургского университета, защитил диссертацию по уголовному праву и Советом учебного заведения был награжден золотой медалью. Его оставляли в университете для дальнейшего образования и подготовки к получению звания профессора уголовного права. Но тяга к финансовой деятельности привела его на службу в юрисконсульское отделение Ведомства министерства финансов. Там он стал верным помощником С. Ю. Витте и считал себя его учеником. Сергей Юльевич, в свою очередь, гордился Алексеем Ивановичем: «Из чиновников моего ведомства он стал финансовым деятелем, известным и за границей», – так с гордостью С. Ю. Витте отзывался об А. И. Путилове в своих «Воспоминаниях».

Среди деловых людей Алексей Иванович считался умелым игроком на бирже, получая десятки окладов от различных акционерных обществ, где он состоял либо председателем правления, либо его членом. Трудился он истово, не давая себе ни минуты отдыха. Часто ложился спать под утро, но ни свет ни заря первым появлялся в кабинете банка. Он отслеживал финансовую ситуацию в России ежедневно, скрупулезно занимался обработкой всех документов, поступавших в банк.

Его занимала мысль о создании в России гигантского объединения, которое бы могло противостоять немецкому концерну Круппа. Россия должна иметь самую лучшую полевую артиллерию в Европе, и первым успехом было изготовление образца трехдюймового орудия заводской конструкции. Идея имела одобрение в правительстве,

Но не только проблемы Военного ведомства заботили правительство. В это время строилась Сибирская железная дорога – Великий Транссиб, ни одна страна мира не имела подобной магистрали – дерзновенной по замыслу и сложности строительства.

* * *

А. И. Путилов, как всегда, ориентируясь на Государственный заказ по протекции С. Ю. Витте, получил гарантийное финансирование на производство трехдюймовых орудий.

Для видимости был объявлен конкурс на исполнение этого выгодного заказа, в котором приняли участие многие зарубежные фирмы, в том числе – Шнейдер, Викерс и Армстронг. Но победителем заранее стал А. И. Путилов, за спиной которого были Русско-Азиатский банк в лице самого А. Путилова и всесильный С. Витте.

В книге «Русский торгово-промышленный мир» («Планета», М., 1993) приводятся сведения о деятельности Алексея Ивановича на Путиловском объединении в момент кризис-

ной ситуации: «А. И. Путилов приглашает генерала Брика, бывшего командующего морской артиллерией, на должность директора головного завода с окладом в 100 тысяч рублей в год, привлекает бывшего директора Обуховского завода генерала Миллера – знатока военной техники...» Для серийного производства орудий нужен высококачественный металл. Отвергнув ряд советов инженеров и специалистов на проводимом совещании, Алексей Иванович неожиданно (? – авт.) решает – Невский завод!

Многих присутствующих такое решение привело в недоумение. Завод в упадке. На восемь миллионов основного капитала – пять миллионов убытков...

«Невский присоединяем к Путиловскому, там будет металлургическая база» – строго заключает Алексей Иванович».

Никто из присутствовавших не знал, что большая часть акций уже давно принадлежала ему. Очевидно, будучи осведомленным финансистом, он давно отслеживал, как складывалась ситуация на Невском заводе, в реконструкцию которого С. И. Мамонтов вложил огромные капиталы, и завод уже работал в полную силу. Суд по мамонтовскому делу вынес оправдательный приговор. А что было после суда? – А. И. Путилов приобрел Невский завод С. Ю. Витте перевел Московско-Архангельскую железную дорогу в казну без всякого выкупа, а заодно получил возможность пристроить своих родственников к прибыльному делу.

Был ли причастен А. Путилов к махинациям С. Витте неизвестно. Но в их деятельности прослеживается определенная связь: как только Сергея Юльевича окончательно «ушли» из правительства в 1907 году, то за ним сразу же вышел в отставку и Алексей Иванович. Витте стал писать мемуары, а А. Путилов занялся частным бизнесом.

На их место пришли другие чиновники, но система осталась прежней. Правительство, Комитет министров, Государственный совет – эта огромная армия чиновников решала сложнейшие вопросы экономического развития страны. А вопросы были глобальными:

– Какова должна быть доля частного и казенного капиталов в общем объеме экономики страны, чтобы обеспечить рост промышленности и развитие сельского хозяйства без революционных потрясений?

– Какова доля зарубежных инвестиций, займов и отечественных капиталов в частном бизнесе, чтобы избежать зависимости от иностранных капиталов?

И при всем этом – как бы не обделить себя, не пронести бы мимо своего кармана. Сколько бы ни страшали чиновников самыми суровыми карами за мздоимство и коррупцию – ничего не получится. Повышать им оклады бесполезно, так как их психология формируется не уровнем оклада, а завистью: сосед имеет больше «комиссионных». Сегодня больше в ходу другая фраза: «Моя подпись стоит столько-то...»

Из упоминавшейся книги «Путиловскому заводу 100 лет» можно привести сведения о том, как Николай Иванович Путилов решал вопросы социально-культурной сферы в жизни своих рабочих. Говоря о способностях русского народа к заводскому делу, он, как образованный человек, понимал, что для изготовления сложных машин и металлоконструкций одной сметливости мало – нужны грамотные рабочие. При заводе были открыты школы для детей рабочих и вечерние курсы для взрослых, где преподавали геометрию, черчение, технологию металлов и основы технической грамотности. Заботу о школе взяла на себя супруга Николая Ивановича – Екатерина Ивановна. Она же на свои средства собрала первую библиотеку.

В 1877 г. при заводе открылось заводское училище с техническим уклоном, затем оно было преобразовано в техникум (существует и по сей день при заводе им. С. М. Кирова). Жители Петербурга до сих пор завод называют Путиловским и чтут имя Николая Ивановича.

В Путиловском училище постоянно обучалось 552 мальчика и 213 девочек. Программу для училища составил Дмитрий Иванович Менделеев.

На территории, примыкающей к заводу, были построены каменная церковь, корпуса общежитий для рабочих, дома для служащих, аптека и амбулатория, больница на 100 коек, театр на 840 мест, магазины, столовые и т. д.

На фотографиях в книге можно видеть обширный и ухо-

женный парк, в котором размещался заводской театр. В театре работало 14 профессиональных деятелей культуры, играли и профессиональные актеры.

Действовали различные кружки по интересам, при театре был духовой оркестр из рабочих – 25 человек (по штату – это полковой оркестр).

Афиши распорядка дня работы парка извещали:

- К услугам отдыхающих буфетные и бильярдные залы.
- Играет духовой оркестр.
- Летние ежедневные гуляния в парке с 3-х часов дня до

И часов вечера.

Вот с такого завода были приглашены в 1901 г. в Мытищи, на Вагонный завод Станислав Генрихович Лабунский и Тадеуш Мартынович Плуховский^[52]. Они привнесли с собой знание дела и традиции Путиловского завода.

На должность директора Невского механического завода, который когда-то принадлежал С. И. Мамонтову, а затем вошел в состав Объединения Путиловских заводов, был приглашен младший брат Александра Вениаминовича Бари (одного из основателей Мытищинского вагонного завода) – Вильям, выпускник Петербургского горного института.

С. Г. Лабунский и Т. М. Плуховский прибыли на Мытищинский завод тоже по приглашению. Завод получил ряд выгодных заказов от казны и к 1903 году – первую солидную прибыль.

А пока вдвоем приезжие путиловцы налаживали организационные взаимосвязи между цехами и занимались социальными проблемами рабочих. Тадеуш Плуховский ввел четкий бухгалтерский учет, при нем упорядочилась финансовая отчетность во взаимодействии между отдельными цехами. Трудовой дисциплиной и контролем за выпускаемой продукцией занимался сам С. Г. Лабунский – лично принимал каждый готовый к отправке вагон. Он считался грамотным специалистом по вагонному делу. Приходилось ему и за порядком следить – гонял лодырей, любителей поговорить, выпить в рабочее время и покурить в неустановленных местах (это называлось тогда «табачок пекчи»). Выпивохы в дни полочки обычно гоношились по излюбленным распивочным местам – туалетам, но и там доставала их карающая десница Лабунского, что вызывало крайнее неудовольствие будущего гегемона.

В начале XX века работоспособность и перспективу развития завода в основном определяли три личности – Станислав Генрихович Лабунский, Моисей Григорьевич Кларнет и Андрей Иванович Тарасов. О их деятельности мало что известно, а они были крупными специалистами и грамотными инженерами. У каждого из них своя судьба.

Революционные события 1905 года не отразились на работе завода. Выпуск товарных вагонов для железных дорог и трамваев продолжался. Лабунский сумел навести порядок на заводе и стабилизировать выпуск продукции. Но в 1911

году завод постигло очередное несчастье – пожар. Сгорел вагонноборочный цех, от корпуса остались только кирпичные стены. Был ли умышленный поджог, чтобы избавиться от строгого управляющего, или случайность, выяснить не удалось.

Станислав Генрихович расстался с Мытищинским заводом и вернулся в Петербург на Путиловский завод, на котором проработал до конца жизни. Он скончался во время хирургической операции в Германии (предположительно в 1920-м году). Вдова и дети до Великой Отечественной войны оставались в Ленинграде, во время блокады следы семьи затерялись^[53].

Инженеры Технического бюро Мытищинского вагонного завода. В центре сидит Моисей Григорьевич Кларнет

Моисей Григорьевич Кларнет был основным разработчиком проекта по строительству завода и оснащению его оборудованием. После официального открытия он так и остался работать на нем в должности заместителя заведующего Техническим бюро. Он быстро определился в решении следующей важной задачи и стал активно заниматься усовершенствованием приспособлений и созданием оснастки в отделе крупных штампов, в рессорно-пружинном отделе; проектировал приспособления в чугунолитейной ма-

стерской для массового производства букс и тормозных колодок, приспособления и ограждения в деревообделочной и столярной мастерских, руководил устройством вентиляционной вытяжки стружек и опилок. Под его руководством Техническое бюро завода успешно закончило разработку проектов новых типов товарных вагонов: платформ грузоподъемностью 40 т и цистерн грузоподъемностью 32 т.

В 1904 году над городом Мытищи прошел свирепый смерч: ураганный ветер срывал крыши с домов, валил заводские трубы. По преданиям старожилов будто взлетали на воздух телеги вместе с людьми и опускались где-то за версту от завода. До сих пор это место в памяти старшего поколения мытищинцев зовется «ветродуем». Большие разрушения были и на заводе. Около года пришлось восстанавливать стены, световые фонари, перекрытия, дымогарные трубы. Вся работа осуществлялась под руководством инженеров Технического бюро.

В 1905 г. М. Г. Кларнет руководил проектированием опытных трамвайных вагонов для Москвы по заказам Управления Московской Городской железной дороги (МГЖД). В 1908 г. он был командирован в Мюнхен на Международный съезд по вопросам организации и устройству городских и подъездных путей. По окончании работы съезда он подробно ознакомился с постановкой вагонного дела на Нюрнбергском заводе. По возвращении М. Г. Кларнет принял должность заведующего Техническим бюро и возглавил

разработку чертежей для изготовления переселенческих вагонов на 80 мест и большегрузных вагонов-ледников с автоматической сцепкой для перевозки молочных продуктов из Сибири и Поволжья к портам Балтийского моря.

Комиссия подвижного состава Министерства путей сообщения обратилась с просьбой ускорить выполнение проектов и изготовление трамвайных вагонов для разных городов России: Москвы, Петербурга, Харькова, Одессы, Пскова, Екатеринослава, Царицына, Симферополя, Архангельска. М. Г. Кларнет срочно выехал в эти города для ознакомления с эксплуатацией трамвайных путей и оказал помощь заказчикам в вопросах грамотного составления технического задания на изготовление трамваев с учетом особенностей местных условий.

В Техническом бюро стали попутно проектировать санитарные вагоны, снегоочистители, вагонеты, вагоны для перевозки животных, стрелочные переводы для трамвайных и железнодорожных путей.

В 1910 г. М. Г. Кларнет принимал участие в межведомственном совещании по распределению заказов Министерства путей сообщения между заводами, а затем отправился в длительную командировку в Австрию, Бельгию, Венгрию, Германию и Францию для ознакомления с производством трамвайных вагонов, вагонов для метрополитена и керосино-электрических вагонов-самочехов, которые сегодня называются рельсовыми автобусами...

Вернувшись на завод, он выступил на Комиссии подвижного состава и тяги с обстоятельным докладом. Комиссия поручила ему подключиться к совместному проектированию с зарубежными заводами и фирмами, выпускавшими керосино-самоходные вагоны. После завершения проектных работ на заводе был изготовлен первый в России рельсовый автобус для Московско-Казанской железной дороги, а затем еще шесть вагонов большей мощности для Управления железных дорог МПС. Таким образом, почти 100 лет назад рельсовый автобус стал детищем инженерной мысли М. Г. Кларнета.

В 1911 году Мытищинский вагонный завод после очередного пожара вновь перешел в ведение Акционерного общества, но в его Правлении были уже другие люди. Председателем был избран Николай Карлович фон Мекк^[54] – сын бывшего директора Николаевской железной дороги. Директором-распорядителем – С. Врублевский. Правление стало вмешиваться в работу Технического бюро, не учитывая реальной обстановки. Моисей Григорьевич оставил завод и уехал в Ревель на вагоностроительный завод «Двигатель», где принял должность помощника директора. Реконструкцией сгоревших цехов занялось «Товарищество Московского металлического завода Ю. П. Гужона» под руководством заведующего Техническим бюро Н. Г. Риттера.

Через год Правление Мытищинского завода обратилось к Моисею Григорьевичу с просьбой вернуться, и он отклик-

нулся на приглашение...

Технические знания и опыт Моисея Григорьевича в вагоностроении высоко ценили специалисты. На различных съездах и совещаниях в МПС он был непременным представителем завода. При решении различных вопросов и проектов нововведений в конструкторских разработках его мнение считалось весьма авторитетным.

В 1915 году, когда в результате удачного прорыва русскими войсками Австро-Венгерского фронта были захвачены богатые трофеи, Управление железных дорог МПС обратилось к Правлению Мытищинского вагонного завода с просьбой срочно командировать М. Г. Кларнета для осмотра трамваев, грузовых и пассажирских вагонов, паровозов и малогабаритных маневровых электровозов для перевозки малогабаритных грузов внутри города.

После командировки он дал заключение в Управление о возможности и способах переделки всех трофейных железнодорожных транспортных средств на российскую колею. Работа по составлению новых проектов на базе трофейных образцов проводилась с учетом усовершенствования конструкций отдельных узлов вплоть до 1922 года.

В 1918 г. на собрании рабочих и служащих М. Г. Кларнет был избран главным инженером завода. Годом позже его назначили членом Секции подвижного состава и тяги Технического комитета НКПС, а с 1920 г.^[55] – членом специально образованного Комитета по введению американской ав-

тосцепки и автоматических тормозов в российском подвижном составе и членом технической комиссии этого же Комитета. Все поручаемые ему работы Моисей Григорьевич выполнял с обычной для него добросовестностью и высокой компетентностью.

Адель Григорьевна Кларнет – зубной врач медсанчасти завода, сестра М. Г. Кларнета

В общей сложности М. Г. Кларнет работал на Мытищинском вагонном заводе 27 лет. Все свои силы и энергию он отдавал любимому делу. Он скоропостижно скончался 13 ап-

реля 1922 года. В «Вестнике инженеров» Л. Е. Гинзбург писала: «В лице Моисея Григорьевича инженерная семья потеряла талантливое человека и видного специалиста по вагоностроению, а Мытищинский завод лишился одного из наиболее ценных своих работников, отдавшего ему свои недюжинные знания и силы, начиная с постройки и первоначального оборудования завода и кончая налаживанием производства в последние годы, Такая длительная работа инженера на одном и том же заводе возможна только при высоких личных качествах его и при особенной любви к своей специальности».

Андрей Иванович Тарасов родился в Коломне 19 сентября 1868 года в старообрядческой семье. Рано оставшись без родителей, он рос на попечении опекунов. После окончания гимназии Андрей Иванович поступил в 1889 г. в Императорское Московское техническое Училище и окончил его в 1895 г. Специальность избрал по душе – вагоностроение и железнодорожное дело. Первое время А. И. Тарасов служил на Московско-Курско-Нижегородской железной дороге помощником начальника участка службы пути. В 1897 г. перешел на Сормовский завод начальником технического отдела по вагоностроению и работал там до 1908 г. В этом же году был приглашен на Мытищинский вагонный завод помощником директора. Прослужив почти четыре года, А. И. Тарасов, как и М. Г. Кларнет и С. Г. Лабунский, ушел с завода (1911) и продолжил работать начальником вагонного отдела на Русско-Балтийском вагоностроительном заводе в городе Риге. В 1915 г. А. И. Тарасов едва уцелел при обстреле завода дальнобойной немецкой артиллерией, но успел эвакуировать материальные ценности, кассу и рабочих в Тверь.

Правление Мытищинского вагонного завода обратилось к Андрею Ивановичу с просьбой вернуться в Мытищи. В мае 1916 г. он возвратился на завод и принял пост директора. Многие рабочие и служащие завода, знавшие его личные и деловые качества, тепло встретили бывшего сослуживца и в

мае 1917 г. избрали директором.

Первые три года были особенно тяжелыми для завода – все кругом ломалось, постоянно создавались новые структуры управления и тут же рушились; предъявлялись бесконечные волонтаристские требования новых властей. И все это в условиях отсутствия технических возможностей, недостатка рабочей силы и материалов, голода и безденежья. Рабочие и служащие всегда ценили в А. И. Тарасове его глубокую порядочность, терпимое и доброжелательное отношение к людям. Никто, из записавшихся к нему на прием, не уходил обиженным или униженным. Если даже приходилось отказывать, он делал это тактично и всегда объяснял причину отказа – обиды не оставлял. Особенно чутко и с любовью Андрей Иванович относился к кадровым рабочим, многих из которых знал лично. В тяжелые голодные годы – шесть лет после революции – он всеми силами стремился помочь рабочим, а они приходили к нему со своими нуждами, горестями. А. И. Тарасов никогда не заикался о собственном бедственном положении. Но рабочие знали, что он голодает вместе с ними. В то время сколачивались группы рабочих, которые ездили за продуктами в соседние области и всегда забегали к Андрею Ивановичу, просили его достать денег или приготовить вещи для обмена на продукты. Когда рабочие возвращались, то в первую очередь заходили к нему и выкладывали то, что удавалось достать на его долю. Когда он заболел, рабочие и служащие в складчину собирали ему продоволь-

ствие и относили в больницу.

А. И. Тарасов стойко переносил не только общие лишения, но и свои недуги. Впервые за шесть лет непрерывной работы он попросил отпуск для поправки здоровья. Но было поздно. Он скончался в первый день отпуска, за несколько часов до отъезда в Кисловодск. Его внезапная кончина, последовавшая 21 июля 1923 года, глубоко потрясла рабочих и служащих завода. Как писал «Вестник инженеров» на заводе только и говорили: «Такого, как Андрей Иванович, не было и уже не будет!».

Годы после кончины А. И. Тарасова для Мытищинского вагонного завода были сложными. Среди бесконечно сменявшихся руководителей не было личностей – все больше люди случайные или активные участники революционных событий и гражданской войны, которые не имели ни знаний, ни опыта. Завод едва держался на плаву^[56]. Некоторые уходили с завода на предприятия соседнего города Калининграда (Подлипки) в СКВ Л. В. Курчевского^[57] (будущее ЦАКБ В. Г. Грабина), на Московский оружейный завод № 8, располагавшийся рядом. Там и работа была почище, и зарплата повыше. Оружейному заводу принадлежало 100 национализированных дач (с южной стороны территории Мытищинского вагонного завода), и многие надеялись получить жилье.

Утренние заводские гудки служили ориентиром времени

для жителей всей округи, но особенно тем, кто спешил на работу. Длинная вереница рабочих тянулась вдоль Ярославского шоссе из Мытищ и Тайнинки в район Калининграда. В Заречье к ним присоединялись другие, затем – с Поповой горы и Речной слободки. Поднимаясь в горку, они останавливались у Владимирской церкви, чтобы перевести дыхание и посмотреть время. Все оглядывались на центральную проходную Мытищинского завода – двухэтажный деревянный дом, на котором еще с дореволюционных времен были установлены часы с огромным циферблатом фирмы «Павел Бурэ». Стрелки часов хорошо просматривались почти за километр. Если было минут пять в запасе, закуривали и обменивались новостями. В разговоре с горечью высказывались о заводе: «Э-э-эх, Вагошка, проходной двор – ни жилья, ни порядка». А проходную так и называли – «Дом с часами»...

В 1929 году при Мытищинском вагонном заводе был образован вечерний Механический техникум, т. к. требовался новый кадровый состав специалистов для производства электричек. Началось строительство жилья. Многие рабочие стали возвращаться. Завод в эти годы пережил наиболее мощный подъем за все послереволюционные годы. На волне энтузиазма построения нового общества стали все больше и больше раскрываться возможности для реализации общественных задач через личный творческий потенциал молодежи. В том же 1929 году завод своими силами построил Дворец культуры и спортивный комплекс. Заводской стади-

он «Торпедо» и Дворец культуры стали на долгие годы местом настоящего паломничества молодежи и всех, кто был охвачен страстью соревновательности и желанием реализовать свою творческую одаренность. Духовой оркестр, хор, драматический театр, спортивные команды, учеба в техникуме – все это стало неотъемлемой частью жизни заводчан и жителей округа.

В марте 1932 года директором был назначен А. Б. Хруничев. Под его руководством удалось стабилизировать производство электричек и открылась перспектива изготовления вагонов для Московского метро, но об этом в дальнейшем тексте книги.

В эти годы стали формироваться рабочие династии: от дедов и отцов – к детям. Эти традиции перешли и в техникум. 2 марта 1935 года приказом НКТП № 253 техникум был передан по отраслевому подчинению Главвагонпрому с дневной и вечерней формами обучения и стал именоваться – «Мытищинский механический техникум» (в последующие годы дважды переименовывался). Открылись новые специальности «Обработка металлов резанием» и «Сварочное производство». Завод уже выпускал цельносварные кузова электричек и трамваев. Намечалось производство вагонов метро.

В 1999 году Мытищинский машиностроительный техникум-предприятие (последнее наименование) отметил 70-летний юбилей. На протяжении всех лет судьба техникума

тесно связана с заводом – его традициями, успехами и трудностями.

За годы существования техникума в основном привлекались ведущие специалисты завода, но работали и штатные преподаватели старинной закалки: Г. А. Казанский, гл. конструктор ЦКБ(В); М. М. Барабанов – руководитель расчетной группы ЦКБ(В) – читал курс «Сварные конструкции» и «Соппротивление материалов»; Б. П. Верклиев – «Соппротивление материалов» и математику; Г. Ф. Фролов – физику (автор задачника по астрономии для ВУЗов); С. А. Мещанинов – машиноведение (ученик Н. Е. Жуковского); П. В. Мумриков – главный сварщик завода; М. С. Русов, К. К. Плосковицкий, И. Г. Фридлендер, Н. И. Фролов; В. Н. Высоцкий – станки и теорию резания; Н. Г. Куклин – черчение и «Детали машин» (автор одноименного учебника), Заслуженный учитель школы РСФСР. Его учебник «Детали машин» выдержал пять изданий, одно из которых предназначалось для студентов Болгарии.

За все прошедшие годы было выпущено более 15 тысяч специалистов как для завода, так и отрасли машиностроения. В разное время техникум окончили многие работники различных подразделений завода, которые затем возглавили участки, отделы, цеха, службы и производство в целом:

В. Н. Донсков, ставший директором завода, лауреат Государственной премии, Почетный гражданин города Мытищи (ныне пенсионер); Ю. П. Солдатов – ранее главный инже-

нер, ныне Первый заместитель генерального директора ЗАО «Метровагонмаш», лауреат Государственной премии; В. А. Воробьев – главный инженер; В. П. Козлов – зам. главного конструктора ОКБ 40; Е. В. Поле – управляющий делами; А. Г. Сайдин – директор самосвального производства; А. И. Козлов – зам. директора вагоностроительного производства.

До сегодняшних дней ЗАО «Метровагонмаш» сохранил традиционные связи с техникумом. Государственные аттестационные комиссии, как правило, возглавляют главные специалисты завода, 90 % дипломных проектов готовятся с тематикой заводских технологических процессов.

Многие преподаватели и сотрудники проработали в техникуме по 30 и 40 лет: Д. Ф. Капчиц, В. А. Воробьева, В. Я. Марченко, Т. С. Глазкова, И. П. Спирина, Т. Н. Корчагина, Л. Г. Осипова, Н. М. Товстуха, И. Н. Белоусова, В. Е. Поле, В. Н. Федоров, А. В. Казанцев, Б. Г. Волков и др.

Среди выпускников есть люди, получившие высокие звания и награды Родины. Иван Иванович Лезжов, который начал работать на заводе учеником слесаря, а с 3-го курса по призыву комсомола в 1940 году стал курсантом Тамбовской авиационной школы. В годы Великой Отечественной войны служил в разведывательной авиации. За 238 боевых вылетов он удостоен звания Герой Советского Союза в 22 года. Юрий Николаевич Зорин – заведующий кафедрой «Электротехника, электроника и электрооборудование», профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана, доктор технических наук, один из авторов

первых разработок электронно-лучевой сварки; Юрий Николаевич Смирнов – главный сварщик Министерства оборонной промышленности, один из инициаторов внедрения в производство лазерной техники; Олег Леонидович Цветков – главный сварщик «Спецмонтажстрой», много лет работавший в системе ЦНИИ ПСк; Владимир Викторович Аксенов – летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза, Почетный гражданин города Мытищи. В. В. Аксенов навещает техникум. Встречи с ним – это незабываемое событие в жизни студентов и преподавателей.

Выпускники техникума работают на всей территории бывшего Союза. И если им случается проезжать через Москву, то они навещают родной техникум – место, где прошла их молодость, самая яркая и впечатляющая страница их жизни.

Иван Иванович Лезжов

Владимир Николаевич Донсков, выпускник техникума

1949 г., работал на заводе с 1943 по 1987 год: помощник мастера, технолог, главный инженер, директор завода (1975–1987). Награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного знамени

Владимир Викторович Аксенов, выпускник техникума 1952 года, в гостях в родном учебном заведении, 2001 год. Слева направо: В. И. Маслов, Г. В. Менчайкина, Н. М. Тов-

*стуха, В. В. Аксенов, Н. В. Медведева (директор техникума),
И. Г. Куклин*

Александр Вениаминович Бари
(6.05.1847–6.04.1913)

Владимир Григорьевич Шухов
(16.08.1853–2.02.1939)

Россия, взятая в целом, думается мне, доросла до требования свободы, но не иной, как соединенной с трудом и выполнением долга. Виды и формы свободы узаконить легко прямыми статьями, а надо еще немало поработать мозгами в Государственной думе, чтобы законами поощрить труд и вызвать порывы долга перед Родиной.
Д. И. Менделеев. «Заветные мысли». 1905 г.

Фамилия Бари была довольно широко известна как в Западной Европе, так и в России в середине XIX – начале XX века.

Достаточно вспомнить известного немецкого медика и ботаника, профессора Генриха-Антон де Бари; француза Антуана-Луи Бари, скульптуры которого украшают лучшие музеи Парижа, английского исследователя-путешественника Эрвина Бари. Но это всего лишь однофамильцы. По сведениям родственников А. В. Бари их фамилия имеет французские корни. В России подобные фамилии произносятся с ударением на последнем слоге. Например – Бари, Кацари,

Николай.

Родословная Александра Вениаминовича Бари насчитывает около 100 его потомков, живущих в основном в России и США.

Отец А. В. Бари, Вениамин Матвеевич, родился в Литве в 1817 г. В Германии он получил специальное образование, дававшее ему право преподавать иностранные языки. Работал некоторое время в Париже, преподавал в университете; затем переехал в Кенигсберг, а позднее в Петербург, где и работал до 1863 года. По воспоминаниям потомков, он знал 12 языков. Последние годы жил в США, умер в 1887 г. в Детройте.

Мать – Генриетта Сергеевна, урожденная Канн (Kahn), умерла в мае 1909 г., похоронена в Москве.

В семье было 12 детей, все родились в Петербурге. Четверо умерли в раннем возрасте. Генри, Александр, Вильям, Эмиль, Чарльз, Софья, Клара и Адель продолжили родословную.

Вениамин Матвеевич был человеком энергичным, в семье суров характером. В беседах с близкими знакомыми отличался свободомыслием, слыл мечтателем. Иногда он отлучался из Петербурга в Швейцарию, где публиковал свои мысли по вопросам переустройства общества, полемизируя с Карлом Марксом (они были ровесниками и лично знали друг друга). Их переписка продолжалась и позже, когда В. М. Бари переехал с семьей в США.

Другой его знаменитый знакомец тех лет – Александр фон Гумбольдт, ученый с мировым именем (1769–1859). А. Гумбольдт много путешествовал, изучал животный и растительный мир Амазонки, занимаясь исследованием горных пород, обследовал Везувий во время его извержения в 1805 году. В 1829 г. по приглашению Николая I он посетил Россию, где изучал запасы полезных ископаемых Урала и Сибири. Именем Гумбольдта названы море и морские течения, заливы и бухты, города, горные хребты и ледники. В. М. Бари часто общался с ним, когда приходилось ему бывать в Париже и Кенигсберге.

В семейных архивах потомков Бари сохранились воспоминания внучки Вениамина Матвеевича, Евгении Александровны Нерсесовой: «Когда бабушка Генриетта Сергеевна после смерти мужа решила вернуться к сыну Александру в Петербург, она сожгла всю переписку с К. Марксом, как опасную для въезда в Россию. Потом, в советское время, все мы очень сожалели об этом».

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в фондах III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии имеются сведения о Бари Вениамине Матвеевиче. В 1849 году он служил учителем немецкого языка при Дворянском полку; в 1862 году содержал пансион, состоявший из 30 воспитанников, и был учителем немецкого языка 2-й гимназии С.-Петербурга, получал жалование 600 рублей в год.

Прекрасный лектор, В. М. Бари воспламенялся красноречием, не теряя ясности изложения мысли. Воспитанники пансиона высоко ценили педагогический талант своего учителя.

В 1863 году В. М. Бари – отставной титулярный советник и временный, 2-й гильдии купец.

В 1862 году фамилия Бари обнаруживается в материалах Следственной комиссии, работавшей под председательством князя А. Ф. Голицына, в частной переписке – подвергнутых перлюстрации письмах жены коллежского асессора, некоей Варвары Александровской, из Петербурга в Москву – бывшему студенту Московского университета Аполлинарию Покровскому.

В Санкт-Петербургских Ведомостях (№ 193) появляется публикация этих писем, где В. М. Бари назван пропагандистом, стремящимся ознакомить воспитанников пансиона с вопросами государственного переустройства России в духе германских литераторов.

В связи с публикацией столь компрометирующих материалов пансион В. М. Бари был закрыт и по Высочайшему повелению от 2 октября 1862 года за ним был учрежден секретный надзор, начальству гимназии было поручено «иметь бдительное наблюдение за его преподаванием».

Почувствовав надзор, В. М. Бари обратился в эмиграционную службу Петербурга с просьбой о снабжении его бессрочным паспортом с тем, чтобы он мог выехать за границу

«впредь до совершенного поправления расстроенного здоровья».

На просьбу была наложена резолюция: «По тем обстоятельствам, которые послужили поводом к подчинению Бари секретному полицейскому надзору, не препятствовать отъезду его за границу».^[58]

В семейных архивах из переписки потомков Бари удалось обнаружить сведения о местонахождении части литературных трудов Вениамина Матвеевича. Вот отрывок из переписки с родственниками, который сохранил Петр Кириллович Воскресенский – правнук А. В. Бари.

«...Относительно сочинений Вашего деда могу сообщить, что нашлась в библиотеке книга «Zeitgemässe gedanken über die Emancipation des Menschen». Bari Benjamin. Königsberg. 1843 г.»²⁸

«Дорогой Петр! Спасибо за письмо, шлю тебе все, что я нашел о Вениамине Бари. Книги Бари у нас в Кёльне нет, и я не знаю, найдется ли в других библиотеках Германии. Сердечный привет всем, твой дядя Отто...

P. S. Возможно, что-то обнаружится в Ленинской библиотеке, в Москве, однако высылаю сведения из энциклопедии «Кайзер, Христиан Готлоб» (Т.13, Лейпциг 1860 г.):

– Aufruf an das deutsche Volk zur Erfüllung seiner Mission.

²⁸ Своевременные мысли об эмансипации человека. Бари В. Кенигсберг, 1843 год.

Frankfurt a.M. 1857. 36 S. Bari B.²⁹

– Entwurf der Lauterung des Unterrichtes zur Befriedigung alter Menschen und der Verbreitung des geläuterten Unterrichtes. Frankfurt a.M. 1857. 86 S. Bari B.³⁰

– Endusache und Abhilfe der Arbeitslosigkeit und der Geldkrisis der Gegenwart und der Zukunft. Frankfurt a.M. 1857. 86 S. Bari B.³¹

Получив разрешение, В. М. Бари с семьей переехал в Могилев, а затем в Цюрих. Но в Швейцарии он не нашел взаимопонимания с теми знакомыми, с которыми встречался во время прежних приездов. Его кипучая энергия не могла примириться с размеренной, неторопливой жизнью Швейцарии. Да и финансовое положение семьи было, очевидно, весьма проблематичным. Старшие дети выросли. Вениамин Матвеевич считал, что они должны самостоятельно входить в жизнь. Решив, что благополучие семьи будет значительно успешнее, если перебраться в Америку, В. М. Бари в 1865 году переезжает в Североамериканские Соединенные Штаты, в Детройт.

Второй сын, Александр, остался в Цюрихе, окончил гимназию и, вопреки настоятельным возражениям отца, посту-

²⁹ Обращение к немецкому народу о выполнении его миссии. Франкфурт-на-Майне, 1857 год. 36 с. Bari B.

³⁰ Проект улучшения преподавания и его распространение для удовлетворения всех людей. Франкфурт-на-Майне, 1857 г., 86 с. Bari B.

³¹ Основная причина безработицы и денежного кризиса и устранение их в будущем. Франкфурт-на-Майне, 1857 г. 86 с. Bari B.

пил в политехникум, чтобы получить техническое образование и стать инженером. Не имея материальной помощи от семьи, Александр содержал себя частными уроками.

Цюрихский политехникум пользовался всемирной известностью. Здесь читали лекции выдающиеся ученые того времени: Густав Цейнер – профессор практической механики, Рудольф Клаузиус – профессор математики и физики, Франц Рело – профессор теоретической механики, Помпей Боллей – профессор химии, Кульман – основатель теории расчета подъемных кранов и создатель классического приспособления для рациональной работы конструктора (кульман) и др. В этом политехникуме успешно учились многие российские инженеры, предприниматели и деловые люди: Михаил Константинович Шпейер – известный инженер по строительству первых шоссейных дорог в России; Иван Абрамович Морозов – из тверских мануфактурщиков; Евгений Карлович Кнорре – инженер-мостостроитель, один из первых инициаторов строительства метрополитена в России; Константин Эдуардович Лембке³² – инженер-мостостроитель и специалист в области водоснабжения; Федор Евплович Орлов – будущий профессор ИМТУ (Императорское Московское высшее техническое училище – ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана) – проходил здесь стажировку.

³² Более полные сведения о названных инженерах – российских немцах, внесших большой вклад в развитие российской промышленности и градостроительства, см. в дальнейшем тексте.

Курс обучения длился три года, и при успешном окончании которого, выпускникам вручался документ, подтверждавший звание инженера по избранной специальности.

В 1870 году Александр окончил политехникум и получил диплом инженера-строителя. Не имея денег на дорогу, он устроился помощником механика на пароход и отправился к семье в США, где надеялся начать самостоятельную жизнь. В то время он оказался единственным в семье, кто имел инженерное образование.

Александр принял американское гражданство и поступил на работу на один из мостостроительных заводов в Детройте – рабочий-разметчик, помощник инженера.

Так было угодно судьбе, что, навещая брата в Филадельфии, он встретился с Зинаидой Яковлевной фон Грюнберг. Она приехала в Америку из Петербурга со своей старшей сестрой Верой, на которой был женат старший брат Александра, Генри Бари. Александр Вениаминович и Зинаида Яковлевна соединили свои судьбы.

О его необыкновенной работоспособности в сочетании с инженерной грамотностью были наслышаны специалисты и предприниматели Филадельфии. А. Бари пригласили в техническую контору на должность инженера.

В 1874–1876 годах Александр принимает деятельное участие в конкурсе по проектированию и устройству павильонов Всемирной выставки в Филадельфии, посвященной 100-летию независимости Североамериканских Соединен-

ных Штатов. В эти годы он числился вольнослушателем Мас-сачусетского технологического института в Бостоне.

В 1874 г. в оргкомитет выставки «инженер ALEX. В. BARY, архитектор G. R. POHL, инженер J. H. COFRODE» представили пояснительную записку к проекту выставочного комплекса, который был принят за основу и утвержден к исполнению.

Вот краткое описание проекта здания для столетней выставки³³: «В архитектурном плане мы хотим создать здание, непохожее ни на какое другое, простое по конструкции и с такими же удобствами по классификации Парижской модели, но в то же самое время эффектное и великолепно украшенное. Это – промышленный зал с крышей, полностью поддерживаемый колоннами.

³³ Документальные материалы присланы из США.

*Александр Вениаминович Бари. Рабочий-разметчик.
США, Детройт, 1870 г.*

Александр Вениаминович Бари с супругой Зинаидой Яковлевной фон Грюнберг. США, Филадельфия, 1874 г.

Необходимые материалы: кирпич, стекло, котельное железо, олово, гальванизированное (никелированное) железо,

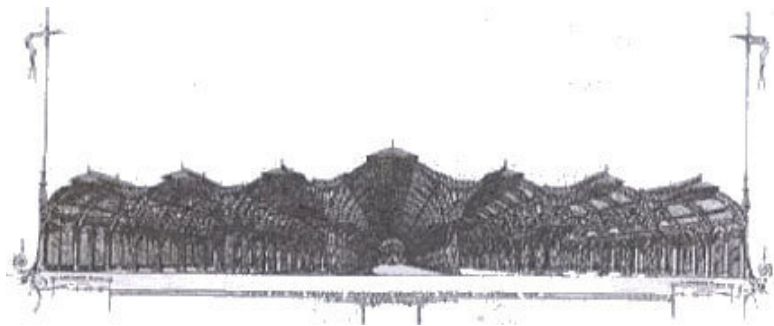
древесина и декоративные ткани. Металлоконструкции рассчитаны в общепринятых пропорциях, применяемых при строительстве мостовых ферм и стропил. Длина здания – 1300 футов, ширина – 580 футов. Здание имеет форму параллелограмма с закругленными концами и двенадцатью порталами. Крыша имеет форму волны. Внутреннее пространство здания разбивается на 7 пролетов с 8 рядами колонн, шаг колонн – 50 футов. Колонны поддерживают арочные стропила, которые увеличиваются в размере от периферии к центру. Здание разделено на 2 равные части центральным поперечным пролетом шириной 100 футов.

Освещение предусматривается через окна и верхнее покрытие, выполненное из стекла на металлическом каркасе.

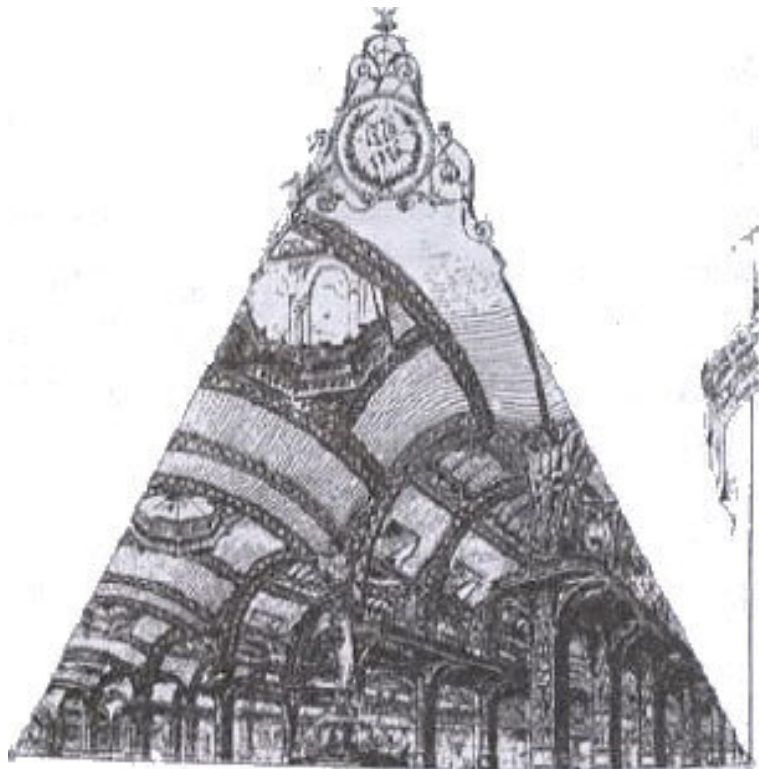
Вентиляция всех помещений обеспечивается за счет специальных каналов, охватывающих здание по всей длине. Для осмотра экспозиций предусмотрено устройство смотровых площадок и балконов под сводом кровли с удобными маршевыми переходами.

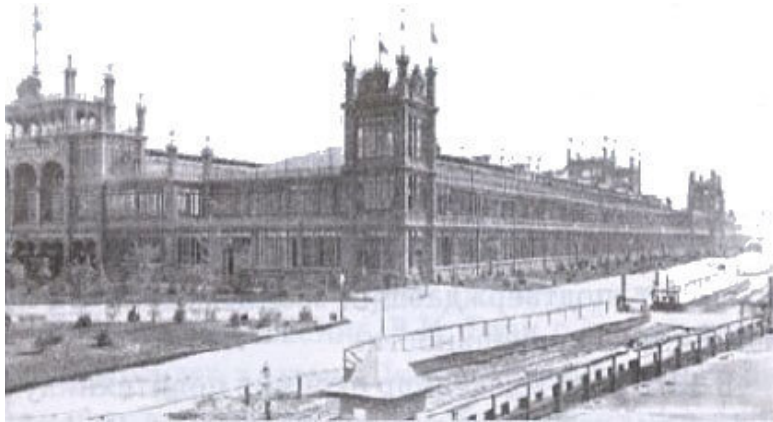
Общий вид центрального фасада выставочного комплекса. 1874–1876 гг.

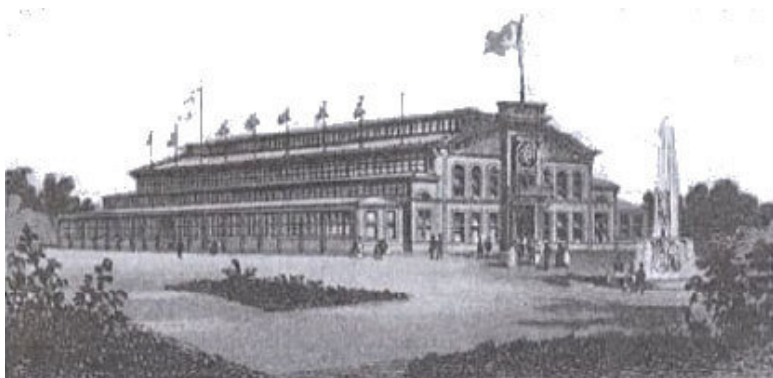
Проект Филадельфийской выставки. Металлоконструкции павильонов. 1874–1876 гг.

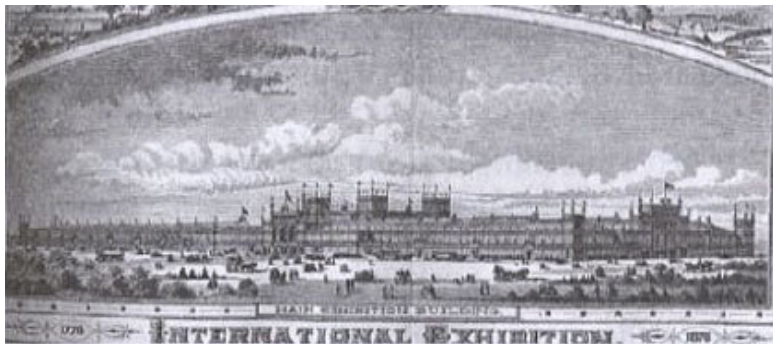
Фрагмент металлоконструкций и опорных колонн

Выставочный комплекс Филадельфийской выставки 1876 г. (Фото с юго-восточной стороны 41 улицы)

Павильон обувной и кожевенной промышленности. Вашингтон. Архитектор – инженер А. В. Бари. 1876 г.

Общий вид Филадельфийской выставки (гравюра). Национальная Галерея Искусств. Вашингтон. Архитекторы Генри Петти и Джозеф М. Вильсон. Руководитель строительства выставочного комплекса инженер Александр Вениаминович Бари

На пересечении продольных и поперечных пролетов предлагается устроить фонтаны, установить вазоны с цветами.

Четыре главных входа (100×85 фут.) предлагается использовать для размещения билетных касс, телеграфа, почты, полиции и т. д. Закругленные терминалы восточных и западных фасадов могут быть использованы для размещения в них ресторанов, офисов прессы и медицинских кабинетов.

Опорные колонны могут быть использованы как для водоснабжения, так и для дренажа кровли. Весь комплекс здания запроектирован в пожаробезопасном исполнении».

Случилось так, что руководитель строительства выставочного комплекса заболел. Организационный комитет обратился к Александру Бари с просьбой возглавить начавшееся строительство и сдать комплекс к намеченному сроку.

К этому времени Александр Вениаминович уже имел авторитет руководителя и грамотного инженера. У него были изобретения и патенты на них:

– Патент № 137048 от 25 марта 1873 года. Автор изобретения Alexander W. Bary (Детройт, штат Мичиган). Усовершенствование механизма нитеводителя шпулек для швейных машин.

В преамбуле этого патента записано: «Всем, кого это касается. Да будет известно, что я, Alexander W. Bary, проживающий в Детройте, штат Мичиган, изобрел новое и полезное усовершенствование для швейных машин. И я заявляю, что далее изложенное является точным и аккуратным описанием этого. К сему приложен чертеж с указанием деталей».

– Патент № 139651 от 10 июня 1873 года (заявление зарегистрировано 18 февраля 1873 года). Авторы изобретения Albrecht E. Barthel и Alexander W. Bary (Детройт, штат Мичиган). Усовершенствование рабочей части машинного метчика для облегчения нарезания резьбы на гайках без применения охлаждающих жидкостей.

Александр Вениаминович работал с увлечением, не покладая рук. Он совмещал роли инженера-руководителя и архитектора, как всего комплекса, так и отдельных павильонов.

С порученной работой он справился с честью и был удостоен Гран-При и золотой медали.

История сохранила свидетельства его деятельности в США. В Национальной галерее Вашингтона хранятся гра-вюры и картины с изображением Выставочного комплекса, построенного под руководством А. В. Бари. Сохранились и фотографии...

Отныне имя А. В. Бари стало широко известно в инженерных кругах Европы и Америки. Впервые в инженерной практике США (по аналогии с Хрустальным дворцом)^[59] были спроектированы и построены здания с различными конструкциями световых фонарей и сложными сетчатыми остекленными покрытиями. Такие покрытия обладали высокой светопрозрачностью и жесткостью конструкции.

Филадельфийская выставка размещалась в Фермонт-парке, на берегу живописного озера. Евгений Борисович Пастернак, посетивший Филадельфию в 1990 году, свидетельствует, что Центральный павильон Всемирной выставки, сохранившийся с 1876 года, до сих пор исправно функционирует, несмотря на то, что зданию уже более 120 лет^[60].

25 октября 1875 года. Генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков пишет отношение в Московский биржевой комитет о присланном Правительством Североамериканских Соединенных Штатов Америки приглашении России – принять участие в Международной выставке 1876 года

в г. Филадельфия. На Всемирную выставку в Филадельфию из России была направлена группа профессоров и инженеров ИМТУ. Как значилось в письме директора Училища:

«...В настоящем мае месяце отправятся в командировку в Америку профессора: Ф. Е. Орлов, П. П. Панаев, А. К. Эшлиман и инженеры-механики В. А. Малышев и Д. К. Советкин для изучения Филадельфийской выставки и ознакомления с наиболее известными заводами, фабриками и искусственными сооружениями... по возвращении из Америки поименованные лица представят для напечатания отчеты о своем путешествии.

С целью содействия означенным лицам по собиранию научных материалов для отчетов, равно для составления по их указаниям <...> чертежей, интересных в техническом и чисто научном отношении предметов, я вошел с ходатайством... о прикомандировании к означенной ученой комиссии трех выпускников, окончивших с успехом курс в Техническом Училище, с выдачей им пособия на путевые издержки в размере 800 рублей каждому... В заседании Педагогического Совета, состоявшемся 30-го истекшего апреля, Вы избраны в число означенных трех лиц, а по сему, считая для себя приятным долгом сообщить Вам об этом, покорно прошу письменного ответа в возможной скорости о том, желаете ли Вы воспользоваться предоставленным Вам правом.

Директор В. К. Делла-Вос»^[61]

Евгений Борисович Пастернак с супругой Еленой Владимировной у одного из сохранившихся павильонов Филадельфийской выставки (1876 г.). США, Филадельфия, 1990 г.

Виктор Карлович Делла-Вос, преобразователь Ремесленного учебного заведения в Высшее императорское техническое училище (МГТУ им. Баумана). Награжден орденом Святой Анны и Святого Владимира. Создатель политехнического общества при ИМТУ

В 1876 году В. Шухов, как блестящий выпускник Учили-

ща, был командирован в Америку на Всемирную Филадельфийскую выставку. Ему пришлось отказаться от весьма лестного предложения почетного члена Педагогического Совета ИМТУ, академика, математика Пафнутия Львовича Чебышева о совместной научной работе.

Владимир Григорьевич Шухов (стоит слева) перед отъездом на Филадельфийскую выставку среди делегатов ИМТУ. 1876 г.

Владимир Григорьевич Шухов родился в 1853 году в Кур-

ской губернии, в городе Грайвороне (ныне Белгородская область), в дворянской семье. Его отец в последние годы жизни служил в Ведомстве учреждений императрицы Марии Федоровны (Управление средними учебными заведениями и воспитательными домами, содержащимися на личные средства царской фамилии). В 1871 году Владимир с отличием окончил гимназию в Петербурге и по совету отца приехал в Москву, где поступил в ИМТУ. Его любимыми преподавателями были Н. Е. Жуковский, Ф. Е. Орлов, А. В. Летников, Д. Н. Лебедев и другие известные профессора, ученые и инженеры.

В. Шухов, как и А. Бари, в студенческие годы был во всех отношениях самостоятельным молодым человеком. В последующие годы его самостоятельность дополнилась обостренным чувством личной ответственности за выполняемую работу. Кроме тех знаний, которые Шухов получал в общении с преподавателями и профессорами ИМТУ, он серьезно и систематически изучал научную и техническую литературу сверх учебной программы. Позже он вспоминал: «Всеми своими знаниями я обязан, прежде всего, самостоятельной работе с книгой».^[62]

Как пишет о командировке В. Г. Шухова в США А. Б. Иванов^[63]: «Вот и Варшавский вокзал (С.-Петербург). Впереди долгий путь – поездом до Варшавы, где предстоит в канцелярии генерал-губернатора Царства Польского получить заграничный паспорт и обещанные 800 рублей, а затем

– поездом же – до Гамбурга. И уже оттуда на корабле – через океан».

Делегацию из России принимал А. Бари, будучи уже председателем Филадельфийского инженерного общества^[64]. После официальной церемонии приема делегации и осмотра экспозиций выставки Александр Вениаминович показал ее участникам заводы Питсбурга, Детройта и других промышленных центров США. Делегаты ознакомились с достижениями в области новой техники, с организацией труда на предприятиях, со строительством плотин, железных дорог, тоннелей, мостов и т. д. А. Бари оказал помощь российской делегации в закупке различного оборудования, приспособлений, инструментов и наиболее интересных образцов изделий для Училища.

На этой выставке произошла встреча А. Бари и В. Шухова, которая заложила начало их совместной творческой деятельности в России на 35 лет! Будущий союз талантливого предпринимателя-организатора инженера А. Бари и гениального инженера-изобретателя В. Шухова на долгие годы будет определять развитие России и ее международный приоритет в различных областях инженерного искусства.

В США прибыла и делегация предпринимателей из России, которым была предоставлена возможность разместить свои экспонаты в российском отделе Главного павильона. Сапожниковы, Овчинниковы, Сазиковы и другие владельцы мануфактур и заводов послали за океан образцы изделий:

серебряные братины и кружки, жбаны и чарки, сулеи и кубки, блюда и подносы, вазы, канделябры, скульптурное литье, диадемы и колье, броши из драгоценных камней. Кроме ювелирных украшений, были выставлены образцы различных тканей, оборудование и приспособления, используемые при ремонтных работах железнодорожного подвижного состава и эксплуатации железных дорог.

Внимание посетителей привлек экспонат с табличкой: «Пластырь рейковый для быстрой остановки течи в подводной части корабля». Автор изобретения – тогда еще молодой морской офицер, лейтенант С.О. Макаров. Имя его для России будет занесено в святцы после гибели броненосца «Петропавловск» в Русско-японскую войну. Степан Осипович Макаров – вице-адмирал, командующий Тихоокеанским флотом, не покинул мостик флагманского корабля, подорвавшегося на mine.

На выставке демонстрировался и уникальный музыкальный экспонат. Российский мастер, протоиерей отец Аристарх Израилев, изготовил камертоны, соответствующие звучанию всех колоколов звонницы Ростова Великого, и воспроизводил с их помощью все известные в то время колокольные звоны. С помощью камертонов демонстрировались звоны Ростовские, Калязинские, Егорьевские, Акимовские, Ионинские, а также звон Будничный и Красный. Этот необычный музыкальный экспонат был удостоен золотой медали^[65]. И поныне, пока не отлиты колокола, такие камерто-

ны используются для праздничных звонов при восстанавливаемых храмах: например, 15 сентября 2002 года при освящении часовни во имя Державной Божьей Матери на Северной ТЭЦ (г. Мытищи).

Американские художники и скульпторы были поражены, когда увидели скульптуры Евгения Александровича Лансере, выполненные из чугуна, бронзы и серебра – тончайшее литье по моделям российского мастера.

Делегация ИМТУ прибыла в Филадельфию также не с пустыми руками. На выставке демонстрировались материалы по учебному процессу: студенческие работы, продукция Опытного завода Училища – самобытная «российская школа инженерного обучения». Президент Бостонского Технологического института доктор Ронкль писал В. К. Делла-Восу: «За Россией признан полный успех в решении столь важной задачи технического образования... В Америке после этого никакая другая система не будет употребляться».

Императорское Русское техническое общество^[66] представило на выставку методические разработки и рекомендации по пропаганде развития промышленности и торговли.

Присутствовал на этой выставке и Дмитрий Иванович Менделеев. Здесь он познакомился с А. В. Бари и В. Г. Шуховым.

Встреча с российской делегацией круто изменила дальнейшую судьбу Александра Вениаминовича Бари. В семье

не все было благополучно. Мучительно переживали смерть первенца, названного в честь отца Александром. Через год родилась дочь Анна, но Зинаида Яковлевна не могла успокоиться и напоминала Александру Вениаминовичу, что выходила за него замуж при условии, что они вернутся в Россию. Она скучала по далекому Петербургу – городу ее детства и юности. Ее впечатлительная натура тяготилась тогдашним американским образом жизни. Александр Вениаминович колебался. Здесь, в Америке, пришло признание – первый крупный успех и уважение. Будет работа – будет обеспечено и благополучие семьи. Однако и встреча с российской делегацией из ИМТУ оставила смятение в его душе. Близкое знакомство с членами делегации получило продолжение... В знак признания заслуг и «сообразуясь с готовностью господина Бари быть на будущее полезным Училищу», его избрали почетным членом Попечительского совета ИМТУ (1877 г.).

Взвесив все обстоятельства, А. Бари принял решение вернуться на Родину. В этом же году он со своей семьей возвратился в родной Петербург, оставаясь гражданином США.

*США, Филадельфия. Российская делегация ИМТУ, 1876 г.
А. В. Бари стоит второй справа*

Соединенные Штаты, где Бари уже прожил 6 лет, каза-

лось бы, самое подходящее место для человека такой кипучей энергии и деловой изобретательности. Однако А. Бари был уверен, что со своими способностями он добьется успеха и в России, стоящей на пороге промышленного подъема.

Россия – это его родина, где прошли детство и юность. Здесь он смотрел на жизнь глазами впечатлительного подростка. А когда повзрослел, то увидел мир уже глазами делового человека с честолюбивыми желаниями и заманчивыми планами.

Но первая попытка создать с младшим братом Вильямом собственную небольшую фирму по проектированию и изготовлению электродвигателей в Петербурге, не увенчалась успехом.

По воспоминаниям Зинаиды Яковлевны Бари, «жена брата, эта подлая женщина Амалия, устроила подлог документов и обокрала в свою пользу Александра. Адвокат предлагал начать судебное дело против брата, ручался за выигрыш процесса. Александр целую ночь ходил возле Невы, а на утро решил, что судиться с братом он не станет. Это будет слишком тяжело для матери»³⁴. Жизнь надо было начинать с нуля. Первое заманчивое предложение о работе в Японии осталось без ответа – не для этого он возвратился в Россию. Александр Вениаминович встречается с Николаем Сытенко, с которым познакомился на Филадельфийской выставке. Н. Сы-

³⁴ Из письма З. Я. Бари сестре Екатерине, бывшей замужем за генералом В. Кохманским.

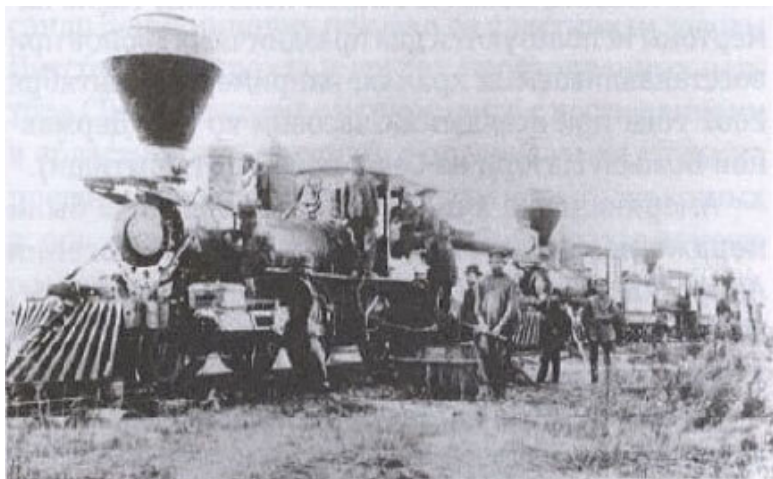
тенко знакомит А. Бари с Людвигом Нобелем. После обстоятельной беседы Людвиг Эммануилович предложил Александру Вениаминовичу должность помощника по инженерной части. Так Бари поступил на службу к братьям Нобелям – «Товарищество Бранобель», которое в то время занималось разработкой бакинских нефтяных месторождений на Апшероне. Л. Нобелю нужен был инженер, знакомый с нефтяным делом в США, каким и оказался А. Бари. Помощником и консультантом Людвига Нобеля по юридической части работал Нерсес Иосифович Нерсесов – будущий сват А. Бари (в последующие годы дочь А. Бари, Евгения, вышла замуж за Александра Нерсесова, сына Нерсеса Иосифовича).

Людвиг Эммануилович Нобель

Фонтанирующая нефтяная скважина. Баку, 1880 г.

Узкоколейные паровозы с искрогасителями завода Болдуина (Филадельфия). 1877–78 гг. Саратов

Нефтеналивной пароход «Зороастр», изготовленный по заказу Л. Нобеля на заводе «Мотала» в Швеции. 1877–78 гг.

Караван верблюдов с нефтепродуктами

Еще в 1870-х годах старший брат Людвиг Нобеля Роберт отправился на Кавказ с целью организации заготовки древесины твердолиственных пород – кавказского ореха, самшита, хурмы – для изготовления ружейных прикладов. В то время их фирма имела деловые связи с Ижевским оружейным заводом. Но эта поездка не принесла успеха. Зато Роберт приобрел в Балаханах (район Баку) несколько нефтяных участков. Однако из-за болезни он не смог развернуть дело добычи, транспортировки и переработки нефти. Из Петербурга в Баку срочно переезжает Людвиг Нобель и весной 1876 года принимает руководство предприятием на себя^[67].

К 1876-му году фирма «Бранобель» располагала в Баку небольшим заводом по очистке керосина, несколькими емкостями для его перегонки и буровой скважиной на острове Челекен. Фонтанирующая нефть собиралась возле буровых скважин в ямы, которые назывались земляными амбарами. Транспортировка нефти осуществлялась с помощью верблюдов в кожаных бурдюках, далее по деревянным лоткам в емкости – деревянные чаны. По железной дороге и по водным путям керосин перевозили в деревянных чанах на деревянных баржах. Перегонка нефти давала только осветительный керосин, мазут в лучшем случае использовался как топливо (мазут – искаженное арабское слово «грязь»), а бензин и вообще шел в отход – бензиновый двигатель был изобретен лишь в 1883 году.

Людвиг Нобель оценил обстановку и принял план действий – немедленно обеспечить инженерное решение всего комплекса нефтедобычи и ее переработки, опередить конкурентов. Для этого необходимо было установить уже известные паровые насосы, провести металлические трубопроводы, как в Америке; заменить земляные ямы металлическими резервуарами, организовать перевозку готовой продукции по Волге и Каспию в наливных металлических пароходах или баржах; а по железной дороге – в металлических цистернах; вовлечь сеть железных дорог России в перевозку керосина по всей территории страны. Он обратился к нефтепромышленникам России с просьбой построить нефтепровод на общие средства. Одновременно вел переговоры с судовладельцами фирмы «Кавказ и Меркурий» о постройке нефтеналивных судов, но повсюду недоверие, подозрительность. И в результате – отказ.

Л. Нобель осуществляет свой план в одиночку, проявляя титанические усилия, неукротимую энергию и находчивость. В 1877 году он на свои средства заказывает в Швеции на судостроительном заводе «Мотала» первый для России нефтеналивной пароход «Зороастр», думает об устройстве нефтехранилищ и вагонного парка в Царицыне.

Затеи Людвиг вызвали нескончаемые пересуды о сумасбродстве богатого человека, желающего выбросить деньги на такое рискованное дело. Российское купечество в боль-

шинстве своем еще не успело отказаться от старых привычек: «сумлеваться», чесать в затылке и злословить.

В «Повести о великом инженере» Л. Арнаутова подмечены эти намеки:

«— Слыхали новость? Людвиг Эммануилович выписал бурильщиков из Америки, да еще, говорят, лабораторию какую-то устраивает...

— Это что! Толкуют, что он какой-то особый пароход в Швеции заказал, чтобы нефть возить!...». Откликнулся четверостишием и А. К. Толстой:

И вот пришли три³⁵ брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

В знаменитой семье Нобелей было четыре брата — Роберт, Людвиг, Альфред и Эмиль — самый младший — погиб от взрыва в химической лаборатории Альфреда в Швеции.

К середине 1870-х гг. сложилась критическая ситуация с судьбой российской нефти — иностранные компании давили российских нефтепромышленников. Уже к тому времени всемирно известный изобретатель динамита Альфред Нобель оказал своевременную солидную финансовую помощь брату Людвигу (после смерти Альфреда на проценты от пе-

³⁵ На самом деле два брата — Роберт и Людвиг. Альфред вернулся с отцом и младшим братом в Швецию.

речисленной суммы будет создан финансовый фонд нынешней Международной Нобелевской премии)^[68].

А нерешенными оставались еще многие задачи: усовершенствование бурового оборудования, постройка более современных нефтеперегонных заводов, транспортировка и хранение нефтепродуктов.

Именно в этот момент (1878) Людвиг Нобель пригласил Александра Бари на должность помощника по инженерной части. А. Бари закупил известные в то время насосы фирмы «Блэк» и миниатюрные паровозы с искрогасителями американского завода Болдуина (Филадельфия) для перевозки нефти по временным узкоколейным дорогам в пределах нефтехранилищ.

Паровозы доставлялись в разобранном виде, а сборка их производилась в Саратове, в Покровской слободе (ныне г. Энгельс). Часть паровозов оставалась на нефтебазах в Саратове, часть перевозилась по Волге до Апшерона.

По мере реализации плана Л. Нобеля объем работы «Товарищества Бранобель» стал довольно быстро расширяться.

В Петербурге Александр Вениаминович неожиданно встретился с Владимиром Григорьевичем Шуховым. Эта встреча и предопределила их совместную дальнейшую творческую деятельность на всю оставшуюся жизнь.

Судьба В. Шухова в то время складывалась не совсем удачно. По возвращении из Америки Владимир Григорьевич работал начальником чертежного бюро Варшавско-Вен-

ской железной дороги в Петербурге. Работа в бюро тяготила деятельную натуру В. Шухова, тем более, что остались в его душе яркие впечатления от заокеанской командировки в составе российской делегации. Он был поражен, когда впервые увидел пишущую машинку фирмы «Ундервуд». А на швейной машинке «Зингер»³⁶ А. Бари продемонстрировал ему свое установленное изобретение. В. Шухов увидел и другие интересные приборы и механизмы, которых еще не было в России. Однако в целом ему в Америке не все нравилось – многие технические вопросы решались интуитивно – прямо «с колес». Но ему импонировала американская деловитость, оперативность и предприимчивость, их неистощимая изобретательность, проявляющаяся в создании всевозможных приспособлений, ускоряющих или облегчающих работу. В последующие годы В. Шухов будет и сам уделять этому вопросу серьезное внимание и проявлять заботу о механизации труда рабочих на заводах будущей фирмы А. В. Бари, а пока...

Кроме основной работы, он поступил вольнослушателем в Военно-медицинскую академию. Такая нагрузка была для него сверх меры. Врачи рекомендовали ему отказаться от совмещения работы с учебой. Сырой и холодный климат Петербурга (особенно в ноябре-декабре) был для него изнуряющим. Бесконечные простуды, бронхит – полшага до тубер-

³⁶ Мануфактурная компания «Singer Manufacturing Company» получила в России с 1878 по 1916 год патенты на 40 изобретений.

кулеза. «Собравшийся у постели консилиум врачей единогласен в своем приговоре – никакого совмещения учения и службы и немедленный, срочный переезд в теплые края. Иначе неминуемая чахотка», – пишет А. Б. Иванов.

«Уехать бы на юг, поправить здоровье. Но такой возможности нет, – пишет другой исследователь жизни и творчества В. Г. Шухова Л. Арнаут, – и тут сама судьба приходит В. Шухову на помощь в образе инженера А. Бари, с которым он познакомился на Филадельфийской выставке».

При петербургской встрече с В. Шуховым А. Бари поинтересовался судьбой тех знакомых, с которыми встречался в Филадельфии. Разговор закончился тем, что Александр Вениаминович сделал предложение Владимиру Григорьевичу – для начала возглавить вместо себя инженерное руководство в Баку, а самому, как он наметил, перебраться в Москву для организации собственного дела с последующим объединением усилий в создании Строительной конторы с проектным отделом.

Замысел А. Бари был как бы отражением планов самого Л. Нобеля: «Чтобы обеспечить инженерное решение всех проблем, связанных с нефтью, нужен только комплексный подход к решению широкомасштабных задач». А для этого необходимо основать систему единого исполнителя – проект, строительство и сдача объекта заказчику – все в одних руках. Сегодня такая структура носит название системы инжиниринговых услуг. Александр Вениаминович, как грамот-

ный инженер и опытный руководитель, обладал широким кругозором. Он прекрасно разбирался в общих проблемах нефти как в США, так и в России. Знал возможности конкурентов и их техническую оснащенность. В 1880-х годах многие научные идеи, предлагавшиеся Д. И. Менделеевым, оставались нереализованными. Но для А. Бари они были путеводным маяком.

В той сложной ситуации с конкурентами на нефтепромыслах Баку требовался свежий инженерный взгляд на многие, казалось бы, уже решенные вопросы. И проницательный ум А. Бари подсказывал ему, что только В. Шухов способен осмыслить конкретную задачу и обеспечить ее решение на более высоком инженерном уровне.

Но, чтобы реализовать новаторские инженерные решения, нужны деньги – необходим базовый капитал. Тогда и будет возможность осуществить систему инжиниринговых услуг.

А. Бари, как и Л. Нобель, понимал, что только при качественном и быстром исполнении заказа будет обеспечен авторитет фирмы, а с другой стороны – вся полнота ответственности возлагается на него, как хозяина всего дела. И он внутренне принял эти условия. Но было еще одно, непереносимое условие – никогда не порывать дружеских и творческих связей с «Товариществом Бранобель».

С этими мыслями А. Бари и В. Шухов прибыли на встречу с Л. Нобелем, Людвиг Эммануилович знал деловые каче-

ства Александра Вениаминовича, но Владимира Григорьевича видел впервые. И хотя Л. Нобель располагал внушительными финансовыми возможностями, он не был склонен сорить деньгами, знал счет каждой копейке. После делового обсуждения цели встречи и планов предстоящей работы Л. Нобель высказал и свои опасения:

«Молод, слишком молод Ваш инженер, господин Бари! – кивает Нобель в сторону Шухова. – Ну, да ладно, это Ваша забота. Так вот о деле, милостивые государи...» (Л. Арнауттов).

А. Бари убедил Л. Нобеля в реальности замысла, что позволило обеспечить надежное финансирование намечавшихся работ.

Подписав контракт с Л. Нобелем о поставке нефти Московским отделением «Товарищества Бранобель», А. Бари срочно выехал в Москву для организации нефтеперерабатывающих заводов. А В. Шухов – в Баку, где остался один на один со многими техническими проблемами российской нефти. А ведь ему было в то время всего лишь 25 лет.

Людвиг Нобель доверяет Александру Бари, А. Бари верит в В. Шухова... Своевременная ставка на В. Шухова – это был гениальный ход А. Бари, как сказали бы шахматисты. Такой союз через 5–6 лет будет способен реализовать многие инженерные и научные идеи Д. И. Менделеева и Л. Нобеля.

В последней четверти XIX века в нефтяном деле в России стали выделяться незаурядные яркие личности – Д. И. Мен-

делеев^[69], который занимался изучением нефти еще в начале 1870-х годов и уже в то время предсказал возможность получения из нее целого ряда ценнейших химических соединений и первым в России предложил транспортировать нефть с помощью трубопровода; Л. Э. Нобель^[70], поверивший А. Бари и финансировавший его первые шаги в нефтяном бизнесе; В. Г. Шухов – этот генератор инженерных решений поставленных задач по всему комплексу – от добычи нефти до ее потребления.

У каждого из них свои заслуги перед Россией!

1880 год... В Россию устремился иностранный капитал, инвестировавший значительные финансовые средства в развитие промышленности и нефтяного дела. Российская экономика получила возможность ускоренного развития. Работы было много, простор для реализации творческих замыслов – необычайно широк. Однако Д. Менделеев, Л. Нобель и А. Бари понимали, что запасы нефти не безграничны. Чем больше добывалось нефти, тем меньше оставалось ее запасов. И поэтому их формирующийся союз ставил перед собой главную задачу – российская нефть прежде всего должна служить развитию России.

У российской нефти своя история, связанная с судьбами людей, посвятивших свою жизнь нефтяному делу.

Эта история обстоятельно освещена в работе И. Г. Фукса, В. А. Матишева и А. А. Матвейчука «Иллюстрированные очерки по истории российского нефтегазового дела».

Это уникальное издание в двух томах выпущено под редакцией профессора А. И. Владимирова³⁷. В этих очерках подробно и убедительно раскрывается многогранная деятельность Людвига Эммануиловича Нобеля, российских ученых и инженеров, а также рядовых первопроходцев по многим направлениям нефтяного дела в России, начиная со времен Петра I. Российская нефть была открыта в 1721 году на реке Ухте (Коми) Г. Черепановым, а затем повторно Ф. С. Прядуновым, который в 1745 году обнаружил «обильный нефтяной ключ, бьющий со дна реки...»

Промышленная же добыча нефти в более позднее время стала развиваться на Апшеронском полуострове^[71]. Решающую роль в развитии России во второй половине XIX века сыграли два обстоятельства:

– Отмена крепостного права – это и раскрепощение мыслительного процесса нации. Через каких-то 15–20 лет происходит прорыв аккумулированного интеллекта России, что дало поразительный эффект не только в науке и инженерном деле, но и в литературе, философии и истории, в различных видах искусства – музыке, театре, живописи... Россия переживала свой Серебряный век и опережала развитые страны по многим направлениям.

– Бурный экономический рост России в последние десятилетия XIX века был бы невозможен без нефти. С увели-

³⁷ ГУП издательство «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина. – М.: 2000; М.: «Газойл пресс», 2002.

чением притока рабочих рук на бакинских месторождениях началось ускоренное развитие нефтяного дела. И это позволило создать отправную базу для развития всей промышленности.

В 1872 году вышло правительственное «Положение о производстве нефтяного промысла», которым по инициативе Л. Нобеля была отменена откупная система на нефтяные участки и положено начало свободной конкуренции. Поиски и добыча нефти разрешались «всем лицам российского и иностранного подданства».

Планы Л. Нобеля воплощались в реальность с неимоверным трудом. Добыча нефти на Апшероне, эксплуатация скважин, хранение, переработка и транспортировка продуктов ее переработки – все это находилось в руках нефтепромышленников самого разного калибра. Людвиг Эммануилович раньше других понял, что необходимо определиться с перспективой запасов нефти. И он начал разведку новых запасов нефти в Средней Азии, на Южном Урале, в районе Грозного.

Следующие поколения ученых и инженеров уже в начале XX века и в советское время продолжили дело своих предшественников. И наиболее выдающейся фигурой среди многих ученых был Иван Михайлович Губкин, чьим именем назван Российский Государственный университет нефти и газа.

У бакинских месторождений закрутилось более сотни

известных и малоизвестных, отечественных и зарубежных обществ, товариществ, объединений, различных торговых домов и фирм. Среди предпринимателей разворачивалась жесткая конкуренция, что дало толчок к развитию более совершенных методов разведки нефти и всего нефтяного дела. К большой российской нефти привлекались и огромные финансовые ресурсы, создавались банки. Здесь была и своя политика.

Среди азербайджанских нефтепромышленников известны имена Гаджи Тагиева, Мусы Нагиева, Шамси Асадуллаева, Аджарбека Ашурбекова, Муртазы Мухтарова, братьев Мирзоевых. Баку был в те времена интернациональным городом, где работали русские и немцы, персы, азербайджанцы и евреи, армяне и татары...

Нынешние специалисты-нефтяники³⁸ проявляют заботу об истории нефтяного дела в России. В периодических изданиях и, в частности, в журнале «Нефть России» (1999–2002) публикуются статьи о деятельности коренных бакинских предпринимателей, работавших с «Товариществом Бранобель» и другими российскими предпринимателями. В статьях приводятся интересные сведения о деловой стороне их совместной деятельности. Но небезынтересно знать и о некоторых бакинских предпринимателях – пионерах развития

³⁸ И. Г. Фукс, В. А. Матишев, А. А. Матвейчук, Л. Н. Багдасаров, А. Трошин, К. И. Джафаров, Ф. К. Джафаров, А. М. Шаммазов, Б. Н. Мастабаев, А. Е. Сотенко и др.

нефтяного дела в Баку^[72].

Крупной диаспорой считалась и армянская. Выходцы из нее были также солидными предпринимателями-нефтепромышленниками. Среди них были и мультимиллионеры – С. Г. Лианозов, А. И. Маташев, И. А. Егиазаров, И. Е. Питоев, И. Н. Тер-Акопов, С. М. Шibaев и многие другие. Среди русских предпринимателей выделялись В. А. Кокорев и П. И. Губонин...

Но наиболее яркой фигурой среди всех нефтепромышленников в Баку был Людвиг Нобель. Только он мог противостоять сильнейшим конкурентам – рокфеллеровскому «Стандард Ойл» и Парижскому торговому дому Ротшильдов (немецкие и английские фирмы значительно уступали всем перечисленным предпринимателям). Российский рынок был забит американским (пенсильванским) керосином. Сверхсложная задача выпала на долю Людвиг Нобеля – в первую очередь вытеснить с российского внутреннего рынка «Стандард Ойл». А затем обеспечить лучшим и дешевым керосином и внешний рынок. Только не останавливаться и действовать решительно, – считал Л. Нобель.

Он нашел заинтересованных нефтепромышленников, получил своевременную финансовую поддержку от брата Альфреда, привлек к совместной работе Д. И. Менделеева, К. И. Лисенко, А. А. Летнего, Л. Г. Гурвича, И. Н. Стрижова, О. К. Ленца, А. В. Бари, В. Г. Шухова, братьев П. А. и А. А. Бильдерлингов^[73] и других инженеров, ученых, мастеровых

и производственников. Теперь, с объединенными капиталами и передовыми умами, можно оперативнее маневрировать на рынке ценных бумаг, быстрее производить разведку нефти и бурение скважин, грамотно эксплуатировать скважины и полнее использовать добытую нефть, быстрее и без потерь транспортировать продукты ее переработки. Словом, привлекать к нефтяному делу все самое современное – более прогрессивное оборудование и новейшие технологии, содержать лучшую в мире службу пожарной безопасности. В этих условиях могла выручить, как основа всего задуманного дела, свежая инженернонаучная мысль, воплощенная в систему инжиниринговых услуг. Но не только передовая техника и более совершенные технологии решали дело. За всем этим стояли живые люди, о которых необходимо было проявлять заботу и оказывать самое серьезное внимание устройству их быта. Социальная сфера – это ключ к достижению конечного результата^[74].

* * *

В 1878 году Владимир Григорьевич Шухов, прибыв в район бакинских нефтепромыслов, с головой уходит в работу. За время работы в Баку он серьезно вникает во все проблемы добычи, хранения и транспортировки нефти, на месте разрабатывает комплексные технические решения. Обладая мышлением аналитика, В. Шухов в короткие сроки по собствен-

ным формулам производит расчеты и выдает данные для проектирования и изготовления глубинных насосов новых конструкций для откачки нефти, рассчитывает оптимальные размеры металлических трубопроводов для ее транспортировки.

Не прошло и года, как закончилось строительство первого десятикилометрового нефтепровода в Баку (Балаханы – Черный город). Трубы были заказаны в Америке, так как сроки поставки и качество их были вне конкуренции.

Заказ Людвиг Нобеля был выполнен с честью. Второй нефтепровод строился уже с учетом производительности и надежности первого, работу которого В. Шухов скрупулезно анализировал. Позднее, впервые в мире им будет спроектирован и построен подогреваемый трубопровод для транспортировки мазута, а далее – нефтехранилища, нефтеналивные баржи и т. д. Кроме того, В. Шухов занимался и проблемами переработки нефти^[75].

Пока В. Шухов работал в Баку, Александр Вениаминович причислился к московскому купечеству. На паях был куплен участок земли, пайщики объединились на долевое участие в строительстве первого нефтеперерабатывающего завода и было образовано «Товарищество Русско-Американского нефтяного производства».

13 сентября 1880 года в канцелярию московского генерал-губернатора было подано прошение инженера А. В. Бари, отставного инженера-полковника Н. А. Сытенко и титу-

лярного советника М. А. Рубинского «О разрешении устройства и открытия нефтяного завода в Московском уезде». Через два месяца все документы были подписаны.

К 1880 году филиал «Товарищества Бранобель» в Баку стал как бы фундаментом здания, названного впоследствии «Нефтяной империей Нобелей». Если в 1877 году у Людвиг Нобеля был один нефтеналивной пароход «Зороастр», то к 1880 году Швеция построила по его заказам еще 7 судов такого типа. Основной капитал бакинского филиала Товарищества составлял 3 млн. рублей^[76]. Александр Вениаминович Бари не обладал таким капиталом, как братья Нобели, и он не мог конкурировать с ведущими нефтепромышленниками. Поэтому свою основную задачу на начальном этапе он видел в исполнении заказов «Товарищества Бранобель». Для разработки проекта и строительства нефтяного завода в Москву возвратился В. Шухов, работавший в Баку. Этот приезд был обусловлен прежней договоренностью с А. Бари.

Сохранилось письмо от 18 февраля 1881 года Зинаиды Яковлевны Бари к сестре, в котором она пишет: «...*Саша, по обыкновению, сильно занят все вечера в конторе, В. Шухов с октября месяца живет в Москве и служит у Саши. Как помощник по инженерной части получает 200 рублей жалования в месяц, кроме процентов. Кроме Шухова, у Саши в конторе занимаются бухгалтер, конторщик и артельщик. Вообще могу тебе сказать, что жизнь в Москве мне не нравится, и я часто скучаю по Петербургу*».

В. Шухов за два неполных года работы на Апшероне обрел уверенность в себе, узнал, что ему под силу решать сложные технические задачи, находить собственные пути их решения. Знакомство с нефтяным делом дало ему инженерно-научный фундамент для будущей работы в Москве. Здесь он принял инженерное руководство и возглавил строительство первой очереди завода. Для организации строительных работ была создана первая строительная контора.

Так началась совместная деятельность А. Бари и В. Шухова. Оба были сравнительно молоды, полны энергии и надежд на исполнение планов. В декабре 1880 года было подано еще одно прошение, но уже на расширение производства, которое было подписано 29 января 1881 года генерал-губернатором В. А. Долгоруковым: «Разрешить вышеозначенным господам производить выделку минеральных масел».

8 июня 1881 года нефтяной завод (первая очередь) выдал первую продукцию, а завод по производству минеральных масел продолжал строиться. Оба завода по технологической цепочке должны были объединиться в комплекс – нефтеперерабатывающий завод.

Нефть доставлялась пароходами из Баку по Волге в Нижний Новгород, а оттуда по железной дороге в Кусково^[77] на нефтехранилища московского отделения «Товарищества Бранобель», которое и снабжало завод привозной нефтью.

Владимир Григорьевич Шухов (слева) и Александр Вениаминович Бари. Москва, 1885 г.

Правление нефтяного завода «Товарищества Русско-Аме-

риканского производства» находилось в Москве – Неглинный проезд, «в доме Поляк, против Государственного банка». Рекламный проспект того времени свидетельствует о выпускаемой заводом продукции:

- Цилиндровые масла высшего качества для перегретого пара производятся в Кусково на вновь поставленных американских вакуум-аппаратах.

- Осветительные продукты: керосин, астралин, пиронафт, вазелиновое масло и парфюмерные масла для изготовления гарного и лампадного масла.

- Для двигателей: топливо и смазка, нефть натуральная и моторная.

- Смазочные масла – машинное, веретенное, цилиндрическое и другие.

- Твердые смазки (мази): себонафт, акселин, мадия, тавот, графитное сало. Смолы, дегти, жиры, колесная мазь и т. д.

- Для химических заводов, красильных фабрик – савонит и аппретурные масла.

Золотые медали и высшие награды на выставках в Париже, Чикаго, Антверпене и Нижнем Новгороде.

Завод был небольшим, численность рабочих составляла 80 человек.

К 1889 году Александр Вениаминович создал финансовую базу (стартовый капитал) и решил завести собственное дело. Для этого он продал свою долю акций Товарищества известному предпринимателю Петру Губонину, а день-

ги вложил в акционерный пай кузнечно-котельного, медно-литейного и механического заводов – будущего котельного завода. По мере сокращения работ по заказам Л. Нобеля и «Товарищества Г. М. Лианозов и К^о», связанным с нефтяным делом, А. Бари обращает внимание на водотрубные паровые котлы американской компании «Бабкок и Вилькоккс». В то время теплоэнергетические установки различных систем поставлялись в Россию, как правило, из-за рубежа. В России компания «Бабкок и Вилькоккс» считалась наиболее известной и имела дочернее отделение – Товарищество с ограниченной ответственностью^[78].

Бари привлекает Шухова к разработке котлов более совершенной конструкции. Владимир Григорьевич с новым порывом отдается решению свежей задачи и с головой уходит в работу. Для её решения В. Шухов изучает все достоинства и недостатки котлов, поставляемых в Россию. За основу расчетов он принимает труды американского изобретателя парового котла Барлоу (1793 г.).

В 1890 году был изготовлен первый шуховский образец котла^[79]. А с 1891 года начинает строиться котельный завод в районе Симоновской слободы (ныне Московский завод «Динамо»³⁹).

В 1894 году в Московское Губернское правление (2-е отделение 3-го стола) от А. В. Бари поступает прошение об от-

³⁹ Завод «Динамо» с 1930-х годов поставляет на ЗАО «Метровагонмаш» до 80 % электрооборудования и тяговые двигатели.

крытии перечисленных заводов на арендуемой земле П. П. фон Дервиза. Оформлением документов занимался инженер Николай Костальский. Дело было начато 7 февраля 1894 года и окончено 21 марта 1895 года. В оригинале документ выглядит так:

«В Московское губернское Правление
от Московского Временного 1-ой гильдии купца
Инженера Александра Вениаминовича Бари, имеющего
жительство в Мясницкой части 1-го участка
по Мясницкой улице в доме Художественно-
Промышленного музея

Прошение

Желая открыть в 5 стане Московского уезда, близ Симонова монастыря, на земле, арендуемой у Гвардии Корнета П. П. фон Дервиза, кузнечно-котельный, медно-литейный и механический заводы, имею честь покорнейше просить Губернское Правление выдать мне на производство работ установленное разрешительное свидетельство.

Инженер А. В. Бари»

Оборудование устанавливали в двух круглых кирпичных зданиях (ротондах), соединенных между собой продольным корпусом. Почти целый год производились перестройки внутри корпусов и каждый раз их освидетельствовали члены управы, исправники и санитарные врачи. Проверялись нор-

мативы по вентиляции, освещенности, отоплению и санитарным нормам. На заводе работало уже 300 человек (между прочим, клеймо на кирпичах свидетельствует, что кирпич приобретен на Мытищинских заводах – «Челноков» и «В. К. Шапошников/М. В. Челноков и К^о»).

В 1900 году А. В. Бари встретился на Всемирной Парижской выставке с П. П. фон Дервизом (бывший Гвардии Корнет, Штаб-Ротмистр, С.-Петербургский купец 1-ой гильдии) и обратился к нему с просьбой о покупке арендуемой под заводом земли. Павел Павлович фон Дервиз, находясь в стесненных финансовых обстоятельствах, был рад встрече и они, что называется, «ударили по рукам». (Первоначально эта земля была куплена П. П. фон Дервизом у В. И. Солдатенкова). Для оформления купчей были назначены доверенные лица: Статский Советник Александр Антонович Яблонский (от А. В. Бари) и Статский Советник Марк Порфирьевич Шафир (от П. П. фон Дервиза).

Доверенность на имя А. А. Яблонского была оформлена в Российском Императорском Консульстве в Париже 26 июля 1900 года за № 1539 и удостоверена во 2-ом отделении Департамента Министерства Иностранных дел. Купчую оформляли уже в Москве у нотариуса Владимира Константиновича Пулькина. Порядок оформления происходил в присутствии свидетелей с обеих сторон. В документах⁴⁰ имеется запись исполнителя управляющего делами нотариаль-

⁴⁰ ЦИАМ, ф. 54, оп. 42, д. 3; ЦМАМ, ф. 415, оп. 29, д. 23.

ной конторы Владимира Петровича Бабичева: «...явились в контору в Спасской части, по Гороховой улице, д. № 41...». За 19 331, 87 кв. саженей было уплачено 98000 рублей (издержки – 3 руб. актовых, 3 руб. – за печать и за оформление купчей крепости – 3920 руб.).

Расходы на оформление купчей разделялись пополам, участок железной дороги использовался по особому соглашению с П. П. фон Дервизом и Московско-Казанской железной дорогой (Лизинская ветка – Бариевский проезд). Александр Вениаминович создает страховой семейный запас, а сам довольствуется текущей зарплатой. Стоимость земли и недвижимости он оформляет на имя жены, матери и свояченицы Екатерины Кохманской, капиталы у которой заимствовал для покупки земли и оборудования для завода. Так же поступали и другие известные российские предприниматели – Перловы, Мамонтов, Губонин, Кокорев...

Не прерывая деловых связей с «Товариществом Бранобель», А. Бари продолжал выстраивать систему инжиниринговых услуг.

Для проверки инженерно-научных расчетов В. Шухова было создано опытно-экспериментальное производство на базе котельного завода. По своим задачам – это своего рода испытательный полигон для проверки его идей. Первая скромная строительная контора со временем выросла в солидную организацию с проектным отделом и исполнителями строительных работ.

Вместе с заводом фирма стала именоваться: «Строительная контора инженера А. В. Бари», которая могла выполнить любые технические услуги – от составления проекта до его воплощения в реальный объект согласно требованиям и пожеланиям заказчика. А заказчику всегда хочется, чтобы было подешевле, но качественно и надежно. И это может делать фирма А. Бари, где мозговым центром был Владимир Григорьевич Шухов – технический директор и руководитель проектного отдела^[80]. К 1900-му году проектировщики, бухгалтеры и другие службы размещались на Мясницкой, 20. Эта структура стала именоваться Главной конторой.

* * *

В. Г. Шухов был прекрасным расчетчиком и фундаментальные расчеты производил в уме, считая излишним пользоваться арифмометром или логарифмической линейкой. Он всегда оперировал с круглыми цифрами и четко отслеживал порядок знаков, а затем вносил необходимое число на поправку. Очевидно, Владимир Григорьевич внутренним чувством угадывал «это» число. А почерк у В. Шухова был «молниеносным» и невозможно было разобраться в записях без его помощи.

И. Я. Конфедератов в книге «Владимир Григорьевич Шухов» приводит формулы В. Г. Шухова, изучая которые, по-

нимаешь, что за их видимой простотой стоит большой труд ученого.

Например, расчет производительности нефтепровода:

$$Q = m \sqrt{\frac{d^2 \cdot h}{l}}; V = k \cdot m^{\frac{2}{3}},$$

где Q – производительность нефтепровода, d – диаметр трубы; h – напор; l – длина нефтепровода; V – скорость движения нефти, m – коэффициент, учитывающий физические свойства нефти; k – коэффициент, учитывающий экономические факторы.

Проверив на опыте полученный результат, Владимир Григорьевич составлял таблицы, куда заносил значения коэффициентов и полученные результаты. Исполнители могли пользоваться его расчетами, не прибегая к справочникам.

Составлением рабочих расчетов и привязкой оборудования занимались проектировщики, инженеры и техники. В. Шухов отслеживал результаты их расчетов во время обхода им рабочих мест сотрудников. Спокойно продвигаясь от одного стола или кульмана к другому, он ни у кого не вызывал чувства беспокойства – «шеф идет». Беседуя о предполагаемых и полученных результатах расчетов, он иногда говорил: «А здесь мне необходимо подумать самому».

Постепенно создавался коллектив единомышленников,

объединенных общим замыслом исполнения заказов. Кроме работы в кабинете конторы В. Шухов бывал на заводах и стройплощадках, в экспериментальном производстве и на встречах с заказчиками – там, где требовалось его авторитетное мнение. В творческом общении он не был замкнутым человеком. За долгие годы работы в фирме А. Бари он часто встречался с известными учеными и крупными специалистами в различных областях инженерного строительства. При проектировании Верхних торговых рядов (ГУМ), Музея изящных искусств (ГМИИ им. А. С. Пушкина), Казанского вокзала В. Шухов сотрудничал с выдающимся специалистом в области железобетонных конструкций А. Ф. Лолейтом. Покрытия рассчитывал и проектировал В. Шухов, а железобетонные конструкции – А. Ф. Лолейт. Несущие балки перекрытий и опорные колонны во многих объектах рассчитывал Н. Г. Риттер – заведующий Техническим бюро «Товарищества Московского Металлического завода» – завод Ю. П. Гужона.

Фирма «Строительная контора инженера А. Бари» выполняла заказы «под ключ»: на станции по перекачке нефти, нефтепроводы, нефтехранилища; строительство мостов и различных металлоконструкций^[81]; изготовление и установку паровых котлов, резервуаров для хранения продуктов переработки нефти – спирта, кислот и пр.

Проектировались и изготовлялись газгольдеры, металло-

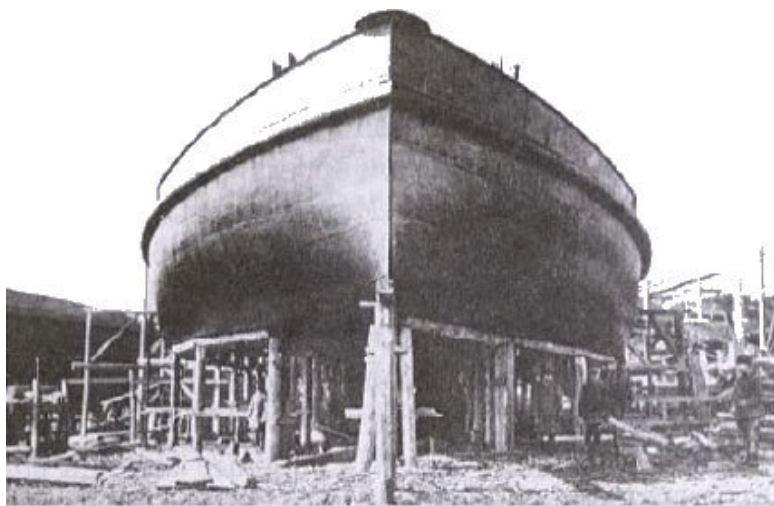
конструкции доменных печей, зерновых элеваторов. Для сжигания мазута в топливных устройствах В. Шухов разработал специальную конструкцию форсунки, которая могла устанавливаться как на котлах, так и на паровозах.

К тому времени уже были известны и широко применялись форсунки А. И. Шпаковского, бакинского инженера-механика О. К. Ленца, В. И. Калашникова. Но В. Шухов как бы подвел итог поискам и экспериментам в этой области.^[82]

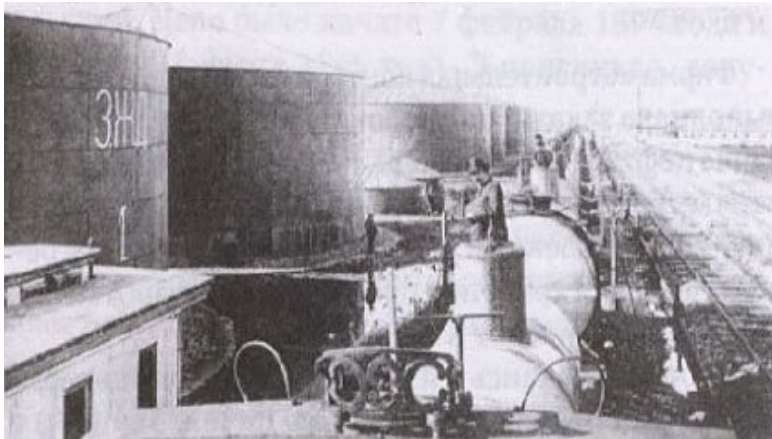

В Главной конторе создавались проекты на постройку

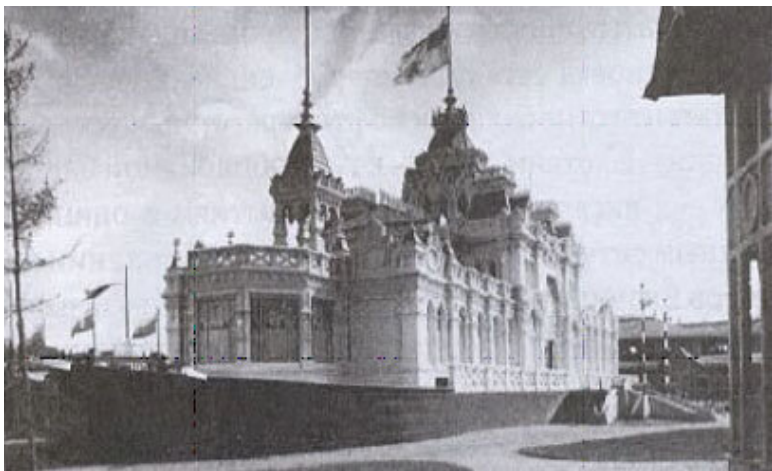
нефтеналивных барж, непосредственный раскрой заготовок из стального листа производился по специальным лекалам-шаблонам на месте сборки судов в Саратове, Царицыне и других городах. Закладка на стапелях велась поточным методом, до 8–10 судов одновременно в различных городах.

Владимир Григорьевич Шухов (в центре) на стапелях Саратова. Слева Григорий Михайлович Фарбитейн

Постройка баржи для перевозки нефти по проекту В. Г. Шухова

Составлялся график сетевого планирования работ, который выполнялся неукоснительно. Это было новейшей организационной структурой того времени. Для обеспечения герметичности нефтяных резервуаров и нефтеналивных барж в процессе клепки применялись специальные приспособления, облегчавшие и ускорявшие сборку корпусов. Прошивка отверстий осуществлялась с обязательным применением калибрующих прошивней. Заклепки также калибровались, а предварительная сборка удерживалась жесткими фиксаторами. Окончательная сборка производилась селективно, поэтому заклепочное соединение обеспечивало необходимую герметичность. По своим ходовым качествам баржи, спроектированные В. Шуховым еще в конце XIX века, явились прототипом современных нефтеналивных танкеров, в том числе и самых крупных в мире.

Расчет и проектирование цилиндрических резервуаров с облегченным фундаментом на песчаной подушке для хранения нефти производились исходя из наиболее экономичных расходов стального листа с дифференциацией их по толщине. Нижний пояс имел большую толщину, последующие – по ступенчатой схеме с уменьшением толщины стенки корпуса снизу вверх. Унифицировались элементы корпуса, составлялись таблицы, по которым быстро определялись необходи-

мые данные: объем, тип, расход металла и стоимость монтажных работ.

Кроме заводов в Москве фирма организовала свои филиалы в Ростове, Тамбове, Петербурге, Туле, Нижнем Новгороде и т. д. Для синхронизации работ филиалов и Главной конторы, находившейся в Москве, А. В. Бари еще в 1880-е годы, более 100 лет назад, применял метод бригадного подряда и вахтовый метод при выезде рабочих бригад на дальние объекты. Методы монтажа металлоконструкций определял В. Г. Шухов. Он же осуществлял и авторский надзор.

Организатором разъездных работ был инженер Григорий Михайлович Фарбштейн. Его сын, Ф. Г. Фарбштейн, также работал в фирме А. Бари и занимался расчетом и составлением графиков работ разъездных бригад. Г. М. Фарбштейн координировал действия филиалов Главной конторы непосредственно на местах, имея полномочия помощника А. В. Бари с правом подписывать финансовые документы. Вся жизнь его проходила в разъездах по всей России, лишь изредка он появлялся в Москве.

Котлы, экономайзеры и пароперегреватели конструкции В. Шухова отличались простотой и прочностью конструкции, безопасностью в работе, экономичностью топлива, быстротой парообразования, высокой степенью сухости пара, удобством чистки и ремонта котлов при максимальной массе собираемых частей до 1 тонны. На многих предприятиях до сих пор работают котлы и пароперегреватели В. Шу-

хова для технологических нужд при незначительных усовершенствованиях системы автоматики безопасности горения. Поставкой котлов по заказам предприятий и частных лиц занимался Адольф Штерн.

В 1883 году В. Г. Шухов разработал проект водоснабжения г. Тамбова. Этот проект был высоко оценен специалистами. Московская городская Управа была осведомлена об удачном строительстве водопровода. Городской голова Москвы Н. А. Алексеев, зная о проблемах с водоснабжением москвичей, обратился с просьбой к А. Бари о производстве изыскательских работ и разработке проекта по улучшению водоснабжения Москвы за счет Мытищинских источников.

А. Бари принял предложение. В. Шухов привлек для этой работы своих коллег Евгения Карловича Кнорре и Константина Эдуардовича Лембке. Были проведены тщательные изыскания водных запасов рек Яузы и Клязьмы близ Мытищ, составлена методика расчета водопровода и разработан проект реконструкции Мытищинского водопровода, первая очередь которого была принята в эксплуатацию еще в 1804 году.

В феврале 1889 года проект был утвержден Министерством путей сообщения, куда относился водопровод. 25 июня 1889 года Александр III высочайше утвердил «Временную комиссию по надзору за устройством нового водопровода в Москве». При реализации проекта большая часть работ была выполнена в установленные сроки, но из-за от-

сутствия возможности финансирования всего объема работ проект пришлось сократить. Третья (шуховская) реконструкция Мытищинского водопровода началась в 1890 году. На трассе водопровода были построены красивейшие здания и монументальные сооружения функционального назначения. Проектировал их известный московский архитектор, мастер «кирпичного стиля» Максимилиан Карлович Геппенер. Новый Мытищинский водопровод протяженностью 115 км вместе с разводкой системы, со всеми необходимыми зданиями и сооружениями был построен за 2, 5 года и пущен в эксплуатацию в октябре 1892 года. В 1891 году издательством Конторы А. В. Бари была выпущена книга «Проект Московского водоснабжения, составленный инженерами В. Г. Шуховым, Е. К. Кнорре и К. Э. Лембке». Книга разошлась быстро и пришлось готовить дополнительный тираж... Однако через десять лет обнаружилось непоправимые ошибки, о чем будет подробно изложено в дальнейшем тексте.

1895 год. К этому времени был накоплен большой опыт по проектированию и строительству самых разнообразных объектов, так как все технические идеи быстро воплощались в реальность и были видны результаты труда. За 15 лет работы в фирме А. Бари В. Шухов получил 9 патентов на различные изобретения: паровые и водотрубные котлы, нефтепроводы, резервуары, нефтеналивные баржи, арочные сетчатые покрытия зданий, промышленная крекинг-установка, сетча-

тая гиперболоидная башня и т. д. Три патента относились к нефтеперегонным установкам, три – к котлам, один – к гиперболоидной башне, один – к висячим сетчатым покрытиям и один – к арочным сетчатым покрытиям. При оформлении патентов Владимир Григорьевич обязательно указывал соавторство тех, кто хотя бы в какой-то степени помогал ему в разработке изобретений. Поэтому на титульном листе патентов В. Шухова имеются фамилии и его сподвижников по Главной конторе – Ф. А. Инчик, И. И. Елин, С. П. Гаврилов.

Творческим оппонентом В. Г. Шухова был П. К. Худяков – профессор, известный ученый, «король сопромата», голова тогдашней инженерной мысли Москвы. Их споры-беседы всегда заканчивались выяснением истины, выработкой взаимоприемлемого направления поиска, если какой-то вопрос был еще мало исследован. Петр Кондратьевич Худяков хорошо знал Александра Вениаминовича Бари и высоко ценил его деятельность как руководителя фирмы.

В Конторе^[83] трудились с полной отдачей творческих возможностей, ибо понимали, что высокая зарплата и благотворительность под силу только преуспевающим предпринимателям, а для этого постоянно требовался солидный оборотный капитал. Отсюда и жесткие требования, но не столько к рабочим, а, прежде всего, к самим себе. Жизненные условия приучали всех, кто работал вместе с А. Бари, быть обязательными – редкое качество в людях по нынешним вре-

менам. И еще одно качество отличало окружение А. Бари и В. Шухова – это слово чести и отношение к труду. Высокая степень организации труда – это первопричина успеха любого предприятия. Александр Вениаминович часто говаривал, что «фирма Бари – это не место работы, это место труда. Работать может и лошадь, и верблюд!».

Этот афоризм был созвучен с мыслями Д. И. Менделеева, с которым А. В. Бари поддерживал дружеские отношения многие годы. В своих «Заветных мыслях» Дмитрий Иванович писал: ««Работа» есть понятие чисто механическое, человек способен ее делать, но, познав свою истинную силу, стремится всякими способами уменьшить свою физико-механическую работу, заставляя «двигателей» производить главную часть работы и оставляя себе лишь «труд». Велико значение труда при относительно малом значении работы. Во времена Смита и даже Маркса тут путались».

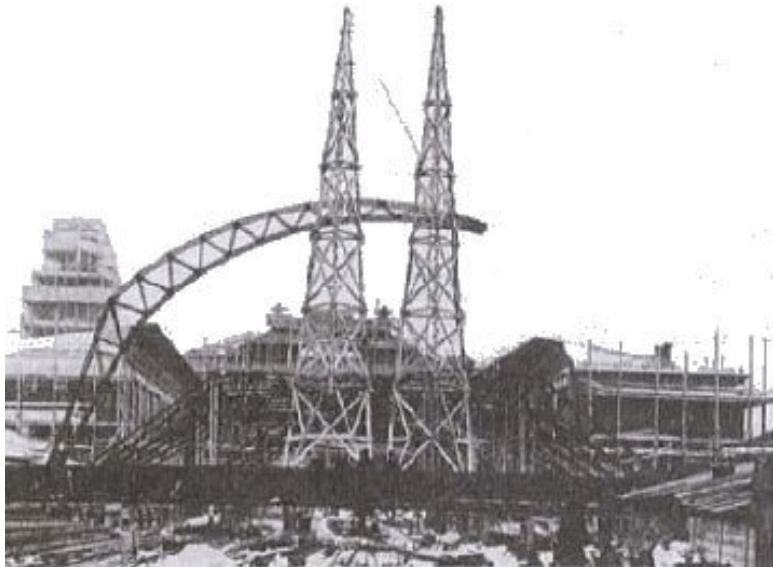
*Нижегородская художественно-промышленная выставка.
Административный корпус Волжско-Каспийского паро-
ходства. 1896 г.*

Здание машинного отдела

Водонапорная башня по проекту В. Г. Шухова («Строительная контора инженера А. В. Бари»)

Внутренний вид машинного отдела

В практической деятельности А. Бари руководствовался главными принципами всей своей жизни: стремление к прогрессу, уважение к творческому труду, признание денег не самоцелью, а лишь средством к дальнейшим экономическим успехам и расширению производства. Его неукротимая энергия, блестящие организаторские способности, прочная инженерная база и огромная работоспособность, – все это вместе взятое стало решающим фактором в деле создания стабильно работающих предприятий, подкрепленных капиталом, технически грамотными и талантливыми людьми.

Это и по сей день является блистательным примером для современных предпринимателей.

Коротко свои принципы он формулировал так: «Соединить американскую систему организации труда с российской смекалкой». Но он также понимал, что одной творческой смекалки мало, нужно готовить специалистов – создавать школу инженерных кадров и грамотных производственников, заботиться о быте рабочих. И А. Бари шел по стопам Л. Нобеля – только при выполнении этих условий инжиниринговая система могла дать полноценный экономический успех предприятию. Пока строился Мытищинский вагоностроительный завод и готовились документы на его официальное открытие (1895–1897), фирма А. В. Бари основательно готовилась к Нижегородской художественно-промышленной выставке. После 15 лет напряженной работы необходимо было показать результаты своего труда, оправдать доверие кредиторов и надежды инженерной элиты России.

Активное участие в устройении павильонов «Строительной конторы инженера А. В. Бари» принимали проектировщики во главе с В. Шуховым. Было сооружено четыре павильона с арочным сетчатым покрытием и столько же павильонов с висячими покрытиями плюс котельная общей площадью 27000 кв.м. Легкая и жесткая конструкция арочных покрытий нашла широкое применение в строительстве промышленных и общественных зданий не только в России, но и за рубежом в последующие годы. Павильоны «Строитель-

ной конторы инженера А. В. Бари» были построены на собственные средства с правом использовать их после закрытия выставки по своему усмотрению.

Главной неожиданностью Нижегородской выставки стала водонапорная гиперboloидная красавица-башня, спроектированная В. Шуховым. Сочетание жесткости и прочности металлоконструкции удивительно гармонировало с ее пропорциями благодаря легкости зрительного восприятия сетчатой структуры. Высота башни составляла 32 м. Эта башня в последующие годы стала родоначальницей целого ряда подобных сооружений, маяков. Башни В. Шухова были построены более чем в 30 городах России – Ярославле, Самаре, Херсоне, Тамбове, Москве, Харькове, Николаеве и т. д.

«Строительная контора инженера А. В. Бари» получает высшую награду – право ставить на торговых фирменных бланках Государственный герб России. На титульном листе диплома написано: «За применение новых усовершенствований в металлоконструкциях при строительстве промышленных зданий и сооружений; за широкое развитие, быстрое и качественное исполнение строительных и котельных работ».

Любопытен еще один факт. Павильон Художественного отдела, спроектированный Николаем Григорьевичем Риттером (заведующий Техническим бюро завода Ю. П. Гужона), был построен рабочими Строительного отдела завода

за счет казны. Этот павильон был удостоен внимания правительственной комиссии, а Н. Риттер награжден Именным жетоном. Комиссия приняла решение, что после закрытия выставки павильон будет демонтирован и перевезен в Петербург. Через три года здание было восстановлено в Петербурге и в нем был торжественно открыт Народный дом имени императора Николая II⁴¹.

В последующие годы фирма продолжала работать над созданием многочисленных объектов в различных областях инженерно-технических потребностей России. Благодаря высокой степени организации труда, быстро разрабатывались проекты, изготавливались модели, производились испытания на экспериментальной базе, дорабатывались чертежи, и исполнители приступали к строительству очередного объекта.

Следующим знаменательным событием для Бари и Шухова стала Всемирная выставка в Париже в 1900 году, на которой В. Шухов был удостоен почетного диплома и Большой Золотой медали. С тех пор изображение обеих этих наград неизменно присутствовало на рекламных бланках фирмы А. Бари.

На этой же выставке другой наш соотечественник и соратник А. В. Бари по цюрихской школе, Евгений Карлович Кнорре, получил Гран-при и Большую золотую медаль за новую технологию строительства многопролетного моста

⁴¹ По материалам из фондов музея завода «Серп и молот».

через Енисей и применение усовершенствованных кессонов при сооружении опор (об этом будет подробнее рассказано ниже).

Совместно с архитекторами проектировщики и исполнители создали целый ряд уникальных сооружений. Из них только в Москве: световые фонари Верхних торговых рядов (ГУМ), Петровского Пассажа, гостиницы «Метрополь», магазина Мюра и Мерилиза (ЦУМ), Музея Изыщных Искусств им. Императора Александра III (ГМИИ им. А. С. Пушкина); перекрытие дебаркадера Киевского вокзала^[84], Типография И. Д. Сытина «Русское слово»; Центральный холодильник близ Павелецкого вокзала, Московский почтамт, многоярусная подъемная вращающаяся сцена МХАТа. Было реконструировано Московское Училище живописи, ваяния и зодчества, Высшие женские курсы (МПГУ им. Ленина); Казанский вокзал, многочисленные депо, гаражи, трамвайные парки, заводские здания и различные другие сооружения.

Строительство дебаркадера на Киевском вокзале по проекту В. Г. Шухова. 1914 г. Руководитель строительства Н. С. Лошинский.

Мозговым центром создания всего многообразия этих сооружений и металлоконструкций был В. Г. Шухов. Кроме того, он рассчитывал перекрытия просторных рекреаций, аудиторий, лекционных залов, картинных галерей с есте-

ственным верхним освещением. В Нижнем Сусальном переулке, около Курского вокзала, был реконструирован по проекту Главной конторы А. Бари и оснащен по последнему слову техники комплекс Московского газового завода, 21 октября 1912 года состоялось его освящение^[85].

В фирме трудились десятки талантливых и трудолюбивых инженеров-проектировщиков, на заводах и стройплощадках – сотни добросовестных рабочих под руководством сметливых прорабов и грамотных инженеров-производственников. Безусловно, «концертмейстером» в этом «оркестре» был В. Г. Шухов. Только нельзя забывать, если продолжить аналогию с симфоническим оркестром, что дирижерская палочка была в руках А. В. Бари. А дирижеру, кроме знаний музыки, необходимо иметь активную целенаправленную волю; он должен быть чутким психологом, обладать даром педагога-воспитателя и незаурядными организаторскими способностями. И Александр Вениаминович умел объединять в процессе «дирижирования» усилия всех подразделений своей фирмы и направлять коллектив на осуществление исполнительского замысла. Благодаря высокой степени организации труда в короткие сроки создавались уникальные сооружения и металлоконструкции^[86].

Профессора ИМТУ, находя «техническую деятельность А. Бари в высшей степени полезною для России, так как она ведется на правильных началах при участии специалистов, при том преимущественно окончивших курс в Император-

ском Техническом Училище», ходатайствовали о присвоении ему звания инженер-механика ИМТУ. Согласно Уставу Училища 18 марта 1891 года по результатам тайного голосования Александр Вениаминович был единогласно удостоен этого звания, которое «даруется образованным людям, заявившим себя полезной и многолетней практической деятельностью по управлению фабриками и заводами или сделавшими какие-либо замечательные открытия или усовершенствования в техническом деле». 19 апреля 1894 года Александр Вениаминович был избран почетным членом Политехнического общества ИМТУ, в котором состояли Д. И. Менделеев, П. Л. Чебышев, Н. Е. Жуковский, И. А. Вышнеградский, Н. П. Петров, В. Г. Шухов и многие другие.

Конечно, заводы А. Бари не были такими крупными, как Путиловский, Брянский, Русско-Балтийский, Коломенский, Обуховский, Александровский Южно-Русский. Как правило, они вместе с филиалами по численности рабочих и служащих не превышали 1000 человек – в то время это наиболее эффективно управляемые производственные коллективы, хотя общий состав работающих в фирме иногда доходил до 3000 человек. На Московском котельном заводе работало 700 человек. Для сравнения – в «Товариществе Бранобель» число сотрудников и работников доходило до 30 тыс. человек.

Профессиональная деятельность предпринимателей – эта сложнейшая и суровая школа жизни – всегда связана с мно-

гочисленными факторами, которые трудно предугадать в борьбе с конкурентами. В таком деле всегда присутствовал риск и далеко не всегда сопутствовал успех, даже многоопытным руководителям. Случались и неудачи, когда в одночасье приобретенные многолетним трудом капиталы могли оказаться в других руках. Не сумел своевременно получить кредит, или не смог вернуть кредит к намеченному банком сроку – значит, банкрот. Уместно напомнить триумф и трагедию С. И. Мамонтова, Н. И. Путилова. В. А. Кокорев и П. И. Губонин тоже были на грани полного краха, да и Л. Нобель мог оказаться несостоятельным в борьбе за российскую нефть, если бы не своевременная финансовая помощь брата Альфреда.

Не была исключением и деятельность Бари. 1896 год... Успех на Нижегородской выставке. И в этом же году, за месяц до открытия выставки (26 апреля), Комитет министров приступил к рассмотрению предложения А. Бари о предоставлении ему права постройки и эксплуатации керосинопровода от станции Михайловской до города Батума вдоль Закавказской железной дороги. А. Бари предлагал свои услуги – спроектировать и сдать «под ключ» трубопровод за шесть месяцев. Но государственные чиновники, почуяв свой кусок, приняли решение: «Александрю Бари в его предложении отказать, а строительство осуществить на казенные средства». И дело затянулось на три года.

В 1897 году А. Бари вместе с группой единомышленников

создает «Московское нефтепромышленное общество» для разработки грозненских нефтяных месторождений. В Грозном был открыт филиал «Главной конторы инженера А. Бари». Александр Вениаминович (там его в шутку называли «Грозный Бари») и его ближайший помощник Григорий Михайлович Фарбштейн днюют и ночуют в Грозном, налаживая деловые контакты с «Товариществом Бранобель», с бакинскими предпринимателями И. А. Ахвердовым и И. И. Мирзоевым: составляются соглашения, оговариваются условия взаимных расчетов и делаются заявки на получение кредита. Они пытаются наладить уже испытанную систему инжиниринговых услуг. Но в это время Э. Нобель (сын Людвиг) ставит перед собой и другую задачу – не допустить к грозненской нефти «Стандард Ойл». Для этой цели Он привлекает Парижский банковский дом Ротшильдов, с которым заключает вынужденный временный союз. И в 1899 году многие нефтяные участки переходят к дому Ротшильдов, а Бари при этом теряет существенную долю прибыли от акционерного капитала. Лишь небольшая часть технических служб и отделений филиала Главной конторы А. Бари твердо остается в его руках и будет существовать еще многие годы (вплоть до 1930-х годов).

Слева Григорий Михайлович Фарбитейн. Справа Николай Степанович Лошинский с супругой. 1930-е годы. г. Грозный

Судьба Бари и Нобелей пересеклась с судьбой известного изобретателя Рудольфа Дизеля. История их знакомства имела свое развитие в деятельности российских предпринимателей. В Германии Р. Дизель много лет занимался паровыми машинами, но пришел к выводу, что для развития производства и транспорта необходим новый тип двигателя, а изготовить такой двигатель у себя на родине он не мог. Судьбоносная встреча Р. Дизеля и Э. Нобеля состоялась в берлинском «Палас-отеле» 14 февраля 1898 года. Через два дня Р. Ди-

зель напишет жене: «Запомни эту дату – это день заключения мной союза с Э. Нобелем». Через год в Москве, на Варварке, в доме Купеческого общества открывается представительство акционерного общества «Машиностроительные заводы Аугсбурга и Нюрнберга». Представителями общества были инженеры Бернес и Гарфельд. Они начинают поставку в Россию первых двигателей небольшой мощности стационарного типа по патентам Р. Дизеля.

Э. Нобель без колебаний принял идею Р. Дизеля: «Паровые машины отживают свой век, а новый двигатель, работающий на нефти, имеет блестящую перспективу». Он купил у Р. Дизеля патент и развернул работу по усовершенствованию двигателя на своем заводе в Петербурге.

Э. Нобель определил три направления в разработке моделей двигателя Дизеля – стационарные, быстроходные и судовые. Он предпринял отчаянные попытки привлечь к производству дизельных двигателей других судовладельцев, но никто не откликнулся на его предложение. История повторялась. И сын, помня завет отца – «только не отступать и действовать решительно», – добился решения поставленной ближайшей задачи – сделал первый судовой двигатель. Упорство Э. Нобеля было вознаграждено – собственными силами был изготовлен первый в мире четырехтактный реверсивный двигатель судового типа мощностью 20 л.с.

И все-таки предприниматели не верили в успех Э. Нобеля, предсказывая ему скорое разочарование – дескать, кор-

пуса судов будут разрушаться из-за сильной вибрации от работы подобных двигателей. Но Эммануэль Людвигович чувствовал, что скептики будут сожалеть. Э. Нобель привлек инженеров К. П. Боклевского и Д. Д. Филиппова для разработки серии судовых двигателей большой мощности и параллельно приступил к постройке самого крупного судна «Вандал». Через два года Э. Нобель торжественно отметил прорыв в судостроении. Судно «Вандал» было спущено на воду с новым двигателем. К 1911 году дизельные судовые двигатели стали изготавливаться мощностью до 1000 л.с. В последующие годы Россия стала родиной первых в мире теплоходов и тепловозов, а завод Э. Нобеля стал именоваться «Русский дизель». Так, русское судоходство и русская промышленность обязаны своим развитием инициативе и энергии Э. Нобеля.

А общество на Варварке по-прежнему занималось поставкой двигателей Р. Дизеля малой мощности и не составляло конкуренции Нобелю. Один из документов свидетельствует, что 13 сентября 1904 года «Торговому дому Никона Гарелина сыновья» отгружен на станцию Иваново-Вознесенск двигатель по патенту Р. Дизеля мощностью 12 л.с. стоимостью 3500 руб. Пять лет назад этот же заказчик покупал паровые котлы Котельного завода А. Бари.

С развитием производства дизельных двигателей А. Бари вынужден сокращать выпуск паровых котлов, которые еще изготавливались как теплоносители и энергоносители для

паровых молотов в кузнечном производстве.

Александр Вениаминович снова возвратился к идее расширения производства металлоконструкций, чем когда-то с увлечением занимался в Филадельфии.

Несмотря на отдельные неудачи, дело А. Бари развивалось. Преодолевались многие организационные трудности, и не только в конкурентной борьбе. Относительно небольшой проектный отдел, возглавляемый В. Шуховым, всегда оперативно перестраивался на заказы нового направления. А накопившийся опыт позволял быстро решать типовые вопросы, если новый заказ был аналогичен ранее выполняемым.

Приглашая В. Шухова к сотрудничеству, Александр Вениаминович знал, что Владимир Григорьевич имел безупречную репутацию у профессоров ИМТУ. Во время командировки в США он имел возможность ознакомиться с американской организацией труда и профессиональной школой, получил прекрасную, жизненно важную закалку в Баку. Кроме того, В. Шухов происходил из семьи, известной своей честностью и глубокой порядочностью. Владимир Григорьевич был хорошо воспитан, владел почти всеми европейскими языками, а французский, немецкий и английский языки знал в совершенстве, был необычайно талантлив и работоспособен, отличался безукоризненной аккуратностью. А. В. Бари был старше В. Г. Шухова на 6 лет, обладал большим организаторским опытом и поэтому на первых порах опекал В. Шухова, давая ему максимально проявить свои творческие

способности.

Опекать В. Шухова в прямом смысле слова не было никакой необходимости. Несмотря на молодость он уже имел крупные изобретения, был самостоятелен...

Несомненная заслуга А. В. Бари в том, что он с первого взгляда разглядел в В. Г. Шухове выдающиеся способности и в последующие годы умел ценить его изобретения – новаторские, намного опережавшие свое время. Он не вмешивался в творческий процесс своего помощника по инженерной части и не проявлял «административного восторга» – «Кто тут хозяин?!» Александр Вениаминович не только ценил инженерную мысль, но и создавал условия для реализации творческих разработок В. Шухова. Сам Владимир Григорьевич, познав муки и поэзию мыслительного процесса, превыше всего ценил свободу творчества. Очевидно, оба чувствовали и понимали, что «без ангажемента нет имени, а без имени нет ангажемента», как принято говорить в артистическом мире... Так что, в любом творческом процессе проявляющийся талант всегда нуждается в своевременной деликатной и надежной поддержке, тогда и состоится прорыв творческой одаренности.

Успешная работа всего коллектива приносила А. Бари и В. Шухову и моральное удовлетворение, и материальное обеспечение, как и всем сотрудникам и рабочим фирмы. Александр Вениаминович пользовался высоким авторитетом среди банкиров и предпринимателей. Для развития про-

изводства постоянно требовались кредиты, которые предоставлялись известными банками. В этих случаях помогала его безупречная деловая репутация. Большинство (но не все) банковских экспертов при поручительстве под выдачу очередного кредита писали: «Человек очень деятельный, знает свое дело, имеет обширные дела и зарекомендовал себя хорошо в последние годы. Имеет некоторые средства, которые нажил в своем деле и заслуживает кредит означенный». Среди кредиторов были как российские банки, так и западноевропейские: Русский торгово-промышленный банк, Московский купеческий банк, Российский Государственный банк, Лионский, Цюрихский и др.

Профессор ИМТУ П. К. Худяков отмечал: «Исключительный организаторский талант владельца предприятия, А. В. Бари, в соединении с богатейшей эрудицией и выдающейся талантливостью его технического директора, В. Г. Шухова, сделали то, что вскоре «Строительная контора инженера А. Бари» приобрела известность не только в Российской империи, но и далеко за ее пределами».

Помимо профессиональной деятельности, А. Бари и В. Шухов заботились о формировании и поддержке начинающих инженеров России – готовили школу российских инженеров-практиков. Александр Вениаминович и Владимир Григорьевич состояли Почетными членами Попечительского совета Комиссаровского технического училища. До последних дней своей жизни они поддерживали тесную связь

с Политехническим обществом ИМТУ.

«Строительная контора инженера А. В. Бари» целевым назначением передала ИМТУ, Петербургскому и Томскому технологическим институтам паровые котлы с оборудованием газовых установок. Отопительные комплексы поставлялись и в другие учебные заведения России за счет фирмы, безвозмездно. Благодаря личным вкладам Бари и Шухова Московский Политехнический музей оснащался различными видами оборудования и уникальными приборами. Они делали вклады в фонд имени Н. Е. Жуковского.

Но их главной заботой были молодые студенты, проявившие усердие в учебе и обозначившие свои творческие способности. А. Бари привлекал талантливую молодежь ИМТУ и Комиссаровского училища на практику на строящиеся объекты, в том числе и на Мытищинский вагоностроительный завод. Через такую практику прошло более 60 талантливых выпускников. Кроме того, А. Бари отчислял в стипендиальный фонд ИМТУ ежегодно 4000 руб. По тем временам это была солидная денежная поддержка для студентов.

П. К. Худяков писал по этому поводу: «На службе в конторе А. В. Бари состоят многие инженеры механики нашего училища, которым он всегда охотно давал доступ к строительной практике, при вознаграждении, постоянно возрастающем по мере их деятельности». Впоследствии выпускники ИМТУ – молодые инженеры начинали и успешно развивали собственное дело, многие стали известными учеными и

профессорами.

Мало сказать, что Александр Вениаминович был меценатом инженерного дела. Его роль была весьма значительной – содействие повышению культуры инженерного труда!

Как пишет А. Матвейчук в статье «Русский американец»⁴²:

«Со временем Контора А. В. Бари стала своеобразной кузницей научных и инженерных кадров для отечественной науки и промышленности. Вместе с инженером-механиком Вл. Шуховым, получившим неофициальное звание «первый инженер Российской империи», ставшим позднее почетным академиком АН СССР, в разные годы в конторе А. Бари работали талантливые мастера своего дела – инженер-механик Сергей Гаврилов, соавтор В. Шухова по установке «Приборы для непрерывной дробной перегонки нефти...», опередившей свое время почти на 20 лет; инженер-механик Владимир Зворыкин, впоследствии преподаватель ИМТУ, автор популярного учебного пособия «Элементы графостатики» (1911 г.); инженер-механик Людвиг Кифер, впоследствии доктор технических наук, профессор МВТУ, один из основоположников отечественной школы подъемнотранспортной техники; инженер-механик Леонид Лейбензон, в советское время академик АН СССР, основатель подземной гидравлики, сыгравший большую роль в создании научных основ разработки нефтяных месторожде-

⁴² Журнал «Нефть России». Периодическое изд. ОАО «Лукойл», № 2, 1999 г.

ний; инженер-технолог Иван Елин, автор учебных пособий «Переработка нефти» (1926 г.) и «Керосин, его производство и применение» (1929 г.); изобретатель Феликс Инчик; инженер-механик Александр Потемкин».

Следует добавить в этот список и других талантливых инженеров: мостостроители и специалисты в области гидротехнических сооружений Евгений Карлович Кнорре и Константин Эдуардович Лембке; организаторы производства Григорий Михайлович Фарбштейн, Николай Степанович Лошинский, Адольф Штерн, Моисей Григорьевич Кларнет, Николай Юльевич Меллье и еще многие другие.

В России А. Бари неоднократно представляли к различным наградам, но он вежливо отклонял такие предложения. Самой дорогой наградой Александр Вениаминович считал присвоение ему почетного звания инженер-механика ИМТУ.

Руководство ИМТУ и Ученый Совет предлагали и В. Г. Шухову заняться профессорско-преподавательской деятельностью, но Владимир Григорьевич не принимал этих предложений, оставаясь инженером-практиком. Он высоко ценил те возможности фирмы А. Бари, которые позволяли ему быстро воплощать технические задачи в реальные металлоконструкции, и он мог видеть и даже «потрогать руками» результаты своего труда, да и – что греха таить – зарплата была в десятки раз выше профессорской.

В повседневной жизни, вне работы, А. Бари и В. Шухов

были в дружественных отношениях, хотя друзьями в полном смысле слова они себя не считали – каждый имел свой круг знакомых или друзей, объединенных общими интересами, пристрастиями, увлечениями.

А. Бари имел своеобразную черту характера: он не любил наград и превыше всего ценил деловые качества человека. Даже когда его дочь Евгения решила порадовать отца, сообщив ему, что она окончила гимназию с золотой медалью, то он в ответ ей только и произнес: «Ну, что ты, детка, это ведь не на выставке собак». Наверное, дочь обиделась или была очень огорчена. Возможно, и во взаимоотношениях с В. Шуховым были такие моменты, которые потом обрастали бытательскими толками и пересудами...

В семейных архивах потомков А. В. Бари содержатся упоминания о том, что В. Шухов довольно часто бывал в их доме. Евгения Александровна оставила свои воспоминания:

«В. Г. Шухов был моим крестным отцом, а также крестным отцом моего брата Владимира. На Рождество Владимир Григорьевич дарил мне серебряные чашки, которые нам так пригодились в более поздние, голодные годы».

В доме А. Бари всегда были желанными гостями и выдающиеся ученые – Д. И. Менделеев^[87], Н. Е. Жуковский, П. К. Худяков, С. А. Чаплыгин, и известные архитекторы – Р. Я. Клейн, Ф. О. Шехтель^[88], И. И. Рерберг. На домашних встречах с архитекторами обсуждались и согласовывались проекты по усовершенствованию и строительству новых зданий

вокзалов, торговых рядов, гостиниц, выставочных залов, художественных училищ музеев, театров, трамвайных депо и т. д. И, конечно же, в обсуждении проектов участвовал В. Г. Шухов,

При встречах А. В. Бари с Д. И. Менделеевым обсуждались многие проблемы, связанные с судьбой российской нефти. Он сам много работал над проблемами химии и технологии переработки нефти. Дмитрий Иванович посвятил практически всем областям нефтяного дела свыше 70 научных трудов. В 1881 году он спроектировал и сконструировал первый в мире куб для непрерывной перегонки нефти с использованием противотока. Много и плодотворно занимался исследованиями нефти с различных участков и способами очистки их дистиллятов. В то время инженерная мысль В. Шухова была близка к созданию технологии крекинг-процесса.

*Александр Вениаминович Бари и Зинаида Яковлевна.
1889–1890 22.*

Дети А. В. Бари. Слева направо: Анна, Ольга, Евгения, Виктор, Лидия, Владимир. 1 января 1880 г. Москва. Позже будут еще дети – Мария, Екатерина, Юрий

А. В. Бари никогда не прерывал своих деловых и творческих связей с фирмой братьев Нобель. А его встречи и беседы с Д. И. Менделеевым были полезны для всех, кто в то время занимался проблемами нефти в России.

Дети А. Бари по-своему, с детской непосредственностью, вспоминали встречи отца и Д. И. Менделеева. Евгения Александровна в своих дневниковых записках писала:

«Помню в детстве, когда мы жили в доме Промышленного музея на Мясницкой, да и потом, к нам приезжал Д. И. Менделеев. Он обычно обедал у нас, и отец предупреждал мать о его приезде. Дмитрий Иванович любил отварной рис с красным вином. Приготовить это надо было накануне. Помню, как отец подвел меня к старику с очень длинными волосами, обросшего бородой и сказал: «Вот, деточка, смотри и запомни – это самый знаменитый ученый». А старик ученый говорит мне; «А ты, девочка, запомни, что твой отец – самый замечательный человек». Я была смелая, отца я обожала, поэтому без тени смущения ответила: «А я знаю, что мой папа лучше всех». Все засмеялись, а я сконфузилась и убежала. Но про себя подумала, что уж, конечно, мой папа лучше этого длинноволосого старика».

Чаще других в доме А. В. Бари бывал Н. Е. Жуковский^[89], который жил рядом, у Чистых прудов, в Гусятниковом переулке, а позднее в Мыльниковом переулке, доме № 8. В гостях у Николая Егоровича часто бывали его ученики и известные ученые. Федор Евплович Орлов – профессор механики ИМТУ и общий знакомый с А. Бари по Цюрихской школе – всегда был желанен и привечаем. Поэт-акмеист С. М. Городецкий в одном из стихотворений оставил нам память:

Там в переулочках, где
Чистые пруды,
Где жив еще уют московский,
В седые погружен груды
Наш Николай Егорович Жуковский.

Его интересовали возможности постройки первых дирижаблей в России с использованием опыта работы фирмы А. Бари в строительстве металлоконструкций. Зинаида Яковлевна удивлялась: «Что это вы все о дирижаблях так долго разговариваете?» Николай Егорович отшучивался: «Да не проблема построить, а вот боимся, что дирижабли будут якорями цепляться за грушевые деревья».

Когда А. В. Бари бывал по делам в Петербурге, его приглашал министр финансов С. Ю. Витте. Сергей Юльевич советовался с А. Бари как с крупным финансистом, опытным и преуспевающим организатором производства. В 1904–1906 годах А. Бари встречался и с В. Н. Коковцовым – министром финансов в правительстве П. А. Столыпина.

Александр Вениаминович по своим убеждениям был толстовцем, имел честь быть приглашенным к Льву Николаевичу в Ясную Поляну. Л. Толстой, в свою очередь, посещал заводы А. Бари, интересовался условиями труда рабочих. По сведениям потомков А. Бари, дружба Льва Николаевича и Александра Вениаминовича возникла не на пустом месте. А. Бари, имея американское гражданство, помог гонимой в то время в России общине духоборов выехать в Канаду, за что Лев Николаевич был весьма признателен Александру Вениаминовичу^[90].

Из тех же воспоминаний Евгении Александровны:

«Приехал, наконец, Л. Н. Толстой. У него были знакомые из рабочих завода. Лев Николаевич хотел посмотреть на заводчика, у которого рабочие участвуют в прибылях. Он ездил на завод, разговаривал с рабочими и Александром Вениаминовичем. Приглашал приехать к нему в Ясную Поляну. Меня это страшно волновало. Я читала запрещенные статьи Л. Толстого, перевозила их на себе тайно через границу, читала с моей приятельницей – учительницей Еленой Александровной. Я тогда

по-толстовски ненавидела богатство, мечтала о бедности для себя, не хотела носить нарядных платьев. Тут было и увлечение Л. Толстым, и с детства любимое Евангелие. Сестре моей Оле очень хотелось поехать к Льву Николаевичу. Но отец был настроен взять с собой старшую дочь Анну (по старшинству)».

Поездка в Ясную Поляну по каким-то причинам не состоялась. Однако Лев Николаевич в один из последних приездов в Москву очень хотел встретиться с Александром Вениаминовичем и передал ему приглашение о желательной встрече в Хамовниках.

В семейных архивах А. Бари сохранилось неотправленное письмо дочери Ольги неизвестному адресату от 17 марта 1900 года, в котором упоминается поездка отца со старшей дочерью Анной (детское имя Биба) к Л. Н. Толстому в Хамовники.

«Мне хочется много, много с вами говорить сейчас. После долгого молчания и терзания я сегодня говорила с Наташей (гимназической подругой Заящикой, в замужестве Давыдовой), она прелестная и такая же несчастная как я. Она, конечно, любит мужа, ребенка, – с этой стороны она вполне счастлива. Но в общем, душой всей – нет. Мне думается часто, что я не верю больше ни во что. Только два чудные человека есть передо мной – это папа и Биба. Близких я страшно люблю, но это не то; это все же болезненное чувство,

а тут – спокойное и ясное.

Мне тяжело потому, что я, хоть люблю все на свете, но верю только голубому небу и вообще природе, остальное все не то, не так и все так неважно и неверно делается на этом свете. На что ни обопрешись, все может рухнуть. И я не знаю где правда. Мне изменил Толстой. И я начинаю уже часто про себя обвинять его, нападать на его бесконечную суровость. Это так мучительно! Мне часто хочется найти слабое у него и именно потому, что я его так безумно люблю. Но все-таки он – горение, а не смирение... ох, я много, много хочу сказать, но так трудно и я почему-то никогда с вами обо всем этом, т. е. о главном, о сути всего – не говорила. Это бывало потому, что я не была уверена, что вы захотите быть со мной откровенным. Вот сейчас вы ничего не понимаете, так бестолково я пишу.

Все это время я думала пойти к Толстому, но мешало и мешает мне то, что я больше всего на свете боюсь услышать от него, именно от него, – общее, а не лично мне нужное! Знаете, странно так!.. Я именно вчера и сегодня особенно много думала обо всем, что говорит Толстой, и вдруг сегодня как раз папа собрался поехать к нему, так как он говорил, что хочет папу повидать... Только что, сию минуту, папа поехал к нему с Бибой. С Бибой – потому, что Толстой интересуется библиотекой и школой. В доме, конечно, охи и ахи! Женя кричала: «страшно». Все были взволнованы, исключая папы и Бибы. Конечно, чего им сомневаться! Они оба всегда одинаковые, простые и

ясные. Это я тысячу раз успела бы ловить себя на всяких мыслях и чувствах! – Я сейчас бы многое ему сказала, но страшно не его, а себя. Моего всегдашнего спутника, второго голоса, который меня никогда и ни на минуту не отпускает...

Завтра утром я вам конечно напишу о том, что там было. Я боюсь одного, что Толстой не оценит папу. Мало людей знают и ценят его. Это лучший человек! Это человек в полном смысле слова! Если есть настоящие христиане, то вот – папа. Если бы я сию минуту видела Толстого, я бы спросила его о папе... Какая это душа! Для меня это воплощение добра и вообще всего из-за чего только стоит жить на свете. Чем больше я узнаю о нем, тем больше я удивляюсь. И удивляюсь я еще тому, что так мало людей это знают и часто гадко к нему относятся... Вероятно добро всегда незаметно и мимо него проходит! Если бы не было папы, я бы перестала верить во все и мне нельзя было бы больше жить.

О скольком нужно было говорить, а мы не говорили. Потом еще ужасно, что вы не знаете Наташи и она вас!

А иметь такую веру, как Данте, – чудесно! Я сейчас читаю его. А вы говорите мне: зачем я сижу с книгами? В книгах я вижу души и мысли, – большие, красивые и хорошие; и небо, – а больше нигде я их не вижу. Проблески только, за которыми мгновенно следуют ложь и условность, от которых можно задохнуться... Я больше всего на свете хочу правды человечности!

Вы скажете, что и книги редко правдивы. А я думаю, что в больших и хороших книгах нет большой лжи».

Журналист Б. Б. Глинский в своей книге «Среди литераторов и ученых»^[91] так описывает свои впечатления от посещения котельного завода «почтенного инженера А. В. Бари»:

«...Рабочий день измеряется десятичасовой работой, заработная плата на 10 % выше, чем на других фабриках. Система штрафного наказания совершенно здесь изгнана, а увольнения рабочих практикуются только в исключительных случаях. Рабочие получают в день от завода совершенно бесплатно 6 кусков сахара на человека и чай 2 раза в день, а также обед из 2-х блюд: первое – суп мясной с порцией 1/2 фунта; второе – каша с салом, причем хлеба можно потреблять вволю... Столовая рассчитана на 700 человек, для упорядочения получения обеда все столующиеся разбиты на десятки... хочет десяток еще поесть, десятский берет опорожненную посуду, идет к буфетной стойке, где фельдшер, наблюдающий за раздачей, наливает новую порцию: кушайте на здоровье...^[92]

Дом управляющего котельного завода А. В. Бари. Здесь же в 1890-е годы размещалась первая контора и чертежная. Ныне территория завода «Динамо», (современный снимок автора)

Здание – ротонда, цех для сборки паровых котлов, (современный снимок автора)

Бывший Бариевский проезд – Лизинская ветка, (современный снимок автора)

Бывшая столовая котельного завода А. В. Бари. Ныне ДК завода «Динамо» (современный снимок автора)

– Не думайте, – говорил мне при свидании А. В. Бари, – что мною руководят какие-нибудь филантропические затеи. Я кормлю рабочих за свой счет потому, что это выгодно всем. Их еда меня не разорит, но это обязательно обернется прибылью; как в количестве, так и в качестве работы... Рабочий работает самым добросовестным образом. На заводе не возникает вопроса о стачках, и я решительно не знаю, как отбояриться от предложения рабочих рук. Большинство рабочих работают годами, некоторые работают 10–12 лет и успели, благодаря существованию нашей сберегательной кассы, скопить себе тысячный капитал.

Приемный покой в земском лазарете при заводе А. Бари представляет собою образец порядка и чистоты, но что важнее всего – заболевшие рабочие сохраняют свою заработную плату в течение первой недели в полном размере, а в последующие – в половинном... Семьи умерших также не остаются на миру: завод принимает на себя заботу о них, и вдовы, в виде пожизненной пенсии, получают половину годовичного заработка покойных мужей. Нечего говорить, что европейски образованный инженер, г. Бари, сумел устроить на заводе усовершенствованные ретирады, дезинфицируемые паром; отличную вентиляцию и прекрасное освещение всех отделений завода. В текущем году г. Бари имеет в виду устроить

для рабочих квасоварню и бесплатную баню. Если бы пример г. Бари, основанный на практическом и умном расчете, нашел себе побольше подражаний, – я уверен, не довелось бы предавать вообще фабрику проклятию. Но пока, увы! Такие, как г. Бари, более чем малочисленны, и на остальных заводчиков и фабрикантов приходится действовать не примером, а карою закона и сильным контролем правительственных чиновников.

Два часа, проведенные мною здесь, на заводе, на живописном берегу Москвы-реки, остаются лучшим воспоминанием моей московской поездки: я видел уголок, где русскому рабочему живется сытно и хорошо работается, где около него имеются интеллигентные люди, которые ценят его, как силу нравственную, и как великолепное живое орудие производства».

* * *

В процессе становления фирмы А. Бари с 1880 по 1885 год взаимоотношения хозяина с рабочими складывались не всегда благоприятно для обеих сторон. В эти годы рабочие не получали от завода ни квартир, ни харчей. Работа началась в 6 утра и заканчивалась в 6 вечера, обед с 12 до 13 часов. (Возможна работа в две смены, как записано в архивных документах) Были жесткие разговоры и о сокращении рабочего дня, и о повышении зарплаты. Александр Вениа-

минович убедительно аргументировал свои отказы; «Пока труд наш недостаточно механизирован, этого делать нельзя – обанкротимся. Придет время, когда будут работать станки и приспособления, облегчающие труд рабочего, можно будет работать и по 8 часов, и зарплату увеличить, но для этого необходимо подготовить в России кадры инженерных работников, и много сил и средств вкладывать в обучение Вас, рабочих, и ваших детей».

Свое обещание А. Бари выполнял. С 1885 по 1905 год он вводил на котельном заводе множество прогрессивных начинаний:

- Улучшил условия труда – освещение, вентиляция, прогрессивная оснастка, бесплатная спецодежда и ее обработка в ретирадах, представлявших собой чистые емкости от шпалопропиточных установок. После работы рабочие загружали туда спецодежду, которая пропаривалась сухим перегретым паром и дезинфицировалась. Утром рабочие получали чистую спецодежду.

- Повысил зарплату на 10 %, установил 9-часовой рабочий день, а на тяжелых работах – 8-часовой.

- Дважды в год выплачивал всем рабочим и служащим дополнительную оплату за качество работы в размере месячного жалования.

- Обеспечил за счет фирмы питание рабочих и служащих.

По воспоминаниям Евгении Александровны: «Когда я семь лет работала в школе для рабочих при котельном заводе, я

не ела лучших щей и второго, чем то, что давалось рабочим. Вечером в столовой сестра Анна Александровна организовывала занятия с взрослыми рабочими».

- Регулярно выделял деньги на стипендию учащимся и ввел отпуска рабочим и служащим.

- Выплачивал пенсии по потере кормильца в размере полугодового заработка семьям умерших рабочих или служащих.

- Ввел обязательное страхование и участие всех рабочих и служащих в прибылях – от кухарки до главного инженера.

- Выделял авансы рабочим и служащим на строительство собственного жилья.

- Быстро продвигал по службе толковых и добросовестных сотрудников.

- При поступлении на работу не придавал решающего значения наличию диплома. Во время собеседования сам определял, какую работу можно доверить пришедшему специалисту.

- Заработную плату выплачивал еженедельно.

Многие его нововведения были не по вкусу другим заводчикам и фабрикантам, которые весной 1904 года обратились к московскому полицмейстеру Д. Ф. Трепову с просьбой санкционировать переход с 10-часового рабочего дня на 9-часовой. В обосновании говорилось, что на современных заводах длинный рабочий день становится тормозом в развитии промышленного производства. Люди к концу дня

устают так, что идет брак. А вот у А. Бари 9-часовой рабочий день, и это оправдывается качеством работы, на что Д. Трепов отвечал: «Бари – американец, а Вы – чтобы не мutilовали воду». Московское охранное отделение в рапорте министру внутренних дел В. К. Плеве⁴³ характеризовало А. Бари как политически неблагонадежного. Ему ставили в упрек, что он создает неоправданно особые условия для рабочих. На что Александр Вениаминович отшучивался: «Я, видите ли, эгоист. Не могу спокойно есть, если знаю, что рабочие голодные или едят какую-нибудь гадость. Так что это все от моего эгоизма».

В семейных архивах сохранилось письмо Александра Вениаминовича дочери Ольге в Италию от 25 марта 1904 года.

«Сегодня праздник, я один в конторе... Дел у меня много, дела идут оживленно. Я с удовольствием мог опять наградить своих сотрудников, служащих и рабочих, наградить на праздник. У всех лица веселые и я представляю себе то удовольствие, с каким каждый из них пришел домой и сказал своим: «вот награда на Пасху!»

Ты знаешь, как я люблю свое дело и труд, и главным образом люблю его потому, что приятно вокруг себя видеть многих, кто любит труд и находит в нем цель жизни...»

После убийства В. К. Плеве новый министр, князь П.

⁴³ В. К. фон Плеве – министр внутренних дел и шеф жандармов, был убит эсером Е. Сазоновым 15 июля 1904 года.

Д. Святополк-Мирский был вынужден ослабить контроль над земскими учреждениями, были возвращены из ссылки опальные земцы, смягчена цензура над либеральной печатью... Но обнаружившиеся колебания, «шаткость» правительства только усугубили политический кризис в стране. В ноябре 1904 года в Петербурге состоялся земский съезд, признавший необходимость «народного представительства». По решению «Союза освобождения» в крупных городах были организованы банкеты по поводу 40-летия судебной реформы.

В семейных архивах потомков А. Бари сохранился любопытный документ – резолюция банкета 5 декабря 1904 года в зале «Контан», в С.-Петербурге:

«...Собрание инженеров всех специальностей, обсудив положение отечественной промышленности, единогласно пришло к следующему заключению: преуспевание русской промышленности возможно только на почве широкого развития общественной и личной самодеятельности. Необходимыми условиями такого развития является полная неприкосновенность личности, свобода собраний, союзов, свобода слова и печати. Только при прочной гарантии этих прав достижимо распространение и углубление народного образования, без чего невозможно увеличение производительности национального труда. Единственный путь для успешного разрешения этой задачи, по глубокому убеждению собравшихся, – это немедленный созыв представителей народа для

выработки новых оснований государственной жизни, и, в качестве необходимых условий правильной работы этого собрания – отмена положения об усиленной охране, введение свободы печати и полная амнистия всех осужденных и административно высланных за политические преступления».

Резолюцию подписало 501 лицо.

А. Бари прекрасно понимал общественные настроения в России и политическую атмосферу Москвы и Петербурга. В душе он очень переживал, чувствуя двойственность своего положения. При улучшении условий труда и социальной помощи рабочим возмущались коллеги-предприниматели. Не заботиться о рабочих – значит, жди забастовки. Да и совесть вряд ли бы позволила. Что делать? Какая ситуация будет в ближайшие годы?

Если случались забастовки, как 12 января 1905 года, когда 500 рабочих завода А. Бари направились из Симоновской слободы к заводу Гужона (ныне «Серп и молот»), чтобы присоединиться к забастовке в знак протеста против расстрела рабочих в Петербурге 9 января, Александр Вениаминович брал убытки на себя. В церквях читали «Доброе слово к царелюбивому народу русскому», отвращая жителей Москвы от крамолы. А. Бари только сетовал: «Что тут поделаешь, они хотят заниматься политикой».

Как ни старался Александр Вениаминович Бари не ввязываться в политические игры, но жизненные обстоятельства втягивали его в круговорот событий тех лет.

В преддверии революционных событий была создана специальная комиссия по рабочему вопросу при Московском Биржевом комитете. Председателем комиссии был избран крупный капиталист С. И. Четвериков. В феврале-марте 1905 года комиссия вырабатывала план согласованных действий фабрикантов против требований рабочих – о сокращении рабочего времени, об увеличении заработной платы, об упразднении штрафов... В состав комиссии входили крупные промышленники: А. В. Бари, Ю. П. Гужон, барон А. Л. Кноп, Г. М. Марк А. И. Шамшин^[93], В. В. Столяров и др. В комиссии обсуждался проект Ю. П. Гужона о мерах к упорядочению быта и положения рабочих на фабриках и заводах, а также рассматривалось предложение Московского Биржевого комитета о необходимости уведомления хозяина о проведении намечаемой рабочими забастовки за 24 часа. С. И. Четвериков настоятельно проводил мысль, что регулирование забастовки не может быть предоставлено единоличному решению предпринимателя, а подлежит решению Правления союза. Предполагалось, что, если предприниматель не подчинится решению союза, Правление будет иметь право лишать его страховой премии, но это условие вызвало только бесплодные дебаты среди самих предпринимателей...

В середине декабря до Москвы и Петербурга докатилась весть о всеобщей стачке бакинских рабочих. Нефтепромышленники вступили в переговоры со стачечным комитетом, и

был впервые заключен коллективный договор между рабочими и предпринимателями.

В феврале 1905 года в Баку произошла трагедия: три дня не стихала армяно-азербайджанская резня, унесшая сотни жизней. Местные власти не смогли остановить разгул страстей, волнения продолжались.

Письмо А. В. Бари жене Зинаиде Яковлевне от 25 сентября 1905 г. из Петербурга в Москву:

«Вчера думал, что главные вопросы собрания закончатся вечером, и я мог бы выехать Севастопольским поездом и быть к вечеру в Москве, но вышло иначе. У нас сегодня в 9 вечера опять заседание, и я не знаю закончат ли главные вопросы сегодня. Вероятно, выеду завтра. У вас в Москве начались беспорядки. Я ежедневно телефоную, и мне сейчас Николай Юльевич Меллге говорил, что вы там сидите без газет и без хлеба. — Это у меня здесь есть, но только я сижу без писем от тебя и детей. Из заседания у Коковцова я выношу впечатление о полной растерянности правительства. Коковцов хорошо говорит, очень ловкий и хитрый господин. Представители Баку тоже говорят хорошо, но описания ужасов Баку страшны. А самое тяжелое впечатление производят факты неспособности властей в Баку. Негодные люди стоят там во главе власти. Грустно у меня на душе от этих разговоров. — Вчера после заседания мне предложил один коммерсант крупную работу на Кавказе, —

резервуары и мосты. Я отказался сразу. – Считаю дело там все еще опасным и не пошлю туда своих людей. Трудно теперь в России, а надо терпеть. Утешением может служить разве то, что мы обеспечены лучше других, но это утешение вынужденное. Многого надо ломать, пока наступит время спокойного развития России. – На заседании во всех речах было заметно, что не хотят говорить о политических причинах разгула в Баку, а ведь они – главная причина всего случившегося. Завтра надеюсь получить Ваши письма. Сейчас буду завтракать и поеду к Алек. <НРЗБ> Бодри.

Будь здорова, поцелуй от меня детей...»

В октябре 1905 года английский, французский и германский послы неоднократно обращались к правительству России с требованием принять самые энергичные меры для охраны иностранных предприятий в Баку, Донбассе и других городах...

17 октября 1905 года был опубликован царский манифест, провозгласивший неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Манифест обещал созвать «законодательную» Думу с привлечением к участию в ней более широких слоев населения.

Как только был опубликован манифест, Московский стачечный комитет послал одобрительную телеграмму С. Ю. Витте и обратился с воззванием к рабочим возобновить работу 19 октября. Центральное бюро Всероссийского железнодорожного Союза разослало по всем дорогам депеши о

немедленном прекращении забастовок. Петербургский Совет рабочих депутатов постановил прекратить 21 октября всеобщую политическую забастовку. 22 октября Московская городская партийная конференция РСДРП приняла решение прекратить забастовку на московских предприятиях.

В октябре-декабре 1905 года были впервые созданы Советы рабочих депутатов в Москве, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Николаеве, Баку и других городах.

Одновременно с Советами стали формировать различные политические партии, но вместо политической стабилизации наступило время хаоса, разлагающего умы и развращающего нравы. Правительство и оппозиция засылали друг другу шпионов и провокаторов, процветал терроризм.

12 августа 1906 года было совершено покушение на Петра Аркадьевича Столыпина^[94], от взрыва погибло 30 человек – совершенно невинных людей.

15 августа 1906 года Александр Вениаминович, находясь на лечении в Германии, писал дочери Ольге из Киссингена:

«... Знакомых у меня здесь довольно много. Несколько членов Государственной Думы. На всех покушение на Столыпина произвело удручающее впечатление, мрак и ужас впереди, картина печальная...»

Взрыв был такой силы, что в недалеко расположенных цехах завода «Товарищества Бранобель» (Петербургское отделение) выбило ударной волной почти все стекла. Сам Петр Аркадьевич от взрыва не пострадал, и в своей поистине

пророческой речи на заседании Государственной Думы 10 мая 1907 года дал террористам достойный ответ: «... Не запугаете! Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Революция 1905 года и последующие политические события произвели на А. Бари очень тягостное впечатление. В минуты отчаяния он говорил жене: «Давай уедем, лучше быть кондуктором трамвая в Швейцарии, чем миллионером в России». У него опускались руки, проявлялись первые признаки болезни.

В этот период заботы о работоспособности фирмы принимал на себя В. Г. Шухов.

Время шло, жизнь продолжалась. Возобновившаяся работа увлекала А. В. Бари. 30 мая 1908 года А. В. Бари сообщал Ольге в Ригу:

«Более спокойное положение дел в России повлияло на меня, и я чувствую себя более спокойным и работоспособным».

Однако через месяц ей же Александр Вениаминович пишет:

«Пишу тебе из Москвы, куда вернулся раньше, чем

полагал. У меня стоит завод уже 10 дней. Забастовка по очень глупой причине. Хотя меня и не вызывали, но, чувствуя тяжелое положение, в котором оказались сотрудники и Виктор (сын – прим. авт.), я приехал... Дело налаживается, и я надеюсь, что с 1 июля завод опять пойдет полным ходом».

У А. Бари были свои соображения, как строить взаимоотношения с рабочими и служащими. Александр Вениаминович во время забастовочных волнений всегда сам являлся к рабочим и решал все вопросы на месте:

- Давайте ваши требования, – обращался он к рабочим.
- Требования вот, но у нас вроде бы все есть.
- Так..., значит, чего-то еще нет.
- Да, вот... при заводе бы родильный дом.
- Ну так что же, давайте построим и родильный дом, люблю строить.
- Шапки вверх, качать хозяина.

Так закончилась единственная забастовка на Котельном заводе А. В. Бари.

Эти воспоминания сохранили дочери А. В. Бари Евгения Александровна Нерсесова и Лидия Александровна Воскресенская.

В семейных архивах потомков сохранилось немало свидетельств о его помощи простым людям в обычных житейских ситуациях. Для примера приведем несколько эпизодов.

Как пишет в своих воспоминаниях Евгения Александров-

на, «множество людей приходило к отцу за помощью, писали, просили помочь. Он никому не отказывал. Среди артельщиков в конторе был В. Н. Королев. Отец посылал его разносить помощь по письменным просьбам. Помню, как отец говорил ему: «Ты, Василий Никитич, не носи только деньги, это как-то холодновато. Если к мужчине идешь, захвати хоть папирос; если к женщине, – то хоть конфет».

В тех же воспоминаниях: «Помню, поступила я на фельдшерские курсы. Мне хотелось помочь людям в качестве медсестры. Курсы были на Мещанской, Письмоводительница записывала адреса и фамилии. Дошла очередь до меня, – «Бари». Женщина заволновалась и попросила задержаться после записи. Я осталась. Она спросила: «Не родственница ли я Александру Вениаминовичу?» Я ответила, что я его дочь. Письмоводительница заплакала и сквозь слезы просила выслушать ее: «Я зарабатываю очень мало, у моей сестры умер муж, осталось пятеро детей, нужда, помочь некому, задолжали. Сестра узнала, что в Москве есть такой А. Бари, который помогает совсем незнакомым людям. Она пошла по адресу, долго не решалась зайти, просить было стыдно. Наконец решилась позвонить. Вышел красивый мужчина и пригласил пройти в кабинет. Предложил чаю: «Вам с сахаром, с лимоном?» Сестра рассказала о своем горе. Александр Вениаминович внимательно выслушал и, ни слова не говоря, выдал ей 500 рублей. Она была так поражена, что не решалась брать, боялась, что не сможет вернуть долгое время. Он

успокоил ее, чтобы не волновалась с возвратом.

Часть долга сестра принесла через полгода. Но Александр Вениаминович ничего не взял, дал еще денег на осиротевших детей и позже стал помогать.

И вот эта письмоводительница попросила фотографию отца, все повторяя: «Жить легче, когда знаешь, что есть еще такие люди».

Я попросила у отца фотографию. Он нашел, дал ее мне и сказал: «Только не говори ей, что я ее не помню. Их так много приходит, что я не могу запомнить отдельных лиц».

История о помощи незнакомой семье, попавшей в беду, имела и продолжение – уже в наши дни.

В марте 1997 года в семью Анны Александровны Самойловой, внучки А. Бари, пришел пожилой человек. Он разыскал ее московский адрес через Мосгорсправку, рассказал о благополучной судьбе своей семьи – той самой – и со слезами благодарил за давнюю помощь, оказанную Александром Вениаминовичем. А на прощание подарил Анне Александровне свою фотографию.

И еще из воспоминаний:

«...Отцу было все равно, что Л. Н. Толстой, что последний нищий, с которым он мог закурить и всегда, бывало, помогал. Я много слышала об отце и в Симонове. Помню рассказ одного из рабочих, тогда он был еще молодым человеком. Выдали ему лист железа и он стал делать разметку под заготовку. Пока размечал, обводил контур заготовки,

подошел Александр Вениаминович, внимательно посмотрел и ушел, потом вернулся.

Рабочий уже вырезал заготовку и, к своему ужасу, обнаружил, что разметку сделал с ошибкой и испортил заготовку. Он обратился к отцу: «Хозяин, ведь ты видел, что я неверно разметил, что же ты мне не подсказал?!»

Александр Вениаминович ответил: «Не подсказал, потому что я тебе не нянька, я смотреть не могу, ты частенько неправильно размечаешь». «Да я заплачу за лист», – загорячился разметчик. Отец видит, в какое неловкое положение попал молодой рабочий, и спокойно говорит: «Нет, за лист заплачу я, но тебе на будущее пусть будет стыдно, другой раз будешь внимательнее работать».

Из воспоминаний правнука – Георгия Борисовича Ефимова: «Однажды на прием к Александру Вениаминовичу пришла старушка и стала жаловаться на сына, работавшего в конторе, что он забыл стариков, не помогает, как жить?» Александр Вениаминович тут же вызвал сына, спросил: «Это так?» Получив утвердительный ответ, отец без всяких уговоров и нотаций твердо сказал: «Вы, молодой человек, с завтрашнего дня уволены, а Вам, мамаша, я буду вместо сына помогать всю Вашу жизнь».

В общении с подчиненными он никогда не повышал голоса. В деловых разговорах был краток и убедителен, высказывался с присущей ему искренностью и прямоотой.

По сведениям В. А. Тархановского, который много лет занимался изучением творческого наследия Н. Е. Жуковского и П. К. Худякова, зарплата ученых составляла 3500–4500 рублей в год. Вероятно, это соотношение было у А. Бари и В. Шухова на первом этапе их совместной работы, не считая процентов от прибыли и дополнительных процентов к зарплате В. Шухову за использование фирмой его изобретений.

Однако у П. К. Худякова встречается фраза, произнесенная им в 1923 году: «На многочисленных шуховских изобретениях Бари нажил громадное состояние. Тогда говорили: «не даром он американец». А следовало бы говорить, – не даром ему выпало счастье опереться в своей работе на сотрудничество такого бескорыстного научно-технического работника, который всегда отдавал ему задаром все свои изобретения – рекорд никогда и ни кем не превзойденный, но и никем до сих пор еще не оцененный...».

Это было сказано через 10 лет после смерти А. В. Бари! Но по какому случаю? Мог ли Петр Кондратьевич сказать это в глаза Александру Вениаминовичу, когда они были хорошо знакомы друг с другом и П. Худяков весьма уважительно относился к А. Бари? – По первому впечатлению казалось, что фраза Худякова не более, чем игра слов – тонкая ирония. Тем более, что ранние высказывания в адрес совместной ра-

боты А. Бари и В. Шухова, куда как доброжелательны. Позже за эту фразу уцепились все, кто начал заниматься исследованием творчества В. Шухова, не утруждая себя желанием поинтересоваться архивными документами или хотя бы задаться вопросом – а почему Худяков высказался так? И почему именно в 1923 году?

К сожалению, его фраза, и особенно слово «задаром», стала предметом нескончаемых досужих разговоров, вынесенных и на страницы печати. Их отголоски, например, можно обнаружить в книге Ю. А. Федосюка «Москва в кольце Садовых» (М., 1983): «В этом доме (Мясницкая, 20) находилась строительная контора американского дельца А. В. Бари, главным инженером которой был выдающийся конструктор В. Г. Шухов. Благодаря Шухову контора стала одной из самых передовых технических организаций России, однако блестящие открытия и изобретения замечательного русского инженера присваивались нещадно эксплуатировавшим его хозяином...»

Подобных примеров можно встретить довольно много среди трудов как пишущих, так и выступающих с речами и докладами, начинающимися: «По словам профессора П. К. Худякова на многочисленных изобретениях Шухова Бари нажил громадное состояние...»

Уж очень подходящая фраза с точки зрения идеологической догмы:

Капиталист – «проклятый супостат» – хозяин и бедный

талантливый инженер.

Безусловно, профессор П. Худяков был признан блестящим лектором ИМТУ и ярким ученым в кругах технической элиты. А с другой стороны – Петр Кондратьевич до конца жизни был, как он себя называл, «ершистым». И считал, что он обязан высказаться по острым вопросам, будоражившим общество. Видимо, ему нравилось блеснуть фразой перед соотечественниками. Одни называли его правдолюбцем, другие – благороднейшим.

Но вот открываются архивы, становятся доступными документы и сведения, проясняющие многие обстоятельства, позволяющие сделать другие выводы, а заодно и ознакомиться с историей МВТУ в период «завоевания» его Советской властью.^[95]

В журнале «Деловой мир» (№ 16 от 20 июля 1993 г.) в статье Валентины Александровны Мемеловой «Контора Бари» указывается:

«Москвичам хорошо известно имя Владимира Григорьевича Шухова, талантливейшего русского инженера, автора проектов многих столичных сооружений, в том числе и ажурной телебашни на Шаболовке. Но мало кто знает и помнит имя Александра Вениаминовича Бари – предпринимателя, основателя строительной технической конторы, который предоставлял все условия для творчества Шухова. Вся жизнь А. В. Бари, дела и помыслы были посвящены разви-

тию российской промышленности, торговли, инженерии.

Некоторые исследователи представляют Бари лишь эксплуататором инженерного таланта Шухова. Но стоит взять в руки архивные документы, как становится ясно, что это не так. Шухов держал процентные бумаги и акции конторы наравне с членами семьи Бари и получал значительные доходы...»

И если мы возьмем в руки эти документы^[96] то ознакомимся с конкретными фактами. В архивных фондах Московской конторы Государственного банка занесено в настольный реестр (серия XXVI, № 2567) два баланса «Главной конторы А. В. Бари», в которых приводятся данные на 1897 и 1903 годы по статьям «Актив» и «Пассив». Эти балансы представлены по просьбе Госбанка, куда А. В. Бари обращался за очередным кредитом для расширения производства.

Старший брат А. В. Бари – Генри в Москве, 1901 г.

«Января, 4 дня, 1897 года
Господину Управляющему Московскою Конторою
Государственного банка
Милостивый Государь

Вследствие отношения Вашего от 30-го декабря 1896 г., за № 39911, имею честь представить при сем сведения о состоянии дела моей конторы на 192 января 1897 года.

А. В. Бари (подпись)»

Перед выдачей кредита Госбанк желал убедиться в своей возможности кредитования на запрашиваемую сумму под гарантии графы «Актив» баланса «Главной конторы А. Бари», в которой суммировались залоги, векселя и другие ценные бумаги; стоимость всех филиалов, зданий и сооружений, оборудования; незавершенные работы, заказы и т. д. В графе «Пассив» суммировались текущие расходы. В том числе, жалование сотрудников и доходы акционеров – держателей акций и других ценных бумаг.

За 1897 год суммы «Актива» и «Пассива» составили по 5 млн. 297 тыс. 114 руб. 23 коп. (копейка в копейку).

Жалование А. В. Бари – 110 тыс. 84 руб. 44 коп.

Жалование В. Г. Шухова – 134 тыс. 962 руб. 52 коп.

Нелишним будет напомнить, что приобретенные в 1897 г. 600 акций Мытищинского завода не давали дохода А. Бари, так как завод в это время был в убытке. Но с 1900 по 1903 год завод стал выполнять целый ряд выгодных заказов на изготовление вагонов для Московско-Архангельской, Уссурийской и Восточно-Китайской железных дорог, а также вагонов для конных железных дорог многих городов России и оборудования для мукомольного производства. В 1902 г. на за-

воде стали принимать заказы на ремонт подвижного состава. Прибыль к 1903 г. достигла рекордной цифры – около полу-миллиона рублей. В доход А. Бари поступили на его 600 акций Мытищинского завода 26400 рублей, что подтверждается в балансовом документе 1903 г.

Ценные бумаги и акции фирмы (стоимость всей недвижимости) были и у членов его семьи: жены – Зинаиды Яковлевны, ее сестры Екатерины Яковлевны Кохманской и матери А. Бари – Генриетты Сергеевны.

Кроме того, Александр Вениаминович Бари был представителем фирмы старшего брата Генри в России и получал дополнительно 25 % от прибыли при реализации контрактов с его фирмой. Генри Бари жил в Филадельфии, но был совладельцем чугунолитейного завода в Могилеве, а также занимался поставками комплексного котельного корабельного и других видов оборудования в Россию. В 1901 году он приехал в Москву и гостил у брата.

За 1903 год:

жалование А. В. Бари – 295 тыс. 633 руб. 42 коп.; жалование В. Г. Шухова – 145 тыс. 70 руб. 95 коп. К этому времени годовой оборот фирмы А. Бари составил свыше 40 млн. руб. (по приходу – 21 млн. 736 тыс. руб., по расходу – 20 млн. 920 тыс. руб.)

Кроме баланса Конторы за 1903 г. А. В. Бари представил дополнительные сведения по запросу Московской конторы Госбанка. В пункте 4 записано:

«Несмотря на переживаемый в последние годы промышленный кризис с понижением цен и сокращением оборотов, я имел возможность за эти годы отчислять на основной капитал 800 тыс. руб. и вклады мои и сотрудников 1 млн. 200 тыс. руб., а всего свыше 2 млн. руб. – 8 % годовых; сохраняя, кроме того, соответственные отчисления в погашение стоимости имущества и обеспечение ненадежных должников, равно значительные суммы в награду сотрудникам».

Имеется и последняя запись в журнале реестра Госбанка: «При пересмотре 6 апреля 1913 г. кредит 150 тыс. руб. закрыть за смертью А. Бари».

О финансовых взаимоотношениях А. Бари и В. Шухова сохранились некоторые сведения их потомков:

– Как пишет А. Б. Иванов (Советские инженеры. ЖЗЛ. – М.: 1985) по воспоминаниям потомков В. Г. Шухова: «Надо сказать, что А. Бари прекрасно понимал, что означало участие Шухова в делах его фирмы. Он был по-своему благодарен ему и платил не скупясь. Так, в предреволюционное десятилетие Шухов получал 900 рублей в месяц – сумму по тому времени внушительную. Но девятьсот шуховских рублей были микроскопически малой статьёй в гроссбухах фирмы и не могли идти ни в какое сравнение с доходами хозяина. О явной несправедливости создавшегося положения Шухову не раз говорили и родные, и друзья. Но он отмачивался или отшучивался, а место службы не менял».

– Из воспоминаний дочери А. Бари, Евгении Александровны Нерсесовой: «Из Петербурга в Москву отец уехал, что называется, без копейки. Ему пришлось начинать все дело заново. Когда отцу удалось основать несколько нефтеперерабатывающих заводов в Кусково, В. Шухов вступил в дело к Александру Вениаминовичу. Мать вспоминала Шухова молодым, часто у нас бывавшим. Отношения были доверительными. Но потом их испортили, как всегда, дамы.

Отца моего Шухов любил искренно. Работать у отца было интересно, да и выгодно. Александр Вениаминович, пользуясь изобретениями Шухова, всегда возмещал ему все, что оговаривалось контрактом. За каждый котел его системы Шухов получал хорошие проценты к жалованию, да и на наградные отец не скупился. Ко времени смерти отца денег у него оставалось много меньше, чем у Владимира Григорьевича.

Как горько плакал Шухов, когда скончался наш отец. Он все повторял, что свое положение и состояние он получил благодаря Александру Вениаминовичу.

Иногда в семью доходили разговоры с улицы, что вот мол, отец мало платит Шухову. Александр Вениаминович спокойно объяснял: «Денег, известное дело, не хватает всегда. А у кого-то больше, у кого-то меньше – это ведь тоже известные разговоры «в пользу бедных». Шухов, бывает, получает и больше меня, но я не вижу в этом ничего такого, чтобы объясняться перед кем-либо по этому поводу. А считать

деньги в чужом кармане – это ведь любимое занятие ленивых.» Вообще отец никогда никого не осуждал за глаза и не любил подобных разговоров».

Не надо искать правоты по семейным воспоминаниям тех или других потомков в вопросе финансовых взаимоотношений двух незаурядных личностей – героев этого повествования. Они-то относились друг к другу значительно лучше, чем о них пишут некоторые сегодняшние исследователи. Важно другое: как они преодолевали трудности, возможно и возникавшие в процессе их совместной работы. Судя по многочисленным документам⁴⁴, А. В. Бари был не только грамотным инженером и талантливым руководителем, он раскрылся еще и человеком пытливого ума и доброго сердца. Так что Александр Вениаминович не случайный залетный делец на жизненном пути Владимира Григорьевича. Они проработали вместе почти 35 лет! И это говорит о многом.

В «Строительной конторе А. В. Бари» работали талантливые инженеры и яркие специалисты – Е. К. Кнорре, А. Н. Хренников и его братья (тоже грамотные инженеры). Но долго не задержались. Возможно, не нравилась система, может быть, ушли на лучшие места. Не исключено и то, что ведущее место занимал В. Г. Шухов, а им хотелось самореализа-

⁴⁴ Личная переписка семьи А. В. Бари сохранена потомками и составляет более 500 писем. Многие письма были доверены автору для ознакомления и публикации.

ции. Ушли не из-за амбиций, а по чувству благородного тщеславия. Одно время Е. К. Кнорре и К. Э. Лембке – сокурсники А. В. Бари по Цюрихскому политехникуму, работавшие у него в Главной конторе, хотели завести собственное дело и собирались приложить свои знания в области мостостроения и гидротехнических сооружений в Иране и Ираке. Но оказалось, что дело это весьма сложное. Чтобы получить подряд и кредит на проектирование и сооружение солидного объекта, банки требовали залог или государственные гарантии. Иногда сумма залога превышала стоимость строительства самого объекта. Денег под такой залог у них не было. Е. К. Кнорре собирался обратиться к А. В. Бари за кредитом. Но так и не решился: «Бари назначит такой процент, что надолго попадешь к нему в кабалу». К. Э. Лембке так и остался работать в Конторе А. Бари, а Е. К. Кнорре нашел другое место и ему выпала удача, когда его пригласили на строительство моста через Енисей в Красноярске.

Опасался ли А. Бари конкуренции со стороны тех, кто хотел занять денег, или завышал кредитные проценты по другой причине? – Неизвестно, но в его бухгалтерских документах имеется графа «Ненадежные плательщики». Например, «Товарищество Шибаева, Бобермана и Ш. Асадуллаева» заказывало у Бари баржи, но всегда плохо расплачивалось и числилось в ненадежных плательщиках. При расчете с банками за собственные кредиты А. Бари отчислял солидные суммы в погашение долга ненадежных плательщиков.

На что банковские инспекторы указывали ему и иногда сомневались – выдавать ли очередной запрашиваемый кредит для его собственного дела. Так что не все было так просто в его взаимоотношениях с партнерами по бизнесу и друзьями, как может показаться напервый взгляд. Но В. Шухов оставался в «Строительной конторе А. В. Бари». Очевидно его связывало с хозяином нечто большее, чем «фуна́нсы», как писал в своих записках Григорий Распутин.

В творческом труде немаловажную роль играет и атмосфера в коллективе единомышленников, и доверие руководителя – его дружеское расположение.

А. Бари и В. Шухов знали цену себе и друг другу. Совместная работа устраивала обоих, и да будет им памятью их союз, а не разговоры «за забором». Очевидно, успехи фирмы приносили и счастливые моменты в их жизни, каждому свою долю радости.

Не следует идеализировать или упрощать производственные взаимоотношения А. Бари и В. Шухова. Оба были прагматики и не на все проблемы смотрели одинаковыми глазами. Поэтому, и вполне естественно, у них могли быть расхождения. А. Бари, по сведениям Е. М. Шуховой, «с большой неохотой соглашался на публикацию научных работ В. Шухова, в которых раскрывались суть и детали новаторских идей и практических изобретений, а иногда и прямо запрещал публикацию, как это было в случае с книгой о сетчатых покрытиях». Очевидно были на это причины. Что-то в

этом случае можно объяснить его положением хозяина фирмы: кому же хочется раскрывать секреты конкурентам? Мало того, что изобретения В. Г. Шухова находились под защитой фирмы А. В. Бари и никто не смел воспользоваться ими в обход закона, все патенты составляли приоритет России.

И еще один немаловажный фактор: как бы ни был гениален В. Шухов в решении технических задач, в конечном счете, за работоспособность фирмы отвечал хозяин. Рядовому потребителю, как правило, неинтересно, кто автор изобретения. Спросим себя: всех ли изобретателей, работающих на всемирно известных зарубежных и отечественных фирмах и предприятиях, мы знаем в лицо или по именам? Нам важны потребительские свойства вещи, надежность фирменного знака, как гаранта качества. Но, к сожалению, такая потребительская психология приводит к недооценке значимости труда инженера, изобретателя, ученого и вообще человека творческого склада ума. Интеллектуальный труд до сих пор не в чести в России. И нет преувеличения в том, что В. Г. Шухову повезло. Далеко не всем российским изобретателям удавалось реализовать свои изобретения, а многие так и остались безымянными.

Н. Г. Риттер о домашнем кабинете В. Шухов, как и все инженеры частных фирм, заключал контракт с А. Бари на три года. Свои изобретения В. Шухов реализовывал через фирму А. Бари. Срок использования фирмой патентов определялся 10-летним договором или соглашением. Мог ли Владимир Григорьевич покинуть фирму? – Да, мог. По истечении срока контракта любой служащий Конторы, при желании, мог свободно перейти на другую работу или организовать собственное дело. К примеру – «Проектное бюро инженера В. Г. Шухова».

Многие типовые промышленные объекты, например, как Мытищинский вагонный завод, да и другие, проектирова-

лись и строились без участия В. Г. Шухова, как изобретателя или расчетчика. Владимир Григорьевич в то время был занят другой работой – подготовкой к Нижегородской художественно-промышленной выставке. Поэтому все металлоконструкции (клепанные балки и стропила) над вагранками в чугунолитейном цехе Мытищинского завода были спроектированы Николаем Григорьевичем Риттером. Строительство их было выполнено Строительным отделом Технического бюро завода Ю. П. Гужона под руководством Н. Г. Риттера. В последующие годы этими же специалистами были построены переходные мостики подвесной системы на стальных канатах через железнодорожные пути у станции Москва по Ярославской дороге (1905). На Московской окружной железной дороге пешеходные мостики через воинские пути на станциях Лихоборы, Серебрянный бор, Угрешская, Пресня (1907–1908) и т. д. В 1896–1897 годах Мытищинский вагонный завод строился и оснащался необходимым оборудованием под руководством и по проекту М. Г. Кларнета. Он же проектировал привязку оборудования к энергоносителям и осуществлял авторский надзор.

Николай Григорьевич Риттер имел заказы от Мытищинского завода и занимался реконструкцией цехов совместно со специалистами местного заводского Технического бюро. По его проекту были установлены в 1911 году опорные колонны, балки и стропила в инструментальном цехе (№ 51) – они стоят до сих пор.

Почему же Н. Г. Риттер стал сопричастен к проектированию металлоконструкций цехов Мытищинского завода во время его пуска (1897), во время реконструкции после урагана (1904) и пожара (1911)?

– Во-первых, он был грамотным и опытным инженером.

– Во вторых, завод Ю. П. Гужона в то время поставлял стальной прокат на Мытищинский завод. Эти поставки осуществлялись и в последующие годы⁴⁵. Ю. П. Гужон и А. В. Бари хорошо знали друг друга. Контора металлобазы гужоновского завода располагалась в том же доме на Мясницкой улице, где размещалась «Контора инженера А. В. Бари»

– металлопрокат всегда был под рукой.

Конечно В. Г. Шухов согласовывал и проверял крупные проекты, но не его уровень – заниматься расчетами типовых промышленных объектов: световых фонарей заводский корпусов, трамвайных парков, стропил небольших пролетов и т. д. Владимир Григорьевич большей частью был занят решением крупных задач, когда требовался новый подход. Так что и текущие заказы приносили прибыль в кассу Конторы А. В. Бари – это обычная деловая практика. И имя Н. Г. Риттера не должно быть забыто в истории развития металлоконструкций.

Николай Григорьевич родился 11 декабря (ст. ст.) 1870 года в Ялте, в семье уездного врача – выходца из прибал-

⁴⁵ А в настоящее время с современного завода «Серп и молот» осуществляются поставки калиброванного проката.

тийских немцев. Мать, Надежда Николаевна, была человеком высокой культуры, и все свои незаурядные способности вкладывала в воспитание детей. Чтобы дать детям приличное образование, семья переезжает в г. Харьков, на родину матери. Отец неожиданно умирает. Все заботы легли на плечи Надежды Николаевны. Очевидно, семья была не из бедных. Все дети получили достойное образование. Старший и младший братья окончили университеты. Павел со временем стал известным профессором, ученым лингвистом; Григорий – юристом. Сестра Варвара стала учительницей.

У Николая сложились своя судьба. Его первая самостоятельная ступень в жизни – учеба в Харьковском реальном училище, где он получил первые навыки общения с техникой. Здесь и пробудилась его первая любовь к инженерному делу. После окончания училища он поступил в Харьковский Технологический институт, который окончил в 1893 году.

В то время не существовало «корочек». Диплом представлял собой лист гербовой бумаги с полной характеристикой выпускника Высшего учебного заведения Российской Империи:

ДИПЛОМ

Харьковский Практический Технологический институт сим объявляет, что Николай Григорьевич Риттер, сын чиновника, 22-х лет от роду, православного

вероисповедания, по окончании в 1893 году полного курса наук по Механическому отделению Института, подвергался испытанию в экзаменационной Комиссии, и оною 2-го июня 1893 года удостоен звания Инженер-Технолога. По сему, на основании Высочайше утвержденных в 16-й день апреля 1885 г. мнения Государственного совета и положения об Институте, Риттер приобрел право на утверждение его, при поступлении в Государственную службу, на штатную должность техника, в чине X-го класса и имеет право возводить фабричные и заводские здания с их принадлежностями и жилые помещения, в непосредственной связи с ними находящиеся, а также производить строительные работы, состоящие в ведении и под надзором Министерства Путей Сообщения. Равным образом предоставляется занимать по сему Министерству должности, с коими соединено производство строительных работ, и вообще представляются Риттеру все права и преимущества, законами Российской Империи с званием Инженер-Технолога соединяемые. В удостоверение чего и дан сей диплом за надлежащей подписью и с приложением Институтской печати.

Харьков. Июня 4 дня 1894 года

*Директор Харьковского Практического Технологического
Института,*

Действительный Статский Советник

И разных орденов кавалер

В. Л. Курпичев

Николай Григорьевич в декабре 1893 года переезжает в Москву и принимает должность инженера в лаборатории сталелитейного отделения «Товарищества Московского Металлического завода».

Гужоновский тянульно-гвоздильный завод был основан еще в 1868 году в Бутырках, а позже – переведен к Бабьегородской плотине в Замоскворечье. К началу 1880-х годов расширять Бабьегородский завод не представлялось возможным, поэтому на первом этапе была создана проволочнопрокатная мастерская на месте нынешней территории завода, на пустырях села Ново-Андрониевки у Рогожской заставы. Свою продукцию мастерская производила для нужд Бабьегородского завода. Дела пошли более успешно, когда Ю. П. Гужон сумел привлечь капиталы известных промышленников – Вогау, Армандов, Торнтон и др. Образовалось «Акционерное Товарищество Московского Металлического завода», Устав которого был высочайше утвержден 15 октября 1883 года.

На месте мастерских Ю. П. Гужон начал строить завод, и к февралю 1884 года строительство завода было завершено. Завод выпускал тонкое круглое, квадратное и полосовое железо разных сортов, а также гвозди – товар первой необходимости в домашнем хозяйстве и в любом строительном деле.

1885 год. Возникший на заводе пожар уничтожил производственные строения и оборудование. Страховой полис был выплачен в размере 200 тысяч рублей. Эти деньги Ю. П.

Гужон вложил в реконструкцию завода и расширение производства. Через год были введены в действие прокатное, тянущее и гвоздильное отделения, располагавшиеся в четырех сараях. В 1890-м году строится первая мартеновская печь, а через два года – еще две.

К приходу Николая Григорьевича завод выпускал кроме сортового проката болты и костыли для железных дорог, цепи и канаты для рудников и шахт, балки перекрытий и стропила для мостов и зданий. Производство расширялось, требования к решению многих технических вопросов поднимались до уровня научно-инженерного осмысления. Н. Г. Риттер и оказался тем специалистом, которому можно было доверить инженерные решения по развитию завода. Ему было поручено организовать Техническое бюро.

Необходимо отметить, что на службу Технического бюро возлагались широкомасштабные задачи – комплекс всех инженерных услуг. Инженеры того времени были расчетчиками и проектировщиками, конструкторами и технологами, даже архитекторами, осуществляли авторский надзор. И все в одном лице.

На первых порах Николай Григорьевич обучал своих сотрудников основам инженерно-технической грамотности вплоть до составления технологической документации и исполнения рабочих чертежей. Бюро под его руководством быстро вживалось в решение внутризаводских проблем, а Н. Г. Риттер мыслил уже более широкими категориями. Он

предложил создать на базе Технического бюро Строительное отделение, чтобы соединить инженерный замысел с его исполнением.

В 1895 году Николай Григорьевич проектирует и осуществляет авторский надзор за строительством новых цехов, вместо уничтоженных пожаром. По его проектам восстанавливаются: цех фасонного литья и листопрокатный, сталелитейный. Металлоконструкции – опорные колонны, балки перекрытий, стропила, связующие элементы – выполняются под руководством Н. Г. Риттера с особой тщательностью.

В это время выполнялись и сторонние заказы.

Со временем Техническое бюро развивалось. Накопленный опыт проектной работы позволял более оперативно решать инженерные задачи, но Строительное отделение завода еще нуждалось в организационной и технической опеке, чтобы выполнять заказы по проектам со стороны. И Н. Г. Риттер назначается Главным инженером Строительного отделения. Однако он продолжает руководить и Техническим бюро.

В музее завода «Серп и молот» сохранился перечень работ, выполненных Строительным отделением бывшего завода Ю. П. Гужона как по проектам Технического бюро, так и по проектам известных профессоров-мостостроителей того времени: Е. О. Патона, Н. А. Белелюбского, Г. П. Передерия и др.

На первой странице перечня работ напечатано обращение

к заказчикам:

«Хорошее оборудование Строительного отделения в связи с собственным сталелитейным и железопрокатным заводами дает Товариществу возможность исполнять всякого рода строительные сооружения с полным соблюдением предписываемых технических условий в непродолжительный срок и по ценам вполне умеренным. По желанию заказчика составление проектов, смет и чертежей Правление берет на себя. Особой платы за это не взимает».

Согласно этому перечню с 1895 по 1914 год был выполнен невероятно большой объем строительномонтажных работ: более сотни железнодорожных мостов малых пролетов и эстакад, всевозможные стропила, опорные колонны, клепаные балки перекрытий, металлические фермы и каркасы цехов фабрик и заводов, световые фонари торговых и промышленных зданий. География построенных объектов обширна. Они и поныне существуют на огромной территории Европейской и Азиатской частей России. От Сибирской и Забайкальской железных дорог до вагоностроительного завода «Феникс» в Риге, от Каменец-Подольска и Царицына до Костромы. Исполнялись заказы правительственных и общественных учреждений, фабрик и заводов, правлений государственных и частных фирм. Одних только мостов для железных дорог было сооружено общим весом металлических конструкций в 2.792.419 пудов.

Весь перечень работ перечислить не представляется воз-

возможным, поэтому ограничимся наиболее известными объектами:

– клепаные балки для полов и потолочных (межэтажных) перекрытий музея Изящных Искусств им. Императора Александра III (ныне музей Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина) – 1899 г.;

– левое крыло Московского Политехнического музея (1904–1906) – колонны и балки перекрытий, стропила, металлоконструкции для тройного остекления Большой аудитории, конструкции для сидений балкона и амфитеатра;

– многочисленные металлоконструкции трамвайных парков Москвы;

– перекрытия магазина Мюра и Мерилиза (1892–1902) – ныне магазин ЦУМ и т. д.

При изучении перечня мелькают многочисленные названия заказчиков – это Императорское Московское техническое училище (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана), Реальное училище им. Шелапутина, Московский воспитательный дом, Главное управление почт и телеграфов. Костромское Техническое училище (по заказу С. И. Мамонтова), 2-ой Московский Кадетский корпус, Московское столичное Попечительство о народной трезвости, Синодальная типография, шелкоткацкая фабрика К.О. Жиро в Хамовниках (ныне комбинат «Красная Роза»), мануфактурная компания «Зингер» в Подольске.

И так по Москве, Подмосковию и по всей России. Толь-

ко в ближнем Подмоскowie: Мытищинский вагонный завод, в Сергиевом Посаде – химический завод, в Павловском Посаде – фабричные корпуса; в Пушкино, Ивантеевке, Болшево, Щелково – металлоконструкции красильных и текстильных фабрик Армандов и Рабенек; Орехово-Зуево, Богородск, Кольчугино, Ржев, Серпухов, Иваново-Вознесенск, Егорьевск, Реутово, Подольск, Людиново и т. д.

В Москве наиболее грандиозным сооружением, выполненным по проекту и под руководством Н. Г. Риттера, признан Ваганьковский путепровод. А на Ярославском вокзале до сих пор стоят колонны с навесными покрытиями на перронах, построенные в 1902–1904 годах.

Что касается работ, выполненных для родного завода, то здесь придется ограничиться одной общей фразой – сотни расчетов и проектных решений по вопросам бесконечных усовершенствований сталелитейного и прокатного производств. Укажем только наиболее крупные работы, связанные с увеличением мощности прокатных станов и механизацией литейного производства. Причем, все металлоконструкции изменялись без увеличения производственных площадей и остановки производства. По его проектам были построены эстакады для магнитных кранов и воздушных лебедок, механизмы загрузки металлической шихты в мартеновские печи. Но не только количество выполненных проектов поражает воображение, а и то, как они реализованы. Глядя на фотографии тех лет, восхищаешься оригинальностью и смело-

стью технических решений. Легкость восприятия и красота, воплощенная в металле, оценивалась его современниками как произведения искусства.

Автору довелось познакомиться с преемниками творческого наследия Н. Г. Риттера. В одной из проектных групп технического отдела завода «Серп и молот» до сих пор бережно хранятся рабочие тетради Николая Григорьевича, в которых аккуратным почерком изложены бесчисленные расчеты несущих элементов различных металлоконструкций цеховых зданий, которые он проектировал. По этим расчетам он в любой момент мог дать справку своему подчиненному инженеру о допустимой и расчетной нагрузке модернизируемого узла, не производя перерасчета.

К 1917 году Н. Г. Риттер проработал на заводе Ю. П. Гужона почти 25 лет. За эти годы он уже реализовал свой талант не только как инженер широкого профиля, но и как архитектор.

На жизненном и творческом пути Николая Григорьевича были и сложные ситуации, когда в России наступили «окаженные дни». 1917–1920 годы – это самое трудное время для завода. Работа почти замерла, работать было не с кем, оборудование требовало реконструкции и замены. В конце 1918 года новое руководство официально обратилось к Н. Г. Риттеру с письмом:

«Москва, 2 ноября 1918 г.

Милостивый государь Николай Григорьевич.

Правительственное Правление Московского
Металлического завода настоящим приглашает Вас
на должность Технического Директора Московского
Металлического завода.

Жалование Вам назначается ..., жилищные условия
и т. д.»

Всего в письме 8 пунктов, по которым определялись права
и обязанности сторон. В конце письма подписи членов Пра-
вительственного правления.

Николай Григорьевич принял должность Технического
директора, а оставшиеся сослуживцы и рабочие составили
ему приветственный адрес:

«Глубокоуважаемый Николай Григорьевич!

Строительное отделение в лице рабочих и служащих
приветствует Вас, и изъявляет свое удовольствие по
поводу назначения Вашего Техническим директором
Московского Металлического завода и искренне желает
работать с Вами долгие годы так же, как и работало
ранее в бытность Вашу Заведующим Техническим
бюро, Главным инженером Строительного отделения и
Архитектором завода».

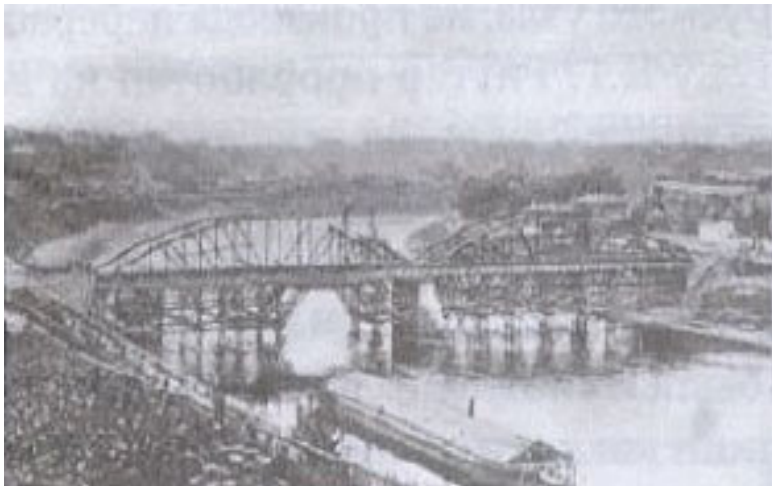

Открытый театр. Московское Попечительство о народной трезвости

Мост через реку Обшу в г. Белом (Смоленской губернии)

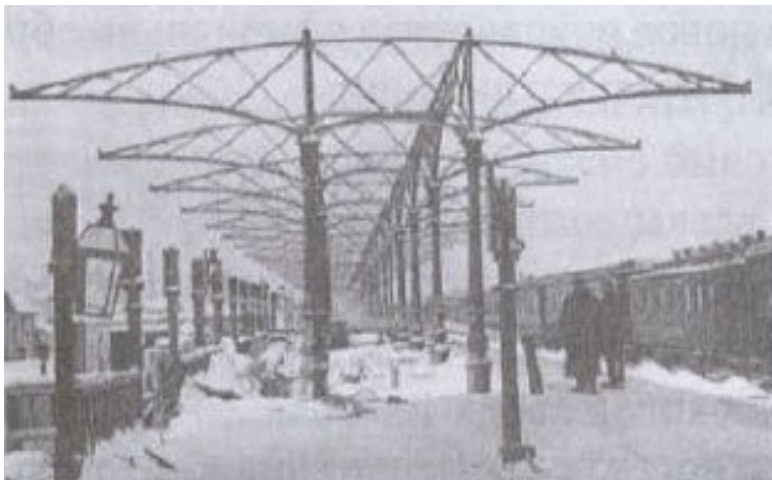
по проекту Е. О. Патона

Мост через реку Мету в г. Боровичах по проекту И. А. Белелюбского

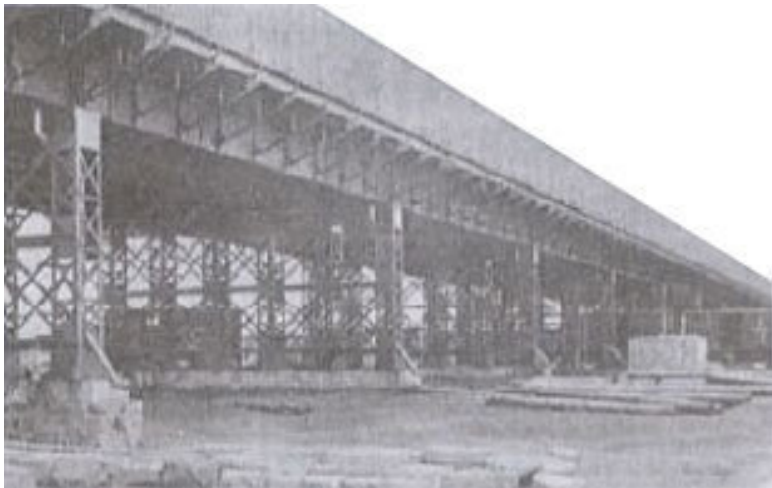
Мост через реку Волгу в г. Ржеве по проекту Н. Г. Руттера

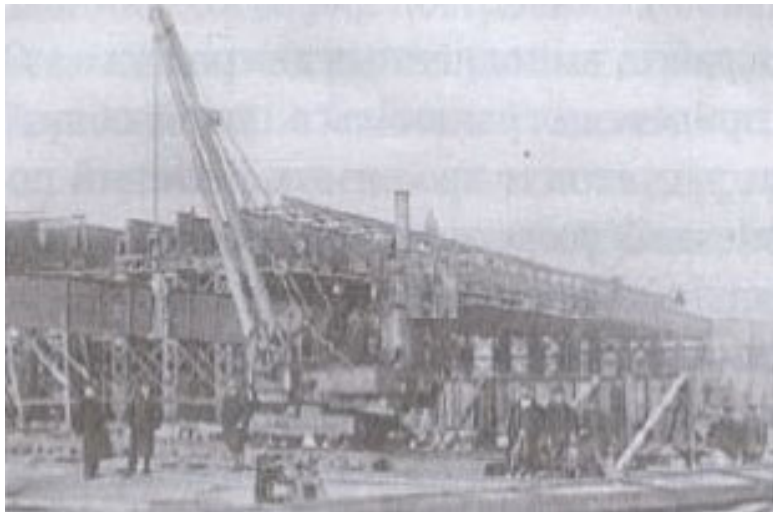
Переходной мост перед Ярославским вокзалом. 1907 г.

Ярославский вокзал. Навесы над пассажирскими платформами. 1902–1904 гг.

Опорные колонны (цех № 51 – инструментальный, ЗАО «Метровагонмаш» – современный снимок автора)

Строительство Ваганьковского путепровода. 1900-е гг.

Техническим директором Н. Г. Риттер работал до 1924 года. В эти трудные годы он сумел поднять работоспособность всех технических служб завода, сам же работал не щадя сил и здоровья. И только болезнь вынудила его вернуться на прежнюю должность. Очевидно, авторитет Николая Григорьевича имел под собой не только высокие инженерные достоинства. Его отношение к труду и общечеловеческие качества были присущи ему как организатору и руководителю. Среди коллег он пользовался искренним уважением как интеллигентный человек и специалист. Все его ученики и сподвижники, окружавшие его многие годы, видели в нем

прежде всего высокие чувства чести и достоинства профессионала, поэтому они шли за ним и сумели запустить завод на рабочий режим.

Н. Г. Риттер принимал участие в конкурсе по проектированию опор высоковольтной линии Шатура – Москва, который был объявлен Управлением электротехнических сооружений. Проект был реализован, а Николай Григорьевич, как победитель конкурса, был отмечен премией.

Отбушевали страсти гражданской войны и началось восстановление разрушенного хозяйства. Строительным отделением выполнялись ответственные задания по строительству линий электропередачи (ЛЭП) в Донбассе (Штеровка – Кадиевка); строились многочисленные объекты железнодорожного транспорта. В частности, ЛЭП на окружной железной дороге Москвы.

В 1922 году руководство и общественность Рогожско-Симоновского района Москвы чествовали старейших рабочих, инженеров и служащих завода. В их числе был и Николай Григорьевич Риттер.

Президиум ВЦИК дважды отмечал его заслуги перед страной. В 1928 и 1933 годах ему присваивалось почетное звание «Героя Труда». В семейных архивах сохранились грамоты, подписанные Председателем ВЦИК М. И. Калининым.

Много работы было выполнено в связи со строительством новых цехов – фасонного литья, калибровочного и канатно-

го, когда было принято правительственное постановление о расширении территории завода «Серп и молот».

В эти же годы Н. Г. Риттер проектировал уникальную конструкцию перекрытия потолка зрительного зала театра В. Э. Мейерхольда (1933 г.) – ныне это Концертный зал им. П. И. Чайковского. Он принимал участие во Всесоюзном конкурсе по строительству Дворца Советов. Всего было представлено 160 проектов и 112 проектных предложений. Однако Николай Григорьевич, узнав, что Дворец Советов будет строиться на месте разрушенного Храма Христа Спасителя, отказался от участия в конкурсе.

В годы Великой Отечественной войны завод работал, как и все металлургические и машиностроительные предприятия, на нужды обороны. 10 декабря 1943 года Народный Комиссар Черной Металлургии СССР И. Тевосян подписал приказ № 473: «В связи с 50-летием успешной работы на заводе «Серп и молот» наградить значком «Отличник социалистического соревнования Наркомчермета» и премировать двухмесячным окладом инженера т. Риттер Николая Григорьевича». 4 ноября 1945 г. Николай Григорьевич был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г.», а 5 мая 1949 года – Орденом Ленина.

Последние годы жизни Н. Г. Риттер так и работал в Техническом бюро завода. Дело его продолжали ученики и сподвижники. До сих пор продукция завода «Серп и молот»

поставляется в различные регионы России и в зарубежные страны. В частности, как упоминалось, сортовой прокат на Мытищинский машиностроительный завод ЗАО «Метровагонмаш», голубые экспрессы которого обслуживают москвичей и гостей столицы. А изящные опоры и малые своды станции метро «Маяковская» отделаны единым стальным профильным листом, изготовленным по заказу на специальном оборудовании в прокатном цехе завода «Серп и молот».

Малопролетные мосты были особой любовью Н. Г. Риттера. В них он видел изящество и красоту как архитектор. В 1902 году он впервые пробует свои силы в составлении на конкурсной основе проекта Дворцового моста через Неву в Санкт-Петербурге. По результатам конкурса он был удостоен премии. В 1904 году завод получил заказ на строительство моста через р. Обшу в г. Белом Смоленской губернии по проекту Е. О. Патона. Успешное завершение строительства придало уверенности коллективу единомышленников, и в 1905 году строится уникальный трехшарнирный мост через р. Мсту в г. Боровичи Новгородской губернии по проекту Н. А. Белелюбского. Скоро этим сооружениям исполнится по 100 лет. Жители г. Боровичи установили традицию – ежегодно отмечать «День города» на мосту, откуда они и по сей день любуются панорамой своего города и завершают праздник ночным салютом. В 1911 году по проекту Н. Г. Риттера строится городской мост через Волгу в г. Ржеве.

Все сооружения – это Память, завещанная нам от наших

предков, всех, кто составлял проекты и строил, кто жил и работал вместе с Николаем Григорьевичем Риттером. А в памяти потомков он остался как человек удивительно даровитый, разносторонне образованный, добрый и скромный. Очевидно талант его, как инженера, складывался из многих составляющих: любитель-музыкант, художник, конструктор домашней мебели, фотограф. Николай Григорьевич рос в семье, где царил культ музыки. Мать была незаурядной пианисткой, брат играл на виолончели, сам Николай Григорьевич – на скрипке. Он собирал вокруг себя любителей ансамблевой игры и занимался аранжировкой избранных отрывков из опер и симфоний. В семье потомков стены украшают его копии с картин Левитана, Куинджи, Поленова и др.

Москва, Кривоколенный переулок, д. 11/13.

Дом, в котором жил А. В. Бари (в центре). Снимок до 1900 г. Во флигеле (слева) размещалось Консульство США

Москва, Кривоколенный переулок, д. 11/13 (современный снимок автора). Дом перестроен, а флигель сохранился

Екатерина Бари в доме в Кривоколенном переулке, д. 11/13. г. Москва

* * *

Когда дочери становились взрослыми, Александр Вениаминович Бари деликатно и тактично оберегал достоинство в своих детях. Евгения Александровна училась на Высших

женских курсах и слушала публичные лекции Д. С. Мережковского: «О всехристианстве», «О единой вселенской церкви», «О необходимости религиозного объединения человечества» – чтобы избежать всех ужасов надвигающихся революционных потрясений. В одной из лекций он признал себя всехристианином – это было неслыханной вещью для интеллигенции того времени.

Отец как-то собрался по делам в Петербург, она попросилась поехать с ним. В Петербурге Евгения несколько раз встречалась с Д. Мережковским и записывала все разговоры с ним. Александр Вениаминович закончил свои дела и спросил дочь: «Ты едешь?» – «Нет, я еще останусь». Отец не спросил больше ни слова и уехал. Евгения пробыла в Петербурге почти месяц. На прощание Д. Мережковский попросил ее передать в Москве одно письмо, не желая отправлять его по почте. Письмо было адресовано некой Е. С. Сильвачевой. Евгения передала письмо⁴⁶ и прервала дальнейшее общение с Д. Мережковским. Через некоторое время она сама рассказала отцу о результатах своей поездки. Отец очень спокойно заметил: «А я думал, что у тебя с ним роман». И больше ни слова. Никаких нравоучений, нотаций, потому что ценил личность дочери.

Не забывал Александр Вениаминович всех родственников – российских и оставшихся в США. Как только стабилизировалось финансовое положение фирмы, он всю жизнь

⁴⁶ Письмо было передано через Сергея Николаевича Дурылина.

материально поддерживал семьи своих сестер и братьев, помогал и родственникам Зинаиды Яковлевны.

Семья А. В. Бари много лет не имела своего дома, снимала квартиры. Первоначально проживали в районе Земляного вала у Курского вокзала, в доме Борисовских. Затем переехали на Мясницкую, в здание бывшего Промышленного музея, где размещалась Контора. В 1901 году, когда семья была уже многодетной, Александр Вениаминович по настоянию жены решил купить небольшой двухэтажный дом с флигелем в Кривоколенном переулке. Контора была рядом. Во дворе был каретник с выездным экипажем и кучером Иваном Малафеевым, да еще корову держали.

Можно и сейчас еще видеть этот дом и флигель. На фотографии конца XIX века видно, что во флигеле располагалось Консульство США.

Мемориальная доска на флигеле, осенью 1997 года исчезнувшая, гласила:

Памятник истории.

В этом доме жили

Василий Дмитриевич Поленов и инженер *(выдел, авт.)*

Владимир Григорьевич Шухов.

Охраняется государством

Из такой надписи непонятно было, в какие годы жил в этом флигеле В. Д. Поленов. Но то, что В. Г. Шухов во флигеле не жил никогда, – это достоверно, тем более инженер.

В. Шухов жил в самом доме (об этом будет рассказано дальше). В 1998 году на стене флигеля еще темнело пятно, напомиравшее, что здесь была мемориальная доска. Сегодня оно закрыто объявлением:

Машины перед окнами
НЕ СТАВИТЬ,
кроме а/м фирмы

По рассказам потомков А. Бари, флигель помнит и более ранних обитателей. Когда-то в нем устраивали скрытые от постороннего глаза собрания масоны, потом в этом здании размещалось консульство США. В основном здании – не во флигеле – в 1888–1894 гг. действительно жил великий русский художник В. Д. Поленов. Здесь устраивались рисовальные вечера, которые посещали В. И. Суриков, И. И. Левитан, братья В. М. и А. М. Васнецовы, В. А. Серов и другие художники. Когда этот дом вместе с флигелем купил А. В. Бари, то во флигеле жили прислуга, кучер, дворник, истопники.

Сам жилой дом расположен углом. Угловая часть его – ампиный особняк – была построена в 1836 году статской советницей Пелагеей Крюковой. Правое крыло – более поздняя постройка 1885 г. – граничит с храмом Федора Стратилата и адресуется по Архангельскому переулку. Архитектор Ф. Ф. Воскресенский и не подозревал, что в этом доме будут жить его однофамильцы – дочь А. Бари Лидия Александровна Воскресенская с мужем и детьми. Левое крыло выходит на Кривоколенный переулок. В этом доме и жила многочис-

ленная семья А. Бари, в нем прожил свои последние годы жизни Александр Вениаминович.

В. Г. Шухов поселился в этом доме в 1918 г. вместе с семьей и оставшейся конторой, а семья Лидии Александровны Воскресенской была вынуждена «уплотниться». В конце 1940-х годов дом был надстроен и теперь имеет 5 этажей. Парадный вход со стороны Кривоколенного переулка украшает современная фирменная доска с текстом:

Управление
Московского винно-коньячного
Завода Арарат
Республики Армения

При всем уважении к армянскому коньяку следует уважать и нашу историю. На этом здании необходимо установить мемориальную доску – позаботиться об увековечении памяти А. В. Бари и В. Г. Шухова, столь много сделавших для технического прогресса России.

Да и В. Д. Поленов, и другие художники-передвижники, бывавшие здесь, заслуживают, чтобы мы их помнили.

Собственной дачи А. В. Бари не имел и не строил, Первые годы снимали на лето дачу в районе Петровской академии. В одном из писем (от 18 мая 1882 года) Зинаида Яковлевна приглашала свою сестру Екатерину погостить, и указывала адрес: «Москва, в Петровскую академию, Михайловское шоссе, дача Славик № 35».

Сохранился список мест, где семья снимала дачи с 1881 по 1917 годы: Разумовское, Выселки, Ховрино, Джамгаровка, Перловка, Мурашки, Тарасовка, Болшево, Кусково, Вешняки, Люблино, Царицыно, Крыловка, Мешково, Быково, Барыбино, Райки, Сходня...

Дачу в Перловке, под Мытищами, семья снимала с 1890 по 1900 год, их соседями была семья музыкантов Крейн (?). Дети любили велосипедные прогулки, посещали летний театр известных чаеоторговцев Перловых, в котором играл оркестр из приказчиков и мальчиков с хорошим музыкальным слухом. По праздникам приглашались и профессиональные духовые оркестры, хоры. Устраивались вечерние благотворительные спектакли и фейерверки. (В то время существовала культура дачной жизни), С 1900 по 1905 годы – Тарасовка, Мурашки, Болшево...

В 1906 по 1911 годы дачу снимали в Райках, более спокойном месте, где жизнь была насыщена общением с Мамонтовыми и Пастернаками.^[97]

В семейных архивах Е. Б. Пастернака сохранилась переписка с родственниками, в которой описывается их жизнь в этом райском уголке. Евгений Борисович любезно согласился на использование писем из семейных архивов, включенных в его книгу об отце,

«Лето 1907 года Пастернаки проводили в старинном подмосковном имении Н. В. Путяты Райки, расположенном на высоком северном берегу реки Вори, в районе Щелково. Те-

перь в нем находится санаторий Министерства иностранных дел. В начале века имение принадлежало богатому дельцу Некрасову. Многочисленные дома, построенные в разное время и в разном стиле, сдавались внаем. Один из них снимала на лето семья замечательного инженера-строителя Александра Вениаминовича Бари, младшая дочь которого Ольга Александровна была художницей и ученицей Леонида Осиповича Пастернака. Здесь же Леонид Осипович написал портрет Александра Вениаминовича, который и сегодня хранится у потомков. По совету Бари Пастернаки заняли белый одноэтажный дом, просторный и высокий, с большим крыльцом-террасой. Там они прожили летние месяцы 1907, 1908 и 1909 годов. Близкое знакомство с соседями по Райкам не прерывалось и впредь. Многие из них стали моделями портретов Леонида Осиповича. Там жил с семьей также известный врач Лев Григорьевич Левин, старый друг Пастернаков еще с одесских времен, расстрелянный позже (в 1938 году) по обвинению в отравлении М. Горького».

*А. В. Бари в окружении многочисленной родни. Перловка
1894 г.*

Родственники и дети А. В. Бари. Перловка. 1896 г.

Тарасовка (Мурашки). Старшая дочь А. В. Бари – Анна – с мужем А. Ф. Самойловым после свадьбы. Рядом ее сестры: слева Ольга, справа Евгения

На даче в Райках (близ Щелкова). 1907–1908 гг.

Многочисленное семейство А. В. Бари

Слева: Виктор Бари с супругой Марией Шаминой (с сыном Шурой на руках). В центре: А. В. Бари с внуками-близнецами Алей и Левой. Справа: Александр Нерсесов с супругой Евгенией Бари (с дочерью Риной на руках). Рядом старшая Анна с дочерью Верой, далее Зинаида Яковлевна.

А. В. Бари с родственниками. Справа (стоят): сын Владимир, Вера Яблонская (племянница Зинаиды Яковлевны) с мужем Тибо (известный фотограф в Москве); сидят: Александр Вениаминович с Зинаидой Яковлевной и дочерью Ольгой

Ольга Бари с племянниками-близнецами (Аля и Лева Самойловы). Райки, 1907 г.

Дер. Райки. Слева направо: стоят Анна, Мария, Екатерина, сидят Ольга (дочери Бари); Зинаида Яковлевна – супруга А. В. Бари; Генриетта Сергеевна – мать А. В. Бари; нижний ряд: в центре Юрий (Георгий) Бари, близнецы Аля и Лева от старшей дочери Анны Самойловой (Бари)

Семья Пастернаков жила в Райках в полном составе: Леонид Осипович с Розалией Исидоровной и дети – Борис, Александр, Лидия и Жоня (Жозефина). В гости к Пастернакам и Бари приезжали Мамонтовы – Зинаида Николаевна и Маргарита Кирилловна (в замужестве Морозова) – музици-

ровали, на даче был хороший рояль.

В доме А. В. Бари, в Кривоколенном переулке, был свой превосходный рояль фирмы Bechstein^[98]. Все дети Александра Вениаминовича учились фортепьянной игре у известного в Москве педагога – Эмилии Исааковны Огус-Шаткевич. В доме часто бывали Пастернаки и не исключено, что Борис Леонидович и его мама, Розалия Исидоровна, музицировали на этом инструменте. По сведениям потомков А. В. Бари, за этот рояль садились Кирилл Петрович Кондрашин^[99], Генрих Густавович Нейгауз и ученик Г. Г. Нейгауза – рано умерший одаренный пианист Эммануил Гроссман^[100].

Из письма Бориса Пастернака Павлу Давыдовичу Эттингеру:

«На днях здесь рядом Мамонтовы играли в 4 руки симфонию Бетховена, хорошо играли. Собиралась гроза. Знаете, в четвертой (или третьей части) этой симфонии есть длинный период, который идет все crescendo (весь оркестр) до апогея диссонанса – доминанты, до кульминационного пункта, где искусство требует поворота назад, вниз. Этот кульминационный пункт берется fortissimo (постепенно вырастая из мозучего crescendo). И вот в этот момент прокатился первый гром, глухой, но ужасный, одновременно с аккордом всего оркестра. Это невозможно передать».

Сближение Мамонтовых с Пастернаками было на почве преклонения перед творчеством известного композито-

ра и блестящего пианиста А. Н. Скрябина, у которого учились Зинаида Николаевна Мамонтова, Маргарита Кирилловна Мамонтова и Борис Леонидович Пастернак. Кроме того, Розалия Исидоровна сама была незаурядной пианисткой.

Справа налево (стоят): Борис Леонидович Пастернак, Лев Григорьевич Левин (врач), Александр Леонидович Пастернак, Леонид Осипович Пастернак (академик живописи); (сидят): Ольга Бари, Павел Давыдович Эттингер (банковский служащий, искусствовед), Розалия Исидоровна Пастернак с младшими дочерьми – Лидией и Жозефиной, Лидия Бари. Райки, 1907–1908 гг.

Из письма Юлия Дмитриевича Энгеля (ученика Сергея Ивановича Танеева) от 15 января 1904 года – о Розалии Исидоровне:

«Некогда еще девочкой 10–12 лет она успела составить себе известность многочисленными концертами (под именем Розы Кауфман); с тех пор она выступала очень редко. Об этом можно только пожалеть, ибо 2-жа Пастернак – даровитейшая пианистка, поражающая притом не столько техникой (таких пианисток много), сколько непосредственностью и редкой чуткостью артистического темперамента (что встречается гораздо реже)».

Лидия Александровна Бари на всю жизнь сохранила подарок от М. К. Мамонтовой-Морозовой – колечко с маленьким бриллиантом. Родственники, завидев ее, стремительно спешащую по делам, озабоченно говорили ей: «Тетя Лида, что Вы так сверкаете своим бриллиантом, ведь оторвут с пальцем!» Лидия Александровна спокойно отвечала: «Да ну, все думают, что это подделка...»

Маргарита Кирилловна после смерти мужа была человеком состоятельным, материально помогала Александру Николаевичу Скрябину и художнику В. А. Серову, после смерти которого она организовала фонд помощи семье Серова.

Родители Пастернаков, оставив детей на бабушку Берту Самойловну, сочли возможным на месяц поехать за границу.

До Англии они собирались в Берлин, затем в Голландию и Бельгию. Сыновьям Боре и Шуру было поручено писать подробно обо всем, что происходит дома. Письма, посланные из Райков вдогонку родителям 9, 10, 11 июля 1907 года.

«Вчерашний ваш отъезд мы справили «венецианским» гулянием с иллюминацией, песнями, под благонадежным надзором. В черной, змейкой колеблющейся маслянистой жидкости пруда металлически-яркое отражение фонариков. – Это было замечательно. Луна была первостатейная. Бари знают уйму шансонет на всех языках и такую же массу народных песен. Жаль, что я с Шурой не знаем. Если я вам пишу все это, то тем самым доказываю, что ни о чем другом писать не стоит, так как день во всех отношениях прошел как с вами; приходили Аля и Лева Самойловы (дети-близнецы старшей дочери А. В. Бари Анны Александровны – прим. авт.) чай пить».

Борис Леонидович придерживался строгих правил в своих занятиях поэзией.

Из письма Шуры:

«даже с «всерайковского» праздника в день рождения Али и Левы Самойловых с маскарадом, угощением и фейерверком, Борис ушел в самый разгар, в пять часов дня».

Ольга Александровна Бари также сообщала, что видит детей Борю и Шуру ежедневно и что живут они благополучно и радостно. В открытках от 15 и 16 описаны поездки на лодке

по Воре по направлению к Щелкову и вкусный чай в деревне, который они весело пили...

Письмо Бориса Пастернака родителям 22 июля в Брюгге:

«Дорогие! Только что вернулись с большой экскурсии на «Медвежьи озера», где есть глаголемо – место возле Щелково. В экскурсии участвовало 12 человек и ехали на четырех экипажах. Озеро mittelmässig. Широкий вид, но несколько однообразный. Но веселье было такое, что позавидовать можно. Кушали (положим, лопали), пили, пели и катались на такой лодке, которой пользовался, вероятно, Стенька Разин. Длинная-предлинная – так что всемы прекрасно в ней расположились, несмотря на то, что лодка текла (протекала?) немилосердно. Были лучи и вода напоминала свинцовую бумагу от чая».

От этой поездки сохранились фотографии Шуриноного исполнения – мостки, лодка, пикник, шалости. Письмо заканчивается словами:

«Детки, которые так же прелестны, как были при вас, и прелестный Шура целуют вас крепко, крепко, вместе со мной и бабушкой и Fraulein (т. е. Fräulein не целует).

Секстет. (Все шестеро – прим. авт.)

Поклон от Бари.

Летом 1908 года Розалия Исидоровна готовила концертную программу со скрипачом Александром Могилевским. По возвращении в Москву 27 сентября Леонид Осипович

пишет Эттингеру письмо, в котором в отчаянно шутовском тоне сообщает:

«Galden Humor у меня от музыки: целый день на двух инструментах жарят мать и сын. Не женитесь на пианистке! Дети тоже будут играть!!!»

В действительности же он от всей души радовался этому оживлению и гордился женой и сыном. Концерт Р. И. Пастернак и А. Могилевского состоялся 3 ноября 1908 года в Малом зале Благородного собрания и прошел с большим успехом. Играли сонаты G-dur Бетховена с-moll Винклера (впервые) и A-dur Цезаря Франка... Соната Винклера была повторена на утреннем концерте 11 января 1909 года в Колонном зале.

30 октября 1911 года Розалия Исидоровна играла с Могилевским в Малом зале консерватории трио с-moll Мендельсона, а 7 ноября в Большом зале вместе с Д. С. Крейном и Д. З. Зиссерманом – траурное трио Чайковского. Это был вечер памяти Льва Толстого, приуроченный к годовщине его смерти...

По воспоминаниям А. (Шуры) Пастернака:

«У двери в зал стоял Сергей Кусевицкий во фраке – во втором отделении он должен был дирижировать девятую симфонию Бетховена. Он «стоял неподвижно, несколько склонив голову – его обычная поза, и слушал ансамбль; музыка, видно, его захватила, вдруг он вздрогнул и тыльной стороной руки провел по глазам,

смахнув помешавшую ему слезу».

Прекрасно знали друг друга и представители старшего поколения. Леонид Осипович в своих воспоминаниях⁴⁷ так описывает одну из встреч с Саввой Ивановичем Мамонтовым:

«В начале 1890-х годов Московское общество любителей художеств с председателем архитектором К. Быковским во главе решило устроить Первый Всероссийский съезд художников с очень широкой программой, которая должна была закончиться грандиозной художественной и музыкально-театральной постановкой. В зале Благородного собрания была устроена театральная сцена. Для этой постановки композитором Аренским была написана опера «Рафаэль». К участию были приглашены лучшие артисты – Станиславский, Ленский и другие; художниками – В. Поленовым, К. Коровиным, В. Серовым, А. Васнецовым, С. Малютиным, Касаткиным и Л. Пастернаком – были написаны декорации к живым картинам различных сцен»

Декорацию сцены картины «Рафаэль» поручили писать Л. Пастернаку, когда он находился в отъезде, без его согласия. Когда Леонид Осипович вернулся из Петербурга и узнал об этом, он пришел в ужас, отказывался, так как никогда декорации не писал. Но никто из организаторов и слушать не хотел и обещали помочь. Декорации писались в одном из соседних помещений Исторического музея. Василий Дмитри-

⁴⁷ Пастернак Леонид «Записки разных лет» (– М.: Советский художник, 1975).

евич Поленов зашел посмотреть работу по его просьбе, и искренно поздравил его с успехом. Л. Пастернак испытывал большую радость, что В. Поленову работа действительно понравилась.

Но радоваться было еще рано, как вспоминал Леонид Осипович: «По предварительному уговору, моей обязанностью было написать только декорацию. Сама же постановка оперы – реквизит, костюмы и прочее, была возложена на Ленского и брата председателя общества Быковского. Когда я пришел на генеральную репетицию, моему ужасу не было предела – Боже мой, что я вижу! Декорация уже висит, а на авансцене стоят два новеньких, только что из магазина присланных мольберта-треножника в стиле «рококо», и на одном из них стоит не то фотография, не то гравюра – с Дрезденской Мадонны! Бросился искать Быковского, бесполезно. Я помчался в Училище живописи, разыскал там два-три подходящих под старину мольберта и просил срочно переслать их в Благородное собрание, ибо на другой день уже должен был состояться спектакль!.. За кое-какой, но настоящей ренессансной мебелью, вроде кресел и табуретов, я полетел к Савве Ивановичу Мамонтову, зная, что у него-то найду желаемое. Мамонтов только что вернулся с генеральной репетиции описываемой постановки и был не в духе, когда я вошел к нему в кабинет. Я рассказал ему, в чем дело, в какой ужас я пришел, увидав на сцене эти два новеньких мольбертика и эту мещанскую мебель у «Рафаэля»! Я

попросил у него разрешения взять несколько подлинных ренессансных кресел и табуреток.»

Между ними произошел такой диалог:

– Я сейчас оттуда... и все видел сам. Ничего не дам! Вы за все ответственны – раз Вы пишете декорацию.

– Да, что Вы, Савва Иванович! Вот на афише ведь сказано, что я пишу декорацию, а постановку поручили Ленскому и Быковскому. Стало быть, сценарий, мебель, костюмы и пр., – это все на их ответственности.

– Все равно! Художник, писавший декорацию, отвечает за все! Я Вас «разделаю» в газетах! Я «брошаю Вам перчатку»!

(Не без улыбки) – Пожалуйста, Савва Иванович, сколько угодно «разделяйте», я подымаю Вашу «перчатку».

Табуретки, кресла и все прочее Леонид Осипович получил, и тем закончилась их «дуэль». Из следующих страниц воспоминаний Л. Пастернака об этой встрече с С. Мамонтовым: «как я узнал, Мамонтов очень не любил Аренского и его музыку, и у него с ним были какие-то музыкальные «счета», которых он ему простить не мог, к тому же был приглашен не тот дирижер для «Рафаэля», которого хотел Мамонтов. Словом, я чуть не попал в «козлы отпущения», но, к счастью, все вовремя выяснилось и кончилось прекрасно... Савва Иванович был промышленник нового типа, всесильный, властный и неизмеримо энергичный строитель железных дорог. Впоследствии он попал под суд, был оправдан и освобожден... Только за то хотя бы, что он открыл Шляпи-

на, можно простить ему все».

* * *

Обаяние личности Александра Вениаминовича Бари раскрывалось в его особой любви к детям. Его именем называли внуков и правнуков. В домах потомков обязательно были его портреты. Для них Александр Вениаминович был моральным эталоном.

Александр Вениаминович Бари с Зинаидой Яковлевной.

1910 г.

А. Бари до самозабвения любил детей и семью. Видимо, эти качества он унаследовал от матери, которую боготворил, но об отце не вспоминал. Он на спор мог попросить на руки малыша у любой незнакомой мамы, и дети тянулись к нему, а матери обижались до слез. Александр Вениаминович говорил, что единственно, кому он в жизни завидовал, так это кормящей матери. Фотографии жены и детей всегда носил с собой. При случае торжественно доставал кожаный складень и предлагал посмотреть его самое дорогое сокровище. Окружающие были заинтригованы, думали, что увидят новый патент или потрясающий контракт, но их взору представлялись семейные фотографии. Александр Вениаминович искренне смеялся над их недоумением.

По воспоминаниям правнука, Г. Б. Ефимова: «Один из родственников со стороны Зинаиды Яковлевны, Кохманский Валентин Симфарионович, дослужившийся до чина генерала, был мужем Екатерины – сестры Зинаиды Яковлевны. Он приходился тестем Юлиану Игнатьевичу Поплавскому и дедом поэту Борису Поплавскому.^[101] Имея довольно высокий чин и очень скверный характер, он мог швырнуть чем-нибудь в подчиненных. Дома позволял себе кидаться посудой за обедом. Вообще любил поскандальить перед родственниками или подчиненными. Но постоянно жаловался, что вот «в присутствии Александра Вениаминовича он почему-то

не может устроить привычного скандалу». «Не получается», поэтому не любил такого родственника, при котором приходилось отказываться от своих привычек».

Проходили годы, дочери стали не только благовоспитанными барышнями, но и яркими личностями, а вот сыновья не унаследовали от отца ни жизненной энергии, ни таланта. Александр Вениаминович признавал это и иногда огорчался до слез, внутренне он очень переживал, что никто из детей не сможет продолжить его дело.

Семья была лютеранской, внешняя обрядность соблюдалась, но к вопросам вероисповедания в семье относились спокойно, без истовости.

Комплекс евангелическо-лютеранской церкви Святых Апостолов Петра и Павла, что рядом с Исторической библиотекой в Старосадском переулке, построен в 1903 г. (архитекторы А. Е. Вебер, В. А. Коссов, Ф. О. Шехтель). Проект покрытия верхних сводов был разработан в проектной Конторе фирмы А. Бари под руководством В. Шухова, а строительство было завершено на пожертвования Александра Вениаминовича. Здесь размещались классы мужской и женской гимназий (Peter-Schule), школа для глухонемых и слепых детей. А. Бари был прихожанином этой церкви. Пастор Д. Дитрих был частым и желанным гостем в его доме, где старшим детям читал Библию и Евангелие, крестил новорожденных.

Александр Вениаминович умер 6 апреля 1913 года после

операции, не приходя в сознание. Похороны состоялись 8 апреля, похоронен он был на Введенском (Немецком) кладбище рядом с могилой матери.

Из газеты «Русское слово» 1913 г.:

«Инженер

Александр Вениаминович Бари

После непродолжительной, но тяжелой болезни скончался в ночь на 6 апреля, о чем жена, дети и внуки извещают родных и знакомых. Вынос тела из квартиры (Архангельский пер.; соб. дом) имеет место быть в понедельник, 8 апреля в 1 1/2 час. дня. Отпевание в евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла в 2 час., погребение на Введенских горах».

В некрологах разное писали о его гражданской принадлежности. Появлялись заголовки: «Русский иностранец», «Русский американец». Но в одном сходились писавшие – широко освещались его заслуги перед Россией, анализировались успехи фирмы, были отзывы как о человеке добропорядочном.

С такой единодушной скорбью православная первопрестольная столица оплакивала доселе только одного лютеранина – известного благотворителя и бессеребренника, «Свя-

того доктора» Федора Петровича Гааза... Как известно, «о мертвых – или хорошо, или ничего»! Но об А. Бари «хорошо» писали и при его жизни. В отчетах после командировки в США в 1876 году преподаватели ИМТУ: профессор Ф. Е. Орлов считал своим долгом выразить искреннюю признательность А. В. Бари, «нашему товарищу по слушанию лекций в Цюрихской политехнической школе за помощь, оказанную при первом ознакомлении со страной»; профессор П. П. Панаев: «А. В. Бари, русский по рождению, состоит председателем Общества инженеров в Филадельфии и как строитель-инженер пользуется большой известностью».

16 апреля 1913 года, открывая годовое собрание Политехнического общества ИМТУ, председательствующий профессор Училища А. Гавриленко сообщил, что «со времени последнего собрания Общество понесло тяжелую утрату – скончался его Почетный член Александр Вениаминович Бари». (Из архивных фондов музея МГТУ им. Н. Э. Баумана).

Некролог, сохранившийся в семейных архивах, является по сути итогом жизненного пути Александра Вениаминовича:

«Оставил ты нас внезапно, дорогой друг, и мы еще не успели выплакать горе этой разлуки, как нам приходится сказать тебе яркое слово в последнюю минуту переселения души твоей в иной мир.

Многие знали тебя как прекрасного семьянина, великодушного хозяина, благородного человека и добродетельного

гуманиста. Кто же сохранит память о твоей деятельности? Если бы ты был поэтом, то дети и внуки шептали бы с гордостью знакомые всем стихи, дающие утешение в часы досуга. Если бы ты был философом или известным общественным деятелем, то твои афоризмы произносились бы с глубоким почтением.

В молодости ты был тем и другим, но к этому у тебя присоединялась скромная мудрость. Ты знал, что для блеска горящих звезд нужна опора в материальной культуре. Ты скромно, энергично и умно, забывая о себе, подготавливал камни, на которые опиралась эта культура.

Вернувшись в Россию, ты находил в ней таланты, ты учил их, как нужно действовать, создавал условия, которые позволяли им приносить благо обществу.

Твои потомки, глядя на дело рук твоих и единомышленников, могут с гордостью сказать: «И эти сооружения, и эти имена создал наш благородный отец».

По материалам, изученным автором, А. В. Бари обладал вполне уравновешенным характером, в семейных и деловых отношениях придерживался христианской морали лютеранина, строго соблюдая заповедь делового человека: прибыль, полученная честным путем, – это твой успех и достоинство, благотворительная помощь – это твоя честь, малейшая нажива – великий грех. И эту заповедь А. В. Бари пронес через всю свою жизнь. Он искренне заботился о рабочих и оберегал авторитет фирмы. Что касается благотворительности,

то здесь Александр Вениаминович руководствовался своими принципами и понятиями.

Нищим подавал только на пропитание; людям, попавшим в беду, помогал щедро и безвозмездно. У детей и подростков поощрял стремление к учебе, выделяя деньги на стипендии. Студентов привлекал к работе и приплачивал за трудоусердие, за любую ценную мысль или реализацию свежей технической идеи, побуждая их к творчеству в труде.

На развитие инженерного дела он откликнулся финансовыми вкладами, и об этом уже написано. В российскую культуру от него пожертвований не обнаружено. Очевидно, А. В. Бари не делал таких великодушных широких жестов, как Савва Иванович Мамонтов, Савва Тимофеевич Морозов и др. В нем сказывалась закваска человека технического склада ума и в этом деле у него была своя Песня.

Одно безусловно, А. В. Бари – незаурядная и яркая личность в промышленном бизнесе и инженерном деле России рубежа XIX–XX веков. Но далеко не все идеально было в реальной жизни – были трудности и в работе, и в семейных делах. Да и среди тогдашних обывателей ходили разговоры о том, что, дескать, А. Бари американец, поэтому ему легче проводить в жизнь свои принципы, да притом и идеи В. Шухова эксплуатирует, миллионы нажил на шуховских изобретениях. Так ли это? К сожалению, эти строки кочуют из статьи в статью, из одной книги в другую на протяжении многих десятилетий, а их авторы не удосужились изучить архив-

ные материалы, проанализировать и осмыслить взаимоотношения двух ярких личностей, довольствуясь цитированием обывательских разговоров столетней давности.

Семейное захоронение семьи А. В. Бари на Введенском (немецком) кладбище

Мало того – чтобы понять, как складывались в те годы (конец XIX – начало XX вв.) финансовые, деловые и творческие взаимоотношения А. В. Бари и В. Г. Шухова, необходимо хотя бы коротко ознакомиться с вопросами в области истории изобретений и патентного права в России более 100 лет назад.^[102]

И все таки, каковы же были доходы у А. В. Бари, В. Г. Шухова и других известных предпринимателей, ученых, инженеров, людей свободной профессии – художников скульпторов, артистов, писателей и т. д., чиновников самого высокого ранга (для сравнения)?^[103]

Потомки Александра Вениаминовича Бари бережно сохраняют память о своих предках в семейных архивах и воспоминаниях. Родословная, составленная по их воспоминаниям, сохранилась до сегодняшних дней.

Из десяти детей А. В. Бари девятеро прожили долгие жизни, насыщенные разными событиями. Первенец Александр умер еще в младенчестве в Филадельфии от дифтерии в 1874 году. Пять дочерей, вышедших замуж и принявших российское гражданство, прожили свои жизни в России. Все они были хорошо образованы, отличались широтой интересов.

Особенной любовью и авторитетом в семье пользовалась старшая дочь Анна, обладавшая ясным умом и необыкновенной щедростью души (1876–1948). Она родилась еще в США. Ее детское имя, Биба, так и осталось с ней на всю жизнь. Именно она сопровождала отца в Хамовники, куда Александр Вениаминович ездил по приглашению Л. Толстого.

Анна Бари с отличием окончила 1-ую Мариинскую гимназию, хорошо владела европейскими языками, прекрасно играла на пианино и была даровитым рисовальщиком. В се-

мейных архивах сохранились ее карандашные и акварельные миниатюры. Но ее призванием была педагогика. Педагогический талант ее натуры – это дар Божий, которому она посвятила всю свою жизнь, и в памяти детей и внуков осталась самой яркой личностью.

Школа для рабочих и их детей. Сидят в первом ряду пятая справа Евгения Бари, пятая слева Лидия Бари среди учащихся и служащих

На котельном заводе трехклассное начальное образование детям рабочих давалось бесплатно (за счет фирмы А. Бари). Технические предметы рабочим преподавались на воскресных курсах. Рабочие Вагонного завода из Мытищ ездили в

Москву, где обучались основам технической грамотности и геометрического черчения. Учившиеся на этих курсах, как упоминалось, получали костюм и пальто за счет фирмы.

Создавая школу для детей и молодых рабочих, Анна Александровна преодолела невероятно трудные преграды со стороны чиновников разрешающих органов, которые отказывали ей под разными предлогами: то нет подходящего помещения, то нет учебников и т. д. Но Анна Александровна была настойчива, к тому же она обладала необыкновенным даром убеждать своих противников. В конце концов ей было разрешено использовать помещение столовой для работы школы в свободное время. Она на свои средства собрала библиотеку и стала преподавать литературу, русский язык и основы искусства.

В семейных архивах сохранилась письменная работа одного из молодых рабочих, который поступил на работу, не имея и азов грамотности (подлинник написан на едином листе):

«Восим десять лет тому назад был приездней Доктор Газ. Он ездил погороде багато вхароше карете и имел 2 дома и суконну фабрику. Вето време зделали попечителем над тюрьмами. Больнице построил для видного народа и рецепты писал и деньги на лиденцы давал. Он так дошел напростой телеге ездил но передего смертию народ ходил колонего лучше как колородного отца. И еще ему купили экону Аньгела. Досих пор поменяют его Доброго человека».

И всего через полугодие тот же молодой рабочий, усвоив грамматическую логику по системе Анны Бари, пишет на том же листе:

«Подобно этому случаю я опишу добродетель деланную нам мастеровым Господином А. Бари и его благородными трудолюбивыми дочерями. Пол года тому назад я был темный человек, не знающий читать ни писать, а теперь благодаря трудам наших учительниц я достиг всего этого за что буду благодарить во всю мою жизнь. Вижу я как много затруднений поносят с нами наши учительницы не смотря на свой знатный род и богатство. Как осенью в дождливые и ненастные дни также и зимою в большие морозы оне не смотря на все это приезжают и занимаются с нами бедно одетыми и грубыми людьми стараясь всеми силами переломить в нас нашу грубость и глупость и повести нас на правильный путь.

А сколько стоит денег устройство театров книг тетрадей и разных письменных приборов. За все это мы должны безгранично благодарить потому что это есть благодать про которую я и не слыхивал до сих пор... Николай Нанюк».

Анна Александровна вышла замуж за талантливого физиолога, профессора Московского и Казанского университетов, ученого с мировым именем Александра Филипповича Самойлова, с которым познакомилась на Нижегородной художественнопромышленной выставке в 1896 году. В 1904 году она переехала к мужу в Казань. Попечительство над шко-

лой оставила сестре Евгении. На свадьбу дочери Александр Вениаминович подарил молодым рояль фирмы «Steinway and sons».

В более поздние годы она была директором гимназии в Казани, а в советское время – директором школы.

Александр Филиппович Самойлов был учеником российских физиологов И. М. Сеченова и И. П. Павлова (лауреаты Международной Нобелевской премии). В 1930 г. ему была присуждена Ленинская премия и присвоено звание Заслуженного деятеля науки за выдающиеся заслуги в развитии электрокардиографии и электрофизиологии. А. Ф. Самойлов опубликовал свыше 150 научных работ в отечественных и зарубежных журналах. До последнего дня этот неутомимый и пытливей исследователь был персоной Грата в Германии, Австрии, Голландии, Англии и США.

На всех международных конгрессах кардиологов и физиологов он читал доклады и лекции на языке той страны, где ему доводилось выступать. Последние годы его жизни наиболее плодотворны – то были годы совместной работы с голландским физиологом Эйтховеном, струнным гальванометром которого пользовался Александр Филиппович для определения механизма передачи информации между клетками живого организма. Ему впервые в мире удалось доказать теоретически и подтвердить экспериментально, что информация от клетки к клетке в живом организме передается через межклеточную мембрану химическим путем.

Наиболее часто и плодотворно профессор А. Ф. Самойлов общался с учеными и общественными деятелями США У. Кенноном, Дж. Фултоном, Ж. Лёбом, профессором П. Уайтом (Массачусетский госпиталь); с учеными Англии – В. Гарвеем, Э. Эдрианом.

Кроме выдающихся исследований в области физиологии Александр Филиппович оставил заметный след и в совершенно неизведанной дотоле области науки – теории определения абсолютного музыкального слуха. Он сам был незаурядным пианистом, изучал форманты гласных человеческого голоса, музыкальных инструментов и сравнивал их с частотными характеристиками звукового генератора. Эти исследования позволяли объективно определять качественную оценку музыкального слуха любого музыканта, будь то вокалист, инструменталист или дирижер. А. Ф. Самойлов впервые обосновал значение формант для всех разновидностей музыкальных инструментов, так как каждый из них имеет свои сгустки в спектре частотных характеристик в наиболее употребительном диапазоне их звучания. Таким образом, была раскрыта одна из загадок природы звука и объяснено, почему каждый музыкальный инструмент имеет свою окраску звучания и чем отличается звучание кларнета или фагота от трубы или валторны.

Борис Пастернак получил письмо от А. Ф. Самойлова с научными доводами об абсолютном музыкальном слухе в то время, когда находился в особенно мучительном душевном

смятении: он решал кем ему стать – профессиональным музыкантом-пианистом или поэтом.

Он ответил Александру Филипповичу через несколько месяцев и просил прислать статью, чтобы удостовериться в «эмпирической правде». Из письма Бориса Пастернака А. Ф. Самойлову:

«Еще и еще раз тысяча благодарностей. Во всей этой истории со слухом бездна комизма – только не по вечерам (не очень любезно-прим. авт). Сердечный привет Anne Александровне и более непосредственно выраженный лирический порыв к Але и Леве»^[104].

Возможно, именно в это время Борис Пастернак предпочел поэзию музыке, получив благословение от С. Н. Дурылина.

По оценке А. Ф. Самойлова, абсолютного слуха не было у М. П. Мусорского, А. П. Бородина, Ц. А. Кюи; был превосходный – у П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова; феноменальный – у С. В. Рахманинова; вполне отсутствовал у А. Н. Скрябина и т. д.

Александр Филиппович Самойлов с И. П. Павловым направляются на прием к английскому королю (Лондон, 1928 г.)

Сыновья Александра Филипповича и Анны Александровны, близнецы Аля (Александр) и Лева, попали в водоворот военных событий Гражданской войны (в Казани), когда им едва исполнилось по 16 лет. Чтобы избежать участи «добровольцев» без конца менявшихся властей, они под натиском Красной армии, вместе с отступающими частями Белой

армии и белочехами, оказались во Владивостоке, откуда через два года пароходом Международного Красного Креста перебрались в США, как и их дядя Владимир. В Америке Лев окончил Гарвардский университет, работал инженером в различных фирмах. Отец встречался с сыновьями в США, когда бывал там в командировках. Навещала их и Анна Александровна. Лев Александрович приезжал в Москву навестить родственников в 1967, 1974 и 1978 годах. В 1975 году Александр Александрович с супругой тоже побывали в Москве.

Научные статьи А. Ф. Самойлова всегда читались с огромным интересом и неспециалистами, так как речь в них шла не только о проблемах физиологии, но и об общечеловеческом, вечном. Для примера процитируем наиболее интересные места из докладов А. Ф. Самойлова на международных симпозиумах физиологов⁴⁸:

«Необходимо свято ценить достижения прошлого – это источник будущих исследований. В культурном обществе не должна пропадать ни одна творческая мысль. Наука не может быть советской или буржуазной, американской или русской. Наука – это истина, которая принадлежит всему человечеству.

⁴⁸ Григорян Н. А. Александр Филиппович Самойлов. – М.: Изд. АН СССР, 1963)

Александр Филиппович Самойлов с сыновьями близнецами. США, 1922 г.

Зинаида Яковлевна (в центре), Анна Бари в гостях у сына (одного из близнецов). США, 1930-е гг.

Все течет, все меняется, – и людские отношения, и формы жизни, и мораль, и даже устои науки. Одно только вечно, одно только не меняется, и это, может быть, и есть самое

замечательное, что таится в душе человеческой, – это вечное стремление к истине, это неугасимая любовь к правде и знанию. И тот, в ком горит пламенем любовь к истине и кто владеет даром вскрывать истину, тот и есть избранник среди людей.»

Александр Филиппович скоропостижно скончался от сердечного приступа в августе 1930 года⁴⁹. Анна Александровна переехала в Москву с младшей дочерью (тоже Анной). Старшая дочь Вера – ученый-метеоролог – давно уже жила в Москве и вторым браком^[105] была замужем за математиком Четаевым, профессором МГУ.

Вера обеспечивала метеосводкой экипаж В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова при их знаменитом перелете через Северный полюс в Америку^[106]. За эту работу Вера Александровна была награждена орденом Трудового Красного знамени и вместе с сестрой Анной приглашена на встречу с героями беспримерного подвига тех лет.

⁴⁹ В 1967 году Международная научная общественность отметила заслуги А. Ф. Самойлова проведением Международной конференции в связи со 100-летием со дня его рождения.

Внучка А. В. Бари от Анны – старшей дочери – Вера Самойлова с наградой (орден Трудового Красного знамени). 1937 г.

Ольга Александровна (1879–1954), вторая дочь А. В. Бари, была разносторонне одарена: она училась на историческом факультете Высших женских курсов, была прекрасной пианисткой. Будучи в Италии, она увлеклась живописью,

оставила прежние занятия и стала учиться этому искусству у Леонида Осиповича Пастернака. С конца 1900-х годов она уже принимала участие в выставках «Мира Искусства», «Союза русских художников», «Московского салона». Она была замужем за Семеном Борисовичем Айзенманом, юристом по профессии, поэтом по мироощущению. Ольга Александровна свою жизнь прожила в Москве, долгие годы учила детей рисованию, вырастила двоих детей: дочь Татьяну (по мужу Семенову) – искусствоведа, исследователя народного искусства, автора ряда книг и статей; и сына Алексея – живописца и педагога. Ее внучка Ольга Алексеевна Вельчинская – тоже художник, член Союза художников России.

Третья дочь А. В. Бари – Евгения Александровна (1881–1967) – окончила Высшие женские курсы. Была она человеком глубоко религиозным, изучала историю религии и одно время была увлечена антропософией, серьезно занималась проблемными философскими вопросами. Для этой цели она выезжала в Германию, где собирала материал для выпускной работы «Сравнение нравственного учения И. Канта и Л. Толстого». Ее муж, Александр Нерсесович Нерсесов, преподавал в школе для взрослых при фирме А. В. Бари, как и сама Евгения Александровна.

В оставленных ею воспоминаниях имеется такая запись: «Бывало, еду я в Симоново на работу, трясусь в линейке вместе с рабочими и монахами. А навстречу едет в шикарном экипаже директор завода Гаврилов. Я закрываюсь фартуком,

чтобы не залепило грязью. Но он узнавал меня и конфузился, потом жаловался отцу и даже сердился. А я была преисполнена гордостью, что еду с простым народом».

Кто бы мог подумать, что их отцы когда-то работали вместе у Людвига Нобеля. Александр Вениаминович Бари – главным инженером, а Нерсес Иосифович Нерсесов – юристом. После смерти отца Евгения Александровна надела траур, который не снимала до конца своих дней и не расставалась с Евангелием. В семье было трое детей: Магдалина, Екатерина и Зинаида.

Четвертая дочь Александра Вениаминовича, Лидия Александровна, прожила самую долгую, 96-летнюю жизнь (1885–1982). Она окончила историко-филологический факультет Московского университета, где занималась в семинаре известного историка, специалиста по Англии средних веков, профессора Д. М. Петрушевского.

В этом же семинаре занимались многие студенты, ставшие в последующие годы известными специалистами. На фотографии тех лет обнаружены Георгий Владимирович Вернадский^[107] (сын академика Владимира Ивановича Вернадского) и Михаил Владимирович Шик, с которыми Лидия Бари поддерживала дружеские отношения на протяжении многих лет. Здесь невольно приходится прерывать повествование, чтобы не пройти мимо других личностей и интересных событий.

Михаил Шик был женат на подруге Лидии Бари, Наталье

Дмитриевне. Ее отец, князь Дмитрий Иванович Шаховской, был ближайшим другом В. И. Вернадского. Михаил Владимирович Шик дружил с Павлом Александровичем Флоренским, он принял сан священнослужителя и помогал П. А. Флоренскому составлять в 1918 году опись сокровищ Троице-Сергиевой лавры. В 1925 году М. В. Шик крестил сына Лидии Воскресенской – Александра. (Александр Александрович Воскресенский, внук А. В. Бари, – кандидат химических наук, имеет изобретения и более 50 печатных работ. Он окончил химический факультет МГУ и как соискатель защитил диссертацию).

Лидия Александровна до глубокой старости работала библиографом в библиотеке Иностранной литературы и в библиотеке В. И. Ленина. На пенсию вышла, когда ей уже было за восемьдесят. Зная европейские языки, Лидия Александровна собирала информацию по отзывам в зарубежной прессе о трудах Б. Л. Пастернака и одна из первых поздравила его с присуждением ему Международной Нобелевской премии.

Мужем Лидии Александровны был Александр Дмитриевич Воскресенский, главный врач Сокольнической инфекционной больницы. Их дети: Кирилл – гидробиолог, Ника – археолог, Александр – химик и Наталья (умерла в раннем возрасте). В 1967-м году Лидия Александровна, выйдя на пенсию, решила навестить родственников во Франции и США. И она получила возможность побывать в семьях сво-

их родных, двоюродных сестер и братьев. Во время своей поездки она посетила библиотеку Национального Конгресса США, музеи, театры и другие культурные центры в Америке и Франции.

Участники исторического семинара МГУ. В центре профессор Д. М. Петрушевский, вправо вторая – Лидия Бари. Верхний ряд (стоят) справа М. В. Шик, следующий Георгий Владимирович Вернадский (сын академика В. И. Вернадского)

Александр Александрович Воскресенский – внук А. В. Бари – в Мытищинском историко-художественном музее у портрета своего деда. 1998 г.

У Г. П. Аксенова (Вернадский. Серия ЖЗЛ – М.: 2001) имеются сведения, что летом 1912 года, в июне Владимир Иванович Вернадский отдыхал две недели у своего друга Ивана Ильича Петрункевича в Марфине, которое принадлежало Софье Владимировне Паниной^[108], приходившейся падчерицей Ивану Ильичу. Владимиру Ивановичу очень понравилось Марфино – одна из жемчужин Подмосковья. Он жил в огромном барском доме, построенном в стиле поздней готики. Вокруг дома на реке Уче еще сохранялся английский парк и частично – регулярный французский. Здесь

В. И. Вернадский^[109] обдумывал свои планы, чтобы ближе к осени, когда спадет жара, обязательно посетить еще раз Баку и заняться исследованием нефтей.

Мария Бари (Федорова). 1908 г.

Пятая дочь Бари – Мария Александровна (1889–1978) – тоже какое-то время работала в школе котельного завода отца, потом была сестрой милосердия на фронтах Первой мировой войны. В 1917 году вышла замуж за доктора Владимира Михайловича Федорова, известного казанского детского врача. Всю жизнь Мария Александровна прожила в Казани и посвятила себя воспитанию пятерых детей: Елены, Марии, Александра, Натальи и Владимира. Многие дети и внуки Марии Александровны и сейчас живут в Казани – химики, врачи, психологи.

*Екатерина Бари с букетом и пощечиной А. Ф. Керенскому.
США. 1927 г.*

Самая младшая, шестая дочь, Екатерина Бари (1891–1978) с братьями Виктором, Владимиром и Георгием выехала из России в США. Ее жених, офицер Белой армии, был арестован и расстрелян ВЧК. Жизнь свою она прожила в Нью-Йорке, вышла замуж за Ивана Ивановича Извинского, актера дягилевских «Русских сезонов в Париже», стала художником по тканям и фарфору, детей не было.

Екатерина Александровна, находясь в США, в 1927 году присутствовала на встрече с А. Ф. Керенским в Нью-Йорке и преподнесла ему цветы с пощечиной. Как писал об этом советский журнал «Экран» № 16 за 1927 год: «...Героиня очередной американской сенсации, Екатерина Бари, нанесшая пощечину гастролирующему в Нью-Йорке Керенскому. За это «оскорбление действием» она оштрафована судом на 4 1/² доллара».

Среди тех, кто помнит эту историю, ходили разные слухи о подробностях этого события. Одни рассказывали, что она якобы отхлестала его букетом роз, другие, – что Е. Бари вручила Керенскому букет со словами: «Это Вам от России». Александр Федорович склонился чтобы принять цветы, но в следующее мгновение получил пощечину со словами: «А это Вам за Россию».

Эти сведения подтвердил и Константин Дмитриевич Арцыбушев во время посещения Мытищинского историко-художественного музея: «Действительно, это было в Нью-Йорке, но ему давали по физиономии и в Париже».

В советское время имя Александра Вениаминовича Бари замалчивалось, считалось одиозным – и ввиду его американского паспорта («борьба с космополитизмом»), и из-за «антисоветской» деятельности его сына в 1918 году. С 1950 по 1994 год в печати изредка появлялись небольшие статьи и брошюры, в которых упоминалось имя А. Бари – в основном в связи с обзором жизненного и творческого пути В. Шухова. Но находились авторы, которые считали своим долгом хотя бы коротко напомнить об А. В. Бари, что официально не поощрялось. В биографической статье о В. Г. Шухове в Большой Советской Энциклопедии (3-е изд. т. 29. – М.: 1978, с. 523) о великом инженере сказано: «С 1878 г. инженер технической строительной конторы в Москве»... Надо ли говорить, что о самом А. В. Бари статьи в изданиях подобного рода отсутствовали. Да и о В. Г. Шухове все ли мы знаем даже в нынешние времена?

Основные архивные документы фирмы А. Бари хранятся в Московском Государственном архиве, часть – в архиве Московского Политехнического музея, в Музее предпринимательства академии им. Плеханова, в архивах Российской Академии наук (РАН), в объединении «МОСГОРАРХИВ».

Большую работу проделал Н. С. Лошинский^[110], работавший с молодых лет в фирме А. Бари. Он собирал материалы по истории Конторы А. В. Бари, о жизни и деятельности ее хозяина. В 1947 году он начал готовить рукопись, но завершить работу так и не удалось. И только через 50 лет черно-

вики рукописи были переданы потомками А. В. Бари автору этих строк. Первая запись в его рукописи гласит: «Посвящается Александру Вениаминовичу Бари, инженеру широкого кругозора и человеку высочайших моральных качеств». Часть архивных документов, воспоминаний и редких фотографий из семейных архивов были переданы историко-художественному музею г. Мытищи внуком А. В. Бари, Александром Александровичем Воскресенским и правнучками – Ольгой Алексеевной Вельчинской, Юлией Федоровной Соколовой, Ольгой Федоровной Масловой. Некоторые копии архивных материалов для экспозиции выставки, посвященной 100-летию юбилею «Метровагонмаш», были переданы Мытищинскому историко-художественному музею от Московского Политехнического музея.

После смерти Александра Вениаминовича фирма продолжала работать. В. Г. Шухов возглавлял проектное бюро, дело А. В. Бари приняла З. Я. Бари на правах наследницы, но по доверенности руководил фирмой сын, Владимир Александрович Бари. Инженерное образование он получил в Германии, интересовался авиацией. Другой сын, Виктор, был одним из директоров котельного завода. Юрий был еще мальчишкой. Невольно пришло время подводить итоги совместной работы В. Г. Шухова и А. В. Бари. Владимир Григорьевич прекрасно понимал, что без Александра Вениаминовича будет невероятно трудно находить общий язык с молодыми

преемниками.

Виктор уже пустил дела Котельного завода на самотек. Владимир навязывал свои соображения, хотя не имел опыта руководителя и не обладал, как отец, авторитетом среди банкиров и промышленников. По воспоминаниям потомков А. В. Бари, больше года В. Г. Шухов в спорах с сыновьями Бари отстаивал свои принципы и позиции. И как это уже было в 1905 году, В. Г. Шухову пришлось самому заниматься основными делами фирмы. Ближайшим помощником В. Г. Шухова оставался Николай Юльевич Меллье. Он добывал заказы и оформлял договоры, сдавал работу и составлял сметы расходов. Работа в фирме А. В. Бари, как вспоминал В. Г. Шухов, была напряженной – «бессонные ночи, без отпуска, но как радостно было, когда завершалось строительство, и объект сдавался заказчику».

С 28 июня по 19 ноября 1918 г. Совет Народных Комиссаров начал активно принимать декреты о национализации (правильнее сказать – социализации) предприятий основных отраслей промышленности. Но принимать декреты – это еще не значит, что их можно реализовать аналогичным революционным путем и сохранить при этом невинную «политическую физиономию». Здравомыслящие чиновники из окружения В. И. Ленина (Л. Красин, Г. Соломон, Н. Валентинов, Л. Каменев и др.) предупреждали его и настаивали на том, что национализацию можно проводить, но хотя бы на каких-то юридических основаниях. А если этого нет, то жела-

тельно национализировать предприятия только через сохранение доли учредителей или хозяина, то есть через выкуп. Такой способ национализации, как они считали, позволил бы сохранить опытнейшие кадры предпринимателей, инженерную и научную элиту общества и не развалить хозяйство страны, а также избежать моря крови и жертв начинавшейся гражданской войны. Владимир Ильич приходил в отчаяние. В полемике споров он доходил до оскорблений своих единомышленников-оппонентов. Его не интересовали жертвы революционных потрясений и он умело сосредоточивал внимание спорящих на механизме захвата и удержания власти: нельзя делать никаких уступок – или все, или я складываю с себя вами данные мне полномочия: «Без всякого выкупа!» (Этими словами солдат Шадрин, из кинофильма «Человек с ружьем», утвердил окончательную позицию В. И. Ленина).

Известный русский писатель Михаил Михайлович Пришвин был свидетелем того, как в морозные январские дни 1930 года сбрасывали и разбивали колокола Троице-Сергиевой лавры. Он увидел нечто общее в отношении новой власти к колоколу и к человеку. Каждый колокол был личностью, каждый жил и погибал⁵⁰ по-своему. Так и с человеком – «революция – это грабеж личной судьбы» – записал он в своем дневнике.

⁵⁰ Большая часть колоколов заново отлита на «ЗИЛе» и в сентябре 2002 года они установлены на колокольнях тех храмов, откуда были низвергнуты.

Чтобы облегчить процесс безнаказанного ограбления любого собственника или предпринимателя, большевики выслали из страны юристов, ученых, философов, писателей. Эта задача была возложена на НКВД под видом «выполнения специальных поручений Президиума Всероссийского Центрального Комитета и Совета Народных Комиссаров по охране революционного порядка».

«Первый звонок» не заставил себя ждать. 28 апреля 1918 г. появляется сообщение в газете «Известия»: «О разоблачении контрреволюционной организации, снабжавшей деньгами и людьми банды Корнилова и Каледина... Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией закончено следствие по делу о контрреволюционной деятельности организации...»

В числе обвиняемых по делу лиц привлекаются американский подданный Бари, бывшие офицеры Громов, Кривошеин, графиня Н., приват-доцент Московского университета Ильин, Халафов и др. Согласно данным, добытым следствием, исключительную роль в контрреволюционной организации играл В. А. Бари, который был арестован по ордеру Чрезвычайной комиссии 14 апреля в Москве...»

По воспоминаниям Владимира его допрашивал сам Феликс Эдмундович Дзержинский. Сидел В. А. Бари в одной камере с великим русским актером Василием Ивановичем Качаловым, случайно оказавшимся на гастролях на территории, занятой белыми, а потом красными – поэтому был аре-

стован на всякий случай.

Обвиняемый по делу приват-доцент Московского университета Ильин – это тот самый Иван Александрович Ильин, выдающийся русский философ, чьим именем гордилась и гордится просвещенная Россия. В предисловии историка философии Ю. Т. Лисицы к 10-томному собранию сочинений И. А. Ильина (М.: Русская книга, 1993. т.1, с. 18) читаем:

«...В 1918 году И. А. Ильина трижды подвергали аресту (15 апреля – ордер № 682; 11 августа – ордер № 15936; 3 ноября – ордер № 9356) и содержали в застенках ВЧК в общей сложности около двух месяцев. Он проходил по делу № 93 американского гражданина Бари В. А. и др., обвинявшихся в принадлежности к контрреволюционной организации, именуемой «Добровольческая армия». И. А. Ильин, в частности, обвинялся в том, что он вступил в московскую организацию «Добровольческой армии», заведовал ее Петроградским отделением и снабжал таковое деньгами, полученными от Бари.

И. А. Ильин был дважды судим – 30 ноября на заседании президиума коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией и 28 декабря в Московском революционном трибунале, и оба раза оправдан за недоказанностью обвинения! 4 сентября 1922 г. Иван Александрович был арестован большевиками уже в шестой раз! (последний ордер № 1698 от 16 августа 1922 г.) Допрошен и немедленно судим. *Приговор:* «Ивана Александровича Ильина выслать из пределов РСФСР»

за границу» в течение 7 дней с обязательством «не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской власти» (Статья 71-я Уголовного Кодекса РСФСР, карающая за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания, под подписку объявлена...))»

Иван Александрович не скрывал своего отношения к большевикам: «Пять лет, – писал он, – прожил я в Москве при большевиках: я видел их работу, я изучил их систему, я своим делом участвовал в борьбе с ними и многое испытал на себе. Свидетельствую: это растлители души и духа, безбожники, бесстыдники, жадные, лживые и жестокие властолюбцы... Да избавит Господь от них нашу родину! Да оградит Он от этого позора и от этой муки остальное человечество!»

К сожалению, не удалось обнаружить документов о том, что стало с графиней Н. (Ланской), но Владимира Александровича Бари вызволил из кутузки ВЧК консул США Д. Пул.⁵¹ За границу выехала половина семьи: Екатерина, Виктор, Георгий (Юрий) и Владимир. В России остались Ольга, Анна, Евгения, Лидия, Мария и Зинаида Яковлевна.

Старшие дочери уже вышли замуж, поменяли фамилию, стали гражданами России. Подробности судеб Виктора (1883–1965), Владимира (1887–1978) и Георгия (1896–1973) неизвестны. По воспоминаниям Александра Алексан-

⁵¹ Подробности о деятельности В. А. Бари в 1918 г. см. в кн.: Толинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М.: 1980. т. 1, с. 144–145.

дровича Воскресенского, Виктор умер в Англии, у него было три сына. Владимир работал в Америке – пробовал свои силы в фермерстве и некоторое время был коммерческим директором известной авиационной (вертолетной) фирмы Игоря Ивановича Сикорского; детей у него не было. Георгий умер в США, у него была одна дочь.

Можно представить себе, каково было состояние матери – Зинаиды Яковлевны. Половина семьи в эмиграции, половина в России. Действительность тех дней регулярно напоминала о себе: быстро облетала окрестные дома весть об очередном аресте, круг сужался. Стукачей и агентов в ЧК было предостаточно, а фамилия Бари в Москве одна. Что пережила З. Я. Бари, переезжая от одной дочери к другой, – то в Москву, то в Казань, – ежедневно ложась спать под страхом ночного звонка!?

«Второй звонок» – превентивный арест и допрос в ВЧК дочери и зятя по доносу любителей бдительности. В семейных архивах сохранились документы: удостоверения № 136 и № 142, выданные дочери А. Бари, Лидии Александровне, и ее мужу Воскресенскому Александру Дмитриевичу.

«Всероссийская Чрезвычайная Комиссия. Тюрьма.
Удостоверение № 136.
Декабря 2 дня 1921 года.

Выдано гр. Воскресенской Лидии Александровне в том, что он (она) освобожден (освобождена) сего числа из тюрьмы и В. Ч. К.

С него (нее) взята подписка о не выезде из Москвы и явке по первому требованию в В. Ч. К».

Печать

Начал. тюрьмы ВЧК – подпись

Делопроизводитель – подпись

Не дожидаясь «третьего звонка», в 1926 году Зинаида Яковлевна выехала в США (через Ригу, где жили родственники), чтобы не ставить под удар судьбы оставшихся в России дочерей с их семьями. Она умерла в 1939 году, на 26 лет пережив мужа.

* * *

Большая часть потомков Александра Вениаминовича Бари живет в Москве, часть в Казани, часть в США. Судьбы их сложились по-разному, да и фамилии менялись не один раз, но гены Александра Вениаминовича сохраняются в российских потомках.

Андрей Борисович Ефимов (правнук) – доктор физико-математических наук.

Мария Владимировна Федорова (внучка) – кандидат медицинских наук.

Кирилл Александрович Воскресенский (внук) – кандидат наук, гидробиолог (ск. в 1989 г.).

Петр Кириллович Воскресенский (правнук) – кандидат медицинских наук.

Александр Александрович Воскресенский (внук) – кандидат химических наук.

Михаил Викторович Базилевский (правнук) – доктор химических наук, профессор (Физико-технический институт им. Карпова).

Жизни не хватит, чтобы в полной мере изучить всю родословную, но необходимо упомянуть еще о некоторых членах рода Бари. Это известный врач-психиатр Александр Оттович Бари, клиника которого была на Васильевском острове, в Петербурге. В его клинике лечился и провел последние годы жизни великий русский художник Михаил Александрович Врубель (точную степень родства с А. В. Бари пока не удалось установить).

Адольф Эдуардович Бари – художник-анималист середины XIX века – о нем писал в своих воспоминаниях А. Н. Бернау.

И еще одна личность – это Нина Карловна Бари: ее отец приходился двоюродным братом Александру Вениаминовичу. Нина Карловна – профессор МГУ – была весьма одаренным математиком, слыла большим авторитетом среди математической элиты Ленинграда и Москвы. В 3-м томе Большой Советской Энциклопедии (3-е изд. М., 1970) о ней написано:

«Советский математик, доктор физико-математических наук (1935 г.). В 1921 г. окончила Московский университет, с 1926 г. работала там же, профессор (1934 г.) Бари Н. К.

принадлежат глубокие исследования структуры непрерывных функций и единственности определения коэффициентов тригонометрического ряда по изображениям функции. Основные работы в области теории функций действительного переменного и теории приближения функций».

Москвичи, наверное, помнят и диктора радио Анну Бару... На Введенском кладбище похоронена Эмма Яковлевна Самойлович (урожд. Бари) вместе с мужем Александром Михайловичем, Статским Советником. И из нынешних потомков Бари уже никто не помнит о родственных связях с Эммой Яковлевной (супруги скончались в 1914 году).

Попытка отследить хотя бы одну ветвь из всей родословной обрастает новыми интересными находками. Например, фамилия и род Воскресенских происходят из Хотьково, уже несуществующей деревни Иевлево, что рядом с Сергиевым Посадом (Московская область). Свекор Лидии Александровны Бари, Дмитрий Иванович Воскресенский, был священнослужителем в храме Преображения в Пушкарях – Малый Головин переулочек в Москве. Он окончил духовную семинарию в г. Дмитрове (Московская область) с отличием и принял фамилию «Воскресенский» в знак особых успехов и усердия в учебе. До поступления в семинарию семья носила фамилию Лебедевы. Но последующие поколения так и остались с фамилией Воскресенские. Мужем Лидии Александровны стал сын Дмитрия Ивановича – Александр Дмитриевич Воскресенский, врач инфекционист-эпидемиолог (при-

зывался на службу и в Русско-японскую войну, и в Первую мировую 1914 г.).

В книге «От Москвы до Архангельска» (Москва, 1897) Петр Петрович Кончаловский приводит такую информацию:

«...В полуверсте от платформы Тарасовской, по левую сторону от железной дороги, лежит деревня Черкизово с небольшой шерстоткацкой фабрикой «Товарищества Новиков, Егоров и К^о». Как в этой деревне, так и в ее окрестностях по берегу реки Клязьмы расположено несколько дач местных крестьян, чередующихся с богатыми дачными усадьбами Крестовниковых, Жучкова, Шнауберта, Сорокумовского^[111], Зензиновых и др.»

Так вот, Александр Дмитриевич Воскресенский первым браком был женат на Алевтине Крестовниковой, летом жил на даче в Тарасовке (Черкизово) – рядом с церковью Покрова (теперь это место называется Черкизовский парк) и ездил на велосипеде в Сокольники на любимую работу.

*Александр Дмитриевич Воскресенский (муж Лидии Бари)
с сыном Кириллом. 1914 г.*

Лидия Бари с сыном Кириллом во дворе дома (кучер Иван Малафеев). 1915 г.

Кирилл Александрович Воскресенский

Красноармеец, Краснопресненского отряда 1941 г.

Кандидат биологических наук, доцент МГУ. 1980-е гг.

По сведениям П. Бурьшкина, Крестовниковы появились в Москве в начале XIX в. В московском купечестве они состояли с 1826 года, перечислившись из Переславля-Залесского Владимирской губернии. По семейному преданию отец Алевтины, Григорий Александрович, сохранил икону, перед которой молилась его прабабушка, когда Пугачев шел приступом брать Оренбург. Г. А. Крестовников окончил Московский университет (естественное отделение физико-математического факультета). Его научные статьи по органической химии публиковались в журнале Русского физико-химического общества и в Берлинском химическом об-

ществе. По его инициативе было создано «Товарищество Московского механического завода», первого в России завода того времени по изготовлению ткацких станков. С 1906 по 1915 год Григорий Александрович возглавлял Московский биржевой комитет. А в 1847 году братья Крестовниковы построили в селе Поляны Московской губернии (ст. Лобня Савеловской железной дороги) ткацкую фабрику, существующую и по сей день (Красная Поляна Мытищинского района).

В предреволюционные годы Г. А. Крестовников – председатель совета Московского купеческого банка. А в 1896 году, во время проведения Нижегородской художественно-промышленной выставки, он был председателем Комиссии экспертов.

В 1905 г., во время Русско-японской войны А. Д. Воскресенский, как военврач находился в одном из Восточно-Сибирских госпиталей. Алевтина Григорьевна в этом году скончалась во время родов, но он так и не смог попасть на похороны супруги.

Вернувшись в Москву, Александр Дмитриевич женился на Лидии Александровне Бари, которая была подругой Алевтины Крестовниковой. Между семьями долгие годы сохранялись доброжелательные отношения.

В 1925 г. А. Д. Воскресенский стал главным врачом Сокольнической инфекционной больницы. С 1935 по 1939 гг. был в ГУЛАГе вместе с сыном А. А. Воскресенским. На строительстве канала Москва-Волга, 3-го Управления Дмит-

Лага – понадобился врач. Неисповедимы пути Господни! Продолжатель дела А. Бари и В. Шухова, – Константин Константинович Купалов-Ярополк, как ведущий инженер, принимал участие в проектировании и строительстве канала Москва-Волга, а зять А. Бари и внук – на том же канале, на положении зеков. После окончания строительства канала Москва-Волга Александр Дмитриевич освободился и даже был награжден правительственными наградами, но забыли снять судимость, поэтому местом жительства было определено режимное расстояние – 101 км от Москвы. Он пробовал устроиться по своей специальности в г. Александрове (по Ярославской дороге), но не нашлось работы. И А. Д. Воскресенский определился только в Можайске.

Немецкие войска осенью 1941 года подходили к Москве. Лидия Александровна поехала выручать мужа. В поезде до Можайска ехали вместе с Дмитрием Петровичем Кончаловским, которого Лидия Александровна знала как историка, профессора Московского университета, слушала его лекции. Его старший брат, Петр Петрович, в молодости дружил с семьей С. И. Мамонтова, помогал в качестве художника оформлять домашние спектакли в Абрамцеве, в последующие годы помогал обустроить музей. Как упоминалось, он был женат на дочери известного художника В. И. Сурикова и приходился дедом Андрона и Никиты Михалковых-Кончаловских. А младший, Дмитрий, еще в юности нянчился с Борисом Леонидовичем Пастернаком на даче – Огневский

овраг, под Можайском, – куда он и ехал по пути с Л. Воскресенской. Пока в поезде обсуждали надвигающуюся трагедию возможной оккупации, Можайск уже обстреливали на ближних подступах и бомбили.

Лидия Александровна кинулась к мужу: «Бросай все, срочно выезжаем, с тебя сняли судимость». Они чудом успели выехать, а Дмитрий Петрович попал под оккупацию... плен – Германия, Франция. Впоследствии он стал литератором, под псевдонимом Степанов выпустил несколько книг.

Не так важно, какого вероисповедания был Александр Вениаминович Бари, какой национальности, какой гражданской принадлежности. Живя в России с паспортом американского гражданина, он был прежде всего сыном России и горячо любил ее, своим трудом создавал ее Достоинство и Величие! Вся жизнь Александра Вениаминовича – это часть нашей истории, которая складывается из биографий отдельных личностей, рождая биографию народа. Редактор-издатель журнала «Русский торгово-промышленный мир» Е. В. Михальский еще в 1915 г. писал в редакционном предисловии к первому выпуску:

«Настала пора сознаться, что даже в маленьких, часто весьма скромных по размеру предприятиях, преследующих как будто только личные выгоды, создается великая, мощная Россия, и деятели торгово-промышленного мира, ведущие Россию к богатству и славе, заслуживают того, чтобы русское

общество знало их имена».

* * *

В годы революционных потрясений В. Шухов остался в России. Дом на Новинском бульваре, в котором он жил, был куплен им на свои «кровные», но в 1918 году его экспроприровали, так как Владимир Григорьевич числился буржуазным элементом. (Сначала разорили уникальную библиотеку, а затем сожгли дом). Вместе с остатками проектной конторы и семьей он переселился в дом А. Бари, в Кривоколенном переулке.

Через год Владимир Григорьевич получил мандат от ВСНХ на управление оставшейся частью фирмы А. В. Бари. «За № 630/3930 от 11 марта 1919 г. Президиумом ВСНХ назначается Членом Правительственного Правления национализированного завода бывшего инженера Бари». Подписи: Председатель ВСНХ – А. И. Рыков, секретарь Президиума – А. Шотман.

Старший сын Лидии Александровны – Кирилл, страдавший сильной близорукостью – заигравшись, забывал, что теперь это не их квартира, а контора, и забегал, как к себе домой. Но, увидев Шухова, останавливался и недоуменно смотрел на Владимира Григорьевича, изо всех сил напрягая зрение. А В. Г. Шухов в свою очередь недоуменно смотрел на Кирилла и спрашивал его: «Мальчик, почему ты каждый раз

гримасничаешь, когда встречаешься со мной?» Возможно, Кирилл хотел увидеть своего дедушку, о котором так много и с теплотой говорили в семье.^[112]

В. Шухов собирал уцелевших специалистов и продолжал работу над проектами по строительству промышленных магистральных трубопроводов, знаменитой башни на Шаболовке^[113] (1919–1922 гг.), гиперболоидных опор ЛЭП через Оку (1927–1929 гг.). В Баку строится первая промышленная установка – завод «Советский крекинг» (1932 г.).

30 июля 1919 г. В. И. Ленин подписал Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны «установить в чрезвычайном срочном порядке в г. Москве радиостанцию, оборудованную наиболее совершенными приборами и машинами». К этому времени Владимир Григорьевич уже работал над первоначальным проектом радиобашни (антенны) и занимался поверочным расчетом конструкции. От первоначального варианта, – 9-секционного гиперболоида высотой 350 м, – пришлось отказаться из-за отсутствия металла. Было решено установить радиобашню – 150 м. Административные и хозяйственные текущие хлопоты выполнял один из старейших работников фирмы Николай Юльевич Меллье, который и в прежние годы замещал А. В. Бари, когда тот был по делам в отъезде. Владимир Григорьевич должен был сосредоточиться над доработкой проекта. В сентябре 1919 года в нотариальном подотделе Московского Совета была оформлена доверенность – документ наделявший Николая Юлье-

вича обширными правами; сам же В. Г. Шухов всегда тяготился ролью руководителя фирмы, это отвлекало его от творческого процесса и отнимало много времени.⁵²

Содержание доверенности:

«Самостоятельно принимать от имени Шухова заказы-наряды на поставку металла и сырья, составлять сметы на проекты, подавать счета на выполненные работы, закупать оборудование, получать наличные деньги, открывать и закрывать текущие счета в Государственном банке, подписывать чеки, нанимать и увольнять служащих, мастеров и рабочих; определять им жалование». (Здесь и далее цитируется по книге Л. Арнаутова «Повесть о великом инженере»).

В момент оформления происходит разговор:

– А жениться от Вашего имени я тоже могу? – с серьезным видом осведомлялся Николай Юльевич.

– Можете! – в тон ему, без улыбки, отвечал Владимир Григорьевич. – Видите, юристом записано: «Уполномочиваю Вас во всех случаях действовать так, как бы я сам лично, не стесняясь чем-либо здесь недосказанным». Надпись на доверенности:

«1919 год, сентября 5-го дня доверенность эта явлена в нотариальном подотделе законоздравоспособным, лично

⁵² Договор оформлялся непосредственно с В. Г. Шуховым. Его проектная контора именовалась «Шуховская артель».

подотделу неизвестным гражданином Владимиром Григорьевичем Шуховым, представившим в удостоверение своей личности паспортную книжку, выданную ему...»

Началось строительство радиобашни. 22 июня 1921 года произошла авария во время подъема четвертого яруса, который был уже поднят до проектной отметки – уровня третьей секции гиперболоида. «Подъем осуществлялся пятью лебедками. С 75-метровой высоты секция упала вниз из-за обрыва троса на одной из лебедок. Были повреждены три первые смонтированные секции и, стоявшие на земле и готовые к подъему, пятая и шестая секции. В считанные секунды результаты двухлетнего труда были сведены почти к нулю».

Пока не удалось установить – были ли человеческие жертвы. Но по заключению технической комиссии авария произошла якобы из-за усталости металла (? – прим. авт.). Владимир Григорьевич был абсолютно уверен в правильности своих расчетов, в безупречности проекта и метода монтажа, в добросовестности производителя работ Александра Петровича Галянкина.

Не будем гадать – чья версия достоверна. Пожалуй, более правдоподобна версия Л. Арнаутова. В те годы не было никакой службы Госгортехнадзора, отвечавшей за исправность оборудования по безопасному перемещению грузов. А лебедками пользовались такими, какие смогли достать. И, вполне вероятно, что трос на одной из лебедок пошел «в разнос» из-за обрыва нескольких нитей в сплетке. Подня-

тая четвертая секция потеряла остойчивость из-за смещения центра тяжести, а применявшаяся страховка не смогла удержать ее от падения. Члены технической комиссии и П. К. Худяков, возглавлявший ее, понимали, что от их выводов зависит жизнь В. Г. Шухова, поэтому появилась запись о причине аварии: «... из-за так называемой усталости металла». Выводы ОГПУ прозвучали для В. Г. Шухова весьма угрожающе, когда ему, как руководителю, был вынесен приговор: «условный расстрел». Что творилось в душе Владимира Григорьевича... Какое надо было иметь мужество, чтобы найти в себе силы взяться за восстановление поврежденных секций и заново смонтировать всю конструкцию. А если бы опять неудача?..

Затем обнаружили неполадки на заводе «Советский крекинг», бесчисленные бюрократические препоны, волюнтаристские, порой технически безграмотные указания «сверху».

Но, несмотря на все трудности, Владимир Григорьевич не уходит со службы, он до последних дней постоянно встречается с сотрудниками (о чем свидетельствуют его рабочие тетради), оказывая им помощь в решении сложных инженерно-технических вопросов.

В 1932 г. по расчетам В. Шухова восстанавливается уникальный архитектурный памятник XV века – знаменитый «падающий» северный минарет медресе в Самарканде.^[114]

Завод паровых котлов Строительной конторы А. В. Бари

стал Государственным котельным заводом «Парострой». В 1930-е годы он так и размещался там, где теперь находится завод «Динамо». Возле завода долгие годы сохранялся Бариевский проезд, но при расширении промышленной зоны он оказался в составе увеличившейся заводской территории. Помнят о нем только москвичи-старожилы этих мест и потомки А. В. Бари.

В. Г. Шухов был избран главным инженером завода, категорически отказавшись от должности директора. В эти годы создавалась новая проектная структура «Строительная контора Мосмашинотрест», которую возглавил Владимир Григорьевич. Несколько лет заводом выполнялись различные заказы. Но вскоре завод с испытательным полигоном закрыли и передали в электротехническую промышленность. Часть завода отошла к Теплотехническому институту. Остатки Конторы А. Бари растаскивали по различным отраслям...

На новом посту В. Шухов вместе с оставшимися сотрудниками прилагает титанические усилия в проведении ремонтно-восстановительных работ на железных дорогах России. Необходимо было в кратчайшие сроки восстановить мосты после разрушительных событий Гражданской войны. Непосредственным руководителем этих работ был Николай Степанович Лошинский. Не было квалифицированных рабочих, не хватало металла, отсутствовало необходимое оборудование. Из отслуживших свой срок железнодорожных

рельсов и стволов деревьев строили вспомогательные подъемные краны, для Москвы была изготовлена система водоснабжения по деревянным трубам и т. д. и т. п. Владимиру Григорьевичу было уже далеко за 70 лет, но он продолжал работать. В течение последних 20 лет жизни (с 1919 по 1939 г.) В. Шухов состоял членом Государственного Комитета нефтяной промышленности, был членом ВЦИК, членом-корреспондентом РАН, Почетным членом АН СССР, депутатом Московского совета. Ему дважды присваивалось звание Героя Труда, он одним из первых был удостоен премии им. В. И. Ленина. Несмотря на невероятную занятость, он не отошел от главного дела всей своей жизни. Владимир Григорьевич смог сохранить сформировавшийся коллектив специалистов, которые понимали и чувствовали «музыку» инженерного искусства, а в своей творческой жизни, как пишет Л. Арнаут: «шел к истине сквозь чащу противоречий и неясных фактов, драматизм поисков, горечь сомнений и радость удач».

В 1934 году В. Г. Шухов оставил дом А. В. Бари. По воспоминаниям внука – Ф. В. Шухова:

«На работу, а их теперь стало две – Стальпроект и Гипронефть, – нужно было ездить, а сил стало меньше. И поток людей устремился в кабинет на Зубовском бульваре (д. 16/20, кв. 64). Скольких ученых и инженеров перевидали стены этого кабинета! <...>

Новый кабинет, очень светлый, солнечный, и в нем – тот

же стол, те же шкафы, тот же диван, те же модели, нет лишь двери в проектную контору» (при переезде заодно прихватили мебель, принадлежавшую семье А. В. Бари – печальный и горький факт).

Одним из преемников В. Г. Шухова стал Николай Прокофьевич Мельников^[115], пришедший к Владимиру Григорьевичу в 1932–1933 годах по рекомендации Евгения Оскаровича Патона. В 1944 году он был назначен директором головной организации ЦНИИпроектсталькострукция, которая образовалась после ряда многочисленных переименований, переездов и преобразований проектного бюро В. Г. Шухова. Николай Прокофьевич возглавлял институт почти 40 лет. Он был известным специалистом и блестящим организатором – академик АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий. Сегодня это головное предприятие носит его имя – ЦНИИпроектстальконструкция им. Н. П. Мельникова. На фасаде здания установлены две мемориальные доски: слева – Н. П. Мельникову, справа – В. Г. Шухову.

Объем работ ЦНИИПСК необычайно широк и разнообразен. Под руководством Н. П. Мельникова были созданы проекты металлургических комплексов, как в СССР, так и за рубежом; проекты машиностроительных заводов-гигантов – флагманов отечественного машиностроения; проекты пусковых объектов космического комплекса; проекты зданий для судостроительной промышленности и энергетики. Расширился спектр принципиальных конструкторских реше-

ний при проектировании резервуаров и газгольдеров (емкостей для хранения нефтепродуктов и сжиженных газов). Построены по проектам ЦНИИПСК мосты через реки: Днепр (цельносварной мост им. Е. О. Патона в Киеве), Даугаву (вантовый мост в Риге) и др. Для радиостанций, радиорелейных линий и телевидения всех регионов страны было разработано и внедрено в массовое строительство множество различных опор, башен. Для радиоастрономии и космической связи разработаны сложные системы вибраторов, проволочных антенных систем, отражающих поверхностей, радиотелескопов и других уникальных объектов.

Многим знаком радиотелескоп в Медвежьих Озерах (Щелково) и перекрытие плавательного бассейна в подмосковном пансионате «Березка» (Мытищинский район). Это тоже работа ЦНИИПСК.

И еще одного специалиста помнят в ЦНИИПСК – К. К. Кулалова-Ярополка, работавшего в проектной конторе В. Шухова с 1929 по 1933 год. В 1934 г. К. К. Купалов становится главным инженером и заместителем начальника строительного сектора канала Москва – Волга. Он провел огромную работу по сохранению инженерных архивов В. Шухова, с 1958 по 1983 год преподавал в Московском инженерно-строительном институте им. В. В. Куйбышева (ныне МГСУ). Студенты с своим кругом любовно называли его – «"К" в кубе». Замечания студентам он высказывал в строгой форме, но всегда находил место остроумной шутке, чем сглажи-

вал суровость «приговора» по той или иной ошибке в работе.

После Н. П. Мельникова в 1982 году ЦНИИПСК возглавил один из опытнейших инженеров Владимир Васильевич Кузнецов – кандидат технических наук, Заслуженный строитель России, лауреат Государственной премии. Владимир Васильевич начинал работать с Николаем Прокофьевичем с 1946 года, он продолжает работать в ЦНИИПСК и по сей день.

Константин Константинович Купалов-Яроплок

Николай Прокофьевич Мельников

Владимир Васильевич Кузнецов

Владимир Васильевич Ларионов

Некоторые из многочисленных объектов, построенных по проектам ЦНИИПСК им. Н. П. Мельникова.

С 1989 года ЦНИИПСК возглавляет Владимир Васильевич Ларионов – доктор технических наук, профессор, академик Международной академии. Заместителем директора работает Геннадий Петрович Кандаков – кандидат технических наук который с первой же встречи и деловом коротком разговоре помог осознать всю значимость и авторитет ЦНИИПСК в дальнейшем развитии истории металлоконструкций в России и за ее пределами. Здесь работает и страстный поклонник таланта В. Г. Шухова – Евгений Петрович Морозов – человек необыкновенно интересный в мышлении, прост и деликатен в общении. Он кандидат технических наук, автор болле 60 изобретений.

Много талантливых инженеров и ученых трудится в этой организации, продолжая традиции, заложенные основателями научно-инженерного направления в области создания металлоконструкций – А. В. Бари и В. Г. Шуховым. За всю свою историю ЦНИИПСК никогда не работал «в корзину», так как сами руководители были, прежде всего, не случайными назначенцами, а талантливыми инженерами и учеными. И на их личном счету столько изобретений по различным направлениям широкого понятия слова «Наука», что перечислить их в одной главе не представляется возможным. Об этом надо писать отдельную книгу!

Думал ли Владимир Григорьевич Шухов о том, что оста-

нется из его наследия потомкам и всем нам для размышления над нашей историей? На закате жизни каждый здраво-мыслящий человек начинает вспоминать и свое детство, и юность, и семью. В мыслях невольно происходит самоанализ прожитого. Возможно, что неожиданная трагическая кончина В. Шухова не оставила нам обширных записей о Его видении жизни, его личных переживаниях, об удачах и ошибках. Может быть сохранились какие-то отрывочные воспоминания в семейных архивах. Ведь личная жизнь неразрывно связана с творчеством, и со своим «Я». Со временем все это становится достоянием истории, и нет греха в том, что было в личной жизни. Ведь памятники ставят символу творчества и гению мысли человека со всеми его личными достоинствами и недостатками.

Как пишет упоминавшийся А. Б. Иванов: «...личная жизнь В. Шухова была достаточно насыщенной и разнообразной. Он увлекался фотографией и спортом: занимался гимнастикой, ходил на каток и совершал лыжные прогулки, с увлечением упражнялся в метании бумеранга. Находил время для чтения и театра. Очевидно Владимир Григорьевич был по натуре оптимистом. И в молодые годы – более жизнерадостным, чем на закате жизни, когда прибавились семейные заботы. В. Шухов женился довольно поздно, когда ему перевалило на пятый десяток».

Но и в предыдущие двадцать лет, в пору зрелой молодости, Владимир Григорьевич имел возможность обзавестись

семьей. Однако семья не состоялась. Как пишет в своих воспоминаниях Е. А. Нерсесова (Бари): «Мать В. Шухова, по-видимому, была женщиной властной. Мужа и сына она держала в повиновении. Владимир Григорьевич был слабохарактерен в отношении женщин. Еще в Петербурге он сошелся с одной умной женщиной, хотел на ней жениться, но мать этого не допустила. Родился сын, кажется Владимир. Отец мой имел влияние на В. Г. Шухова и убедил его в необходимости усыновления. У нас дома его сын не бывал. Много позднее дошли слухи об известном и очень талантливом инженеру Владимире Владимировиче Шухове». Он окончил МИИТ (Московский институт инженеров транспорта), впоследствии заведовал кафедрой в этом же институте – один из крупнейших инженеров по вопросам эксплуатации железных дорог. Одно время он работал начальником службы Северной (Ярославской) железной дороги. В 1929 году его арестовали. Владимир Григорьевич хлопотал по всем инстанциям и добился освобождения сына, но было уже поздно – в Бутырке Владимир застудил почки и умер в 1931 году. Так что последние годы жизни Владимира Григорьевича были омрачены постоянными тревогами и волнениями.

Когда В. Г. Шухову было около 30 лет и окончательно поселился в Москве, он был популярен как молодой и талантливый инженер среди широкой публики. Тогда он еще не был связан семейными узами, да и, видимо, не стремился к этому, считая, что «женщины должны быть украшением

жизни».

Ольга Леонардовна (по документам Леонгардовна) Книппер еще не имела приставки к своей фамилии Чехова и была увлечена Владимиром Григорьевичем. Но их роман не нашел продолжения. О. Книппер на эмоциональном всплеске дала повод для широкой огласки их взаимоотношений и поползли слухи по Москве, что, вот мол, В. Шухов обнадеежил, обещал жениться, а теперь Ольга Леонардовна хочет на себя руки наложить... Со временем страсти улеглись, но этот эпизод до сих пор известен старшему поколению москвичей.

На международной конференции «Передовые технологии на пороге XXI века», состоявшейся в мэрии Москвы в октябре 1998 г., Е. М. Шухова (правнучка В. Г.) делала сообщение о В. Г. Шухове. Всем присутствующим была ясна роль ее прадеда в инженерном деле и не было по этому сообщению никаких вопросов. Но исследователей творчества В. Г. Шухова интересовали сведения личностного свойства. И совсем не для того, чтобы показать любопытную осведомленность, а чтобы лучше понять Владимира Григорьевича как человека. Из зала был задан вопрос: «А чем закончился роман В. Г. Шухова с О. Л. Книппер? Ответ был лаконичен: «А что? А все было нормально»...

От Анны Николаевны Мединцевой у Владимира Григорьевича Шухова было пятеро детей: Сергей, Фавий, Вера, Ксения, Владимир – все погодки. «Возвращаясь домой после работы отец охотно, хотя и не очень долго, занимался

с детьми. Потом уходил в кабинет и продолжал работать, иногда до глубокой ночи. Дети любили отца, прощали ему некоторую вспыльчивость, свойственную ему» (упомин. А. Б. Иванов «Современные инженеры», ЖЗЛ. – М.: 1985).

Многое удалось прочитать о деятельности В. Г. Шухова послушать докладов. В основном – это заслуженное преклонение перед его талантом. Но иногда складывалось впечатление, что пишущие и выступающие переусердствуют так, как будто они дают ему рекомендацию кандидатом в члены КПСС.

Владимир Григорьевич не нуждается в освещении своего образа. Он должен быть таким, каким он был и остается в памяти всех, кто знал его как творца и как человека. А кто не знал? – Тот узнает, прочитав эту книгу.

По воспоминаниям правнука А. В. Бари – Георгия Борисовича Ефимова: «Анна Николаевна почему-то не любила А. В. Бари. Очевидно с ее слов не жаловали его память и ее дети, а от них получали информацию люди, писавшие о В. Г. Шухове».

Возможно это была одна из причин бесконечных противопоставлений их деятельности и последующих нелестных строк об А. В. Бари в советских книгах 1950–60 годов. А может быть – обычная стандартная идеологическая маска, естественная и обязательная для тех лет.

О судьбе детей и потомков Владимира Григорьевича и Анны Николаевны Мединцевой автору известно только то,

что написано по сведениям правнучки – Елены Максимовны Шуховой:

«До революции Фавий и Ксения учились в Московской консерватории: Фавий – по классу скрипки, Ксения – по классу фортепиано. Сергей в равной степени обладал художественными и математическими способностями. Он занимался рисунком в студии П. И. Келина (учителя В. Маяковского), окончил три курса архитектурного отделения Училища живописи, ваяния и зодчества а затем поступил в Петербургский институт гражданских инженеров, одновременно выдержав экзамен в Технологический и Путей сообщения. Вера была балериной и выступала на большой сцене. Владимир интересовался поэзией и писал стихи. Спортом, как и отец, увлекались все дети.

Владимир Григорьевич Шухов на скамейке у своего дома в Москве (Неопалимовский переулок). 1913 г.

Владимир Григорьевич Шухов в кругу семьи

Памятник В. Г. Шухову на его родине (г. Грайворон) в парке его имени. Фото автора, 1999 г.

Открытие памятника В. Г. Шухову (г. Белгород). Государственная технологическая академия строительных материалов, 3 октября 2001 г. Слева направо: В. И. Маслов, ректор БелГТАСМ профессор А. М. Гридчин, митрополит Белгородский и Старо-Оскольский Георгий

Елена Максимовна Шухова (правнучка) с дочерью Натенькой. Московский зоопарк. Фото автора, 2000 г.

*Памятник ВТ. Шухову на Новодевичьем кладбище.
Москва (фото автора)*

В Первую Мировую войну Сергей и Фавий прошли ускоренный курс Александровского военного училища на Знаменке и ушли на фронт. Оба служили в артиллерии. Все три сына сражались в рядах Белой армии с одобрения отца. Младший из сыновей погиб в 1919 году. Революция искалечила судьбы детей В. Г. Шухова. Фавий Владимирович в советское время так и не смог реализовать свои музыкальные способности. Сменил много профессий: был и фотографом, и учителем и т. д. В 1945 году он был сослан в Омск, где заболел и через год скончался от скоротечной чахотки в возрасте 51 года. Его дочь Ирина работала в издательстве.

Вера Шухова-Лапшина ушла со сцены и одно время работала стенографисткой, она серьезно занималась шахматами и на турнирах играла наравне с мужчинами. Умерла Вера Григорьевна в 1990 году, когда ей было 94 года.

Ксения до конца жизни преподавала в Станкине, она умерла в 1974 году.

Сергей Шухов окончил МВТУ им. Н. Э. Баумана и стал инженером-строителем – ученик А. Ф. Лолейта. Он проектировал железобетонные сооружения на трассе нефтепровода Грозный-Туапсе, большепролетные перекрытия стекольных заводов: Лисичанского, «Белого Бычка», Горьковского; заводов цветной металлургии. Занимался ремонтом зданий Большого и Вахтанговского театров, пострадавших во время Великой Отечественной войны от бомбежек немецкой авиа-

ции. Его кандидатская диссертация была посвящена теории безраскосных ферм. О деятельности Сергея Владимировича положительно отзывались профессора Н. С. Стрелецкий и К. М. Дубяга, они ценили талант С. Шухова, единственного прямого наследника фамилии Владимира Григорьевича. Он скончался в 1969 году в возрасте 75 лет».

Профессиональная линия от Сергея продолжается и в наши дни. Его старшая дочь Алла Сергеевна стала архитектором, младшая Лея Сергеевна, как дед и отец стала инженером-строителем. Дочь Аллы Сергеевны – Елена Максимовна – окончила МАРХИ и занимается исследованием истории инженерной мысли в России рубежа XIX–XX веков. В 1997 году у Елены Максимовны родилась дочь Настенька – праправнучка Владимира Григорьевича.

В 1939 году в результате неосторожного обращения с керосиновой лампой В. Г. Шухов получил обширные ожоги и скончался. Похоронен он в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Установить в Москве памятник В. Г. Шухову – символу российской инженерной мысли – это долг России. Творческий потенциал В. Г. Шухова – это фундамент многих успехов «Строительной конторы», где решались задачи по реализации его проектов, а А. В. Бари обеспечивал финансовое благополучие всей деятельности предприятия. Не следует идеализировать или драматизировать их взаимоотношения. Их союз должен быть обязательно отмечен памятной

доской на доме, где они жили – Москва, Кривоколенный переулок, дом 11/13. И это будет справедливо.

Опубликованы и другие воспоминания о Владимире Григорьевиче, сохранившееся его внуком Федором Владимировичем (сыном от старшего Владимира):

«Дедушка однажды спросил: «Кем ты хочешь быть, какая профессия тебе по душе?» Я ответил: «Хочу быть инженером, как дед и отец». Дедушка очень серьезно посмотрел на меня и спросил: «А ты знаешь, что такое – быть инженером?» Я с юношеским задором рассказал о профессии инженера, он заметил: «Ты не знаешь, как это трудно. Надо думать, все время думать, днем и ночью, и все время придумывать новое, иначе тебя жизнь отбросит. Кроме того, профессия инженера – это заводы, монтажные площадки, где тоже твое рабочее место, и есть рабочие коллективы, воплощающие инженерные идеи, о них тоже нужно думать. Как трудно работать клепальщикам, котельщикам, кузнецам».

Подумав, он добавил: «Имей в виду, с техникой нужно быть очень честным. За обман она жестоко мстит, разрушается, ломается и не только губит твое доброе имя, но может погубить и людей».

В другой раз, говоря о профессии инженера, он сказал мне: «Профессия инженера тем неблагодарна, что для понимания ее красоты нужно иметь знания, а красота произведений искусства воспринимается чувствами. Прежде чем остановиться на профессии инженера, рекомендую поработать

на заводе рабочим».

История с Мытищинским водопроводом

Мытищинский водопровод начал эксплуатироваться с 1804 года и более 100 лет снабжал водой жителей Москвы. За все время эксплуатации он неоднократно реконструировался. К изыскательским работам привлекались: Фридрих Вильгельм Баур – первый автор проекта Мытищинского водопровода и организатор его строительства, начатого еще по Указам Екатерины II; И. Герард, Н. И. Яниш, А. И. Дельви́г, П. В. Максимов, Н. П. Зимин, С. Н. Никитин, Г. А. Траутшольд, К. П. Карельских, С. А. Озеров, К. Э. Лембке, Е. К. Кнорре, В. Г. Шухов и др.

Мытищинская вода, подававшаяся в Москву самотеком до 1892 года, считалась целебной. Барон Андрей Иванович Дельви́г, один из директоров Мытищинского водопровода и руководитель его ремонта в 1853 году, в одном из томов своих «Воспоминаний» писал:

«Жена моя была больна, и мы были вынуждены переехать в Петербург под постоянный надзор врачей. В течение 13 лет я возил воду из Мытищ в Петербург, врачи рекомендовали ее целебные свойства 15 бочек поставлялись для царского двора...». (Изд. Императорского Московского Румянцевского музея, 1913).

Екатерина Великая. С картины В. Боровиковского. 1794 г.

Примечательна сама история Мытищинского водопрово-

да.

До сих пор народная молва гласит, что волей случая довелось императрице испить мытищинской воды из родникового Громового ключа. И столь понравилась она ей, что государыня, не медля ни минуты, распорядилась построить отсюда водопровод для жителей Москвы.

Это легенда, а вот как все было на самом деле. Екатерина II довольно часто по неотложным делам навещала первопрестольную. Все ее визиты подробнейшим образом записывались в специальный Камер-фурьерский Церемониальный журнал. Вот и 1775 год государыня проводила в Москве, следя за приготовлением торжеств в честь первого кавалера св. Георгия графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, под командованием которого русская армия одержала победу над Турцией годом раньше (26 июля 1774 г.).

Был заключен Кучук-Кайнарджийский мир и подписано очень выгодное для России соглашение, по условиям которого Россия получила Азов и Керчь, крепости Кинбурн и Еникале, что освобождало важнейшее геополитическое пространство – устья Дона, Днепра и Буга, Керченский пролив. Татары, жившие по берегам Азовского моря и северному побережью Черного моря, признавались независимыми от турецкого владычества. Кроме того, Турция должна была выплатить России контрибуцию в 4, 5 млн. рублей.

Однако ратификация мирного договора с турецкой стороны откладывалась по разным причинам. Но императрица не

сидела сложа руки, она успевала много работать: следила за исполнением мероприятий к предстоящим торжествам, давала указания соответствующим службам о подготовке списка всех, кто отличился в военных действиях, чтобы по заслугам отметить их ратные подвиги. (У Екатерины II появились и личные интересы в приобретении понравившегося ей села Черная Грязь – будущее Царицыно. И. Н. Сергеев. Царицыно. М., 1995).

Императрица приехала в Москву еще зимой, 21 января 1775 года. До наступления весны и теплой погоды она наносила визиты высокопоставленным чиновникам и интересовалась проведением в жизнь и быт москвичей ее реформ: организация банков в связи с введением в обиход ассигнаций^[116], регламентация купечества по капиталам. 23 апреля в Москве отмечался день рождения Екатерины II. А со следующего дня по заведенному расписанию она посетила открытый по ее наказу в 1753 году Воспитательный дом (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана), село Коломенское, Измайлово, Ходынку, Черную Грязь и везде вникала в дело: давала советы и указания, рекомендации. Часто императрица работала и по воскресным дням. С 29 мая по 3 июня она находилась в Троице-Сергиевой лавре. 31 мая. Воскресенье, праздник Живоначальной Троицы (Троицын день). Как записано в Камер-фурьерском журнале: «Обеденные кушанья ЕИВ (Ее Императорское Величество) соизволила кушать с Павлом и его супругой, с Преосвященным архиепископом Платоном и

с находящимися в свите обоего пола чужестранными министрами и гвардии офицерами в 43-х персонах. При столе пили здоровье следующие:

1. Ее Императорского Величества при пушечной пальбе 51 выстрел.

2. Здоровье Павла и супруги его при пушечной пальбе из 31 выстрела.

3. Здоровье Преосвященного архиепископа Платона при пушечной пальбе из 21 выстрела.

При сих трех здоровьях на галерее певчими пето многая лета, и был колокольный звон».

По пути следования из Москвы в Троице-Сергиеву лавру и обратно Екатерина II останавливалась в путевых дворцах, расположенных в селе Алексеевском, Тайнинском, Братовщине, Воздвиженском. Нельзя было миновать и села Большие Мытищи. Вот здесь-то и зародилась красивая легенда о том, что якобы выдался жаркий день, императрицу томила жажда и захотелось ей испить водицы. Но то ли забыли воду, то ли она теплой оказалась в припасе. Жители села Большие Мытищи и поднесли Екатерине родниковой воды из Громова ключа... «И столь понравилась она ей, что...»

Подросли и личные интересы, связанные с приобретением имения. 14 июня 1775 года она пишет собственноручный указ о назначении Василия Карачинского в дворцовые управители: «Указ нашей дворцовой канцелярии. Повеле-

ваем венгерского гусарского полку капитана Василия Карачинского определить управителем в купленный у бригадира князя Сергея Кантемира^[117] и у князя Трубецкого под Москвой деревни Черной Грязи с приписанными крестьянами. Крестьян Карачинский имеет ныне принять и содержать точно так, как были у князя Кантемира, и на крестьян не накладывать ни работу, ни сборы больше нежели ранее работали и платили. В присутствии же нашем и когда двор туда приедет не давать ни единого человека из той деревни для работы какой ни на есть придворной должности. Капитану же Карачинскому определяем жалованье триста рублей и по 20 четвертей хлеба в год. Екатерина» (РГАДА, ф. Ю, оп.1, д.127).

Дальнейшие события шли своим чередом. Российские дипломаты работали по трудным позициям ратификации Кучук-Кайнарджийского мира. И вот императрице донесли, что все, наконец, улажено. Государыня с нетерпением ожидала приезда турецкого посла Абдул-Керим-Беглербея Румелийского. Наконец, 5 октября 1775 года турецкий посол прибыл в Москву. Москвичи узнали, что он привез Екатерине много денег, и стали одолевать ее многочисленными жалобами и просьбами. Поспешил со своим прошением и граф Яков Сиверс, управляющий водными коммуникациями России. Он писал Екатерине П: «Жителям сего великого города настоят крайняя необходимость в хорошей воде для пищи <...> бедные нуждаются во все времена года, но пользуются весьма дурною водою во вред здоровья...»

Императрица торжественно отметила заслуги П. А. Румянцева и выехала в Петербург. (Подробности торжеств и приемов описаны в упоминавшейся книге М. П. Пыляева «Старая Москва». – М.: 1995, печ. по изд. А. С. Суворина, С-Петербург, 1891 г.). Но просьбы москвичей не остались без ее монаршего внимания. Екатерина II подготовила ряд указов о продолжении начатого строительства дворцового комплекса, купленного ею Царицыно (Черная Цзязь), о закладке здания Сената в Кремле и Петровского дворца.

Предвидя расходы на строительство, государыня еще до отъезда из Москвы в Петербург подписала указ о выделении денег на восстановление функций Приказа Каменных дел (Каменный приказ), чтобы обеспечить своевременную доставку кирпича к месту работ. Несмотря на издержки и трудности с реализацией указов, императрица искренне увлеклась строительством. В письме барону Гримму она признавалась: «Страсть к постройкам усилилась у нас как никогда, и ни одним землетрясением не разрушено столько зданий, сколько мы их строим. Стройка – дело дьявольское: она пожирает огромные деньги, и чем больше строишь, тем больше хочется строить. Это болезнь, как запой...»

Не была забыта и просьба Я. Сиверса: высочайше повелевалось изыскать хорошую питьевую воду для второй столицы. Императрица помнила, какое несчастье постигло жителей Москвы: с апреля 1771 года по март 1772 года в Москве от моровой язвы (холеры) умерло 57901 человек. (Наиболее

опасные заболевания в первопристойной, такие как холера, тиф, дизентерия распространялись через воду).

Фридрих Вильгельм Баур

Для решения проблемы с питьевой водой для московских жителей она привлекла Фридриха Вильгельма Баура, ведавшего в те годы Гидравлической коллегией в Петербурге, известного специалиста по фортификационным и гидротехническим сооружениям, которого пригласила на службу в Россию еще в 1768 году. По ее указанию Ф. Баур приехал из Петербурга в Москву и приступил к обследованию Сокольнических ключей и многочисленных других мест, где могли быть запасы воды с перспективой использования их для крайней нужды жителей Москвы.

Почему Екатерина II выбрала Ф. Баура? – Очевидно, она была осведомлена о талантливых и деловых специалистах – немцах, известных в Западной Европе. Фридрих Вильгельм Баур родился в 1734 году в графстве Ганау, но не имел графского титула. В 22 года он уже принимал участие в военных действиях между Францией и Англией в составе гессенских войск (1756–1760). После окончания войны он в чине инженер-майора перешел на службу в Пруссию. В 1762 году Ф. Баур получил звание генерал-квартирмейстера. Когда кончилась семилетняя война, он вышел в отставку и решил посвятить себя трудам как инженер по гидротехническим и фортификационным сооружениям. Назревал очередной военный конфликт с Турцией. Екатерина II решила пригласить его в Россию, как известного и опытного специалиста. Со-

хранив ему звание, она направляет его в действующую армию графа П. А. Румянцева. В 1770 году Ф. Баур принимал участие в сражениях при Ларсе и Кагуле. Особенно он отличился в бою при Рябой Могиле, где командовал передовым отрядом. За грамотные действия и личное мужество был награжден орденом св. Георгия 2-ой степени.

Изучая боевые действия русских войск в наступлении и обороне, в резерве и переформировании, Фридрих Вильгельм Баур пришел к выводу о необходимости упорядочения взаимодействия всех составных структур армии. В 1772 году он подал предложение о реорганизации штабной службы, в котором заложил основы Положения о Генеральном штабе с перспективой создания российской Академии Генштаба.

В последующие годы Ф. Баур, как ученый и инженер, выполнял различные поручения по строительству оборонительных гидротехнических сооружений в Кронштадте, Риге, на озере Ильмень и в ряде других мест. Это были оригинальные системы водных фортификационных сооружений, исправно прослуживших более 150 лет. Для испытания его в деле гражданского строительства Екатерина II пригласила Ф. Баура в Царское Село, где он по собственному проекту построил первый самотечный водопровод «с невеликой издержкою». Так что не за красивые глаза и напудренный парик Фридрих Вильгельм Баур удостоился высочайшего внимания. В 1778 году изыскательские работы были закончены, и Баур написал Екатерине, что Мытищинские источники

оказались «наиболее ценными по качеству воды и по запасам ее наиболее подходящими». К докладу были представлены результаты гидрогеологических изысканий и первоначальная смета расходов на строительство водопровода. От императрицы последовало два указа (их копии хранятся в архивных фондах Московского музея воды).

Карта и план устройства водопровода на Москву, составленные Ф. Бауром

«Указ нашей штатс-конторы.

Указав нашему генералу-порутчику Бауру произвести в действо водяные работы для пользы престольного Нашего города Москвы, повелеваем штатс-конторе показанную по смете Его на то сумму милиен сто тысяч рублей отпустить таким образом. В нынешнем году пятьдесят тысяч, в 1780-м, 1781-м, 1782-м, 1783-м и 1784-м, в каждом по сту по пятидесяти тысяч рублей, в 1785-м, в 1786-м и 1787 годах по сту тысяч рублей, имея те деньги в готовности к началу каждого года и выдавая оные по требованию Его, половину медною монетою, а другую банковыми ассигнациями.

На подлинном подписано Собственною Ея Императорского Величества рукою тако...

Екатерина

В подлинном читал обер-квартирмейстер Федор Медвед в Царском Селе июля 28 дня 1779 года».

«Князь Михайло Никитич. Генерал-порутчик Баур по воле Нашей имеет вступить в нынешнем еще году в производство водяных работ для пользы столичного Нашего города Москвы, от Нас Ему препорученных. Мы желаем, чтобы Вы паче со своей стороны в сем деле не оставили подавать Ему всякое пособие, так особливо силою сего предписали Мос-

ковскому губернатору и обер-полицмейстеру, да и всем данного дела Его касаться будет о всевозможном исполнении Его требований и помощи, где она сродственным образом учинена быть может.

Для караула при казне, магазейной и материалах прикажите дать Ему потребное число солдат из гарнизона тамошнего, а в случае недостатка в людях и из дивизии, Вами предводимой.

Пребываем впрочем Вам благосклонны.

Подлинно подписан Ея Императорского Величества рукою тако...

Екатерина

Царское Село июля 18 дня 1779 года

Князю Михаилу Никитичу Волконскому»

По принципу Царскосельского водопровода Ф. Баур рассчитал необходимые уклоны и глубину заложения трассы, которая должна была быть ниже уровня промерзания почвы в окрестностях Мытищ. Это было по тем временам грандиозным сооружением такого масштаба. Строительство было многотрудным и долгим, ежедневно выделялось 400 солдат для производства работ. Оно велось почти 25 лет, так как работы прерывались из-за начавшейся очередной войны с Турцией (1787–1791 гг.).

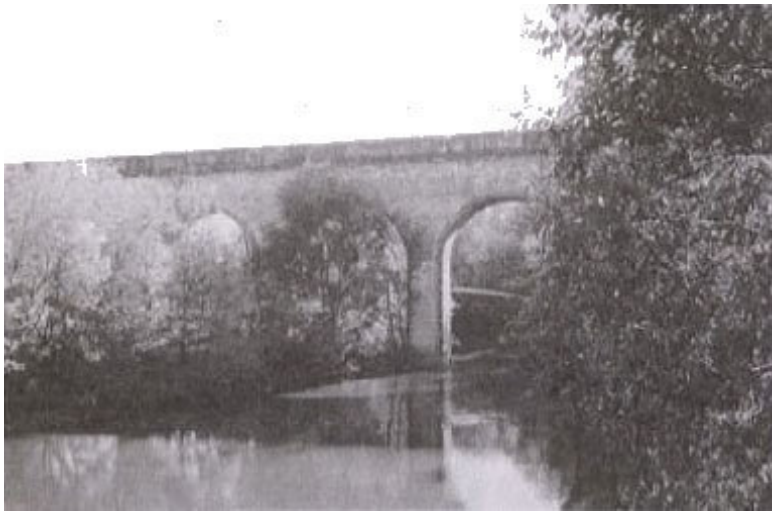
Ф. Баур скончался в возрасте 48 лет (1783 г.) в год начала строительства акведука в Ростокино. Работы продолжил его коллега и преемник инженерполковник Иван Герард. Сохра-

нилась памятная доска с его именем в конце Ростокинско-го акведука, рядом с домом смотрителя. И. Герард был главным инспектором Гидравлической коллегии по строительству подобных инженерных коммуникаций, поэтому он курировал одновременно многие объекты, в том числе строительство гидротехнических сооружений в Вышнем Волочке, дворцового комплекса в Царицыно и Мытищинского водопровода. Непосредственным исполнителем работ на Ростокинском акведуке был его сын, Логин Иванович Герард.

Галерея водопровода по проекту Баура (современный снимок)

мок автора)

Ростокинский акведук (современный снимок автора)

Вокруг истории строительства акведука тоже ходили легенды. Народная молва окрестила его как «мост-миллионник». Поговаривали, что Екатерина II отпустила на его строительство ровно миллион рублей. И что совсем невероятным было для России – уложились в смету расходов, а на сэкономленные (!) несколько десятков рублей будто бы хозяин работ выставил мастерам бочку вина. Это, конечно, досужие разговоры, а вот акведук и по сей день своим величественным видом украшает округу и является памятником

зодчества и инженерного искусства. Нижняя часть его опор покоится на мощном кирпичном фундаменте, а своды по наружной части облицованы белым камнем «взамок». Верхний ложемент, по которому проходит 3-я (шуховская) трасса водовода, выложен из кирпича мытищинского завода Челнокова.

Когда же водопровод подошел к селу Алексеевскому (ныне там находятся корпуса завода «Мосводоприбор»), на строительство прибыла сама государыня. Как писал инженер-полковник Министерства Путей сообщения, куда относился и Мытищинский водопровод, Зеге фон Лауренберг, «в селе Алексеевском в 1787 году Екатерина II изволила лично наслаждаться первым плодом своей благотворительности, узрев первую пользу жителям Москвы, сим водопроводом принесенную».

Екатерина Великая скоропостижно скончалась в 1796 году.

Строительство водопровода продолжалось. Павел I в 1797 году своим указом выделил 400 тысяч рублей для продолжения работ, а в 1802–1803 годах уже Александр I дополнительно отпустил из казны еще 200 тысяч рублей для их завершения.

В 1804 году строительство было закончено, а в 1805 году Москва получила сказочно чистую и свежую воду (с легким привкусом железа), 300000 ведер в сутки. Как писали историки – несмотря на все трудности «славной водовод Мыти-

щинский был совершенно кончен».

Галерея была доведена до Трубной площади (на «Трубе»), где был устроен бассейн. Здесь был сооружен Самоотёцкий фонтан. От него стали прокладывать трассу вдоль Самоотёцкого канала к Кузнецкому мосту для укладки водовода из чугунных труб для устройства других водоразборных сооружений и фонтанов.

Известный русский поэт Н. М. Языков проезжал дилижансом с друзьями через село Большие Мытищи по пути в Троице-Сергиеву Лавру. И было, конечно же, чаепитие в Мытищах. Здесь и родился его экспромт – гимн знаменитой живительной мытищинской воде.

Отобедав сытной пищей,
Град Москва, водою нищий,
Знойной жаждой был томим;
Боги сжалились над ним.

Над долиной, где Мытищи,
Смеркла неба синева...
Вдруг удар громовой тучи
Грянул в дол – и ключ кипучий
Покатился... Пей, Москва!

1830 год.

Однако через каждые 15–20 лет приходилось производить ремонтные работы из-за обвалов и промоин от дождей

и внешних вод. Галерея была выложена красным водостойким кирпичом на песчаной подушке, покрытой свинцовыми листами, и не могла выполнять роль монолита на длинных участках. При обследовании сохранившегося подземного участка галереи^[118] Мытищинского водопровода автором были произведены обмеры кирпичной кладки на протяжении километра.

Вода из Мытищ в Москву поступала самотеком, однако необходимого количества ее постоянно не хватало. Глубина заложения галереи в разных местах, в зависимости от рельефа, была не одинакова: в пределах Мытищ – 6 метров, в районе Сокольников – до 18 метров. Поэтому было довольно сложно определять аварийные места и производить ремонтные работы. Появлявшиеся трещины в кирпичной кладке пропускали воду от дождевых потоков, весенних паводков и местных ключей. В других местах через трещины уходила мытищинская вода. Да и в ночное время из-за неразбора вода сливалась в водосток.

Первыми ремонтными работами (1826–1835) руководил Управляющий III округом Путей сообщения генерал-майор, инженер Н. И. Яниш. Ремонтные работы, проводившиеся под его руководством, не были завершены. Но он успел сделать очень многие объекты: устройство первой насосной станции перекачки в селе Алексеевском, устройство многих фонтанов в Москве, и подготовил конечную структуру водопровода, чтобы уменьшить потери воды.

Как пишет Ф. Я. Нестерук⁵³: «Из Сухаревской башни (сюда вода поступала от Алексеевской насосной станции) вода расходилась по чугунным трубам магистрального водовода длиной 430 м, шедшего по ул. Сретенка и Лубянке (ул. Держинского) до Никольской (Держинского) пл., где в сентябре 1830 г. был устроен «для продовольствия жителей» фонтан. От магистрального водовода было сделано ответвление длиной 160 м к другому фонтану против Шереметевской больницы (инст. им. Склифосовского), открытому также в сентябре 1830 г., а от Никольского бассейна по проложенным трубам к трем фонтанам: Варварскому (на пл. Ноги́на), устроенному в 1833 г., Петровскому или Театральному (на пл. Свердлова), открытому в 1835 г. и Воскресенскому у Александровского сада (в конце пл. Революции, рядом со стеной Китай-города). Кроме питания фонтанов устроено было соединение Сухаревского резервуара с кирпичной галереей старого водопровода: сюда предполагалось пускать воду в том случае, если бы оказался ее избыток. Устроены были также ответвления водоводов в Кремлевский дворец, Воспитательный дом (б. Дворец Труда), в театры, бани, торговые ряды Китай-города.

После ремонтных работ под руководством Н. И. Яни́ша устройство других фонтанов и дополнительных развязок водоводов продолжалось. Вода, стекавшая за излишком из фонтанов во время неразбора с 12 до 3-х часов дня и ночью в

⁵³ Нестерук Ф. Я. Гидротехническое прошлое великого города. – М.: 1947.

количестве до 10000 ведер от каждого фонтана, предназначалась для использования разными владельцами на особых условиях: Шереметьевский фонтан снабжал Сандуновские бани, Петровский – бани Чельшова (на месте современного «Метрополя»); из Воскресенского фонтана вода подавалась в Кремлевский дворец, а из Варварского – в Воспитательный дом. Из Лубянского фонтана был устроен еще один подземный чугунный резервуар и от него проложен чугунный водовод по Никольской ул. и Ветошному пер., через Ильинку и Хрустальный пер. до церкви св. Варвары и далее в Зарядье, где был устроен последний фонтан. Все работы обошлись в 725 тысяч рублей».

Следующие ремонтные работы собирался возобновить новый директор Московских водопроводов инженер-полковник П. В. Максимов, но он скоропостижно скончался в 1853 году, а его планы и дело продолжил А. И. Дельвиг.⁵⁴ Он и занялся техническим переустройством водопровода, начиная с Мытищ: углубил водосборные колодцы, увеличил их количество и проложил вторую (самостоятельную) трассу из чугунных труб, частично используя некоторые участки галереи и ранее построенные акведуки. Им были устроены станции перекачки воды в селе Большие Мытищи, селе Алексеевском (реконструкция), у Крестовской заставы, на Сухаревской башне. Вода собиралась в рабочих и резервных бассей-

⁵⁴ В 1856 году в Москве была издана книга А. И. Дельвига «Руководство к устройству водопроводов».

нах. На всех накопителях были установлены паровые машины с насосами и вода поднималась (нагнеталась) в водонапорные баки, откуда снова самотеком передавалась до следующей станции перекачки. Приток воды в Москву увеличился до 500000 ведер в сутки.

Кроме решения технических вопросов А. И. Дельви́г принял деятельное участие в реконструкции часовни над Грозовым ключом. Еще в 1833 году его предшественники начали работы по переустройству ее по проекту П. В. Максимова. Были изготовлены и установлены памятные доски в честь Екатерины II и строителей водопровода.

Как пишет П. П. Кончаловский (По Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге. – М.: 1897): «Над входной дверью часовни вделана мраморная доска с надписью: «На горах станут воды и от гласа твоего побегут (Псал. Р. Г. стих)». Внутри часовни небольшая каменная лестница опускается в вестибюль, за которым устроен бассейн, окруженный узкой галереей, отгороженной от него решеткой. На передней стене вестибюля внизу вделаны две металлические доски, надписи которых увековечивают как время основания, устройства и перестроек Мытищинского водопровода, так и имена строителей.

На нижней, более старой металлической доске, сделана следующая надпись: «Московский водопровод сооружен щедротами блаженныя и вечныя памяти достойныя государыни Императрицы Екатерины II по проекту инженер-гене-

рала Баура 1779 года». На более поздней доске:

«Ключ сего бассейна по преданию народному, произведенный ударом грома, первый подал мысль к построению сего благодетельного для Москвы сооружения, бассейн чей вновь перестроен в царствование государя Императора Николая I при управляющем III округом Путей сообщения Генерал-майоре Янише, по проекту подполковника Максимова, поручиком бароном Дельвигом в 1833 году, нояб. 25».

В 1879 году, в год 100-летия со дня подписания указов императрицы о начале строительства водопровода, в часовне был совершен благодарственный молебен и отслужена панихида по «в Бозе почившей Императрице Екатерине II, по воле которой устроен Мытищинский водопровод». В основании купола часовни, в киоте, была установлена икона Животворящего Источника, принадлежавшая матери А. И. Дельвига (урожд. Волконской). Перед иконой была зажжена лампада и установлена памятная доска с надписью: «Лампада перед сим образом поставлена в память столетней годовщины основания Мытищинского водопровода 1779 года.

28 июля 1879 года».

Но и 500 000 ведер воды в сутки для Москвы было мало, поэтому изыскания водных запасов из мытищинских источников продолжались:

– 1870 год. Инженер Генох дает предложение в Московскую городскую Управу, что из мытищинских источников

можно отбирать 9 300 000 ведер воды в сутки;

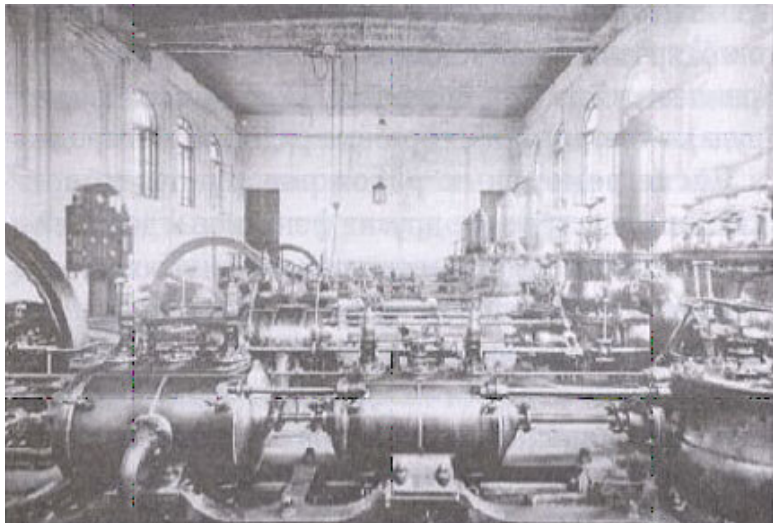
– 1878 год. Инженер Н. П. Зимин предлагает 10 000 000;

– 1880 год. Н. П. Зимин совместно с профессором Траутшольдом и инженером Зальбахом на основании новых изысканий вновь рекомендуют 10 000 000.

Для окончательного решения этого вопроса все предложения были рассмотрены в Петербурге Специальной комиссией ИРТО под председательством А. И. Дельвига. Комиссия не согласилась с результатами представленных изысканий и признала возможным отбирать из мытищинских источников только 15 000 00 ведер воды в сутки.

Эрлер машинного зала Мытищинской водокачки. 1890-е гг. (современный снимок автора)

Машинный зал Мытищинской водоканчки. 1890-е гг.

Общий вид Мытищинской водокачки. 1890-е гг.

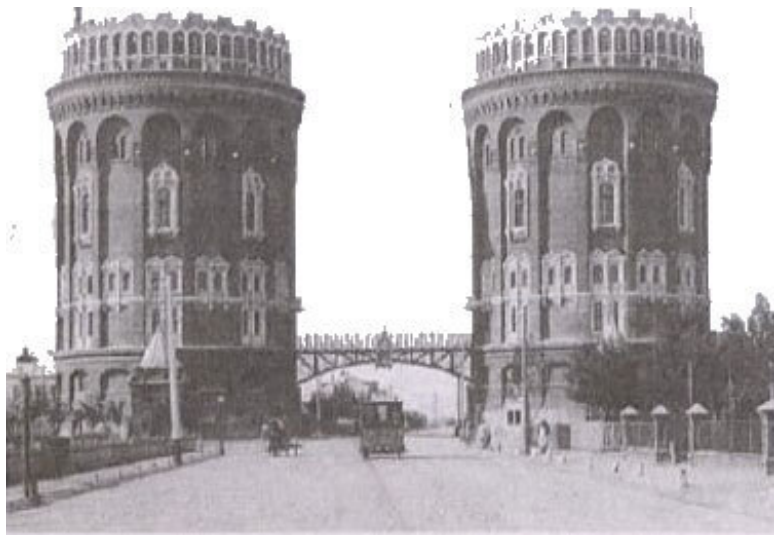
*Алексеевская станция. Резервный накопитель воды.
1890-е гг.*

Фонтан у резервного накопителя воды Алексеевской станции, выполнен на фирме VAL D'OSHE CH/LEBBURG (1872 г., Париж) (современный снимок автора)

Административный корпус Алексеевской станции. 1890-е гг. Ныне завод «Мосводоприбор». (современный снимок автора)

Крестовские башни (станция перекачки воды). 1890 г.

В 1885 году инженеры Линдлей и Верстратен предложили свои услуги и высказались за то, что из Мытищ можно без ущерба и нарушения баланса водных запасов получить 2 400 000 ведер в сутки. Но и этот проект был отклонен Московской городской Управой.

Последние изыскания проводились в 1887–1888 годах К. Э. Лембке (специалистом по водоснабжению) и другими сотрудниками фирмы «Строительная контора инженера А. В. Бари» – В. Г. Шуховым и Е. К. Кнорре. На основании изысканий был составлен новый проект, в основу которого была за-

ложена наиболее совершенная концепция по устройству водопроводов. Изыскания были проведены весьма обстоятельно. Бассейн реки Яузы в ее верховьях имел определенные размеры наиболее водоносных горизонтов (грунтов) площадью около 68 кв. верст с толщиной водоносного слоя 14 сажен (1 сажень = 2,1336 метра). Авторы проекта провели первичные расчеты и пришли к выводу, что можно рассчитывать на получение воды в объеме 1 570 000 ведер или 19 300 куб. метров в сутки. Эта цифра была заложена в основу дальнейших расчетов... А вот коэффициент фильтрации^[119] по данным опытных откачек был получен с огромным разбросом в различных скважинах – от 726 метров в сутки до 34 метров в сутки.

Комиссия ИРТО, в которую были привлечены все лучшие научные силы того времени, согласилась с данными проектировщиков, что отбор воды 1,5 млн. ведер в сутки соответствует истинному значению и цифра является доказанной и подтвержденной изысканиями и убедительными расчетами.

Но разброс показателей по коэффициенту фильтрации насторожил многих членов комиссии и была высказана мысль, что неравномерность фильтрационной способности водоносного слоя может привести к непредсказуемым последствиям.

Но это не насторожило проектировщиков (В. Шухова, К. Лембке, Е. Кнорре). Они приняли для дальнейших расчетов (как бы с запасом) коэффициент фильтрации 18 метров в

сутки.

С точки зрения технического решения задачи вроде бы все правильно: подсчитали минимальные, но обеспеченные водные ресурсы, а затем стали принудительно увеличивать отбор воды – как позволяли возможности оборудования, заложенного техническими показателями проекта. На новой трассе, уже третьей по счету, уложили два ряда чугунных труб диаметром 610 мм (длина 6 метров, толщина стенки 20 мм). Места стыков труб зачеканивались тремя кольцами из пенькового каната. Наружные и внутренние кольца пропитывались гидрофобными и антисептическими добавками.

Вода извлекалась из 50 буровых скважин, расположенных по прямой линии вдоль реки Яузы. В машинном зале были установлены паровые машины фирмы «Добровых и Набоголец». Очень скоро интенсивность отбора воды из водоносных горизонтов стала превышать фильтрационную способность различных участков. Что же получилось?

Качество воды стало резко ухудшаться с нарастанием этого процесса из года в год. Такое положение с качеством питьевой воды вызвало если не панику, то уж, по крайней мере сильную озабоченность и тревогу Московской городской Управы.

Ухудшение качества воды продолжалось до 1911 года. Этот процесс можно проследить по опубликованным данным с 1892 года по 1911 год (при 22–24 анализах проб воды

в год):

Увеличение по основным показателям в мг/литр

Сухой остаток воды	с 215,6	до 486
Кальций*	с 54,29	до 123,29
Магний	с 9,54	до 21
Хлор	с 3,4	до 5,1
Серная кислота	с 22,08	до 139
Окисляемость	с 0,7	до 2,6

* Химические элементы и соединения приводятся в ионном виде.

Такого не наблюдалось по анализам^[120] с 1805 по 1892 год: в графе «общая минерализация воды» стояла запись – «стабильно», а с 1892 по 1898 год – «некоторое повышение»; далее – «повышение», «резкое повышение» и т. д.

Процитируем книгу С. А. Озерова «Мытищинская вода и причины увеличения ее жесткости» (Вып. II. – М.: 1915):

«...Вследствие все возрастающей жесткости мытищинской воды, Московская Городская Управа, по определению своему от 2 апреля 1907 г., решила образовать Особую комиссию по исследованию вопроса о причинах этого явления и для выработки мер к устранению их. В состав этой комиссии вошли врачи-гигиенисты, инженеры, химики, гидрогеологи, и другие специалисты, всего 23 лица, а именно: А. П.

Артари, В. И. Вернадский, А. Г. Дорошевский, Н. Д. Зелинский, Н. П. Зимин, Н. Е. Жуковский, А. П. Иванов, И. А. Иверонов, К. П. Карельских, С. Н. Никитин, С. А. Озеров, А. Г. Петровский, В. А. Пушечников, А. И. Раммуль и другие.

Кроме того, в работах ее приняли участие члены Управы. Д. Д. Дувакин, А. Н. Петунников».

Комиссия выделила из своего состава три группы: химическую, геологическую и инженерную. Работа велась с 19 апреля 1907 г. по 23 января 1913 г., всего было 37 заседаний. Не было необходимости убеждать участников комиссии, что дело принимало серьезный оборот. Брались за решение этой проблемы ученые-гидрогеологи С. Н. Никитин, К. П. Карельских, Е. К. Кнорре. Но все их попытки обосновать причину ухудшения воды так и не привели к положительному результату.

С кого же было учинять спрос?

А с того, кто производил работы – с хозяина фирмы, А. В. Бари. Что мог ответить Александр Вениаминович заказчику? И как это могло отразиться на репутации фирмы?

А. В. Бари очень тяжело переживал неприятности с реконструкцией Мытищинского водопровода. Он понимал, что перед инженерами была поставлена задача с многими неизвестными при отсутствии полноценной теории фильтрации подпочвенных вод. Но ведь не всякому это объяснишь. И все-таки А. Бари надеялся на то, что можно улучшить качество воды, приходящей в Москву из мытищинских источ-

ников за счет дополнительной очистки её с помощью фильтров. По этому вопросу он не один раз советовался с Н. Е. Жуковским.

В 1903 году Николай Егорович Жуковский привел в дом А. Бари одного из своих учеников, молодого студента Леонида Лейбензона (1879–1951) и отрекомендовал его как будущего ученого, на которого возлагал большие надежды. При знакомстве Александр Вениаминович поинтересовался: чему же собирается посвятить себя будущий ученый?

Л. Лейбензон подробно рассказал А. Бари о том, что он в настоящее время проектирует испытательные стенды, приспособления и различное оборудование для аэродинамического института Н. Е. Жуковского. Но в перспективе желал бы заняться проблемами нефти. Да вот беда – безденежье, приходится подрабатывать, но не всегда находится работа.

А. В. Бари предложил молодому студенту серьезно заняться в будущем проблемами первичной очистки нефти и газа в песчаных пластах, о которых Александр Вениаминович знал не понаслышке. И если удастся научно обосновать основные теоретические положения, то возможно ли применить их к проблемам фильтрации подпочвенных вод. А. В. Бари был осведомлен о работах Н. Е. Жуковского, который в это время готовил к публикации ряд проблемных статей: «О движении подпочвенных вод», «О влиянии давления на насыщенные водой пески», «О повреждении водопроводных труб», «О гидравлическом ударе в водопроводных трубах»

и др.

Сам Николай Егорович был консультантом по проекту реконструкции Мытищинского водопровода и предлагал многие ценные решения технических вопросов.

Легенды ходили о способностях Н. Е. Жуковского определять места разрыва водопроводных труб от воздействия гидравлического удара. Ремонтники и эксплуатационники поражались, когда он прибывал к месту аварии на водоводе и точно указывал место: «Копать здесь!»

А история с Л. Лейбензоном имела свое продолжение. А. Бари стал привлекать его к работе на котельном заводе, затем в Главной конторе – в проектном бюро. Практика работы под руководством В. Шухова дала будущему ученому блестящую базу научно-инженерной практики. В советское время Леонид Самуилович Лейбензон^[121] был известен как выдающийся ученый, академик. Он внес фундаментальный вклад в развитие теории фильтрации нефти и газа, создал первую в мире научную школу ученых и инженеров, работавших в области нефтегазовой гидродинамики. И только в 1924 году, будучи уже заведующим кафедры прикладной механики в Московском государственном университете, Л. Лейбензон создал гидравлическую лабораторию, в которой началось фундаментальное изучение проблем фильтрации воды в песчаных пластах.

К 1911 году положение с водоснабжением Москвы становилось критическим: качество воды из мытищинских источ-

ников из года в год угрожающе ухудшалось, а Рублевский (Москворецкий) водопровод еще не был готов – там были свои проблемы: ни американские, ни английские фильтры не справлялись с опалисценцией (помутнение в весеннее время года – вода становилась желто-коричневой и не поддавалась очистке). Водой продолжали пользоваться – куда деваться...

Одним из популярных фельетонистов начала XX века, был известный журналист Влас Дорошевич, который написал сатирическую пьесу о работе Московской городской Думы. И он не мог пройти мимо событий, связанных с историей Мытищинского водопровода. Пьеса написана как сатирическая хроника «зеленым» стихом и называлась «Трагедия о Московской Думе и об украденном ларце». Суть пьесы в том, что хорошо бы было избавиться от проблем невыполненных обещаний. Но как это сделать? – А просто: список проблем спрятать в серебряный ларец и дожидаться, когда воры позарятся на него. Вместе с ларцом исчезнут и проблемы...

Но воры оказались умнее – они украли ларец, а список проблем оставили с запиской: «Нам чужого не надо!».

**Картина четвертая (Заседание
Управы. Голова на председательском
месте. Служащие и клены Управы).**

Голова

Внемлите все, что положил я:
Составив список нерешенных дел,
Избавиться мы от него решили.

Два месяца уж ровно
Ни одного доклада из Управы
На рассмотрение не поступало Думы.
Зато теперь энергией кипучей
Мы удивить желаем мир! Читайте
Нам список дел насущных.

Секретарь (читает)
«Канализация»...

Голова
С нее мы и начнем.
Закончить мы канализацию должны,
Наш долг нам то повелевает!

Управец
Каналы есть, воды вот нету!

Голова
Воды?.. А что ж с водопроводом?

Управец
Не прогневись! Когда зимою
В воде мы ощущали недостаток,
Что ж летом будет?!

Страшно и подумать!
Не только что в каналы,
В суп, во щи, в самовары,
На умыванье нетути воды!

Голова

Пусть сельтерской все лица моют!
На пиве можно суп готовить.
На пиве немцы суп готовят – и превкусно.
Пусть, вместо чая, квас все пьют, И квасом головы пусть
моют в банях!
А где ж проект двухлетний об устройстве Водопровода
из Москвы-реки?

Управец

Не обессудь, о княже! Тот проект
Лежит, ка мертвый, без движенья.
Вопроса разрешить не можем мы,
Как Москворецкую пить воду:
С Мытищинской ли смешивать ее,
Иль так – гольем, как водку?
Гольем – она крепенько будет.
Крюшон с Мытищинской не легче ль будет?..
Два года бьемся над вопросом...

Голова

Что дальше там?

Причины ухудшения качества мытищинской воды остава-

лись загадкой. За решение этой проблемы взялся С. А. Озеров. Он провел серию экспериментов в лабораторных условиях с 1907 по 1911 год. Его предположения и исследования позволили выяснить, а затем и обосновать ошибки проектировщиков. К этому времени ситуация с качеством воды еще более усугубилась.

Помимо резкого увеличения общей минерализации^[122] воды были обнаружены отложения в водоводе, в которых в избытке присутствовали серная кислота, соединения железа, марганца, магния, кальция и т. д. По данным В. А. Пушечникова, наибольшая толщина осадков наблюдалась в верхнем сечении водовода, на границе раздела вода-воздух (до 75 мм); наименьшая – в придонном слое (до 12 мм). Осадки представляли собой липкую мажущуюся коллоидальную массу. Цвет и состав осадков и отложений изменялся на всем протяжении водовода от Мытищ до Крестовских башен: около Мытищ – ярко-желтый цвет⁵⁵, от Мытищ до Алексеевской насосной станции – зеленовато-серый⁵⁶, ближе к Алексеевской – зеленовато-черный⁵⁷, от Алексеевской до Крестовских башен – черный из-за значительного избытка в воде Mn_3O_4 . Попытки остановить прогрессирующий процесс ухудшения качества мытищинской воды и попытаться, узнав причины, добиться хоть какого-то ее улучшения, интенсиф-

⁵⁵ Соотношение соединений железа и марганца: $Fe_2O_3 = 57 \%$, $Mn_3O_4 \cong 2 \%$.

⁵⁶ Соответственно: $Fe_2O_3 \cong 50 \%$, $Mn_3O_4 \cong 9 \%$.

⁵⁷ $Fe_2O_3 \cong 24 \%$, $Mn_3O_4 \cong 30 \%$.

но продолжались и в последующие годы. Но, увы... восстановить былую славу мытищинской воды так и не удалось, хотя и делались попытки: уменьшение отбора воды, очистка магистрального водовода, искусственное подтопление верховьев реки Яузы и т. д.

А причина, как установил С. А. Озеров, заключалась в том, что при ускоренно-нарастающем процессе принудительного отбора воды понизился ее уровень в питающих торфяных болотах от 2 до 6 метров, поэтому увеличилась воронка депрессии, торфяники осушились!

В торфе (как в нефти, газе и угле) содержатся значительные запасы серы. Кроме того, в иловатистом торфе присутствуют мелкие включения сернокислой извести (гипс). При увеличении воронки депрессии обнажились и крупные гипсовые отложения. В осушенных торфяниках увеличился доступ воздуха к залежам торфа и начались непредсказуемые процессы взаимодействия серы и гипса с кислородом воздуха, особенно при сезонных изменениях гидрологического режима (весна, осень).

Сера в торфе находится, в основном, в нерастворимых соединениях. Но под воздействием усилившихся окислительных процессов образуется серная кислота, которая при насыщении торфа водой из-за сезонных колебаний или дождей отнимает основания солей более слабых кислот и образует сульфаты. При просачивании осадков эти сульфаты растворяются, увлекаются вниз, попадают в водоносный горизонт

и далее – в водопровод. Сюда же попадает серноокислая известь. При таких процессах происходит нерегулируемое изменение химического состава воды и увеличение ее минерализации, многие химические элементы и химические соединения оказываются в избытке. В конечном итоге нарастает процесс ухудшения качества воды, отбираемой из природной среды.

Таким образом, по анализу подземного питания водными ресурсами мытищинского водосборника К. Э. Лембке и его коллеги в 1887 году провели изыскания и правильно определили показатель среднего подземного стока водоносного горизонта в $19300 \text{ м}^3/\text{сутки}$, но эту величину в расчетах они приняли за эксплуатационные расходы, что оказалось ошибочным. Необходимо было учитывать изменение режима водоносного горизонта и природной фильтрационной способности его при эксплуатации. Естественные запасы подпочвенных вод, созданные природой на протяжении многих тысячелетий, очень чувствительны к резким изменениям гидрологического режима, поэтому считаются весьма «капризными».

Опытными откачками в буровых скважинах, расположенных вдоль русла Яузы, были получены значения коэффициента фильтрации с огромным разбросом. И здесь необходимо было проявить особую осторожность, так как такие разбросы неминуемо приведут к изменению химического состава воды, который не будет иметь возможности к усреднению

(выравниванию) показателей при резком увеличении ее отбора. Поэтому водозаборные скважины, устроенные по прямой линии вдоль реки, уже были обречены на непредсказуемые последствия.

Особая комиссия признала исследования С. А. Озерова убедительными и научно обоснованными. В Мытищах была оборудована опытная станция деферризации (обезжелезивания) и деманганизации (обезмарганцовывания) воды, которая начала функционировать с октября 1915 года. Дальнейшая судьба опытной станции неизвестна.

Как упоминалось, в 1891 г. была выпущена книга «Проект Московского водоснабжения» (инж. В. Г. Шухов, Е. К. Кнорре и К. Э. Лембке. Изд. Строит. контора инж. А. В. Бари). Методика расчета была признана классической, но в реальной ситуации – испортили мытищинскую воду на все последующие годы.

С. А. Озеров опубликовал свою работу «Мытищинская вода и причины увеличения ее жесткости» в 1915 году, в которой писал: «Позволим себе надеяться, что труды^[123] Комиссии по исследованию причин усиления жесткости мытищинской воды не только помогут Московскому Городскому Самоуправлению сохранить для столичного населения прекрасную мытищинскую воду, освободив ее от <...> недостатков (чрезмерная жесткость и железистость), но также послужат на пользу многих русских городов, имеющих и намеревающихся строить грунтовые водопроводы, так как эти тру-

ды позволяют осветить один из темных вопросов гидрологии. Рублево. 12 марта 1914 года».

По исследованиям С. А. Озерова и Н. А. Пушечникова (см. далее «Очерки геологии...») истории Мытищинского водопровода за все годы его эксплуатации можно сделать следующие выводы.

Итак, надюрский водоносный горизонт в верховьях реки Яузы начал эксплуатироваться с 1804 года, вода в Самотецкий пруд Москвы поступила в 1805 году. Первоначально каптаж^[124] состоял из 43 кирпичных цилиндрических бассейнов (28 устроил Баур, 15 – его последователь И. Герард) глубиной 2 метра. Вода собиралась от родниковых ключей через дно бассейнов. В этот период эксплуатации забирался естественный расход ключевой воды и нарушения природного гидрологического режима не было.

В последующие годы каптаж ключей был изменен (Яниш, Максимов, Дельвиг). 18 бассейнов были перестроены и устроено дополнительно еще 7 бассейнов. В новом каптаже вода поступала не только через дно бассейнов, но также и через чугунные трубы, опущенные в более глубокий водоносный слой. Дебет воды увеличился, но и в этом случае нарушений естественного режима водозабора не обнаруживалось.

К 1892 году (Шухов, Кнорре, Лембке) каптаж был перестроен коренным образом. Появилось 50 буровых скважин вдоль русла Яузы, несколько дальше от первоначальных бас-

сейнов, глубиной до 30 метров. Приемные трубы, расположенные горизонтально, сходились от периферии к накопителю. На высоту водоносного горизонта (15–17 метров) в трубах были просверлены отверстия в шахматном порядке и установлены фильтрационные луженые сетки. Энергичный вакуумный отбор воды насосами привел к образованию резко выраженной депрессионной воронки, минерализация воды стала быстро повышаться.

Вакуумный отбор воды – насос с крыльчаткой – привел к размыву близко прилегающих водоносных песков и довольно быстрому засорению фильтрующих сеток. Срок службы скважин резко сократился, появились новые проблемы, усложнившие условия работы Мытищинской водоканалки. Пришлось бурить рядом еще 50 скважин и продолжать искать выход из создавшегося положения: качество воды становилось все хуже и хуже.

И только с 1951 по 1957 год, когда на Мытищинскую водоканалку был принят главным инженером Виталий Иосифович Баркевич, стали производиться работы по реконструкции многих скважин. Вместе с учеными и инженерами Мосводоканала были изменены, прежде всего, условия работы скважин. Вместо дырчатых фильтров стали устраивать щелевые – со спиральными проволочными фильтрами⁵⁸. Срок службы скважин увеличился (17–18 лет). Бурение новых скважин производили не роторным буром, а ударно-канатным спосо-

⁵⁸ Просвет между витками проволоки из нержавеющей стали составлял 0,5 мм.

бом.

Эти мероприятия позволили увеличить отбор воды без ухудшения ее качественных показателей до 24–25 тыс. куб. метров в сутки. Им удалось не только удачно реставрировать устройство водозаборов, но и наладить систематическое наблюдение за режимом работы всей станции по качественным показателям воды и ее расходу. Но для этого необходимо было признать и не повторять ошибок В. Г. Шухова, Е. К. Кнорре и К. Э. Лембке, а руководствоваться результатами заключения Особой комиссии (1946–1947 гг.):

«1. По анализу подземного питания р. Язузы В. Шухов, Е. Кнорре и К. Лембке в 1887 году совершенно правильно пришли к выводу, что средний подземный сток надьюрского водоносного горизонта составляет 19, 3 тыс. куб. метров в сутки. Но эту величину в расчетах они приняли за эксплуатационные ресурсы, что является ошибочным, так как при этом не учли изменение режима водоносного горизонта при эксплуатации и его регулирующей способности (аккумуляция запасов воды в периоды поверхностного питания).

2. Водозабор следует проектировать с учетом величины принимаемых эксплуатационных ресурсов. Скважины необходимо располагать в древних ложбинах, где накоплены крупнозернистые фракции – гравий и галька – с подошвой залегания таких отложений не выше +6, +8 метров условной высоты (по возможности ниже).

3. При увеличении расхода и понижении уровня подзем-

ных вод на участках с запасами потенциальной серы в мытищинских гидрологических условиях происходит увеличение минерализации воды, ее жесткости, содержания железа в ней и т. д. При этом изменение состава подземных вод по времени отстает от момента увеличения расхода.

4. Чтобы избежать ухудшения качества подземных вод при увеличении их отбора, расположение скважин следует проектировать так, чтобы понижение уровня воды на участках с потенциальными запасами серы (серной кислоты) было бы незначительным. Для этого водозаборы необходимо удалять от таких участков».

Из этого небольшого экскурса в прошлое видно, сколь ответственными были задачи инженеров фирмы А. Бари и сколь щекотливым оказалось положение руководителя, когда обнаружилась такая ситуация с качеством воды в знаменитом Мытищинском водопроводе. Кстати, резко сократился дебет воды из Громового Ключа. (Еще Ф. Баур определил уровень воды у Громового ключа – 3, 66 м над горизонтом р. Яузы, а в 1914 году ключ едва струился).

Что на это мог сказать простой обыватель после классического капитального ремонта Мытищинского водопровода в 1892 году? – А испортили воду-то, вот и все тут! И был прав!

Н. М. Щапов в своей книге «Вдоль Ярославской железной дороги» (М., 1925 г.) по этому поводу писал: «Техника должна использовать природные данные с осторожностью,

так как нарушение установившегося в течение тысячелетий соотношения явлений природы может повести к непоправимым результатам».

А что мы знаем о воде вообще и какой водой снабжаются Мытищи и Москва. Ведь до сих пор люди охотно верят в то, что якобы вода из Мытищ подается в Кремль. Ох как трудно расставаться с красивыми легендами!

Каждый школьник начальных классов знает, что химическая формула воды H_2O . Старшеклассники могут перечислить несколько ее разновидностей: морская и пресная, речная и озерная, болотная, ключевая или родниковая, дождевая, талая – снеговая или ледниковая; дистиллированная, минеральная, кипяченая и – сырая из водопровода. Иногда взрослые добавляют, что есть еще жесткая и мягкая, холодная и горячая техническая и питьевая, и – из колодца.

С точки зрения ученых вода и ее физическое состояние – это невероятно огромное поле деятельности для изучения сложнейших процессов, происходящих с водой, когда она проходит все изменения от твердого состояния до газообразного (лед – жидкость – пар).

Несмотря на то, что общая формула воды H_2O , имеются существенные различия в строении и плотности упаковки молекул при различных ее физических состояниях: лед – $H_2O_{(1)}$; жидкость – $H_2O_{(2)}$; пар – $H_2O_{(3)}$. И в каждом переходном состоянии в общем объеме воды всегда содержатся все три составляющих. Даже в нагретой до кипения во-

де $\text{H}_2\text{O}_{(3)}$ присутствует молекулярная составляющая $\text{H}_2\text{O}_{(1)}$ и наоборот... Это одно из интереснейших свойств воды, изучил П. А. Флоренский. Он впервые обосновал и объяснил, почему вода при нагревании и в состоянии льда расширяется в объеме.

Павел Александрович Флоренский, находясь в заключении в северных районах Сибири, занимался изучением проблемных вопросов, связанных со строительством жилых и промышленных зданий в зоне вечной мерзлоты. И он впервые в мире дал теоретическое обоснование основополагающих принципов кристаллизации пересыщенных водных растворов в этих условиях. Благодаря его работам в более поздние годы наши строители смогли построить за Полярным кругом Норильский металлургический комбинат.

Владимир Иванович Вернадский лично встречался с всемирно известным французским ученым Ле-Шателье, основоположником теории кристаллизации пересыщенных растворов и сам дал описание различных состояний воды – 240 видов!

Что касается сегодняшней мытищинской воды, то здесь уже новая история. Вся система водоснабжения города замкнута. В общем балансе потребления воды жителями города мытищинская вода составляет около 40 % (включая артезианские скважины). Остальное необходимое количество воды поступает частично с Восточного водовода и большая часть – с распределителя от Северного водовода, питаю-

щих водой Москву. Но эта вода из Волги. В отстойниках-водохранилищах, расположенных на территории Мытищинского района, вода классифицируется как питьевая. Но мало кто знает, что эта вода (по определению В. И. Вернадского) озерная. То есть когда температура воды достигает 18°C , то в этой воде с огромной скоростью размножаются дрейссены – мельчайшие двустворчатые моллюски (*Dreissenidae*). Их развитие включает стадию свободноплавающих личинок, которые миллиардами поселяются в гидротехнических сооружениях и даже нарушают их нормальную работу. Они забивают застойные зоны в водоводах, коллекторах, стояках и отводах. Уже многие десятилетия применяются различные меры борьбы с этими личинками и моллюсками хлорированием воды, окраской внутренних поверхностей водоводов; применяется так называемая катодная защита и ультразвуковое облучение. Но пока наиболее эффективным способом универсальной очистки воды и ее обеззараживания остается хлорирование. Так и хочется крикнуть – не пейте сырую воду из под крана! А кипяченая, к сожалению, укорачивает жизнь любого живого организма. Эта вода называется «вареной». И все уже смирились с необходимостью пользоваться бытовыми фильтрами.

Так в чем же заключался секрет необычайной мытищинской воды до 1890 года? – В естественно-природных условиях водостока! Ниже глубины 19 метров водоносного горизонта северной стороны верховьев реки Яузы располагается

плотный и равномерный (нетронутый и неразмытый) слой глины Юрского периода (150 млн. лет) толщиной 13 метров. Выше – слой крупного галечника и крупнозернистого песка. Это служит естественным природным фильтром, а слой глины удерживает сток воды. Температура воды, поднятой с этой глубины, составляла 6–7°C и при такой температуре в воде не происходило размножения микроорганизмов ни животного, ни растительного происхождения.

Водосбор формировался за счет природных осадков и при этом обогащался кислородом воздуха. Целебные свойства мытищинской воды определялись не наличием полезных примесей, а отсутствием вредных.

Все реки, вытекающие из болотистых мест и текущие на Север от Мытищ, имеют незначительную минерализацию воды за счет обилия снегов и дождей. Реки, текущие на Юг России, имеют повышенную степень минерализации. Вода в них жесткая, так как природных осадков значительно меньше на всем пути этих рек к Каспию и Черному морю.

В северных болотах содержатся залежи болотной железной руды, поэтому и мытищинская вода всегда имела привкус железа, но зато других примесей было ничтожно мало. Такие условия создала сама природа, и мытищинскую воду можно было сравнить только с той водой, которой мы пользуемся в Крещенские праздники. Так что наши предки пили Святую воду, которую оберегала икона Живоносного источника и молитвы у Громоваго ключа.

На качество воды влияют, кроме гидрогеологической структуры водоносного горизонта, даже и такие факторы, как состав снега, дождя, тумана, росы, инея, растительности (травы, кустарник, деревья). И всем нам следует понимать, что пресная вода – это бесценное достояние человечества. Весь живой и растительный мир на 4/5 состоит из воды. А мытищинская вода – это уникальное творение природы, которое можно и необходимо возродить хотя бы частично. В 2004 году общественность Москвы и Мытищ отметит 200-летний юбилей Мытищинского водопровода! А сегодня задуматься бы всем о том, как нужно бережно относиться к использованию воды и какую воду мы будем пить через 15–20 лет при таком интенсивном строительстве жилья и промышленных объектов в Москве и области. К этому побуждает нас интересная и поучительная история с Мытищинском водопроводом.

Итоги

Как, вероятно, заметил читатель, в этой исторической документальной повести больше внимания уделяется А. В. Бари – поскольку об Александре Вениаминовиче до настоящего времени было известно чрезвычайно мало, даже специалистам. А широкой читательской аудитории это имя и вовсе ничего не говорит.

В 1997 году исполнилось 150 лет с рождения Александра Вениаминовича Бари. В 2003 году будет отмечаться юбилейная дата – 150 лет с рождения Владимира Григорьевича Шухова.

Этот год знаменателен еще и тем, что исполнится 90 лет со дня кончины А. В. Бари – так распорядилась история и судьба, что даже юбилеи наших соотечественников, чье творческое содружество сыграло столь знаменательную роль в укреплении экономического потенциала России и в развитии мировой научно-технической мысли, в Истории стоят рядом.

В 1998 году Москва отметила 145-летие со дня рождения В. Г. Шухова проведением Международной конференции «Передовые технологии на пороге XXI века».

Конференция проводилась по инициативе Союза НИО^[125] совместно с Правительством Москвы и Российской Академией наук при участии ведущих ученых и специалистов Рос-

сии, ближнего и дальнего зарубежья.

На Московской «Шуховской» конференции 1998 г. в докладах ученых, инженеров и ведущих специалистов были раскрыты новые направления в развитии отечественной авиации, энергетики, транспорта, металлоконструкций, сварки, информатики и т. д. Предложены новые способы решения экологических проблем, а также отмечены достижения в строительстве гражданских и промышленных объектов.

Участники конференции поддержали предложение о проведении в 2003 году в Москве Юбилейной Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В. Г. Шухова, и о включении этого юбилея в перечень памятных дат ЮНЕСКО. На итоговом пленарном заседании были приняты предложения: от Аллы Сергеевны Шуховой, внучки Владимира Григорьевича, о сооружении в Москве памятника В. Г. Шухову и от руководителя секции конференции, президента Российского общества информатики и вычислительной техники И. Н. Букреева об установлении мемориальной доски в Кривоколенном переулке, символизирующей союз талантливого предпринимателя, инженера А. В. Бари и гения российской инженерной мысли В. Г. Шухова.

(Из доклада И. Н. Букреева):

«Хотелось бы отметить и восстановить историческую справедливость – Шухов действовал в своей жизни не один. Рядом с ним был его

сподвижник и друг Александр Вениаминович Бари, по имени которого называлась Строительная Контора, где работал Владимир Григорьевич Шухов. Бари был патроном Шухова. Их связывала 35-летняя совместная деятельность и дружба, это были единомышленники. И то, что Шухов остался в России, во многом является заслугой Бари, потому что Бари способствовал развитию и внедрению достижений и идей Шухова. Он очень много сделал для того Шухова, которого мы сегодня знаем и помним. Поэтому хотелось бы, чтобы память об этом выдающемся промышленном предпринимателе, которых сейчас как раз не хватает у нас, было определенным образом увековечено. Достаточно сказать, что в Москве и сегодня существует дом Бари, в котором он жил – Кривоколенном переулке, – где 18 лет после революции жил и плодотворно работал В. Г. Шухов. Здесь и должна появиться памятная доска (хотя бы рядом с доской «Управление Московского винно-коньячного завода Арарат республики Армения»).

Мы могли бы видеть Бари в ряду наших передовых инженеров-руководителей. Его трагедия, в нашем понимании, заключалась в том, что он оставался гражданином Америки до конца своей жизни. Поэтому он так и не оставил следа в истории нашей инженерной науки».

Память о них должна быть сохранена для потомков. Ведь Москва является одним из центров мировой культуры. Здесь что ни дом, что ни переулок – то

история с судьбами удивительных людей.

14 сентября 2001 года автору поступило приглашение: «3 октября 2001 г. на территории Белгородской государственной Технологической академии строительных материалов состоится торжественное открытие памятника, созданного по инициативе администрации области, научной общественности Белгородской области и академии, выдающемуся инженеру XX века, одному из самых знаменитых уроженцев Белгородчины Владимиру Григорьевичу Шухову... Приглашаем Вас принять участие в церемонии открытия памятника В. Г. Шухову и работе III Международной Конференции молодых ученых, аспирантов и докторантов.

Ректор Бел ГТАСМ, профессор А. Гридчин.»

В состоявшемся торжественном открытии памятника В. Г. Шухову принимали участие представители Москвы: В. М. Ситцев, вице-президент Международного и Российского Союзов НИО; представители МГТУ им. Н. Э. Баумана и автор этих строк.

* * *

1876–80-е годы. Когда А. В. Бари вернулся в Россию, судьба снова свела его с теми, с кем он когда-то учился в Цюрихе. О каждом из них и их деятельности можно написать самостоятельную книгу – все они были достойными

представителями плеяды российских инженеров, оставившей заметный след в различных областях становления российской промышленности.

Высокий престиж инженерных профессий был связан с тем, что возможности приложения высококвалифицированного труда, особенно с середины XIX – начала XX веков, постоянно расширялись. Промышленность, транспорт и коммунальное хозяйство в России переживали огромные технологические изменения и остро нуждались в притоке инженерных кадров. Весьма примечательна в этом смысле история династии Кнорре. Судьбы отдельных ее представителей типичны для немцев, работавших в российской науке и технике. Но династию Кнорре необходимо признать особо выдающейся, поскольку она дала целую когорту крупных фигур российской инженерной мысли.

Династия Кнорре известна в России более 200 лет и насчитывает в настоящее время восемь только «российских» поколений. Потомки сохранили семейный архив, материалы которого позволяют высветить историю этой богатой талантами семьи российских немцев^[126].

Судьбы некоторых из них оказались надолго и крепко связаны с Москвой. Яркой фигурой в среде московских инженеров был Евгений Карлович Кнорре (1848–1918), который несколько лет работал в «Строительной конторе инженера А. В. Бари», и на его жизненном пути были и триумфы, и

неудачи.

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. в Цюрихе одновременно с Александром Вениаминовичем Бари учились три брата Кнорре – Виктор, Карл и Евгений; три брата Шпейера – Владимир, Михаил и Георгий, а также еще один их николаевский товарищ – Константин Лембке. Все они в политехникуме получили солидное техническое образование. Цюрихский политехникум, как уже отмечалось, признавался в то время «первенствующей в Европе школой», дававшей своим выпускникам «не только основательное инженерно-научное образование, но и серьезную практическую подготовку». Но при возвращении в Россию по российскому законодательству того времени они были обязаны подтверждать свою инженерную квалификацию, сдав экзамены на диплом инженера-механика в ИМТУ или построить достойное инженерное сооружение. Таким образом они могли узаконить университетский статус своего инженерного образования.

*Карл Христофорович Кнорре – директор Николаевской
обсерватории (с 1821 по 1871 г.)*

Евгений Карлович Кнорре – сын Карла Христофоровича

В целом ряде немецких семей инженерно-технические профессии стали традиционными. Уместным будет напомнить, что в конце XIX – начале XX веков лица немецкого происхождения, состоявшие в российском подданстве, составляли около 5 % студентов ИМТУ. Сегодня это учебное заведение именуется МГТУ имени Н. Э. Баумана. По иронии

судьбы, Николай Эрнестович Бауман тоже был выходцем из немецкой семьи, хотя по профессии он был ветеринаром.

Возникшая в Цюрихе дружба и духовная близость бывших студентов сохранилась на долгие годы. Юношеская дружба со временем переросла и в родственные отношения, когда Владимир Константинович Шпейер женился на племяннице Евгения Карловича, Анне – дочери его старшего брата Александра. Сам Евгений Карлович женился на сестре Владимира Константиновича Шпейера, Елене. Их приятель Константин Лембке был женат на сестре Елены – Юлии Константиновне Шпейер.

К сожалению, не удалось обнаружить более подробных сведений о семействе Лембке. Некоторые сведения о родословной семьи Шпейер^[127] содержатся в статье Г. Н. Ульяновой «Немцы-инженеры в Москве», опубликованной в сборнике докладов Международной научной конференции, посвященной 850-летию Москвы «Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы». Этот сборник докладов подарил Мытищинскому историко-художественному музею правнук Евгения Карловича Кнорре – Евгений Федорович Лаш, посетивший музей в апреле 1999 г.

Михаил Константинович Шнейер – брат супруги Е. К. Кнорре (шурин)

Евгений Карлович Кнорре (1848–1910)

*Ограда Отечество от неприятностей,
надлежит стараться находить славу государства
через искусство и науки.*

Петр I

Не очень удачным дебютом для Евгения Карловича Кнорре, как специалиста в области водоснабжения, был капитальный ремонт Мытищинского водопровода. Но следует признать, что задача, стоявшая перед инженерами фирмы А. Бари, оказалась настолько сложной, что учесть все факторы, которые могли повлиять на качество воды в сторону ее ухудшения, являлось делом непредсказуемым: еще не существовало полноценной теории фильтрации подпочвенных вод^[128]. И все-таки, при изучении характеристик природного режима Мытищинского водоносного горизонта Е. К. Кнорре сконструировал и изготовил прибор для выемки «чистых проб» воды с разных глубин буровых скважин.

В последующие годы математический аппарат, созданный в рамках проекта реконструкции Мытищинского водопровода с учетом прежних ошибок, был использован при проектировании и строительстве водопроводных сетей в целом ряде российских городов и на бесчисленных железнодорож-

ных станциях. Частично проектные разработки В. Г. Шухова, Е. К. Кнорре и К. Э. Лембке были применены в процессе проектирования и строительства Москворецкого (Рублевского) водопровода в 1904–1911 гг.

Несмотря на отдельные неудачи, авторитет Евгения Карловича среди московских инженеров оставался общепризнанным, и как инженер он всегда котировался высоко. Хотя он и не состоял на службе в муниципальных организациях, его, тем не менее, довольно часто привлекала Московская городская Управа в качестве эксперта и консультанта при строительстве крупных городских объектов. Его проекты всегда отличались новизной и оригинальностью.

Особенно ярко его талант проявился при строительстве мостов, считавшихся гордостью инженерного искусства. Одним из них был мост через реку Енисей. Строился Великий Транссиб – путь к Великому океану...

С открытием временного рабочего движения по Транссибу на участке Обь – Красноярск в декабре 1895 года строительство железной дороги стало продвигаться далее – на восток России. Разрыв железнодорожного пути у Красноярска существенно осложнил ситуацию. Выход был один – срочно строить мост через могучий, неприступный Енисей.

А пока, в зимнее время, укладывали железнодорожные пути по льду и составы с грузом (по одному вагону) с величайшей осторожностью переправлялись по ледовому пути с помощью лошадей на длинных веревках. Летом пере-

права осуществлялась паромами. Комитет Сибирской дороги и Управление строительства Средне-Сибирской ветки были крайне озабочены этой проблемой и принимали экстренные меры, чтобы в кратчайшие сроки найти специалиста-мостовика для создания проекта и приступить к строительству моста. Устроители дороги понимали, что своенравный Енисей так просто не покорится человеку.

На разработку проекта был приглашен талантливый инженер, будущий профессор ИМТУ, Лавр Дмитриевич Проскуряков. Он был известен как специалист по проектированию мостов, в том числе и моста через реку Которосль у Ярославля по приглашению Саввы Ивановича Мамонтова.

Задание на проектирование Енисейского моста Л. Проскуряков получил 4 октября 1895 года, и работа была выполнена за четыре месяца. Он рассчитал не только узлы, но и типы деталей. Для строительства моста был приглашен Евгений Карлович Кнорре. Проектирование еще не начиналось, когда Е. К. Кнорре занялся изучением грунтов под опоры моста и предполагаемой привязкой проекта к местным условиям. Он прекрасно понимал главную опасность – ледоход многих сибирских рек начинается с верховьев, ледяные торосы сбиваются в огромную, плотную движущуюся массу. И эта гигантская природная сила может снести перед собой любые преграды.

Лавр Дмитриевич заложил в проект ширину пролетов между опорами в 144, 5 метра. Высоту металлических ферм

– 20 метров.

Енисейский мост Л, Проскуракова был рассчитан с запасом прочности до 40 %. Проезжая часть, около 6 метров в осях, была спроектирована для проезда экипажей в свободное от движения поездов время. Несмотря на увеличение общего веса, фермы Енисейского моста были значительно легче ферм других большепролетных мостов Транссиба. Вес моста составил 5440 тонн, длина моста – 900 м. По величине главных ферм этот мост стал вторым после Кливленбургского моста в Голландии, у которого только главный пролет имел длину в 150 метров.

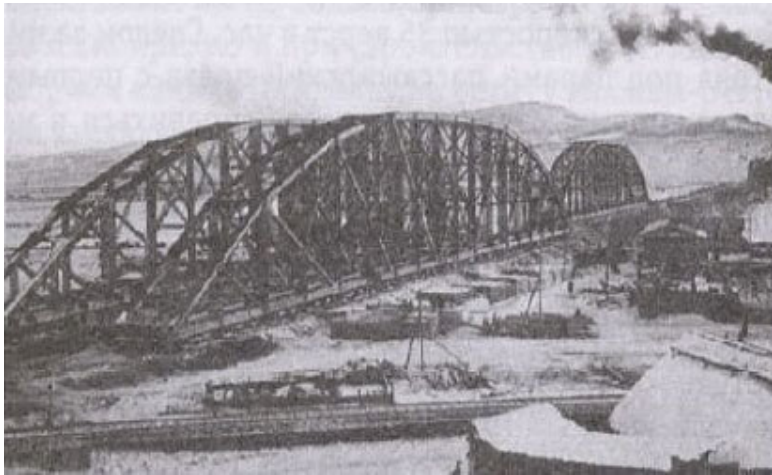
Евгений Карлович Кнорре решил строить мост по собственной технологии, не применявшейся в мировой практике: порталные краны устраивались прямо на льду, фермы собирались на берегу, надвижку на опоры осуществляли по стальным каткам. Проверив основные затраты по сметной стоимости, он рассчитал количество рабочих и пришел к выводу, что принятая им технология дает возможность сократить затраты, и ускорить строительство (сметная стоимость составляла около трех миллионов рублей, а количество рабочих – не более двух тысяч).

Е. Кнорре начинает с того, что предусматривает на самых опасных и трудоемких операциях защиту здоровья кессонщиков^[129]: устанавливает 6-тичасовой рабочий день (смену), обеспечивает их добротным питанием и организует круглосуточное медицинское наблюдение.

Для детей рабочих была построена школа, для взрослых – часовня, в которой регулярно совершалось богослужение. Народ молился о благополучном начале строительства. Как писали очевидцы: «В момент закладки яркое солнце освещало торжество, вселяя в сердцах молившихся надежду на осуществление их молитв».

30 августа 1896 года. В фундамент нижней части берегового устоя был заложен первый крупный камень с углубленной выработкой в виде очертания православного креста. На него – рукопись: обращение к потомкам, в которой было записано время закладки, фамилии строителей, почетных гостей и автора проекта. При совершении чина Освящения «словно из рога изобилия сыпались на камень золотые и серебряные монеты, бетонный раствор и следующий камень в устой моста скрыли все сокровища»⁵⁹.

⁵⁹ Н. А. Юрлов. Стальное звено Транссиба. – Красноярск, 1999 г.

*Строительство моста через Енисей у Красноярска.
1899 г.*

1999 год. Современный вид 2-х мостов через Енисей: старый мост слева, новый мост справа

Четыре года велась непрерывная напряженная работа, жители Красноярска с нетерпением ожидали окончания строительства. Свершилось. В два часа дня, 28 марта 1899 года, у моста собралась многотысячная толпа горожан и строителей.

Правительственную комиссию по приемке моста возглавлял профессор, ученый-мостовик Николай Белелюбский. На торжество прибыл и автор проекта Лавр Проскураков. За блестящее завершение строительства моста ИМТУ присвоило Евгению Карловичу Кнорре звание почетного инженера.

ра-механика с вручением диплома и нагрудного знака.⁶⁰

Уже прошли пробные, облегченные испытания, проверено крепление полотна железнодорожного пути. С каждой минутой нетерпение толпы нарастало. И вдруг... тишина. Как пишет Н. А. Юрлов: «При въезде на мост была сооружена и украшена гирляндами и искусственными флагами триумфальная арка, на которой была дата строительства: «1895–1899». Митрополит Енисейский и Красноярский Евфимий совершил обряд Водосвятия. Первый поезд в составе 2-х четырехосных паровозов и 23-х платформ, нагруженных рельсами, прошел над покоренными Енисеем со скоростью 35 верст в час. Следом за ним стоял под парами пассажирский поезд с первыми пассажирами, отважившимися отправиться в необычное путешествие по мосту-великану.

Руководитель строительства – Евгений Карлович Кнорре – стоял на насыпи, провожая удаляющийся состав и не сдерживал слез. «Как только он спустился с насыпи (по свидетельству газеты «Енисей»), на него тотчас же нахлынула толпа. Его усадили на стул и начали качать... По завершении столь знаменательного события для особо почетных гостей состоялся торжественный обед. Настоящая орация была устроена хозяину праздника Е. К. Кнорре – пили за его успехи и здоровье, жали ему руку, целовались с ним...»

1900-й год. Венцом признания таланта инженера-мосто-

⁶⁰ Нагрудный знак выполнен по особому заказу фирмой Фаберже из серебра и стоил приличных денег.

строителя Е. Кнорре стала Большая золотая медаль на Всемирной выставке в Париже. На этой выставке в павильоне «Окраина» были представлены макеты моста и деревянного 3-хкамерного кессона. Как писала газета «Енисей»: «Модель моста длиной 27 аршин с полным соблюдением малейших подробностей, даже количество заклепок соответствовало оригиналу, опоры также были облицованы бирюсинским гранитом».

Новая технология строительства большепролетного моста, предложенная Е. К. Кнорре, поражала воображение многих опытных инженеров. Сборка металлических форм производилась на берегу, а параллельно кессонщики устанавливали опоры, Собранные фермы (с каждого берега по три) надвигались пятью лебедками со скоростью 75 метров в час. Работа была завершена за 27 дней!

Деревянные 3-хкамерные кессоны, примененные Е. Кнорре, были признаны изобретением и запатентованы. Для снижения давления внутри кессона вода откачивалась через дополнительные скважины вокруг природной части опоры. Вырабатываемый грунт загружался в две дополнительные камеры.

Эти оригинальные и простые решения позволили обезопасить здоровье рабочих и значительно сократить строительство. Было сэкономлено более 300 тыс. руб.

Любопытны и другие события тех лет, которые так или иначе коснулись Евгения Карловича. Грандиозные проек-

ты второй половины XIX века воплощались в реальность и будоражили умы не только обывателей, но ученых и инженеров, дилетантов и крупных аферистов. В 1869 году завершилось строительство безшлюзового Суэцкого канала по проекту французского инженера Фердинанда де Лессепса. В 1881 году началось строительство Панамского канала по его же проекту. Финансирование проектов и строительство обоих каналов осуществлялось в основном за счет французских капиталов. Однако Панамский канал – это сложнейшее инженерное сооружение – не шел ни в какое сравнение с тем, что было построено прежде (многошлюзовой с огромным перепадом по высотам). В процессе его строительства возникали непредвиденные проблемы – оползни грунта в считанные минуты заволакивали котлованы. Производились бесконечные укрепления откосов с повторной выемкой грунта.

В таких условиях финансовые махинации строителей приводили к фантастическому перерасходу сметных сумм, выделяемых на ликвидацию бесконечных оползней и обвалов. Строительство прекращалось и возобновлялось. В 1897 году была создана специальная комиссия по расследованию финансовых растрат, а также для выработки окончательного решения – продолжать строить канал или свернуть строительство.

В процессе расследования выяснилось, что премьер-министр Франции Жорж Клемансо тоже запачкался в деле «Панамского канала» и был вынужден уйти в отставку.

В 1900 году комиссия по рекомендации Парижского географического Конгресса обратилась к Евгению Карловичу Кнорре с предложением возглавить и продолжить строительство этого незадавшегося канала.^[130]

Предложение было неожиданностью для Е. Кнорре, он обещал подумать. На семейном совете не было единодушия по такому лестному, но интригующему предложению. Евгений Карлович колебался, а его супруга Елена Константиновна (урожд. Шпейер) всю ночь простояла на коленях перед дверью кабинета мужа и молилась о том, чтобы он отказался от такого заманчивого предложения... В России как-то спокойнее, да и авторитет среди соотечественников выше всяких похвал. И Евгений Карлович не принял предложения французских коллег – его ожидали новые работы на продолжающемся строительстве Транссиба.

После Парижской выставки Е. К. Кнорре вернулся в Москву в зените славы и почета. Финансовое положение семьи на ближайшие годы было обеспечено, и Евгений Карлович купил часть дома по адресу: Москва, Смоленская площадь, дом 1 (бывш. Орловых) – напротив здания нынешнего Министерства иностранных дел. Семья занимала 15 комнат на втором этаже.

Здесь и прожил Е. К. Кнорре до начала 1918 года. Помогая раненому красноармейцу втиснуться в переполненный трамвай, сам Евгений Карлович упал на тротуар, зашиб грудь и, проболев чуть больше месяца, скончался.

К сожалению, на доме до сих пор нет памятной доски в честь замечательного российского инженера Евгения Карловича Кнорре.

Из семейной хроники известны и другие интересные сведения. Так, сын Е. К. Кнорре, Михаил Евгеньевич был женат на Лидии Николаевне Константиновой. А ее брат, Николай Николаевич, около 20 лет (до 1918 года) работал главным инженером Бакинского отделения «Товарищества Бранобель».

* * *

В книге П. А. Примаченко «Русский промышленный мир» (М.: Планета, 1993) о Е. К. Кнорре написано довольно мало:

«Кнорре Евгений Карлович родился в Николаеве Херсонской губернии. Среднее образование получил в Берлине, а высшее – в политехникуме в Цюрихе. По специальности инженер-строитель. Закончив образование, вернулся в Россию и поступил в качестве инженера в строительную фирму братьев Струве. Участвовал в постройке мостов через Днепр в Кременчуге, Волгу близ Сызрани, моста имени императора Александра III в Екатеринославе. Самостоятельно построил мосты через Енисей, Оку, Белую, Чулымь, Томь, Яю. Работал на строительстве Транссибирской магистрали.»

Какое-то время Е. К. Кнорре действительно работал в

фирме братьев Струве, где в это же время работали и братья Шпейеры. Но нет даже упоминания о том, что он столь же плодотворно и успешно работал в не менее известной фирме «Строительная контора инженера А. В. Бари». В семейных архивах потомков Бари сохранилось красноречивое свидетельство на сей счет – письмо жены Александра Вениаминовича Бари, Зинаиды Яковлевны, к своей сестре Екатерине (18 мая 1882 г.):

«Дорогая Катя! Вчера вечером получила Твое письмо (обращение на Ты З. Я. всегда писала с большой буквы, прим. авт.). Моя дорогая, спешу Тебе ответить и успокоить Тебя. Мне очень жаль, что газетное известие о разрушении кессона так Тебя встревожило. Это несчастье случилось у Сашиного конкурента, а не у него. Тревога была у нас большая до получения депеши от Е. Кнорре. Саша был в это время по делам в Тамбове, но он был так уверен в инженерных познаниях Е. Кнорре, что был совершенно спокоен».

Оригинальное техническое решение Е. К. Кнорре в мостостроении – искусственное понижение уровня подземных вод путем их откачки через сеть буровых колодцев, окружавших кессон, было запатентовано в России и за границей. Это – метод был использован им не только при строительстве мостов в Сибири, но и при строительстве текстильной фабрики «Эмиль Циндель» на берегу Москвы-реки, при закладке водоприемника для городской электростанции на Ра-

ушской набережной. Можно без конца перечислять оригинальные технические идеи Е. К. Кнорре, которыми широко пользовались инженеры-строители уже и в советское время.

В 1910-х годах им был запатентован в России, Германии и США способ предотвращения прорыва речных плотин путем устройства глубокого дренажа, перехватывающего напорные воды. Последующие годы показали, что этот способ оказал решающее влияние на развитие инженерной мысли в области строительства гидротехнических сооружений. Но этим не исчерпывается творческая и практическая деятельность Е. К. Кнорре. В течение 10 лет (1906–1916) он работал в ИМТУ, где читал курсы «Основания сооружений» и «Подземно-водные изыскания».

Так распорядилась судьба, что несостоявшимися проектами остались разработки Е. К. Кнорре, касающиеся строительства Московского метрополитена. В 1902 г. в Департамент дорожных дел Министерства финансов поступило предложение от инженеров П. И. Балинского и Е. К. Кнорре «о предоставлении им исключительного права упорядочить городские пути в Москве, путем сооружения электрических железных дорог большой скорости внеуличного типа (метрополитена), а также расширения сети Московских конно-железных дорог и переустройства их для электрической тяги.»

Проект был вынесен на обсуждение в Московскую городскую Думу, где стараниями группы гласных во главе с А. И. Гучковым развернулись дебаты.

Стоимость проекта и его реализация оценивались в 155 млн. рублей. Именно это и послужило тормозом для скорого принятия позитивных решений. Мысли всех собравшихся на обсуждение проекта были направлены к этой огромной сумме – как бы не упустить «свое».

В результате проект был отклонен по целому ряду причин, выдвигавшихся не только оппонентами от городской думы, но и представителями Московского археологического общества, церковнослужителями. Да и общественное мнение не восприняло идеи, слишком смелой для того времени. Российские города только-только начинали принимать цивилизованное обустройство в соответствии с последними достижениями в строительстве и эксплуатации крупных муниципальных сооружений.

При беглом обзоре предыстории строительства метрополитена уже в самые далекие от сегодняшних дней времена обнаруживаются первые практические попытки самозащиты людей от всяких напастей – палеонтологам известны природные пещеры и тоннели, обжитые доисторическими людьми еще миллион лет назад. На рисунках из эскизной тетради Леонардо да Винчи изображена эстакадная дорога над крышами зданий, а по земле ее пересекает другая. Четыре века спустя инженерная мысль использовала первый технически осмысленный вариант при постройке скоростных эстакадных магистралей, а затем и скоростных подземных путей. В России были свои примеры устройства под-

земных ходов для вывода жителей в безопасное место в случае пожаров или осады города. Впервые технически грамотное обоснование применения машин для устройства тоннелей было предложено Марком Изамбаром Брюнелем в начале XIX века. В юбилейном выпуске журнала «Метро» (№ 3–4, 1995) Вадим Саввич Пикуль^[131] приводит интересные исторические сведения:

«...Александр I, как признанный победитель, со своей свитой был с небывалым почетом в 1814 году встречен в Париже, затем в Лондоне и других городах Европы. В английской столице императору представили наиболее выдающихся деятелей Англии, среди которых оказался член Лондонского Королевского общества, талантливый военный инженер Марк Брюнель. Речь зашла о насущной проблеме устройства шоссейной переправы через Неву в Петербурге.

С М. Брюнелем был заключен контракт на ее проектирование. Начатую в 1814 году проектную работу он передал русским заказчикам лишь в начале 1820-х годов в двух вариантах: мостовом и тоннельном. Вариант подводного тоннеля под Невой возник из-за опасения разрушения опор моста при весеннем движении льдов. В основе проекта оказалось замечательное изобретение – тоннелепроходческий щит, ставший в последствии наиболее эффективным средством в метростроении не только в России и Англии, но и во всем мире. Идея возникла при наблюдении за морским моллюском – древоточцем, пробуравившим своей раковиной от-

верстия в обломках затонувших деревянных судов. Патент был заявлен в 1818 году и Марк Брюнель мечтал впервые осуществить свое гениальное изобретение в России. Однако его не отпустили в страну, с которой он имел официальные деловые связи. Лишившись поддержки скончавшегося в 1825 г. Александра I, М. Брюнель остался в Лондоне. Там, получив помощь от национального героя битвы при Ватерлоо герцога А. Веллингтона, он переработал чертежи к местным условиям реки Темзы, весьма сходными с Невой.»

Таким образом, Марк Изамбар Брюнель подарил человечеству идею метода подземной щитовой проходки при устройстве тоннелей. А Вадим Саввич Пикуль, отдадим ему должное, собрал многочисленные исторические сведения по истории метрополитена, представляющие интерес не только для метростроителей.

Вадим Саввич, еще будучи студентом МИИТа, принимал участие в проектировании первой очереди Московского метрополитена, в 1935 г. был награжден Почетным знаком Моссовета. Позднее В. Пикуль работал в МИИТе доцентом на кафедре «Тоннели и метрополитен». Он кандидат технических наук, написал много статей по истории отечественного и зарубежного метро- и тоннелестроения. О его деятельности коллеги отзываются так: «Вадим Саввич по праву достоин звания летописца Метростроя». Он собрал интереснейший архив по самым различным направлениям инженерной мысли и щедро делится своими знаниями со всеми, кто при-

ходит к нему за помощью или советом.

В. Пикуль – человек высокой культуры и энциклопедического склада ума. С ним легко, свободно и радостно общаться, он очень обаятельный и доброжелательный собеседник, очень «домашний» и «уютный», не казенный и в манере общения, и в глубоких, оригинальных суждениях. Вместе с супругой, Галиной Семеновной, они поддерживают старинную дружбу с потомками Евгения Карловича Кнорре – детьми Николая Иннокентьевича Осколкова.

В начале XIX века Лондон стал самым населенным городом планеты: его население составляло в 1800 г. 950 тыс., а в 1801 г. – 1 млн. 145 тыс. человек и продолжало возрастать. Именно здесь и воплотилась мечта М. Брюнеля. В 1863 г. произошло историческое событие – пуск первого в мире 3, 6-километрового подземного участка внеуличной железной дороги, а через 10 лет открылась лондонская подземная кольцевая линия протяженностью 30 км.

В Нью-Йорке первые надземные линии метро были сооружены в 1868 г. и уже в 1878 году протяженность их превышала 50 км. Затем метро появилось в Чикаго, Бостоне, Глазго и Ливерпуле. На улицы этих городов паровозы принесли свой дым и грохот. Но в 1890 г. появились значительно более экологичные электропоезда, возрос интерес к метрополитену не только среди инженеров, но и населения крупных городов. Москва к этому времени тоже стала одним из круп-

нонаселенных городов – около 1 млн. жителей.

1900 год. Париж готов принять гостей к открытию Всемирной выставки. Во французской столице заканчивалось строительство первой подземной электрифицированной линии метрополитена с автоматической блокировкой движения составов. К этому времени появились и еще строились новые линии метро в Берлине, Гамбурге, Филадельфии, Мадриде, Барселоне, Будапеште, Токио.

Крестным отцом (в историческом смысле слова) метрополитена в Лондоне и в Нью-Йорке был признан Грейтхед, в Париже – Бьенвеню, в Берлине – фон Орт. Пионерами отечественного метростроения по праву считаются Евгений Карлович Кнорре и Петр Иванович Балинский^[132].

Петр Иванович родился в родовом имении Яшуны Виленской губернии в доме, который всегда был открыт для людей высокой культуры и просвещенного ума. Друзья и соратники хозяина дома называли его отца, Ивана Михайловича, родоначальником русской психиатрии.

Петр Балинский унаследовал от отца целеустремленность и высокую интеллигентность... Он окончил курс 3-й Военной гимназии и три года слушал лекции на математическом факультете Петербургского университета, затем окончил по первому разряду институт гражданских инженеров им. Николая I. После этого он работал на строительстве казенной железной дороги от Вильно до Ровно. Здесь и произошла первая встреча П. И. Балинского с Е. К. Кнорре,

который строил мосты на этой дороге. В 1889 г. П. Балинский поступил на службу в Петербургское городское общественное управление на должность архитектора при больницах – Обуховской, Петропавловской и св. Пантелеймона. Одновременно он выполнял и частные заказы, под его руководством были разработаны проекты и построены 127 различных городских строений.

Бывая за границей, Петр Иванович интересовался работой городского транспорта развитых стран и скрупулезно изучал проблемы его работоспособности, закономерности и перспективы развития. Глубоко вникнув в дело, он собрал и систематизировал статистические данные работы метрополитенов в различных городах всего мира. При обработке статистики он обнаружил определенную закономерность между количеством населения, его миграционными процессами в связи с урбанизацией городов и перемещениями большого количества людей в процессе хозяйственной деятельности.

Построив диаграммы и графики, он впервые в мире теоретически обосновал основное условие развития городского транспорта: там, где население города превышает миллион жителей – в качестве путей сообщения необходим метрополитен (под землей или над землей, на эстакадах). Семь лет серьезной работы по сбору и обработке статистических показателей о работе действующих метрополитенов позволили ему впервые в России обосновать необходимость построения метрополитена сначала в Петербурге^[133], затем в

Москве. Так судьба вновь свела его с Евгением Карловичем Кнорре.

Замысел поддержали американские предприниматели. Их представителем в России был Мэрри Вернер. Тогдашний министр финансов С. Ю. Витте согласился на осуществление их проекта при условии, что в первые годы метрополитен мог быть убыточным, но в сочетании с работой сети трамвайного транспорта это предприятие должно было быстрее окупиться и принести значительную прибыль.

В обосновании Е. Н. Кнорре и П. И. Балинского важности и необходимости строительства метро в столичных городах России записано: «Дешевое, быстрое и удобное сообщение окраин города и станций железных дорог с центром является для наших столиц задачей дня. В настоящее время все миллионные города, кроме Москвы, Петербурга и пяти китайских городов, уже имеют метрополитен. Нет никакого сомнения в том, что и для Москвы настало время сооружения электрических внеуличных железных дорог большой скорости (метрополитена)».

П. И. Балинский и Е. К. Кнорре привлекли художника Н. Н. Каразина, который еще в бытность Николая Александровича цесаревичем сопровождал его в путешествии на Восток в качестве художника-бытописателя экзотических заморских стран.

Эти три человека, объединенные общей страстью, не считаясь с финансовыми затратами и временем, до тонкостей

продумали план доклада и оформление первого проекта Московского метрополитена. Замысел инженеров вызвал небывалый общественный резонанс и большую шумиху на страницах «Биржевых» и «Русских ведомостей». Начиналась борьба за строительство метрополитена в России.

18 сентября 1902 года. Большой зал Московской городской Думы. Наплыв публики был чрезвычайно велик, пригласительный билет достать не представлялось возможным! По периметру зала были расставлены красочные планы, схемы, чертежи и картины Н. Н. Каразина – фантастические виды будущей Москвы с метрополитеном. План строительства метро предполагал 2 этапа:

- сооружение в Москве электрической железной дороги большой скорости внеуличного типа (метрополитена)
- расширение сети московских конножелезнодорожных линий и переустройство их для электрической тяги.

Картина Н. Н. Каразина. Предполагаемая трасса метро от центрального вокзала (справа) до Павелецкого вокзала

Предполагалось соединить первоначальной линией строящуюся городскую окружную железную дорогу с Красной площадью, где планировалось возвести Центральный вокзал. Первая станция в сторону Тверской заставы должна была называться «Проспект императора Николая П». В сторону Москвы-реки и далее – к Б. Ордынке и Серпуховской заставе – предполагалось построить линию на эстакадах для соединения ее с окружной железной дорогой у Павелецкого вокзала. В дальнейшем строительство предполагалось завершить сооружением кольцевых линий, проходящих по Садовым улицам и Замоскворечью, а также радиальной от Черкизова вдоль реки Яузы до центра города.

Доклад делал П. И. Балинский. Его яркая речь^[134] и науч-

ные обоснования так и не смогли убедить городские власти в необходимости строительства метро в Москве.

Возражения оппонентов были сформулированы по нескольким направлениям:

– проект г.г. Кнорре и Балинского захватывает бесплатно недра земли.

– он лишает городское управление прибыли в доходные статьи бюджета.

– грозит серьезным ущербом имущественным интересам городского управления.

– проект поражает дерзким посягательством на то, что в городе Москве дорого всем русским людям; необъяснимое отношение к святыням, выражающееся в нарушении целостности Казанского собора и устройстве под ним тоннеля. Другие храмы, как, например, церковь Трех Святителей у Красных ворот, Никиты Чудотворца на Ордынке, Святого Духа у Пречистенских ворот ввиду близости эстакады, которая в некоторых местах приближается к храмам на 3 аршина, умаляются в своем благолепии». В результате городской думой было принято решение: «Господам Балинскому и Кнорре в их домогательствах отказать». После неудачи П. И. Балинский, сохраняя свои связи с деловыми кругами Европы и Америки, отказался от дальнейшей борьбы. Он стал представителем знаменитой в то время фирмы «Виноре-сыновья и Максим» в Лондоне, «Электрик Бой компани» в Америке и других иностранных фирм. К сожалению, больше никаких

сведений о судьбе П. И. Балинского не обнаружено.

У Евгения Карловича Кнорре к этому времени была собственная фирма в Томске, механические мастерские в Красноярске, лесопильный завод в Городищенском уезде Пензенской губернии. И он с успехом занимался строительством мостов по всей Российской империи. Потребность в них была постоянной.

Прошло более 10 лет со времени бурных разговоров в Московской городской Думе о строительстве метрополитена. Нужда в строительстве метро в Москве к 1913 году обострилась. Население Москвы, включая пригород, увеличилось и достигло 1 630 000 человек. Предполагалось, что к 1920 году произойдет дополнительный прирост населения за счет увеличения необходимых рабочих мест на промышленных предприятиях и тогда население достигнет 2-х миллионов. Вопрос о его строительстве вновь был поставлен в повестку дня.

И снова Евгений Карлович представил – на этот раз – самостоятельный проект, согласно которому предполагалось устроить три диаметральные линии и окружную линию по Садовому кольцу. Срок службы метрополитена принимался в расчете на 100 лет эксплуатации. Проект попал на рассмотрение в Министерство финансов, куда поступили и другие проекты. Один из проектов предложил инженер К. К. Руин, который ориентировался на привлечение английских

и германских капиталов; другой проект поступил от инженера Г. Д. Хоффа – так называемый «американский вариант». Выяснилось, что во втором проекте принимал участие А. И. Гучков – гонитель первого проекта Е. К. Кнорре и П. И. Балинского. Снова заседания, споры, полемика и отсутствие какого-либо позитивного сдвига. В общем виде заключение городских властей свелось к формулировке: «В ближайшем времени Московским городским Управлением будет закончен собственный проект сооружения метрополитена и будет целесообразнее произвести одновременное рассмотрение всех предлагаемых проектов».

Составление сводного проекта было возложено на Михаила Константиновича Поливанова. М. К. Поливанов и А. М. Авенариус, как специалисты городской управы, совместно с другими инженерами разработали эскизный проект Московского метрополитена, приняв за основу проектные предложения Е. К. Кнорре.

Московская городская Дума приняла предварительное решение с условием, что только после окончательного согласования можно будет приступить к строительству метрополитена в 1915 году, а закончить работы в 1920 году. 4 июня 1913 года Московской городской Управой было принято постановление: «Возбудить ходатайство об образовании согласительной комиссии».

Но все проекты начала XX века так и остались в чертежах из-за начавшейся Первой мировой войны. После отречения

от престола Николая II 17 марта 1917 года была учреждена Чрезвычайная Следственная комиссия Временного правительства для расследования «противозаконных по должности действий» бывших министров и других должностных лиц при Министерстве юстиции. В апреле этой комиссией было обнаружено «Обращение Московской городской Думы к Николаю II» с просьбой назначить согласительную комиссию, так как ни один проект строительства метро не был принят к исполнению, в том числе и собственный проект Московской городской Управы. Это обращение было вложено в папку вместе с другими документами к всеподданнейшему докладу министра финансов В. Н. Коковцова.

Революционные события, Гражданская война и разруха отодвинули идею строительства метро в Москве на долгие годы.

Ужасающий развал городского транспорта вновь привлек внимание московских городских и уже партийных властей к необходимости строительства метрополитена в столице. За период с 1924 по 1930 г. МГЖД (Управление Московских городских железных дорог и трамвайной сети) не переставало инициировать эту «необходимость строительства...». Уже был разработан новый проект с учетом достоинств предыдущих. Были проведены изыскания, совпадавшие с прежними (по Е. К. Кнорре), был спроектирован и первый образец вагона метро инженером К. С. Мышенковым, который еще в 1915 году написал и издал брошюру

об электрической тяге на городских и пригородных железных дорогах. В ней он отстаивал самостоятельный тип подвижного состава для метрополитенов, подобный принятому в Париже. Но ни московские городские власти, ни партийные руководители не решались брать на себя инициативу строительства метро в столице. 1930-е годы для нашей страны были весьма трудными – это и голод в Поволжье, и едва восстанавливавшаяся промышленность, это и зарождение фашизма в Германии. После возвращения министра иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова из Англии, Иосиф Виссарионович Сталин был проинформирован о внешнеполитических событиях на Западе и о возможном их развитии. И все-таки. Оценив перспективы, И. В. Сталин решился на весьма трудный шаг – срочно строить метро.

Евгений Карлович Кнорре в кругу семьи на даче в Быково (Кратово). Чуть выше – Владимир Константинович Шпейер, левее – Елена Константиновна Кнорре-Шпейер, на велосипеде старший сын – Михаил Евгеньевич Кнорре

Рабочая представительная комиссия, которую возглавлял П. П. Ротерт^[135], и члены ЦК прибыли на прием к И. В. Сталину. После докладов членов комиссии все ждали решения...

Когда Иосиф Виссарионович сообщил свое решение, П.

П. Ротерт предупредительно спросил: «А где взять деньги на строительство? Ведь метро – это огромные деньги – фантастическая сумма». Наступила настораживающая тишина...

И. В. Сталин выждал паузу и, устремив взгляд на П. П. Ротерта, произнес: «Много или мало нужно денег на строительство метрополитена – это наша забота, а ваша задача – строить». Так решилась судьба строительства Московского метро на первом этапе. И надо сказать, что П. П. Ротерту, как руководителю всего комплекса задач, связанных со строительством метрополитена, крупно повезло. В трудных ситуациях И. В. Сталин оказывал ему доверие и помощь. Ну, а все дальнейшие события разворачивались по принятому в то время сценарию. 1931 год... Июньский Пленум ЦК ВКП(б) принимает решение о немедленном строительстве метрополитена в Москве. Прямо с Пленума отправляется телеграмма:

«тов. Сталину

Во исполнение решения ЦК о строительстве метрополитена мы считаем необходимым создание специального Правления по выполнению всех работ, связанных с проектированием и строительством метрополитена. Строительство метрополитена должно быть объявлено имеющим характер общегосударственный с выделением всех материальных и денежных фондов непосредственно

строительству наравне с крупными гигантами-стройками. Руководство и наблюдение за ходом работ осуществляется Моссоветом. Считая, что во главе такого важного и сложного дела должен быть поставлен крупный работник, практически проверенный на больших стройках. Мы просим для руководства и возглавления Правления по строительству назначить инженера Винтера (Днепрострой), от которого мы при неофициальных предварительных переговорах получили принципиальное согласие. Просьба утвердить прилагаемый проект постановления.

П. П. секретарь МК ВКП(б): Каганович

Председатель Горисполкома и Моссовета: Булганин

14. VI.-1931 г. 18 часов 15 минут»

Поскольку руководство и наблюдение за ходом строительства было поручено Моссовету, то Николай Александрович Булганин начинает свою бурную деятельность. Он собирает уцелевшие кадры и формирует Правление для осуществления проектных работ.

19. VII.1931 г. в ЦК ВКП(б) отправляется письмо за № 725/4398.

РСФСР

Президиум
исполнительного комитета и Московского Совета РК и
КД
Московского городского

Тов. Кагановичу

В целях скорейшей реализации решений июньского Пленума ЦК о городском хозяйстве Москвы прошу решения ЦК о немедленном откомандировании в распоряжение Комитета метрополитена.

1. Лазарева Алекс. Ник. – инж. – стр. земл. расч. тоннелей метропол. (раб. в Наркомхозе)

2. Цереса Валент. Герм. – инж. – пут. разраб. трасс линий метропол. (раб. в Химстрое)

3. Свенцинского Георг. Вик. – инж. – эл. тяговик. заним. эл. расч. (раб. в Химстрое)

4. Пешкерова Петра Кир. – раб. в Бюро трамв. и авт. («Съезд»)

5. Прокофьевича Вас. Вас. – зам. пред. Вомбита

6. Зильберталя Абр. Хаим. – инж. эл. тяговик, сп. по гор. тр. (Ленинград, Гипротранс)

7. Васильева Г. И. – инж. – мех., сп. по разраб. Подв. сост. (раб. в Парвагдизе)

8. Кузнецова – техник по вагоностр., сп. по разраб. Подв. Сост

9. Эйсмана А. И. – инж. – эл. (раб. Гл. инж. в Бобриках)

10. Машкова Вяч. Мих. – студента-гидротехника ВИСУ (еще не получ. назначения)

Председатель Горисполкома Моссовета: Булганин

Начались совещания и заседания, выступления и замеча-

ния. Принимались решения и издавались постановления. По архивным документам ГАРФ (ф. 7952, оп. 7, д. № 116) можно проследить весь ход событий по активизации организационного процесса. Уже 23 августа 1931 года состоялось заседание Президиума Мосгорисполкома и Моссовета РК и КД на котором выступил Н. А. Булганин с докладом «Об организации постройки Московского метрополитена».

Постановили:

1. Создать Оргбюро для производства подготовительных работ по сооружению Московского метрополитена в составе т.т. инж. П. П. Ротерта и К. С. Финкель.

2. Поручить Оргбюро в 2-дневный срок разработать для представления на утверждение СНК СССР проект Положения о государственном строительстве Московского метрополитена.

3. Предложить Горфо выдать в распоряжение Оргбюро из 500 тыс. руб., отпущенных на проектирование и подготовительные работы по сооружению метрополитена, – 50 тыс. руб., впредь до утверждения СНК СССР Положения о создании «Метростроя».

Выписка из протокола № 23 (в. срочно), копии направить: т.т. Ротерту П. П., Финкель К. С., Романову (Горфо) и Булганину Н. А.

с подл, верно: секретарь – А. Чельная

Положение было разработано в установленные сроки, определены задачи и обязанности. Руководящим органом Метростроя определили Управление. В Положении оговорили необходимость привлечения иностранных специалистов, а также «командировать с разрешения Президиума Моссовета служащих Управления за границу на предмет получения консультаций, ознакомления с техническими усовершенствованиями, изучения специальных вопросов, производства заказов, наблюдения за их выполнением и приемом таковых».

6 сентября снова собирается Президиум Горисполкома и Моссовета РК и КД.

Слушали: доклад «0 метрополитене» – т. Финкель
Выск. – т. Булганин

Постановили: 1. Утвердить начальником строительства Метростроя инженера Ротерта и заместителем – инженера Финкель.

2.

3. Обязать МГЖД немедленно откомандировать в распоряжение Метростроя специалистов:

т. т. Машкова М. Н., Катцен И. Е., Алексеева А. Д., Горькова А. М., Радкевич К. Е., Иванова Н. С., Вычужанина, Бедрицкого М. Н., Полякова А. А., Клосс Э. И., Богданова А. А.

Павел Павлович Ротерт был утвержден начальником и главным инженером Метростроя, хотя первоначально планировался на эту должность А. В. Винтер. В архивных доку-

ментах имеется его длинное объяснение – докладная, в которой он просит не срывать его со строительства Днепрогэса и что он рекомендует вместо себя П. П. Ротерта.

Павел Павлович обратился к Н. А. Булганину с настоятельной просьбой об укомплектовании Управления специалистами. Он привлекает к работе на должность начальника технического отдела заведующего проектным отделом Фондаментстроя, профессора Виктора Леопольдовича Николаи (в 1903–1908 гг.

В. Л. Николаи принимал участие в строительстве Московской окружной железной дороги и знаменитого Андреевского моста через Москву-реку, «переехавшего» 20 мая 1999 г. на новое место).

На должность второго заместителя начальника строительства П. П. Ротерт пригласил полномочного представителя Днепростроя в Москве инженера Николая Иннокентьевича Осколкова. Для работ по разработке проекта было намечено привлечь инженеров А. В. Гербко, К. С. Мышенкова и С. Н. Розанова, как специалистов, руководивших в недавнем прошлом разработкой проекта метрополитена при Управлении МГЖД. П. П. Ротерт добился разрешения на привлечение иностранных специалистов: для разработки проекта – 4 человека, для организации и механизации работ – 2 человека, для наблюдения за производством работ – 2 человека.

Постепенно набирались специалисты, велась активная работа по привлечению рабочих к строительству метрополите-

на. В резолюции к докладу 23 сентября 1931 года значится перечень решенных и трудно решаемых вопросов:

- приступить к строительству бараков для размещения 15 тысяч рабочих;
- утвердить в должности инженера Н. И. Осколкова;
- т. Финкель вступить в переговоры с иностранными фирмами по вопросу использования их специалистов...

Заместитель П. П. Ротерта, К. С. Финкель, был направлен во Францию. Другие управленцы – в Германию и Англию для подбора необходимых специалистов, закупки оборудования, а также заключения соответствующих договоров на приобретение проходческих щитов^[136]. Для чего Н. А. Булганин загодя направил письмо зам. Наркомторга СССР т. Любимову, в котором просил оказать им полное содействие в выполнении данных поручений. Не все командированные смогли решить поставленные задачи в полном объеме по разным причинам. К. С. Финкель не удержался от парижских соблазнов и возвратился с «приветом из Франции». Имя его исчезло из архивных документов. Таким образом, он вольно или невольно «подставил» П. П. Ротерта. Но Павел Павлович, несмотря на возможные суровые выводы партийного руководства, снова обратился к Н. А. Булганину с очередной просьбой о комплектации Управления метрополитена кадрами. На этот раз необходимо было вызволить специалистов из мест «весьма отдаленных» – кого из Соловков, кого из Сибири, кого из тюрем... Н. А. Булганин обратился с пись-

**Президиум Московского Городского
Исполнительного Комитета О. Г. П. У.
тов. Акулову И. А. Секретно в. срочно**

Месяца два тому назад мною был поставлен вопрос о прикомандировании к нам для работы по Метрополитену и трамваю ряда специалистов, арестованных в свое время ОГПУ по делам вредительства в коммунальном хозяйстве.

ЭКУ ОГПУ не возражало тогда против их использования у нас. Однако этот вопрос не получил положительного разрешения в виду будто бы несогласия коллегии ОГПУ.

Я прошу Вас вновь рассмотреть этот вопрос и, в случае возможности, разрешить его положительно.

Список специалистов прилагается.

Председатель Горисполкома и Моссовета Булганин

Список

Инженерно-технического персонала треста МГЖД, арестованных за участие во вредительской организации

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Последняя занимаемая должность
1.	Гербко А.В.	Глав. Инженер Упр. Треста
2.	Петров В.К.	Зав. Сектором Технич. Нор- мир. и реконструкции
3.	Сосянц В.Г.	Помощн. Завед. Сл. Пути
4.	Фишман Я.М.	Ст. инж. Сл. Эксплуатации
5.	Киркинский В.И.	Пом. Зав. Сл. Тока
6.	Нелидов И.А.	Ст. инж.-эк. Сл. Эксплуат.
7.	Мышенков К.С.	Завед. п/отд. Метрополитена
8.	Розанов С.Н.	Пом. Зав. п/отд. Метрополи- тена
9.	Коробьин Ю.А.	Зав. Пл.-экон. отделом

*Зав. секретной частью Управления Треста МГЖД –
Константинова*

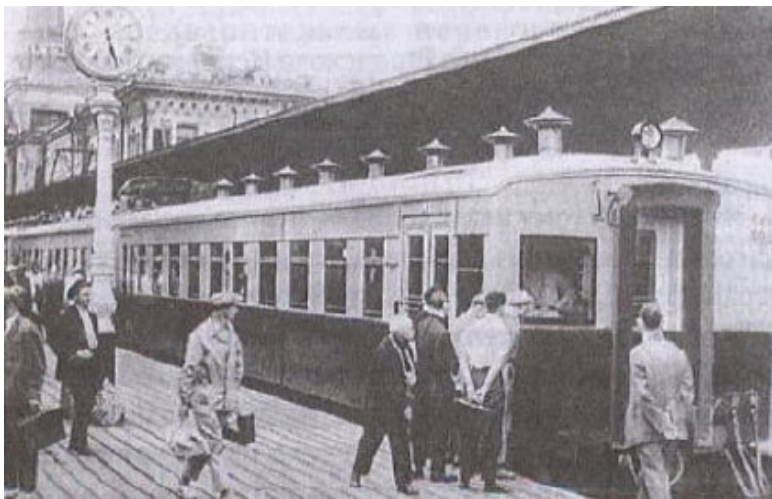
*1930-е годы. Первые электропоезда
на Ярославской железной дороге*

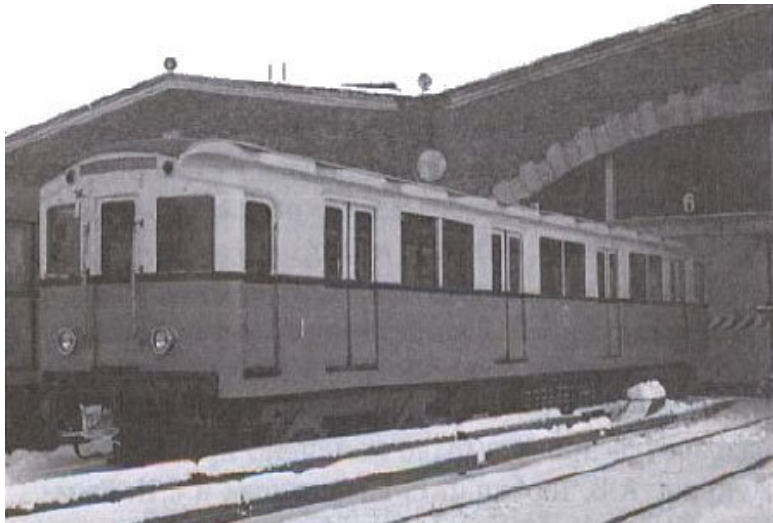
Местная электричка (3-хвагонная секция)

Электричка в Москву на ст. Мытищи

Электричка с Ярославского вокзала

Первый вагон метро типа А/Б. Выпускался с 1934 г., эксплуатировался до 1975 г.

Современный вагон метро (001)

1932–1933 годы. На улице Мархлевского (ныне Милютинский переулок) разместилась новая контора ВОВАТ (Всесоюзное Объединение Вагоностроительных и Тормозных заводов), которую возглавил Петр Иванович Травин. К общей проблеме восстановления вагонного парка страны П. И. Травину пристроили и проблему проектирования вагонов метро. Волевым порядком установили жесткие сроки, составили графики и начались бесконечные заседания и совещания. Сроки срывались, графики не выполнялись «ВОВАТ объявили консерватором...» В архивных документах

мелькают протоколы, в одном из которых встречается фраза: «ВОВАТ на улице Мархлевского наконец-то зашуршал чертежами и кальками, наконец-то началось проектирование нового образца вагона метро...».

Почему-то проект первого образца вагона метро К. С. Мышенкова отвергли. Заказ на изготовление вагонов метро в Мытищах отстоял директор завода Андрей Борисович Хруничев (осень 1933 г.). Он пришел на Мытищинский завод с Калининского вагоностроительного завода, где ранее работал заместителем директора. Благодаря его убедительному докладу на коллегии Совета министров первые вагоны метро Московского метрополитена были изготовлены в Мытищах. Свое выступление А. Б. Хруничев начал с истории завода и провел мысль о том, что на завод приходит второе поколение: отцы уже свое отработали, но приобрели опыт – будущее завода за молодыми в союзе с опытом их предшественников – отцов и дедов. Любые трудности будут преодолены. О судьбе А. Б. Хруничева ничего не известно.

Петр Иванович Травин родился в 1885 г. в Риге. Он участник Русско-японской войны, участник революционных событий 1905 года. В той же Риге за нападение на тюрьму ему грозила «вышка», но он сумел избежать этой участи. Петр Иванович бежал в Одессу, откуда пароходом перебрался в Италию. Затем – в Данию, а из Дании, опять пароходом – в США.

Непросто было вживаться в новый мир, но полуграмот-

ный русский рабочий сумел освоить английский язык, окончил колледж, а в 1916 г. – Миннесотский университет и получил диплом инженера-мостостроителя.

В 1918 г. П. И. Травин, возвращаясь из США, встретился в Стокгольме с Вацлавом Вацлавовичем Воровским и был вынужден нелегально вернуться в Америку, не имея ни виз, ни документов. По просьбе В. И. Ленина он доставил правительству США Ноту Советского правительства о том, что в Америке намеренно искажаются факты событий в России, «Положение женщин в России», «Обращение к правительству и народу США – воздержаться от десанта американских войск во Владивостоке», «Конституцию Российской Федерации».

В 1919 г. Петр Иванович вновь возвращается в Россию, встречается с В. И. Лениным и направляется в Торгпредство <...>. Реввоенсоветом республики он назначается инспектором Военстроя, принимает участие в строительстве Уралвагонзавода, возглавляет ВОВАТ.

Во время Великой Отечественной войны П. И. Травин работал главным инженером и заместителем начальника Главного управления вагонного хозяйства, руководителем Секции подвижного состава научно-технического совета МПС. Последние годы он работал во ВНИИЖТе (бывш. ЦНИИ МПС, Москва-Ш)^[137].

По воспоминаниям старейшего работника ВНИИЖТа А. Долматова, Петр Иванович очень расстраивался по поводу многих проявлений волюнтаризма в решении технических вопросов и вспоминал о той организации производства, которая была известна ему, когда он работал в США. В минуты откровения П. И. Травин высказывал и свои сожаления. Эти разговоры стоили ему дорого. Нашлись доброжелатели, «стукнули» куда надо, и Петр Иванович был исключен из рядов ВКП(б). Как не попал на Соловки или Колыму – одному Богу известно... Уже после смерти И. В. Сталина П. И. Травина восстановили в партийных рядах, в 1967 г. наградили Орденом Ленина, а в 1970 году П. И. Травин закончил свой жизненный путь.

Память о П. И. Травине запечатлена в 2-хсерийном кинофильме «Курьер Кремля», где он отснят в начальных кадрах, а в самом фильме его роль сыграл Вячеслав Иванович Шалевич – артист Театра Вахтангова. На длинной уличной стене Мытищинского завода, называемой в народе «Бастилией», установлена весьма скромная мемориальная доска с именем П. И. Травина. В процессе поиска подробностей судьбы П. И. Травина приходилось только разводить руками. Увы, в отделе кадров ВНИИЖТа не обнаружено его личного дела, а может быть, не захотели искать – сказали, что нету...

Остается надежда – возможно что-то прояснит или поможет отыскать потомков П. И. Травина Вячеслав Иванович Шалевич или еще кто-нибудь из съемочной группы фильма – сценарист, режиссер. А жаль, что не удалось встретиться с потомками Петра Ивановича Травина.

Вернемся к истории становления Московского метрополитена и организации его служб для решения сложнейшей по тем временам технической задачи. Из стенограммы очередного совещания 18 апреля 1934 года. Замечания в адрес ВОВАТ:

«Хруничев и Травин отшучиваются <...>. Чтобы не срывать графики проектирования, изготовления вагона нового образца и поэтапного строительства тоннелей могли бы поставить свои штампы на чертежах проектов К. К. Руина или Е. К. Кнорре. Необходимо незамедлительно прикрепить

Травина непосредственно к Мытищинскому заводу.»

Пришлось Петру Ивановичу возглавить ЦКБВ завода, где он подобрал себе преемника в лице Г. А. Казанского, а сам перешел на должность технического директора.

Снова заседания и совещания, в протоколах значатся фамилии представителей завода – Хруничев, Васильев, Травин; от ВОВАТа – Берлиндер, Островский. Все повторяется: «Трудно внедрялась на заводе культура производства». В отчаянии Петр Иванович бросает фразу: «С этой мытищинской публикой нельзя сделать ничего точного!» В ответ в районной газете «Пролетарий» (10 мая 1934 г.) появляется угрожающий намек: «Факты убеждают, что осужденная XVII съездом ВКП(б) и лично т. Кагановичем практика работы на Вагонном заводе продолжает жить.»

Но тогда выручил Никита Сергеевич Хрущев, он вовремя поддержал П. И. Травина и срочно прислал на завод несколько станков и специалистов. 12 мая две тележки для первого вагона метро были отправлены на завод «Динамо», где производилась окончательная сборка вагона. Красили тележки учащиеся ФЗУ, когда транзитный состав останавливался перед красным светофором.

Судьба Георгия Алексеевича Казанского (7.IX.1907–16.II.1994) сложилась более благополучно. Он родом из Ржева, потомственный машинист, в 1927–1928 гг. начинал работать помощником паровозного машиниста Северной железной дороги, 1928–30-е годы – инженер технического от-

дела Мытищинского вагонного завода. В 1931 г. Георгий Алексеевич окончил Центральный институт заочного обучения НКПС и получил диплом инженера-механика по вагоностроению. Г. А. Казанский был одним из первых преподавателей вечернего техникума при заводе и руководил дипломным проектированием, подготавливая кадры по специальности «техник-механик по вагоностроению». Женился он на обаятельной Шурочке – Александре Андреевне Латышевой, выпускнице техникума. Их дочь Татьяна Георгиевна живет в Москве, растет внук Алеша, подающий надежды как будущий интересный художник. Последние годы Георгий Алексеевич возглавлял ВНИИВ (Всесоюзный научно-исследовательский институт вагоностроения). Он лауреат Государственной премии, кандидат технических наук, Заслуженный машиностроитель РСФСР; издано более 10 его печатных трудов и более 40 научных статей. Г. А. Казанский принимал участие во многих международных семинарах, выступал с докладами в Германии, Югославии, на Кубе, в Чехословакии, Венгрии, Польше, Италии.

Георгий (Юрий) Алексеевич Казанский с выпускницами техникума. Рядом Шурочка Латышева (будущая супруга) и Антонина Мирохина

Так начиналось отечественное метростроение и метровагоностроение, что в сумме инженерной мысли и труда рабочих воплотилось в реальную историю сегодняшнего Московского метрополитена. Московский метрополитен – это не только достопримечательность столицы, это прежде всего тяжелейший труд многих десятков тысяч людей – наемных рабочих, комсомольцев, пришедших на строительство

по призыву, зеков. Условия труда были невероятно тяжелыми, жилья не хватало. В архивных документах приводятся сведения, что ежемесячно принималось на работу до 700 человек, увольнялось свыше 300! В шестом выпуске издаваемой Институтом российской истории РАН серии «История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв.» (М., 1994) М. С. Зайцев пишет: «Строительство первой линии метро способствовало появлению около платформы Лось (бывш. Малые Мытищи) городка метростроевцев. Но численность населения значительно опережала возможность строительства жилья. Многим приходилось ютиться в общежитиях, представления о которых дает отрывок из письма в местную газету: «барак, скорее похожий на конюшню, чем на рабочее жилище. Пол дырявый, постоянно грязный, потолок с торчащими балками, стены худые, с обвалившейся штукатуркой, из щелей сыпятся опилки. В бараках нередко пьянка, хулиганские выходки и кражи». Но даже такое жилище почиталось за благо, некоторым приходилось жить в неотапливаемых вагонах, приспособленных под общежития.

В сегодняшнем благоустроенном городке Метростроя названия нескольких улиц напоминают о первых строителях метростроя: «Проходчиков», «Ротерта» – в честь первого начальника Метростроя Павла Павловича Ротерта, «Егора Абакумова» (1895–1953) – одного из первых руководителей строительства»...

Рабочие устраивались на работу в надежде остаться в

Москве, получить московскую прописку и жилье, работали под постоянной угрозой оползней, обвалов, прорывов воды, запыленности и загазованности воздуха. Когда застопоривался проходческий щит, то отвалы земли таскали в мешках на спине, к концу смены спина покрывалась кровавыми струпьями. И все-таки рады были хоть какому-то жилью, не щадили здоровья – это надо помнить всем, кто ныне пользуется Московским метро, – и москвичам, и гостям столицы.

В статье С. Гкрнюка, А. Каца и А. Соничева «Московское метро глазами современников», опубликованной в Историко-краеведческом альманахе «Московский архив» (М., 1996) отмечается: «Столичное метро всегда считалось одним из символов социализма. Подобное мнение высказывалось не только официальными идеологами, но и реально отражало умонастроения советских людей и гостей из-за рубежа...»

Многие годы ходили самые невероятные слухи и домыслы о том, что же было написано в «Книгах записей впечатлений» или проще – «Книгах отзывов», которые были введены при пуске первых и последующих линий Московского метрополитена. Приведем некоторые из этих отзывов: в них и понимание значимости труда метростроевцев, и наивный восторг перед вождями.

Первый радиус Московского метро (март-май 1935 г.)

«Я восхищен великолепием нового Московского метро и желаю ему успеха, который он заслуживает».

Посол Франции – Альфон

«Короткая поездка по метро оставляет приятное впечатление. Инженеры не только подумали о практических удобствах, но и об эстетике. Доказательство этому – оформление станций».

Посол Польши – Лукасевич

«Метро Москвы в архитектурном смысле изумительно красиво, удачно и оригинально построено. Это доказывает, что у господина Сталина можно многому научиться. Русский народ своим достижением может гордиться».

Банкир из Голландии – Ретмейер

«Московское метро – изумительное сооружение, которое делает большую честь его строителям: руководителям дела, инженерам и рабочим».

Посол Германии – граф Шуленбург

«Мне кажется, что народ, который в таком строительстве как метро придает такое большое значение роскоши и свету и, таким образом, создает сооружение не только полезное, но и приятное, уже

построил главное и уверен в своем будущем».

Журналист «Пари Суар», Франция – Антуан де Сент-Экзюпери

Горьковский радиус (сентябрь 1938)

«Метро можно буквально наслаждаться без конца. Партией, построившей такое метро, можно гордиться. За такую партию, за ее вождя, за любимого Сталина – мы отдадим все, вплоть до наших жизней».

Инженер (подпись <НРЗБ>)

«Метро прекрасно! Все мы можем гордиться им. Но, хотя говорят, победителей и не судят, все же человека, производившего гидроизоляционные работы (а может быть еще кого-нибудь), надо обязательно посадить в тюрьму. Испортил весь вид. Испортил и сегодняшний праздник».

Старший лейтенант – Сазанский

«Состраны эскалатера нужно поставить кантралера, так как я наблюдал многа катаются по искалатору вверх и вниз».

Подпись <НРЗБ>

Станция «Арбатская» (апрель 1953 г.)

«От волнения дрожит рука и путаются мысли.

Хорошо, красиво сделано. Особенно хорош портрет товарища Сталина. Наплакался я вдоволь, смотря и вспоминая черты отца, друга и учителя».

Башилов М. – партработник

«При виде нового метро сердца наши наполняются гордостью за нашу замечательную страну. Я чувствую присутствие с нами нашего любимого вождя, нашего учителя товарища Сталина. Спасибо тебе, наш любимый, за то, что дал нам такую жизнь».

Зотова – жена офицера

«Я, Лида Безбородова, очень люблю дедушку Сталина. Спасибо дедушке Сталину, что он создал счастливое детство».

Безбородова Лида

«Все, что видят мои очи, ты создал для угнетенного человечества, всех трудящихся. Плакали очи всей планеты. Нет, ты не умер наш Сталин!»

Без подписи

«А штукатурка на потолках везде потрескалась»

Чернышов С.

«Я прожил в эпоху Сталина полвека и буду счастлив, если проживу еще полвека в эпоху Маленкова и Ворошилова. Как бы это ни было, а моя жизнь принадлежит народу. Клянусь!»

Ведерников П.

Станция «Смоленская» (апрель 1953 г.)

«Как гениален и талантлив русский народ, руководимый КПСС!»

Подпись <НРЗБ>

«Много был я в других странах света (Америка, Англия, Берлин), но лучше нашего метро нет; в нем не курят, не плюют, нет сора и грязи».

Подпись <НРЗБ> – подполковник

Станция «Киевская» радиальная (апрель 1953 г.)

«Открытие новой станции «Киевская» является праздником для москвичей. Жаль, что нет тов. Сталина с нами, вот бы порадовался! Спасибо партии. Только она может так щедро тратить средства на открытие дворцов для народа».

Лубяницкая – комсомолка

«Киевская» – отделка под лубочную деревенскую картинку. Бедновато».

Подпись <НРЗБ>

«Спасибо за портрет настоящего большевика в образе Иосифа Виссарионовича Сталина-Джегушвили

на станции «Арбатская».

Иванова А.

«...благодарю партию и советское правительство за величественное сооружение Московского метрополитена, за создание новых подземных дворцов. Желаю долгих лет жизни нашему родному и любимому Георгию Максимовичу Маленкову».

От имени бывших военнослужащих Управления Московского Кремля – Кочетков Н., Эндека

Станция «Спортивная» (май 1957 г.)

«Станция похожа на баню».

Подпись <НРЗБ>

«Не лучше ли вдесятеро сократить расходы на строительство подземных дворцов, за счет чего погасить хоть часть сумм, занятых у трудящихся».

Подпись <НРЗБ>

И правда, видно, простота – не в каждом деле красота,

А станция «Спортивная» – на редкость примитивная.

И жаль, что содержание расходится с названием.

Соседи

Станция «Фрунзенская» (май 1957 г.)

«Мы, учащиеся 27-й школы, так счастливы и восхищены, что нет слов выразить благодарность ее строителям. Чудесно!»

Ученики 10-х классов 27-й школы Фрунзенского района

«Холодно».

Подпись <НРЗБ>

«Одевайся теплее».

Подпись <НРЗБ>

«Строим дворцы, а жить негде».

Подпись <НРЗБ>

«Идеи Ленина воплощаются в жизни. Электрификация страны. Метро – это тоже часть плана: удобное освещение, чисто, хорошо, культурно. Жаль, нет Ленина».

Пенсионер

«Хуже можно, но трудно».

Студенты МЭИ

«Восхищен станцией, но крайне удивлен, что тов. Фрунзе изображен с бородой, что является неправдоподобным. Видел Фрунзе много раз, начиная с 1919 года и до последних дней его жизни. Но никогда

его таким не видел».

Подпись <НРЗБ>

Станция «Коломенская» (август 1969 г.)

«Это нам важнее, чем американская Луна».

Без подписи

«Поздравляем великий русский народ. Дай бог ему здоровья! Дай бог здоровья и счастья тов. Брежневу и тов. Косыгину. Слава великому народу».

Подпись <НРЗБ>

Станция «Площадь Ногина» (январь 1971 г.)

«Хорошо! Много мрамора. Он у нас есть. Нет золота».

Токарь ЗИЛа

«Молодцы тов. Метростроевцы! Выпили за ваше здоровье. Спасибо!»

Подпись <НРЗБ>

История метростроя еще ждет своих исследователей. Многие архивные материалы до сих пор находятся под грифом секретности, а многие уже уничтожены или пропали «за ненадобностью». Даже музей метростроевцев прекратил свое существование. Так и не удалось обнаружить многих

материалов о первых инженерах Московского метростроя, о их судьбе, о удачах и ошибках в инженерных решениях, о тяжелейшем героическом труде рабочих и непосредственных руководителей служб. В тоннелях и шахтах люди вгрызались в землю, а в кабинетах чиновники грызлись за будущие награды. А ведь и метростроевцы испытали на своих судьбах пристрастное внимание «Министерства любви» с Лубянки в поисках «вредителей» и «врагов народа». А сколько было аварий, пожаров и человеческих жертв?

Многие из тех, кто торжественно отмечал открытие первой очереди Московского метро в 1935 году в Колонном зале, были снова возвращены на те же Соловки и другие знакомые места. Имена наиболее талантливых инженеров так и остались в забвении.

* * *

Продолжая историю династии Кнорре, хочется остановиться на судьбах потомков. Сын Евгения Карловича Кнорре, **Михаил Евгеньевич** (1877–1962), в чем-то повторил творческий путь отца. После окончания 4-й Московской гимназии он поступил в ИМТУ и в студенческие годы вместе с друзьями, тоже студентами – двоюродным братом Эрнестом Владимировичем Кнорре и Владимиром Константиновичем Лембке проходил практику на строительстве мостов Транссибирской магистрали в фирме отца – Евгения Кар-

ловича. Особенно ценный опыт друзья приобрели во время строительства моста через Енисей в Красноярске. В то время этот мост считался одним из сложнейших объектов в мировой инженерной практике.

В сентябре 1999 года руководство и общественность города Красноярска решили отметить 100-летний юбилей моста – «Стального звена Транссиба». На торжественное мероприятие по этому случаю были приглашены ученые и инженеры, корреспонденты и журналисты из 30 стран. Был приглашен и правнук Евгения Карловича Кнорре – **Евгений Федорович Лаш**, с которым автора связывали многолетние дружественные отношения. Е. Лаш всегда любезно предоставлял возможность ознакомиться со многими подлинниками документов, хранящимися в его семейном архиве. В последние годы он редактировал черновики рукописи этой книги и делал весьма полезные советы и замечания.

Евгений Федорович Лаш (правнук Е. К. Кнорре) на мосту через Енисей (Красноярск) через 100 лет, после того как мост построил его прадед. Сентябрь 1999 г.

По его сведениям, металлические фермы Красноярского моста находились под постоянным наблюдением смотрителей, которые обнаружили специфические призвуки в металлоконструкции при проходе железнодорожного состава по мосту. Благодаря бдительности службы смотрителей удалось определить причину появления призвуков. Оказалось, что некоторые заклепки уменьшились в диаметре и в наиболее нагруженных точках произошел их обрыв. Торцы оборвавшихся заклепок перемещались под нагрузкой и у моста из-

менилась «песня».

На пленарном заседании Красноярского форума было принято обращение к местным властям о сохранении моста-юбиляра, который был признан памятником инженерно-технической мысли двух выдающихся российских инженеров – проектировщика Лавра Дмитриевича Проскуракова и инженера-строителя – Евгения Карловича Кнорре. В обращении были высказаны пожелания, чтобы оставить мост как прогулочный. С моста жители Красноярска и туристы могли бы любоваться панорамой города и могучим Енисеем. Тем более, что уже построены новые мосты – железнодорожный и для автотранспорта.

Но... уже дошла информация о том, что мост подлежит сносу, и уже начались работы по его демонтажу. Что ж, уходят из жизни инженеры, их творения уже вырабатывают свой ресурс и подлежат сносу. А что остается нам? – Память! Но не запечатовать бы о людях-творцах.

По возвращении Е. Ф. Лаша в Москву автору были переданы фотографии Енисейского моста – возможно последние за его 100-летнюю службу. В качестве ответной благодарности для Евгения Федоровича была организована экскурсия на Мытищинскую водокачку с любезного разрешения ее директора Владимира Ильича Кукина.

Теперь уже нет среди нас и Евгения Федоровича, он скончался 17 августа 2001 года. Е. Ф. Лаш 42 года проработал в институте «Фундаментстрой» (от руководителя группы –

до руководителя отдела). Под его руководством были выполнены многочисленные проекты в области фундаментостроения и осушения территории под строительство промышленных комплексов, месторождений полезных ископаемых и многих других объектов. Некоторые его разработки выполнялись совместно со специалистами ЦНИИПСК им. Н. П. Мельникова: фундамент телебашни в Ташкенте на сейсмостойкость 8 баллов – высота башни 375 метров; фундамент башни коробчатого сечения близ Алма-Аты на сейсмостойкость 10 баллов – высота башни 372 метра; фундамент на сваях-оболочках в Риге – высота башни 368 метров.

По его проектам производились крупные работы по осушению рудников Соколовско-Сарбайского разреза, строились причалы для ремонта подводных лодок, укреплялись берега и откосы (склоны) на Волге, на Черноморском побережье Кавказа и в Крыму. Последние работы – проект и строительство терминала и таможенной станции на Российско-Грузинской границе.

А в жизни Евгений Федорович оставался обязательным и доброжелательным, мудрым и деликатным человеком. С его любезного согласия написаны эти строки.

* * *

Михаил Евгеньевич Кнорре после окончания ИМТУ работал муниципальным инженером в Москве, После револю-

ции он преподавал в родном Училище (МГТУ им. Н. Э. Баумана) и, став профессором, считался в инженерных кругах крупным теоретиком по строительным конструкциям. После Великой Отечественной войны, будучи уже в почтенном возрасте, продолжал консультировать своих учеников, восстанавливавших ДнепрогЭС.

Известным специалистом московского городского хозяйства был и Эрнест Владимирович (1874–1947). Он окончил гимназию в Николаеве, затем ИМТУ, где получил диплом инженера-механика по специальности «Дорожное строительство».

В течение 55 лет его служба и жизнь были связаны с Москвой. Э. В. Кнорре работал помощником, а затем участковым инженером до 1917 года. С 1917 по 1919 г. он заведовал отделом речных сооружений в Моссовете и был главным инженером по вопросам благоустройства Москвы. До самой кончины в 1947 году Эрнест Владимирович оставался экспертом и консультантом по строительству различных объектов коммунального хозяйства, в том числе и набережных Москвы.

Его сын, Владимир Эрнестович Кнорре, 35 лет жизни посвятил работе в ГЛАВАПУ (Главное архитектурно-планировочное управление) Москвы. Работая начальником Управления инженерного оборудования, он проектировал и строил целый ряд сложнейших инженерных сооружений: стадион в Лужниках, Сокольническую эстакаду, различные городские

магистрала, линии метро – Замоскворецкий, Серпуховской, Калининский и Краснопресненский радиусы. Владимир Эрнестович – «Заслуженный строитель РСФСР». Огромная заслуга его и в том, выйдя на пенсию, он собрал сведения о своих предках и восстановил генеалогию династии Кнорре. Родословная включает около 300 лиц, принадлежащих к 10 поколениям, и охватывает почти 300-летний период истории их жизни и творческого наследия. Будущие исследователи и историки найдут в родословной богатый материал для написания книги о династии Кнорре.

Один из внуков Евгения Карловича Кнорре, **Александр Александрович Боровой** (1912–2000)⁶¹, в 1970-х годах был первым заместителем Председателя Госстроя СССР. Его **брат Георгий** (1914–1993) работал в институте «Гидропроект», затем в Госплане СССР. Упомянутый правнук – Евгений Федорович Лаш – многие годы заведовал отделом в институте «Фундаментпроект», а его брат Андрей Федорович трудился в «Моспроекте» и продолжает работать в институте «Моспромархитектура».

Дмитрий Георгиевич Кнорре (р.1926) связал свою деятельность с Сибирским отделением Российской Академии наук и известен в научных кругах как специалист по химии природных соединений, он академик РАН. Его линия по родословной восходит к владикавказскому архитектору Федо-

⁶¹ А. А. Боровой – единственный из потомков Е. К. Кнорре, заставший в живых Евгения Карловича.

ру Карловичу, которому он приходился правнуком. Дедом его был инженер Федор Федорович Кнорре. Отец Дмитрия – **Георгий Федорович** – профессор МГТУ им. Баумана. Братья: **Вадим** – физик, доктор наук; **Кирилл** – инженер-физик; **Алексей** – биохимик.

И еще два внука архитектора Федора Карловича Кнорре: **Федор Федорович** (1903–1987) – писатель; **Анатолий Карлович** (1895–1961) – генерал-майор, руководивший в свое время Главным управлением аэродромного строительства.

Праправнук лесоведа-агронома Павла Карловича – **Алексей Викторович Кнорре** – директор известного заповедника «Столбы» в Красноярске.

5 июня 1990 г. в газете «Калининградская правда» была напечатана статья И. Чубурова о еще одном представителе династии Кнорре:

«**Константин Федорович Кнорре** (очевидно, сын архитектора Федора Карловича) поступил на фабрику Франца Рабенека в Болшево в 1889 г. на должность конторщика. В предреволюционные годы был управляющим предприятия, в революцию и последующие годы он так и оставался на этой должности. Как известно, в послереволюционные годы в стране царил разруха, многие заводы и фабрики после «Гражданки» практически прекратили свое существование. Не вследствие военных действий – просто они были брошены, оставлены без ухода и надзора оборудование прихо-

дило в негодность, а что можно было унести – разворовывалось (не стало сырья и текстильные фабрики остановились).

Константин Федорович, как один из немногих специалистов-руководителей^[138], самоотверженно боролся за сохранение оборудования. В неимоверно тяжелых условиях он сумел добыть смазочные масла и керосин и произвел консервацию станков и оборудования, сумел сохранить все, что было нужно для будущего возрождения производства. Кроме того, он сумел сплотить вокруг себя единомышленников и построить электростанцию, работавшую на местном торфе. Торфопредприятие когда-то принадлежало Францу Рабенеку, и из торфа получали отечественный ализарин для крашения тканей.

Подступал голод, рабочие в поисках пропитания разъезжались по деревням. Но и в этой ситуации К. Ф. Кнорре проявил свои незаурядные организаторские способности. Под его руководством был создан сельхоз (около 100 десятин). Это было первейшей необходимостью для рабочих – хоть какой-то заработок, овощи, молоко для детей.

В 1925 г., после 7 лет голода и лишений, вновь состоялся пуск фабрики, которая стала именоваться «1-го Мая». Жители поселка снова получили работу, заработок и хоть какое-то относительное благоденствие.»

Константин Федорович не только спас фабрику, он сумел сохранить костяк специалистов и кадровых рабочих – предприятие возродилось. Какова же была цена его добрым де-

лам?

- За консервацию станков и оборудования он более полугода сидел в тюрьме, где его бесконечно терзали допросами;
- в 1926 году К. Ф. Кнорре безо всяких объяснений отстранили от должности и послали заведовать конюшней...

Хоронить Константина Федоровича вышло все население фабрики. К сожалению, могила его не сохранилась, как и многие другие. На месте старого Большевского кладбища местные власти устроили сначала спортплощадку, а затем развернули строительство жилых домов. Где эти бывшие власть имущие, не признававшие ничего святого? Показали пример вопиющей беспамятности и сами ушли из жизни, как «Иваны, не помнящие родства».

Но благодарная память о потомках Кнорре не исчезла. Находятся такие энтузиасты-исследователи, как И. Чубуров, найдутся и другие, кому будет не безразлична наша история и судьбы людей, достойных высокого уважения и памяти. Историю необходимо не «переписывать», а осмысливать и правдиво восстанавливать по крупицам во имя наших потомков.

Дочь Константина Федоровича, **Надежда Константиновна**, в 1930-е годы работала на Мытищинском вагонном заводе. О ней писала газета «Трибуна вагоностроителя» (№ 41, 1 мая 1936 г.)⁶²:

«После 2-хлетней работы конструктором в заводууправ-

⁶² Автор статьи Эмкин.

лении Надя пришла работать в кузнечный цех. Ее спокойная уверенность, скромность, строгое самокритическое отношение к себе, быстрота выполнения порученной работы создали ей репутацию хорошего работника. Когда в цехе возникает потребность в каком-либо штампе, то как бы он сложен ни был, его поручают конструировать ей, Наде Кнорре. И она создает сложнейшие штампы для кузнечноштамповочных работ. Но Кнорре не только хороший производитель, конструктор, она – хорошая, активная комсомолка – овладевает марксизмом-ленинизмом, в свободную минуту ее можно увидеть с книгой Ромэн Роллана. Надя Кнорре – одна из тех девушек нашей страны, что составляют ее гордость. И в день 1 мая, она, как и другие ей подобные, будет демонстрировать свою готовность бороться за дело социализма». Со времени публикации этой статьи прошло более 60 лет.

* * *

После XIX партконференции КПСС для начала перестроенного процесса пропало простое копейное мыло и полки магазинов заполнились рублевым – «Экстра». Но им нельзя было мыть детей и, как по цепочке, подорожал хлеб, затем куда-то загадочно исчезла колбаса... В конце концов мы получили карточную систему, так называемые «визитки», что называется дожили, но исчезли и лозунги, призывавшие «де-

монстрировать свою готовность бороться за дело социализма».

К сожалению снова расплодилось множество партий – повторение 1904–1905 годов. Их лидеры клялись и до сих пор клянутся в любви к народу. А разреши любить, так залюбят до смерти. И никто из политиков так и не признался в несостоявшейся идеологии. И никогда не признаются. Так, может быть, лучше совсем отказаться от всякой идеологии, а строить жизнь ради самой жизни?

Государственная Дума устроила себе *mon plaisir*⁶³ и лидеры фракций наперебой рванулись и еще рвутся к экранам телевизоров: торопятся, очень торопятся подать себя. И все говорят, говорят...

Не хватит ли топтаться на исторических граблях, продолжая прогрессирующую говорильню, не изучая причин бесконечных шараханий: все на левый борт – все на правый борт. Так нетрудно и перевернуться вверх килем на нашем историческом корабле, ибо массовая культура на глазах стремительно скатывается на уровень низкопробной развлекательности и откровенной пошлости. А средства массовой информации (особенно телевидение) стали ускорять этот процесс, разлагая умы и развращая нравы: выдают обыкновенную распущенность за некую сексуальную революцию, а мелькающие на экранах телевизоров кадры со стрельбой, поножовщиной, кровью и насилием, делают моральными уродами на-

⁶³ *mon plaisir* (франц.) – мое удовольствие, радость, развлечение, забава.

ших детей и внуков.

Многие десятилетия нам вдалбливали в головы, что экономика и промышленность (особенно тяжелая индустрия) – это базис развития общества, а все остальное это надстройка. Пришло время признать, что культура и наука, образование и просветительство – вот базис, а все остальное – производные второго и третьего порядка...

И если этого не осознать, то в ближайшей перспективе к власти будут рваться с удвоенной энергией политические циники и интеллектуальные снобы.

Так что же «в сухом остатке»: очередное шараханье или закономерный застой с очередными провалом? Идти «вперед и прямо» – уже были «впереди планеты всей...» Возвращаться назад – опасно и боязно. Каждый неверный шаг – пропасть.

Цена политиков в глазах общественности упала настолько, что стала ниже их «себестоимости». А еще старые кирпичники предупреждали: «Продавать кирпич по себестоимости – быстро вылетишь в трубу собственного завода».

А почему и отчего это происходит? – Владимир Иванович Вернадский оставил нам в назидание: «Во всей русской общественной борьбе, в революции оказалось великая фальшь. И она обернулась кровью. Эта фальшь – любовь к народу. С проповеди любви начался социализм, которым была заражена русская интеллигенция, а закончился волной ненависти,

повсюду захлестнувшей страну. Почему? – Да потому, что чувство любви приложено (неправильно) насильственно <...>, и еще – нельзя любить все человечество, нужно любить отдельных людей».

Федор Михайлович Достоевский видел и другие проблемы, которые еще до сих пор неосознаны, но актуальны по сей день: «Без задатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, нельзя пускать поколение в путь...»

Что ж, избрали тот путь исторического развития, от которого отошли почти 100 лет назад. Возможно, что не лучший вариант. И только творческое наследие многих поколений инженеров, людей науки и культуры оставило благодарную память потомкам! В обществе должна наконец возвыситься ценность интеллектуального труда!

Безусловным является и то, что научные открытия и инженерные идеи реализуются благодаря труду толковых организаторов производства и миллионов безымянных рабочих-тружеников, но отнюдь не стараниями любителей-говорунов, спешащих с одного очередного заседания на другое внеочередное совещание, коих развелось в нынешнее время превеликое множество. И если попытаться сопоставить многие философские проблемы, уместающиеся в одно слово: «Что первично?», ответ может быть только один – Мысль! Именно поэтому творчески мыслящие люди и являются первичными генераторами прогресса в любой стране независи-

мо от ее общественного устройства.

* * *

Мытищинский машиностроительный завод ЗАО «Метровагонмаш», благодаря творческому вкладу главных конструкторов отечественного метровагоностроения К. С. Мышенкова, П. И. Травина, Г. А. Казанского, А. Г. Каштанова, Н. В. Разуваева, А. Г. Акимова, В. Н. Смирнова и накопленному опыту всех предыдущих поколений – руководителей, инженеров, мастеров и рабочих – будет радовать не только новейшими моделями вагонов метро и рельсовыми автобусами. Придет время, будут новые вагоны метро и новые технологии строительства метрополитена, будут и новые кадры по эксплуатации и ремонту подвижного состава. Процесс реализации новых разработок уже не остановить! Будут деньги, будет и в Мытищах метро, о чем приходилось слышать еще 50 лет назад... Соседки приходили на колодец за водой и, завидев мою мать, останавливались:

– Шур, а Шур... ты слыхала? Говорят, скоро в Мытищах метро будет!..

– Да, ну-у...!

– Ей Богу, вчера мой с работы пришел, говорит, что будет.

– Ой, а ведь и правда. Как бы хорошо-то было: в Мытищах сядешь и – Сокольники. (Им казалось почему-то туда удобнее).

Вот и в 1998 и 1999 году в местной газете «Родники» в очередной раз пошумели, пошумели вокруг возможного строительства метро в Мытищах и снова тишина. Тогда говорили, что на метро «обратно» денег нет. Ну, что ж. Нет, так нет. Но уже есть новая идея: строить линию метро от Медведкова – через Мытищи – до Королева. И как бы ни было трудно, но ЗАО «Метровагонмаш» бесспорно в авангарде метровагоностроения. Жаль, что самосвальное производство – детище Владимира Николаевича Донскова – не смогло удержаться на уровне Главного конвейера (по многим причинам). Но Спецпроизводство вышло на высочайший мировой уровень, и у истоков этого производства был Н. А. Астров.

Николай Александрович Астров (28.IV.1906–4.III.1992)

Имя Николая Александровича Астрова в истории Мытищинского машиностроительного завода занимает особое место. На его долю выпало много испытаний, прежде чем он стал Героем Социалистического труда, Заслуженным деятелем науки и техники России, четырежды лауреатом Государственных премий, доктором технических наук.

Его отец, Александр Иванович Астров, профессор гидравлики ИМТУ (Императорского Московского высшего технического училища – ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана), друг и соратник Николая Егоровича Жуковского. У А. И. Астрова были братья – Николай и Владимир. Оба брата были известны как общественные деятели Московской городской Управы. Отец в 1919 г. был арестован ВЧК и расстрелян, хотя к политике не имел абсолютно никакого отношения.

Трагедия, постигшая семью, невольно связана с судьбой брата отца – Николая Ивановича Астрова. Он окончил юридический факультет Московского университета в 1892 году, и с 1894 года служил мировым судьей. Его городская деятельность началась с должности секретаря Московской городской Думы при князе В. Н. Голицыне. В 1905 году Н. И. Астров был избран городским, а затем и земским глас-

ным, он был одним из активных инициаторов принятия Думой известного Заявления с требованием демократических свобод. В те же годы Московская дума была как бы «общественным знаменем» всей городской России. Николай Иванович имел личное дворянство и был известней как председатель Всероссийского союза городов, член ЦК партии кадетов с 1907 года. Его ум, настойчивость, прекрасное знание городского хозяйства и необыкновенная работоспособность отмечались многими сподвижниками. По свидетельству С. В. Бахрушина, «...политическую физиономию Московской городской Думы делал Н. И. Астров... Москва вела за собой всю Россию, Н. И. Астров вел за собой Москву».

Дипломники-студенты, профессора и преподаватели ИМТУ. Слева направо в нижнем ряду: Н. Ф. Чарновский, Б. И. Узимов, В. В. Зворькин, В. И. Гриневецкий, В. П. Гавриленко, Н. Е. Жуковский, А. И. Астров, И. И. Куколевский. 1909 г.

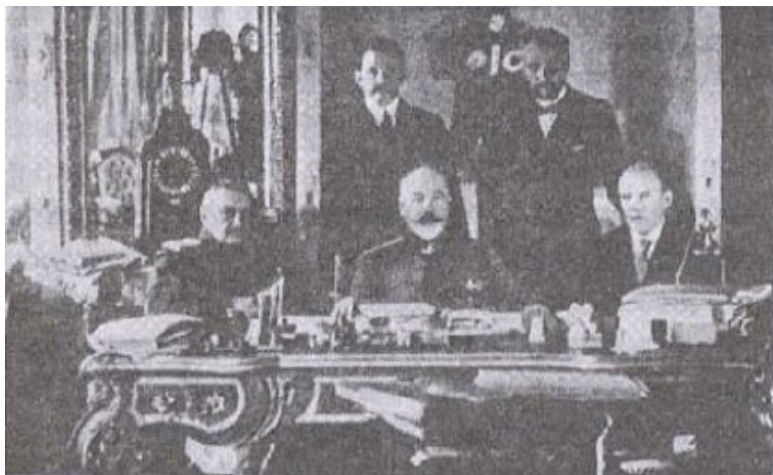
Но после Февральской революции, в условиях политизации российского общества все хозяйственные вопросы отошли на второй план. В Думе произносились речи и принимались многочисленные воззвания, и Н. И. Астров не смог проявить решимости и «спасти положение» в Москве от всеобщего разлада и надвигающегося экономического бедствия.

Николай Иванович был последним городским головой, который избирался по Городовому положению 1892 года. В ноябре 1918 года он был депутатом Учредительного собрания и присутствовал на его открытии, хотя далеко не все члены ЦК кадетской партии, избранные в это собрание, решились поехать в Петроград и принять в нем участие. В то время сложилась такая обстановка, которая требовала быстрого и осмысленного шага – что делать?..

17 ноября почти все уцелевшие газеты (5 ноября было введено «временное» ограничение свободы печати) напечатали воззвание «От Временного правительства», в котором давалась политическая и правовая оценка действий большевиков как мятежа и государственного переворота, нарушившего правовую преемственность власти. В этот же день все газеты, кроме «Правды», были закрыты. 19 ноября появилось постановление Военно-революционного комитета: «Подписавших воззвание бывших министров и бывших товарищей министров отправить под надежным караулом в Кронштадт под надзор Исполнительного комитета Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов – С. Прокоповича, П. Малянтовича, А. Никитина, К. Гвоздева, А. Ливеровского, С. Маслова, В. Вернадского, А. Нератова, М. Фридмана, Н. Саввина, К. Голубкова, Г. Краснова».

Все заседания ЦК кадетов и остатков Временного правительства проходили в доме графини С. В. Паниной на Сергиевской улице в Петрограде. Здесь же на последнем заседа-

нии ЦК присутствовал и Н. И. Астров. И по счастливой случайности он не был арестован вместе с Ф. Ф. Кокошкиным, А. И. Шингаревым, И. И. Петрункевичем и другими членами ЦК.

Таганрог, 1919 г. В центре А. И. Деникин, слева генерал Романовский, справа К. Н. Соколов. Стоят: Николай Иванович Астров, справа Н. В. Савич

28 ноября В. И. Ленин специальным декретом объявил партию кадетов «врагами народа», а ее руководителей предписывалось арестовывать и предавать суду ревтрибуналов. Но большевики опоздали – большинство членов ЦК партии кадетов уже выехало из Петрограда.

В. И. Вернадский оказался в Киеве, а Н. И. Астров^[139] — на юге России. И там был принят в состав правительства А. И. Деникина членом Особого Совещания без портфеля при Добровольческой армии. Как только сведения об участии Н. И. Астрова в правительстве А. Деникина дошли до большевиков, участь родственников была предрешена. В сентябре 1919 года в Лубянской тюрьме в Москве были расстреляны два брата и племянник Н. И. Астрова (брат Николая Александровича Астрова, Дмитрий, эмигрировал во Францию).

Николай Иванович считал, что родственники пострадали из-за него, и это мучило его всю оставшуюся жизнь. В 1920 году Н. И. Астров оказался в Чехословакии, где в те годы президентом был Томаш Масарик^[140] (1850–1937), разделявший идеологические взгляды кадетов и поддерживавший многих русских эмигрантов.

В Праге Н. И. Астров с С. В. Паниной работали в Русском заграничном архиве, включавшем огромное количество документов по истории русской революции и эмиграции.

По воспоминаниям кн. В. А. Оболенского, Н. И. Астров и в эмиграции оставался «страстным москвичом»; он прекрасно знал Москву, ее памятники и ее историю; с грустью вспоминал то время, когда был городским головой Московской думы. Он скончался 12 августа 1934 года, похоронен в Праге на Ольшанском кладбище.

Трудно складывалась судьба Николая Александровича

Астрова. В 1924 году он окончил школу-девятилетку и стал работать сначала учеником, а затем техником-экспериментатором Научного автотранспортного института (НАМИ) в автомобильной лаборатории. В 1928 году Николай Александрович окончил Государственный электромашиностроительный институт (ГЭИ им. Я. Ф. Каган-Шабшай) и был приглашен на Московский электроламповый завод на должность инженера-конструктора. Через два года он возглавил конструкторское бюро, одновременно вел и научную работу в ГЭИ на кафедре прикладной механики по проектированию механизированной поточной линии производства электронно-вакуумных ламп.

Перед талантливым инженером открывалась перспектива интересной научной работы, но в конце 1930 года последовал арест в связи с очередным нашумевшим в те годы процессом – делом «Промпартии». С декабря 1930 г. по ноябрь 1931 г. Николая Александровича содержали во внутренней тюрьме на Лубянке и в Бутырской тюрьме. Целый год тянулись следственные мероприятия – допросы. Сыну «врага народа» дорога в творческое будущее была закрыта. Когда расстреляли отца, сыну исполнилось всего тринадцать лет. Тогда еще существовало указание, что сын за отца не ответчик. Но к 1930 году это указание отменили, и Николая Александровича не забыли, когда ему исполнилось двадцать четыре года. Не миновать бы ему Соловков или Колымы. Но он принял единственное спасительное решение – чтобы не испыты-

вать свою судьбу, вынужден был отречься от всех родственников. По выводам следственной комиссии судом ОГПУ ему был вынесен приговор: пять лет условно. Так Н. А. Астров «поступил» на работу в «шарашку» при ЭКУ ОГПУ. Он, как инженер технического отдела, стал заниматься разработкой двигателей транспортных машин и принимал участие в создании первых плавающих танков. В мае 1934 года Н. А. Астров был назначен начальником конструкторского бюро Московского машиностроительного (танкового) завода № 37 в Сокольниках, а затем – главным конструктором.

Имя Н. А. Астрова должно ассоциироваться не только с его личностью, но еще и с главной его заслугой – созданием школы инженерно-интеллектуальной мысли в лице и образе ОКБ-40 (Особого конструкторского бюро) Мытищинского машиностроительного завода^[141]. В его личном деле сохранилась запись: «судимость не снята».

Кадровую основу будущего ОКБ составляли «бауманцы». Но приглашались и талантливые инженеры, окончившие другие ВУЗы и начинавшие свою профессиональную деятельность вместе с Н. А. Астровым еще до Великой Отечественной войны на Московском машиностроительном заводе № 37 – Р. А. Аншелевич, А. В. Богачев, К. А. Полуниин, С. А. Прокофьев, Н. Г. Чеканов, И. Я. Цвейбель.

Николай Александрович был главным конструктором с 1934 по 1941 год. Начавшаяся Великая Отечественная война разбросала специалистов по различным заводам Советского

Союза. Сам Н. А. Астров оказался в Горьком, где работал заместителем у известного конструктора А. А. Липгарта.

Однако приказ наркома вооружений Д. Ф. Устинова (24 апреля 1942 года) как бы заново соединил московских специалистов. Первым Главным конструктором ОКБ-40 был назначен Н. А. Попов, о котором, к сожалению, мало что известно. С 1943 по 1946 годы Н. А. Астров буквально разрывался между Горьким и Мытищами. Зачастую приходилось пользоваться личным мотоциклом. В Мытищах он был уже главным конструктором, а в Горьком – заместителем главного конструктора.

Решением Комитета обороны за Мытищинским заводом были закреплены вопросы разработки и изготовления легких танков и самоходных артиллерийских установок (САУ). Средние танки оставались за ХТЗ (Харьковским тракторным заводом), тяжелые – за Ленинградским заводом.

В то время еще оставались в Москве известные специалисты, работавшие в НАМИ и НАТИ. Деловые и творческие связи с ними помогали Н. А. Астрову успешно решать многие комплексные задачи по оборонной тематике, возникавшие перед ОКБ-40 Мытищинского завода. Уникальное вооружение, устанавливавшееся на САУ, легкие и тяжелые танки, разрабатывалось в ЦАКБ (Центральное артиллерийское конструкторское бюро) В. Г. Грабина^[142] в подмосковном Калининграде, входившем в то время в состав Мытищинского района. В ЦАКБ разрабатывались различные виды

вооружения – орудия зенитные и полевые, для оснащения боевых кораблей и авиации, САУ и танков. Натурные стрельбы на полигоне по трофейной технике показывали блестящие результаты и по прошивке брони тяжелых «Тигров» и «Фердинандов» из 100-мм пушки ЦАКБ. После успешных стрельб начальник отдела К. К. Ренне сообщал В. Г. Грабину телеграммой: «Василий Гаврилович! ...По «Тигру» с 500–1000 метров и 1300 метров под углом 30 градусов – лоб, и 30 градусов – борт, проколачиваем без труда...»

Справа налево: Н. А. Астров, В. Окунев и А. А. Лингарт на испытательном полигоне в окрестностях г. Горького, 1942 г.

Привязку и установку орудий на легкие танки и САУ-76 осуществляли совместными усилиями инженеров и опытных специалистов ОКБ-40 и ЦАКБ. Что касается ходовой части и трансмиссии, то в этом направлении Н. А. Астров поддерживал творческие контакты с известными разработчиками из НАТИ:

– М. К. Кристи, один из старейших специалистов, разработавший метод определения сопротивления повороту гусеничных машин и сконструировавший механизм поворота танков Т-10 и Т-м;

– Н. Ф. Вержбицкий и А. А. Крейслер – специалисты в области разработки конструкций артиллерийских тягачей;

– Е. Г. Попов, специалист по размещению реактивных установок на автомобилях, тракторах и артиллерийских тягачах...

В НАМИ работали не менее известные специалисты, как правило, конструкторы и расчетчики, которые составляли инженерную элиту оборонной промышленности. Поэтому их разработки в последующие годы широко применялись и при изготовлении машин сугубо гражданского назначения (уже в послевоенное время). Творческие связи Н. А. Астрова со многими специалистами ГАЗа, НАТИ и НАМИ продолжались не один десяток лет. Он поддерживал с ними и чисто личные отношения, всегда привлекал их к совместной работе в ОКБ-40. В результате совместной творческой деятельности «изделия» комплектовались и изготавливались так, что

увязывались требуемые характеристики, заложенные в техническом задании. Однако на натуральных испытаниях и после боевых действий вносились новые требования, которые приводили к изменениям в конструкции отдельных узлов. Такое положение обязывало срочно модернизировать изделия. А в условиях военного времени это требовало постоянного напряжения ума и обостренной интуиции, все объединялось в одном слове – самоотдача.

Высокое чувство ответственности Н. А. Астров пронес через всю свою жизнь. Николай Александрович в составленных им записках и конспектах для выступления по телевидению никогда не забывал своих учителей и единомышленников. Он всегда отмечал не только их деловые качества – работоспособность, организаторский талант, научно-инженерное мышление, но и их человеческие качества.

С особой теплотой Н. А. Астров отзывался о ведущих специалистах Горьковского завода, таких как главный конструктор ГАЗа А. А. Липгарт, разработчик броневедомостей В. А. Грачев, будущий главный конструктор ЗИЛа Н. М. Кригер. В его записях есть и такие строки: «Не надо думать, что только эти трое конструкторов, хотя они и были особо яркими фигурами в конструкторско-экспериментальном отделе ГАЗа, и определяли лицо завода. Десятки других незаслуженно забытых фамилий перечислять сейчас просто невозможно. Но необходимо отметить хотя бы тех, которые сохранились в памяти: инженеры-конструкторы Мозохин, Эварт,

Борисов, Сорочкин, испытатели – Буданов, Алексеев, Макеев, Калибург; водители – Зяблов, Итальянцев, Дубинин; производственники – Власов, Сторожко, Фрейндлин, Батанов и многие другие...»

К сожалению, многие имена штатных специалистов из ОКБ-40 того времени сегодня забыты (по причине прошлой секретности) или известны только узкому кругу единомышленников.

Николай Александрович собирал вокруг себя творчески одаренных людей, ибо понимал, что умами не разбрасываются, умы собирают. А чтобы сохранить творческий коллектив, необходима своевременная поддержка в реализации творческого замысла ближайших помощников. Так формировал Н. А. Астров научно-инженерное сообщество специалистов, так поступали и его преемники.

Н. А. Астров, 1945 г., инженер-полковник

Его окружение всегда отличалось интеллигентностью и скромностью. Это были люди разносторонне образованные и прекрасно знающие свое дело. Объединенными усилиями многих специалистов решались широкомасштабные задачи и выполнялись конкретные задания, как с точки зрения конструкторской мысли, так и с точки зрения технологии про-

цесса изготовления изделия. Более совершенные разработки всегда предусматривали новизну мысли и ее реализацию. Только в таком сочетании появлялся термин: «нет аналогов в мировой практике».

Н. А. Астров до 1985 года состоял членом экспертных советов ВАК (Высшей аттестационной комиссии) в течение восемнадцати лет. Все эти годы он упорно отстаивал в руководящих кругах свое мнение, которое актуально и по сей день. Его мысль заключалась в том, что соискатели ученой степени в своих научных работах должны опираться на решение практических задач. А чтобы успешно завершить свою работу и защитить диссертацию в области прикладной науки, молодому ученому необходима финансовая поддержка и создание условий для проведения эксперимента (целевое назначение, чтобы не расплыть средства). Диссертации должны быть заказными под конкретного аспиранта или докторанта! Ибо «в промышленности всегда много вопросов, решение которых силами сотрудников конструкторских и технологических подразделений практически невозможно, так как люди заняты текущей работой, а всякие призывы: «Давайте работать вдохновенно» – не помогут».

Почти 40 лет Н. А. Астров возглавлял ОКБ-40. Результаты коллективной работы получили всеобщее признание, и были по достоинству отмечены Правительственными наградами и Государственными премиями.

Послевоенные годы были не менее плодотворными для

Николая Александровича и всего коллектива ОКБ – сформировалась своя школа, определились направления в развитии производства всего завода. Новое поколение молодых инженеров следовало сложившимся традициям. Со временем из состава ОКБ выделились ОГКв, ОГКа, ОГТ, КБ АТО. Астровскому детищу осталась «оборонка», но и сегодня ОКБ-40 является генератором современных идей в создании новейших конструкций и передовых технологий.

Не следует противопоставлять достижения ОКБ-40 и общезаводского производства. Задачи и цели были и остаются общими. Не будем предавать забвению и имена многих производственников, как ушедших из жизни, так и ныне здравствующих. Каждый из них внес свой вклад в развитие производства – Н. В. Разуваев, А. Г. Акимов, В. А. Санников, А. А. Шершнев, В. В. Зеленков, А. В. Фомин, А. Н. Шевченко, В. А. Воронов, Н. Е. Кузнецов, А. Г. Калинин, Н. М. Андрияшев, А. С. Мелик-Саркисянц, М. Б. Миндлин и др.

Преемником Н. А. Астрова в 1985 году был назначен В. В. Егоркин – человек ясного ума и широкого кругозора; скромный и обаятельный, он пользовался неизменным авторитетом у Н. А. Астрова. Преемник был достоин основателя ОКБ – более 20 авторских свидетельств. Вячеслав Васильевич Егоркин сохранял традиции – поддерживал самые непосредственные творческие связи с МГТУ им. Н. Э. Баумана и подбирал для работы в ОКБ молодых талантливых инженеров.

В 1959 году ОКБ пополнилось молодыми специалистами из различных ВУЗов – Б. П. Григорьев, Н. А. Воробьев, В. А. Захаров, В. Н. Артеменко, Ю. В. Климин, В. Н. Курышев, Л. В. Надоров, И. В. Суходоев, В. М. Степанов, Ю. Д. Фомин. В последующие годы многие из них смогли реализовать свою творческую одаренность благодаря такой атмосфере, которая складывается только в обществе прогрессивно мыслящих людей.

Технические идеи и традиции, заложенные Н. А. Астровым и продолженные В. В. Егоркиным, сохраняются и по сей день. В ОКБ-40 на правах филиалов созданы и действуют две кафедры МГТУ – специальных колесных машин, а также многоцелевых гусеничных машин и мобильных роботов. Так готовятся молодые кадры. Но смогут ли последователи-ученики продолжать дело учителя? – Однозначно на этот вопрос ответить невозможно, так как талант, заложенный от природы неповторим... Николай Александрович сам садился за рычаги управления любого изделия и по работе двигателя и трансмиссии внутренним чувством определял работоспособность «машины».

К юбилею МГТУ им. Н. Э. Баумана, которому в 2000 году исполнилось 170 лет, были собраны некоторые сведения о выпускниках Училища, оставивших свой след в истории завода. И сегодня в ОКБ-40 трудятся все те же интеллектуалы-сподвижники, верные самобытной российской школе научно-инженерного образования: В. П. Шилкин –

главный конструктор; В. И. Лысунец – заместитель главного конструктора, лауреат Государственной премии; В. Л. Славецкий – заместитель главного конструктора, лауреат Правительственной премии; В. А. Рыбин – начальник бюро, лауреат Государственной премии; Л. Д. Расулов, В. Н. Белобров, В. А. Тусенко – главный конструктор проекта, лауреат Правительственной премии; А. В. Сиротенко – главный конструктор проекта; В. С. Лукин – начальник отдела испытаний; А. Н. Нетылев – заместитель главного конструктора; А. Н. Равилов – главный инженер ОКБ.

Николай. Астров. 1980-е гг.

За все годы развития завода, да и ОКБ-40, довольно много выпускников-бауманцев работало на разных участках и в разных структурах завода. Только с 1952 по 2000 год их насчитывалось почти 90 человек. И среди них Анатолий Кон-

стантинович Астрахов – заместитель генерального директора завода, первый мэр города Мытищи.

Последняя встреча с А. К. Астраховым состоялась незадолго до его кончины при обсуждении рукописи этой книги. В архиве автора сохранились записки-рапортчики:

«Анатолий Константинович, В. И. Маслов написал новую книгу об основателях завода. Если будет время – Ваше мнение о ней. Управляющий делами Сапожников Н. И.»

В ответной записке А. К. Астрахов писал Управляющему делами:

«т. Сапожникову Н. И. Просмотрел с интересом. Ощущение сопричастности к истории завода и МВТУ. Поддерживаю автора в идее о памятнике основателям завода. Организуйте встречу.

26.01.1999 г. А. К. Астрахов.»

Встреча состоялась. После обсуждения рукописи Анатолий Константинович высказал свою сокровенную мысль: «А знаешь, ведь скоро юбилей МВТУ! Моя мечта – собрать всех выпускников-бауманцев в городском ДК и как-то крупно обозначить это событие!»

Увы, этой мечте не суждено было сбыться... Анатолий Константинович Астрахов скончался 27 сентября 1999 г. И рукопись книги была передана новому Главе Мытищинского района Александру Ефимовичу Мурашову – преемнику А. К. Астрахова, его соратнику, от которого последовала за-

писка непосредственно автору:

«Валентин Иванович! Было очень интересно
ознакомиться. Спасибо. Прошу обращаться при
необходимости.

21.01.2000 г. А. Е. Мурашов»

Так что и у рукописи своя судьба. Пришло время этой необходимости – найти деньги на публикацию первичных материалов, которые связаны с деятельностью А. В. Бари и В. Г. Шухова. И Александр Ефимович нашел спонсора, адресовав автора на фирму «Цериус», где впервые удалось познакомиться с руководителем – человеком, который понимает и ценит историю – Юрием Харитоновичем Кертановым, генеральным директором этой фирмы. Он чтит лучшие традиции российских меценатов. Его многогранная деятельность в благотворительности отмечена патриаршим орденом Святого благоверного князя Даниила Московского. Благодаря его помощи удалось опубликовать первую книгу «Отчизне посвятим» о совместной деятельности А. Бари и В. Шухова, явившуюся прологом этой книги, которая была выпущена издательством «Инженер» Союза НИО и получила одобрение на пяти международных конференциях в Москве и Белгороде (шуховские чтения), а также в Тамбове – к 100-летию Международной Нобелевской премии.

Послесловие

Когда писались эти строки, часто приходилось раскладывать фотографии 100-летней давности и внимательно вглядываться в лица героев этой книги, чтобы заново пережить их жизнь вместе с ними. Глядя на фотографии, видишь и ощущаешь их ясный ум, внутреннюю силу и значимость, волю и уверенность в себе. Именно такие люди и создавали сильный экономический потенциал России. Все, что написано в книге, – это не столько история идей науки и техники, сколько истории людей, личностей, олицетворявших эти идеи и их реализацию.

В процессе поиска исторических материалов приходилось встречаться с разными людьми и часто выслушивать неодобрительную реакцию на обнаруженные интересные факты или события давно минувших дней. Но не это огорчало (известно: сколько людей – столько и мнений), а на удивление «доброжелательный» вопрос: «А кому это надо?» Ответ напрашивается только один: «Да уж, конечно, не тому, кто задает подобный вопрос».

Иногда встречались такие «невинные цветочки»... В 1998 году на прилавках книжного магазина «Москва», что на Тверской – напротив Моссовета, появились в продаже две книги: «Существованья ткань сквозная» Б. Пастернак и «Борис Пастернак. Биография» Е. Пастернак. Взяв обе кни-

ги, держу их в одной руке, в другой – портфель с рукописью, невольно замешкался у кассы. Слышу сзади, чуть сбоку, приглушенный женский голос с легким раздражением (так, чтобы мне было слышно): «Хм-м-м, даже и не знаю, за что Пастернаку дали Нобелевскую премию?» Расплатившись за книги, оборачиваюсь и вижу двух пожилых дам. Пытаюсь посмотреть им в глаза... замечаю, что постарелись. Выдерживаю паузу и обращаюсь (так, чтобы им было слышно): «Любезные дамы, очевидно, премию дали как раз за то, чего Вы не знаете!» ...Секундное замешательство и вижу обе отвернулись, возможно устыдились. Ну, как говорится, и на том спасибо.

Запомнились и более откровенные по своей наивности «оригиналы». Если речь заходила о Пастернаке, то они думали, что это тот самый пастернак, который употребляют для солений и маринадов вместе с листьями смородины и эстрагоном. А потом спохватывались. И в изумлении спрашивали: «А кто это?» Некоторые любители прозы, желая похвастать, что вот теперь у них полное собрание этого самого, ну, как его? – А...Моего-Сибиряка. Другие восторгались, что собрали часть книг из серии «ЖЗЛ», но расшифровывали аббревиатуру, как «Жизнь замечательных людей». Или еще оригинальнее:

– Я видела у Вас книгу «Неупиваемая чаша», можно поинтересоваться?

– Пожалуйста.

– А про чего там?

– В книге собраны повести и романы, рассказы и статьи знаменитого русского прозаика И. С. Шмелева.

– Ой, нет, тогда не надо. Я думала, что это советы от алкоголизма.

И уж ни для кого не секрет, что довольно часто от людей старшего поколения можно услышать: «Я за всю свою жизнь ни одной книги не прочел, в книгах один блуд...». А среди представителей современной молодежи встречаются и такие, которые не стесняясь откровенничают: «А я вообще книг не читаю, мне нужны не книги, а деньги, но чтобы сразу и много»...

Потому-то на такой почве из «невинных цветочков» появились и ядовитые «ягодки». Эти «ягодки» дали «семена» и молодую «поросль» с черносотенными замашками: все-то России мешают то татары, то поляки, то немцы, то евреи, то американцы – все кругом виноваты, но только не сами. И это выдается за Истину как единственно верное решение по устройению общества.

Но мы продолжаем тешить себя старой мудростью – «Красота спасет Мир». А кто спасет Красоту? – Культура!.. Если она не на уровне табуретки, когда распоясавшаяся «поросль» ломает сидения на стадионах, которые построены руками их же родителей. Откуда столько злобы и нигилизма?!

Не пора ли одуматься и направить свою энергию на то, чтобы быть умнее и образованнее немца, татарина, еврея или

американца? Да заняться самопознанием: Кто мы? Откуда родом? Кто наши предки? И возрождать Россию на основе осмысления нашей истории через призму сохранения и развития уникальной российской культуры и вековых традиций прошлого.

Но для начала следует разобраться в своей родословной. А ну как и наши пращуры из тех же татар, немцев, литовцев, поляков, евреев и еще многих не названных? А что касается Истины, то она находится не на кончике языка. Она заключается в ее вечном поиске, в эволюции интеллекта через развитие мыслительного процесса и в конечном итоге, – в ценности прожитой жизни.

«Мысль – это Божий дар, – писал Павел Александрович Флоренский, – и требует ухода за собою. Быть отчетливым и отчетным в своей мысли – это залог духовной свободы и радости мышления.»

Даже находясь в заключении на Соловках, П. А. Флоренский писал своим детям, проявляя заботу об их самовоспитании:

«Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением их памяти. Это ваш долг, ибо жить с пустотою в прошлом скучно и некультурно. Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т. д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел

отношение к семье, к роду, знакомых, родных, друзей. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями, так чтобы ничего не было неодухотворенного».

И еще одно письмо с Соловков от 7–8 июля 1936 г. (Наталии Ивановне, супруге сына Василия).

«Дорогая Наташа, поздравляю Вас с рождением сына – моего внука^[143]... Надеюсь, теперь Вы оправились совсем и чувствуете себя хорошо... Хочу дать только один совет. Пусть с первых же дней Ваш сын получает наилучшие впечатления от мира. Большая ошибка думать, что первые бессознательные впечатления младенцу безразличны. Именно они, большие, чем какие-либо другие, слагают основу личности, ложась первыми камнями ее фундамента. Кажущийся «пустяк» любой информации воспринимается ребенком как откровение. Весь вопрос в том, какого рода откровения будет получать от мира малыш. Нужно, чтобы они были прекрасные, чистые и светлые... Что же следует давать детям в смысле духовного питания?

Это: музыка, но высшего порядка, т. е. Бах, Моцарт, Гайдн, пожалуй, Шуберт, который хоть и не глубок, но здоров и ясен. Затем цветы. Надо обращать внимание малыша на цветы, т. е. показывать ему их и привлекать внимание. Далее: зелень, воду, вообще стихии – небо, облака, зори <... >; произведения изобразительных искусств, хотя бы в

репродукциях. Надо, чтобы с первых же часов жизни он привыкал вживаться в природу и в лучшие проявления человеческого творчества».

В государственных архивах и центральных библиотеках Москвы приходилось неоднократно наблюдать как занимаются поисками сведений о своих предках семьи москвичей и приезжих. У людей пробуждается естественный интерес к истории своего рода. Это достойно высокого уважения, так как Память всегда пробуждает Совесть, о чем неустанно говорил академик С. Д. Лихачев.

И сегодня следует помнить, что прошлое не проходит, оно вечно сохраняется и продолжает быть реальным в нас и воздействовать на нашу жизнь и поступки.

Павел Александрович Флоренский. Сергиев Посад, 1930-е гг.

Павел Васильевич Флоренский – внук Павла Александровича

Конечно, с годами будет острее видеться, как пролетает жизнь и как мало сделано. Мало понимать, необходимо еще и почувствовать, что каждое мгновение жизни не повторится, а потому с юных лет, как завещали нам предки, настойчиво и терпеливо обучаться самому сложному и трудному из всех видов искусств – искусству жизни.

Формирование консолидации российского народа для осознания будущего России должно базироваться на изучении наследия наших предков. И уж если у людей пробуждается интерес к истории своего рода, то это, казалось бы, личное желание необходимо объединить с общегосударственной задачей. И хорошо бы начинать эту работу со школьной скамьи. Тогда и дети будут знать, что подъезд и дом, и улица – это твоя родина, и что кроме «гоголевских плохих дорог», есть и еще одна...

Ныне в Мытищах, Москве и области, да и в целом по России строятся и восстанавливаются храмы и часовни – символы Веры. Эта Вера поможет и нам, как тысячу лет помогала нашим предкам. Придет время, созреет общественное мнение... Люди, любящие Мытищи, поймут значимость жизненного подвига основателей Вагонного завода в истории нашего города и страны. И хочется верить, что будет наконец-то установлена памятная доска со словами:

**Савве Ивановичу Мамонтову
Константину Дмитриевичу Арцыбушеву
Александру Вениаминовичу Бари
Основателям завода от благодарных потомков**

В 2006 году исполнится 100 лет со дня рождения Николая Александровича Астрова, одного из талантливейших инженеров – создателя оборонной техники, посвятившего всю свою жизнь одной цели: создавать такие изделия, которые не имели бы аналогов в мировой практике. Память о деятель-

ности Н. А. Астрова должна быть должным образом увековечена современниками. И если не сделаем этого мы, то наши потомки сделают вид, что и нас как будто бы и не было.

Наступают первые проблески Веры и Надежды. Со временем придет и Любовь к родным местам, но только тогда, когда молодое поколение проявит интерес к познанию истории своих предков и своего края.

Одним из ярких примеров возрождения российской культуры стало далеко не рядовое событие, свидетелями которого были жители Мытищ, Москвы и Подмосковья, и те, кто приехал со всех концов России на VI Всероссийский конкурс юных исполнителей на русских народных инструментах, посвященный 700-летию со дня преставления святого благоверного князя Даниила Московского. 10 ноября 2002 года в зале Церковных соборов храма Христа Спасителя состоялся заключительный концерт юных дарований – лауреатов и дипломантов конкурса совместно с Национальным Академическим оркестром народных инструментов России им. Н. П. Осипова. Фестиваль искусств смог состояться при поддержке конгресса муниципальных образований РФ, фонда им. П. И. Чайковского, Союза композиторов России, Данилова ставропигиального мужского монастыря города Москвы, Русской Православной Церкви и других организаций.

Но, чтобы прозвучал заключительный концерт, необходимо было провести предварительное прослушивание 200 инструменталистов и 16 ансамблей в Городском дворце культу-

ры города Мытищи. И здесь невозможно было обойтись без опытных организаторов и спонсорской помощи Министерства культуры и Министерства образования Российской Федерации, Министерства культуры и музыкального общества Московской области, Всероссийского и областного Музыкальных обществ, Администрации Мытищинского района, Благотворительного фонда «Народная музыка и дети».

И произошло чудодейство – дети блестяще играли сольные концерты в сопровождении профессионального оркестра под руководством Народного артиста России Николая Калинина. Талантливые дети смогли реализовать свою творческую одаренность на столь высоком уровне благодаря их педагогам, организаторам этого фестиваля и по благословению святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Родословные

Краткая родословная Саввы Ивановича Мамонтова

Всеволод Саввич Мамонтов
Елена Дмитриевна Свербева (1876-1971)

**Андрей
Всеволодович
Мамонтов
(1898-1968)**
Александра
Васильевна
Матвеева
(1899-1962)

Савва
Андреевич
Мамонтов
(р. 1930)
Татьяна
Петровна
Веревкина
(р. 1934)

Елена
Андреевна
Мамонтова
(1923-1986)
Валентин
Васильевич
Александровна
Хасапов
(1918-?)

см.сл. стр.
продолжение 2.

Екатерина
Всеволодовна
Мамонтова
(1901-1987)
1-й муж Павел
Михайлович
Мясоедов

2-й муж Александр
Федорович
Щельцын

Елизавета
Павловна
Мясоедова
(1924-1981)
Константин
Борисович
Цветов
(1921-?)

Варвара Павловна
Мясоедова (р. 1927)
Труд Валентинович
Абрамович (1926-1991)

Зинаида (р. 1954)
Всеволод (р. 1957)
Алексей (р. 1959)
Мясоедовы

Софья
Всеволодовна
Мамонтова
(1904-1991)
Олег
Васильевич
Волнов
(1900-1996)

Мария
Олеговна
Волкова
(р. 1924)
Валентин
Игнатьевич
Игнатченко
(1916-1973)

Любовь
Александровна
Щельцына
(р. 1937)

Николай Александрович
Щельцын (р. 1941)
Ольга Николаевна
Сорокина (р. 1939)

Борис (р. 1948)
Владимир (р. 1956)
Цветовы

Вера Савишна Мамонтова
Александр Дмитриевич Самарин(1868-1932)

Юрий
Александрович
Самарин
(1904-1965)
Екатерина
Петровна
Раевская
(1901-1990)

Елизавета
Александровна
Самарина
(1905-1985)
Николай
Сергеевич
Чернышев
(1898-1942)

Сергей
Александрович
Самарин
(1907-1913)

Всеволод Олегович Волков (р. 1935)
Анна Всеволодовна Веселовская (р. 1939)

см. родословную
Чернышевых

Сергей
Николаевич
Чернышев
(р. 1936)

Иван
Николаевич
Чернышев
(р. 1941)
Валентина
Буданова
(р. 1939)

Михаил Николаевич
Щельцын (р. 1963)
Мария Щельцына (р. 1987)

Ирина Николаевна
Щельцына (р. 1971)
Дарья Клепикова (р. 1992)

Андрей Всеволодович Мамонтов
Александра Васильевна Матвеева

Савва Андреевич Мамонтов
Татьяна Петровна Веревкина

Сергей Саввич
Мамонтов
(р. 1953)
1-я жена Лидия
Борисовна
Михайлова
(р. 1953)
Дети:
Кира (р. 1976)
Михаил (р. 1979)
Борис (р. 1983)
(Аргентина)

Андрей Саввич
Мамонтов
(р. 1956)
Надежда
Константиновна
Арцыбушева
(р. 1956)
Дети:
Александра (р. 1990)
Петр (р. 1994)

Александр Саввич
Мамонтов
(р. 1964)

2-я жена Елена Владимировна Панькова (р. 1964)
Дети – Иван (р. 1995), Андрей (р. 1997), (Россия)

Елена Андреевна Мамонтова
Валентин Васильевич Хасапов

Наталья Валентиновна
Хасапова
(р. 1951)
Елена (р. 1986)

Василий Валентинович
Хасапов
(р. 1954)
Вероника (р. 1984)
Мариамна (р. 1985)

Родословная Чернышевых

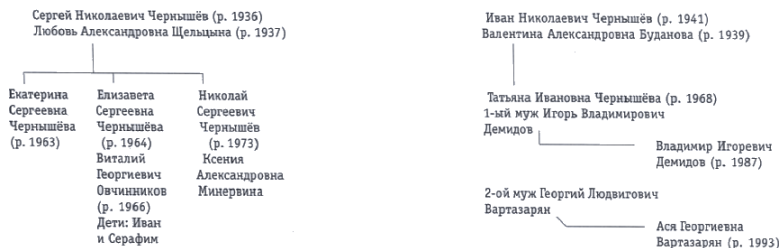
* Мать Варвары Федоровны Мазуриной – Александра Васильевна Перлова – дочь от 1-го брака Василия Алексеевича Перлова и Веры Козьминичны Половинкиной.

** Родственные связи Чернышёвых пересекаются с купеческими династиями Китайцевых, Шапошниковых и Челноковых – известных владельцев кирпичных заводов в Москве и Мытищах. (Кроме Пелагеи были еще дети: Екатерина, Андрей, Варвара).

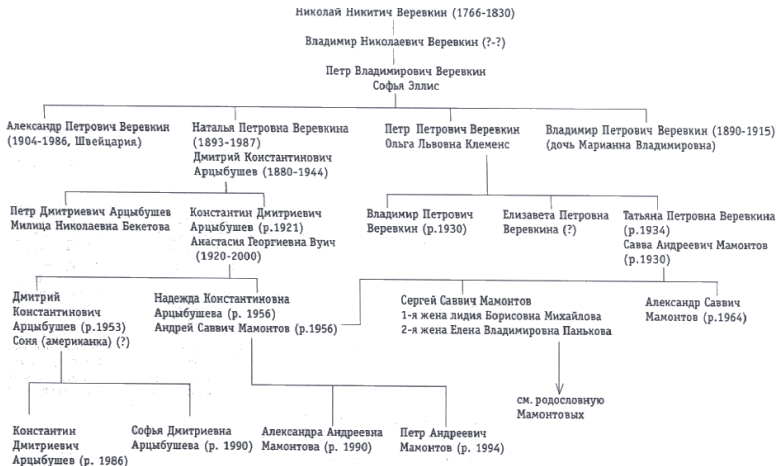
*** Из воспоминаний профессора А. Б. Гольденвейзера: «Александр Федорович Гедике (1877–1957, известный профессор Московской консерватории, доктор искусствоведения, пианист и органист), как почти все мы, музыканты, не имел возможности существовать на скудное консерватор-

ское жалование и вынужден был давать частные уроки фортепьянной игры. И у него были две ученицы в семье владельца фабрики в Мытищах, Чернышёва. На тётке своих учениц, Екатерине Петровне Чернышёвой, он впоследствии женился. Они поселились в небольшом одноэтажном особняке на Немецкой улице (ныне Бауманской) вблизи Старокирочного переулка». (Е. П. Миклашевская, М. С. Цепляева. Знаменитые немцы Лефортова. М.: РОССПЭН, 2000 г., С. 174).

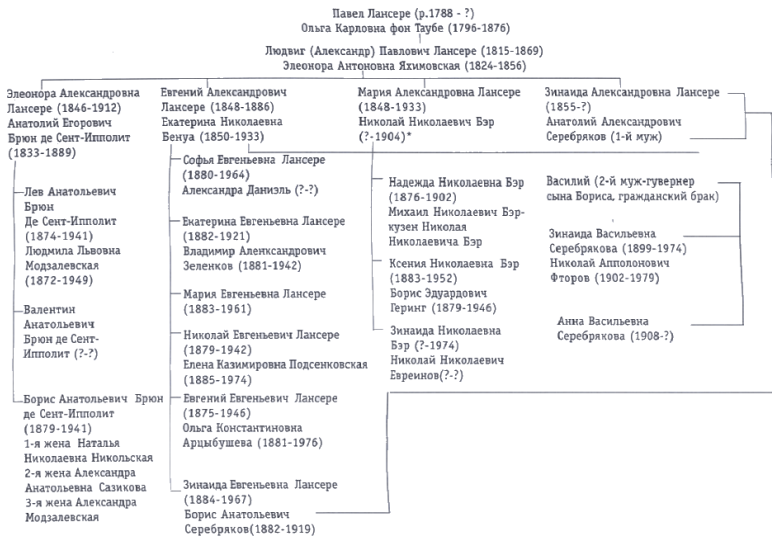
Николай Сергеевич Чернышев
Елизавета Александровна Самарина

Краткая родословная Веревкиных

Родословная семьи Лансере

* По родословной ветви от Марии Александровны Лансере и Николая Николаевича Бэр во 2-м и 3-м поколениях имеются родственники потомков Александра Сергеевича Пушкина.

Николай Евгеньевич Лансере
Елена Каземировна Подсековская

Наталья Николаевна Лансере (р. 1901) - архитектор

Алексей Николаевич Лансере (р. 1916) - архитектор

1-я жена Алла Константиновна Быковская (р. 1924)
2-я жена Марина Модзалевская (р. 1934)

Ирина Алексеевна Лансере (р. 1951)

Алексей Алексеевич Лансере (р. 1964) - архитектор

Николай Алексеевич Лансере (р. 1958) - архитектор

Евгений Евгеньевич Лансере
Ольга Константиновна Арцыбушева

Евгений Евгеньевич Лансере (1907 - 1988) - художник, академик живописи (1908-1995)

Наталья Евгеньевна Лансере (1909 - 1994) архитектор

Георгий Ипполитович Волошинов (1902 - 1983) архитектор

Светлана Дмитриевна Якунина (1924 - 1999)

Екатерина Евгеньевна Лансере (р. 1952) историк, архитектор

Сергей Петрович Павлинов

деги: Павел Сергеевич Павлинов (р. 1976) искусствовед

Ольга Сергеевна Павлинова (р. 1983)

Евгений Евгеньевич Лансере (р. 1953) скульптор, художник

Алла Владимировна Арзамасова (р. 1975)

деги: Мария Евгеньевна Лансере (р. 1999)

Софья Евгеньевна Лансере (р. 2000)

Зинаида Евгеньевна Лансере
Борис Анатольевич Серебряков

Евгений (1907-1990)

Александр (1908-1995)

Татьяна (1912-1984)

Екатерина (р. 1914)

Валентин Филиппович Николаев (1900-1988)

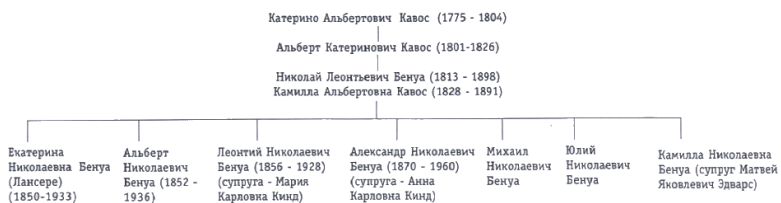
Андрей Георгиевич Волошинов (1935-1976)

Мария Георгиевна Волошинова (р. 1938)

Иван Валентинович Николаев (р. 1940) художник

Анатолий Валентинович Николаев (1946-1984)

Родословная Бенуа Кавос

Катерино Альбертович Кавос (итальянец) – русский композитор и дирижер, родился в Венеции, в 1798 году переехал в Россию служил при дирекции императорских театров в Петербурге. Под его руководством впервые была построена опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836). Им было

написано свыше 50 музыкально-театральных произведений различных жанров.

Альберт Катеринович Кавос – известный архитектор. Под его руководством производилась реконструкция и восстановительные работы Театральной площади в Москве после разрушения Большого театра (1812), по его проекту построен Мариинский театр в Петербурге.

Николай Леонтьевич Бенуа – архитектор, академик, профессор Петербургской Академии художеств.

Альберт Николаевич Бенуа – художник, член учредитель Общества русских акварелистов.

Леонтий Николаевич Бенуа – архитектор, ректор Петербургской Академии художеств.

Александр Николаевич Бенуа – художник, историк, искусствовед⁶⁴.

⁶⁴ Более подробные сведения о творческой наследии и родословной династии Бенуа можно почерпнуть из книги И. С. Зильберштейна и А. Н. Савинова «Александр Бенуа размышляет...» М.: Советский художник. 1968.

Список использованной литературы

- Аксенов Г. П. Вернадский. Жизнь замечательных людей. – М.: 2001.
- Алексеев С. А. Октябрьская революция: мемуары. – М.: (репринт. 1926 г.)
- Антонов-Овсеенко. Враги народа. – М.: 1996.
- Анцупова Г. Н. МГТУ глазами историка. – М.: 2000.
- Арензон Е. Р. Савва Мамонтов. России славные имена. – М.: 1995.
- Балязин В. Н. Московские градоначальники. – М.: 1991.
- Бахревский В. А. Савва Мамонтов. Жизнь замечательных людей. – М.: 2000.
- Богданов И. А., Князев Ю. А. и др. Ровесник века. – М., 1997.
- Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. – М.: 1990.
- Бок М. П., Столыпин П. А. Воспоминания об отце. – М.: 1992.
- Бунин И. А. Окаянные дни. Тула, 1992.
- Быков В. Н. Московская власть: городские головы (1782–1997). – М.: 1997.
- Валентинов Н. Недорисованный портрет, малознакомый

Ленин. – М.: 1993.

Велидов А. С. и др. МЧК. Из истории Московской Чрезвычайной комиссии. Сборник документов. 1918–1921 гг. – М.: 1978.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. – М.: 1991.

Деникин А. И. Крушение власти и армии. – М.: 1991.

Думова Н. Г. Московские меценаты. – М.: 1992.

Журнал «Наука и технологии в промышленности» № 2 (9). – М.: 2002.

Журнал «Отчина». Иллюстрированный историко-художественный альманах № 1. – «Весь Сергиев Посад», 2002.

Журнал «Современное хозяйство города Москвы». – М.: 1947.

Журнал. «Наша церковь», для евангелическо-лютеранских общин в России, сентябрь, 2000.

Зезина О. В. Знаменитые патентовладельцы России. – М.: 1999.

Зильберштейн И. С., Савинов А. Н. Александр Бенуа размышляет. – М.: 1968.; Константин Коровин вспоминает. – М.: 1990.

Иванова С. А. Борис Поплавский. Сочинения. – С.-Петербург, 1996.

Ипполитова Н. В. Династия Нобелей. – Тамбов, 2002.

История и традиции отечественного нефтяного и газового дела (посвящается 850-летию Москвы). Под редакцией проф. А. И. Владимирова, – М.: 1997.

- История института ЦНИИПСК им. Мельникова. Даты, события, люди. Под редакцией Кузнецова В. В. – М.: 2000.
- Киселева Е. Г. Дом на Садовой. – М.: 1986.
- Кожаринов В. В. Заговор. – М.: 1996.
- Козакова Н. Вехи. Интеллигенция в России, сб. статей (1909–1910). – М.: 1991.
- Кончаловский П. П. От Москвы до Архангельска. По Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге. – М.: 1897.
- Краснов П. Н. Великое войско Донское. Белое дело. – М.: 1992.
- Краснов П. Н. От двуглавого орла к красному знамени. – Екатеринбург, 1994.
- Краснов П. Н. Цареубийцы. – М.: 1994.
- Кривошеин К. А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. – М.: 1993.
- Кричко В. А. Продолжая традиции. К 125-летию РТО. – М.: 1991.
- Латышев А. Г. Рассерженный Ленин. – М., 1996.
- Лехович Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. – М.: 1992.
- Лисица Ю. Т., Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: 1993.
- Мельгунов С. П. Красный террор в России. (1918–1923). – М.: 1990.
- Менделеев Д. И. Заветные мысли. – М.: 2000.

Миклашевская Е. П., Цепляева М. С. Знаменитые немцы Лефортова. – М.: 2000.

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.: 1994.

Михайлов-Цнин В. В. Созвездие. Документальная повесть. – М.: 1997.

Михалков С. В. Литература. Время. Жизнь. – М.: 1978.

Московская железная дорога. Через годы, через расстояния. Под редакцией И. Л. Паристого. – М.: 1997.

Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Выпуск 1. – М.: 1996.

Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Выпуск 2. – М.: 2000.

Неизвестный Горький. Материалы и исследования. Вып. 4. – М.: 1995.

Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. Сборник статей. – М.: 1997.

Нестерук Ф. Я. Гидротехническое прошлое великого города. – М.: 1947.

Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Интеллигенция. Власть. Народ. – М.: 1993.

Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, часть 1–10. – С.-Пб. (1799–1840 гг.).

Озеров С. А. Мытищинская вода и причины увеличения ее жесткости. Часть химическая. Труды комиссии по исследовании причин усиления жесткости Мытищинской воды. –

М.: 1915.

Очерки гидрологии и инженерной геологии Москвы и ее окрестностей., № 3, под редакцией проф. О. К. Ланге. «Московское общество испытателей природы». – М.: 1947.

Павлов В. Е., Сапожников В. В. Корифеи транспортной науки. – С.-Петербург, 2003.

Павлов В. Е., Якубчик П. П, Петербургский Государственный университет путей сообщения. – С.-Петербург, 1994.

Павлов Д. Б., Потресов А. Н. Избранное. Изд. Объединения «Мосгорархив». – М.: 2002.

Пастернак Б. Л. Существованья ткань сквозная. – М.: 1998.

Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Биография. – М.: 1997.

Пикуль В. С. Из рукописного наследия. – М.: 1993.

Платонов О. А. 1000 лет русского предпринимательства. – М.: 1995.

Пошеманский Ю. М. Солдаты Красной пресни. – М.: 1984.

Примаченко П. А. Русский торгово-промышленный мир. – М.: 1993.

Процесс Саввы Мамонтова. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900.

Прошин А. А., Фельдман Н. И. На труд и на подвиг. – М.: 1976.

Пыляев М. И. Старая Москва. – М.: 1995.

Ражников В. Г. Кирилл Кондрашин рассказывает о музы-

ке и жизни. – М.: 1989.

Романюк С. К. Из истории московских переулков. – М.: 1998.

Романюк С. К. По землям московских сел и слобод. – М.: 1998.

Российская родословная книга. 1854–1857 гг. Изд. П. Долгорукова, часть 1–4, т. IV, с. 255.

Русский биографический словарь., т. II, Алексинский – Бестужев-Рюмин. – С-Пб., 1900.

Священник Павел Флоренский. Детям моим, из соловецких писем. – М.: 1992.

Сергеев И. Н. Царицыно. – М.: 1995.

Соломон (Исецкий) Г. А. Среди красных вождей. – М.: 1995.

Солоухин В. А. При свете дня. – М.: 1992.

Федосюк Ю. А. Москва в кольце Садовых. – М.: 1983.

Флоренский П. В. Начало пути в науке. Вып. 7. – М.: 2000.

Фукус И. Г., Матишев В. А. Иллюстрированные очерки по истории российского нефтегазового дела. – М.: «Нефть и газ», 2002.

Фукус И. Г., Матвейчук А. А. Иллюстрированные очерки по истории российского нефтегазового дела. – М.: «Газойл пресс», 2002.

Храповицкий А. В. Памятные записки. – М.: 1862.

Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М.: 1989.

Шубинской Н. П. Памяти П. А. Столыпина. – М.: 1913.

Шульгин В. В. Годы – дни – 1920. – М.: 1990.

Юбилейный выпуск журнала. «75 лет Государственному научно-исследовательскому тракторному институту НАТИ». – М.: 2000.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ЦГА г. Москвы Ф54, Оп.180, д.№ (ед. хранения – 425),
Оп. 56. Д.117; Ф 17, Оп. 77, д. 3455, л. 9

ГАРФ. Ф.р. 7952, Оп. 3, Д.№ 161.

ГАРФ. Ф.р. 7952, Оп. 7, д № 97, 98, 100, 101, 102, 103,
104, 106, 107–115, 116, 152, 157, 397–398.

ЦГА г. Москвы. Ф 1209, ед. хр. 120 (1881–1918 гг.); Ф
287, ед. хр. 1030 (1868–1917 гг.).

ЦГАЛИ. Ф. 2388, Ф. 799, Ф. 1982; Описание № 1 (1841–
1928 гг.) Ф799 №№дела 6, 34, 38, 42, 80, 83, 98, 134, 147,
151, 160–165, 176, 198, 201 и т. д.;

Описание 2 (1880–1947) №№ дела 10, 17, 18–29;

Фонд 2388. Описание № 1 (Арцыбушев Ю. К.), портреты 1–
38 (44 ед. хр.);

Фонд 1982. (Лансере Е. Е.) описание №№ 1–2 (1869–
1948 гг.), портреты и фотографии №№ 179–182, письма №
№ 133–134.

ЦГА г. Москвы. Ф. 16, оп. 23, д. 52885; Ф. 16, оп. 23, д.

52769; Ф. 16, оп. 138, д. 50; Ф. 16, оп. 94, д. 200; ф. 498, оп. 1, д. 474, л. 1–15.

**Встреча с потомками основателей
завода в Мытищинском историко
художественном музее 15 июня 1997 г.**

Комментарии

1.

Кольченко Е. А. (1933–1997) – профессиональный художник, с 1970 по 1975 год работал в Государственном музее-заповеднике «Абрамцево», 1975–83 годы – художник-монументалист производственных мастерских г. Сергиева Посада и «Росмонументискусство» в Москве, с 1983 по 1997 год – директор Мытищинской детской художественной школы, носящей ныне его имя.

2.

В 1885 году С. И. Мамонтов основал в Москве русскую Частную оперу, которая просуществовала до 1904 года. Савва Иванович пропагандировал творчество передовых деятелей музыкального искусства, привлекал в оперу молодых исполнителей, утверждая новые принципы в театральном действе через реалистичность оперного спектакля. (Подробнее см. Е. Арензон. Савва Мамонтов. России славные имена. – М.: 1995).

3.

Щербатовы вели свою родословную от князя Василия Андреевича Щербатова, который числился в 17 колене от Рюриков. Его предки служили окольничими у Ивана Грозного, боярами у Петра I, а в последующие годы специализировались по воинским профессиям, участвуя

во многих сражениях, в т. ч. Русско-турецких войнах. Отечественной войне 1812 года.

4.

Андрей Иванович Дельвиг (1813–1887) родился в селе Студенец Воронежской губернии.

5.

Известный русский художник К. А. Коровин, еще будучи мальчишкой, на лето переезжал с родителями из Москвы в село Большие Мытищи. Здесь он проводил свое детство с местными ребятами и особенная детская дружба связывала его с Игнашкой Тулыгиным. (Эта фамилия до сих пор известна в Мытищах). Отец К. Коровина как раз и занимался извозом от Москвы до Сергиева Посада. Здесь впервые Костя Коровин услышал незнакомые для него слова отца: «Мы разорены»...

6.

В. А. Кокорев – старообрядец, один из крупнейших предпринимателей России середины XIX века, банкир, публицист, нефтепромышленник и меценат. Он был почетным попечителем Петербургской Академии живописи, на свои средства построил и содержал Академическую дачу в Вышнем Волочке. И по сей день здесь проходят своеобразную школу творчества молодые художники.

7.

И. Ф. Мамонтов занимался не только винным откупом. Он держал кирпичные заводы в Усть-Сетуни, фабрики красок, строил и содержал доходные дома, мазутные хранилища. Совместно с В. А. Кокоревым и П. И. Губониным (крупный железнодорожный предприниматель и концессионер, 1828–1892) было создано «Закавказское торговое товарищество» – комплекс предприятий в Баку по добыче, переработке, транспортировке и хранению нефти,

8.

М. П. Погодин (1800–1875), известный публицист, историк, издатель. В молодости водил знакомство с А. С. Пушкиным, дружил с Н. В. Гоголем; профессор Московского университета, друг композитора А. Н. Верстовского.

9.

Константин Владимирович Чевкин (1802–1875), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного Совета. Главноуправляющий Путиями Сообщениями и Публичными зданиями (1855–1862); член Комитета по строительству железной дороги Петербург – Москва.

10.

Дмитрий Иванович Журавский (1821–1891), инженер путей сообщения, закончил Институт инженеров путей сообщения в 1842 году. Автор проектов и участник строительства мостов через реки Веребью, Волгу, Волхов (Петербург – Москва). В 1883–1889 годах член Совета Министров путей сообщения, автор многих научных трудов по мостостроению и сопротивлению материалов. В 1855 году был удостоен Демидовской премии Академии наук за плодотворную инженернонаучную деятельность.

11.

Павел Петрович Мельников (1804–1880), генерал-инженер, профессор, почетный член Российской Академии наук, член Государственного Совета, Главноуправляющий Путиями Сообщения и Публичными зданиями (1862–1865), Министр Путей Сообщения (1865–1869). Выпускник Института инженеров путей сообщения 1825 года. Один из основоположников железнодорожного дела в России, автор первой книги «О железных дорогах» (1855). Один из авторов проекта строительства железной дороги Петербург – Москва. В 1842–1851 годах возглавлял Северную дирекцию строительства этой дороги. 2 августа 2002 года в Москве (у Казанского вокзала) состоялось открытие закладного камня памятника П. П. Мельникову.

12.

В Мытищах на комбинате «Мосстройпластмасс» несколько лет (1979–1982 гг.) работал главным инженером внук Ф. Н. Плевако – Александр Николаевич Плевако.

13.

Петр Петрович Булахов (1822–1880) – русский композитор и музыкальный педагог. Последние годы жизни был прикован к инвалидной коляске. Савва Иванович всю жизнь помнил о своем учителе. Когда в доме П. П. Булахова случился пожар, сгорело все имущество и сбережения. Узнав об этом, С. И. Мамонтов вместе с Павлом Михайловичем Третьяковым и известными частотроговцами Перловыми оказал материальную помощь композитору.

14.

Ф. В. Чижов учился математике в Петербургском университете и позже работал на кафедре под руководством академика М. В. Остроградского, занимался репетиторством, изучал историю и живопись, занимался издательским делом. Московское купечество под руководством Ф. Чижова выкупило у иностранной компании Курскую железную дорогу и был создан Московский Купеческий банк. Однако Ф. В. Чижов не имел наличного капитала и не был учредителем акционерного общества Московско-Ярославской железной дороги. Все его деньги находились в ценных бумагах и он выжидал момента,

когда их можно будет предъявить к оплате. Поэтому на завещанные деньги он просил Савву Ивановича построить ряд железнодорожных училищ на его родине – в Костромской губернии. Что и было исполнено. Училища существуют и по сей день.

15.

На первом общем собрании акционеров 11 февраля 1896 года было избрано Правление – С. И. Мамонтов, К. Д. Арцыбушев, И. Ю. Шульц и В. С. Мамонтов (сын Саввы Ивановича). Главным инженером был назначен Г. Л. Зандберг. Управляющим завода – П. М. Юденков. Правление находилось в Москве на Мясницкой, в доме Воронина.

16.

П. П. Кончаловский. От Москвы до Архангельска (по Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге). Изд. Товарищества типографии А. И. Мамонтова. – М.: 1897. Его сын, тоже Петр Петрович Кончаловский (1876–1956), народный художник РСФСР. Он был женат на дочери знаменитого русского художника Василия Ивановича Сурикова – Ольге Васильевне. В 1919–20 годах П. П. Кончаловский (сын) помогал обустроить музей в Абрамцеве. Кончаловский (отец) известен как издатель полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова

и юбилейного трехтомника А. С. Пушкина (1891–1899), им был осуществлен первый в России перевод «Робинзона Крузо» Д. Дефо, а также изданы в его переводе «Путешествия вокруг света» Ж. Арго и «Путешествия Гулливера» Д. Свифта.

17.

Эти сведения получены от одного из старожилов Заречной слободы Анатолия Васильевича Казанцева (коренной житель Мытищ в четвертом поколении). Его прадед работал на Ярославской железной дороге дежурным стрелочником еще до открытия вагонного завода, дед – смазчиком дизелей на заводе в дореволюционные годы, отец с пятнадцати лет работал модельщиком в литейном цехе – 44 года. Сам А. В. Казанцев много лет работал в техническом бюро чугунолитейного цеха и преподавал в Мытищинском машиностроительном техникуме.

18.

В 1911 г. фирмой «Граммофон» были сделаны записи многих музыкальных произведений в исполнении протодиакона К. В. Розова с известным хором И. И. Юхова, собранным в свое время из рабочих фабрики Франца Рабенека (Болшево) и рабочих Вагонного завода (Мытищи). В последующие годы, уже в советское время, этот хор был преобразован в хор им. М. И. Глинки,

а затем – в Республиканскую русскую хоровую капеллу им. А. А. Юрлова. В год кончины С. И. Мамонтова на сороковой день состоялся памятный вечер. «Сцена бывшей Частной оперы была декорирована темно-синей материей, на фоне зелени – портрет Саввы Ивановича в расцвете его таланта, выполненный известным художником Андресом Цорном. Почтена память вставанием, и [полились] стройные тихие звуки чудесного хора Юхова». (Воспоминания И. Е. Бондаренко. Московский архив вып. 2. – М.: 2000, с. 283).

19.

Две первые железные дороги в России имели европейскую колею, а со строительством Николаевской дороги была установлена отечественная. В Индии, Испании, Аргентине и Чили ширина колеи принята 1676 мм; в России – 1520 мм; в странах Западной и Восточной Европы, Канаде, США – 1435 мм; в Японии, Индонезии и африканских странах – 1067 мм.

20.

Окончание строительства железной дороги до Архангельска велось уже с перерасходом сметной стоимости проекта. Так как на трассе были сплошные болота и леса, то Савва Иванович закупил несколько американских экскаваторов с паровыми двигателями, чтобы ускорить строительство насыпей и прокладку траншей для отвода воды от основания

железнодорожного полотна.

21.

Михаил Александрович Врубель в 1908 году проходил курс лечения в клинике дальнего родственника А. В. Бари. Эта клиника для душевнобольных располагалась в Петербурге на Васильевском острове. Савва Иванович навестил больного М. Врубеля. «На мое счастье, – как вспоминал С. Мамонтов, – у него было просветление, и все время сквозь безумный бред прорывался большой человек, силач – художник. Мы побеседовали часа три...». М. А. Врубель скончался 1 (14) апреля 1910 г. и 3 апреля был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге.

22.

В 1996 г. исполнилось 100 лет со дня первой публичной демонстрации трактора, созданного Ф. А. Блиновым. Сегодня специалисты Научно-исследовательского тракторного института (НАТИ) продолжают научный поиск в разработках современных моделей отечественных тракторов. А возглавляет НАТИ правнук Саввы Ивановича Мамонтова – Николай Александрович Щельцын. В обзорном альбоме «Отечественные сельскохозяйственные тракторы», изданном к 100-летию этого события, можно увидеть –

универсальный трактор «МВМ – НАТИ – 80» (опытный образец), разработчик – НАТИ и АО «Метровагонмаш» (г. Мытищи Московской обл.).

23.

Эта статья вошла в книгу И. П. Мануса «Министерство Финансов за последние 25 лет», но рукопись была под неофициальным арестом и книга так и не увидела свет.

24.

Великий князь Николай Михайлович в 1891 г. пожертвовал 30 тысяч рублей на помощь голодающим Поволжья и просил не называть его имени. Деньги были переданы через Сергея Ивановича Шаховского и на них были организованы по совету Льва Николаевича Толстого общественные столовые. Благодаря этой помощи были спасены от голодной смерти тысячи крестьянских семей.

25.

Портсмутская (США) мирная конференция проходила с 27 июля по 23 августа 1905 г. С. Ю. Витте возглавлял российскую делегацию и заключил перемирие с Японией на весьма удачных для России условиях. Первой кандидатурой на переговоры было предложено имя Н. В. Муравьева (министра юстиции, ушедшего в отставку в том же 1905 г.)

26.

Константин Аполлонович Скальковский (1843–1906) получил пост директора Горного департамента в 1891 году и возглавлял его до 1896 года. Горный институт он окончил в 1863 году, принимал непосредственное участие в исследованиях залежей нефти и других полезных ископаемых в различных регионах России, опубликовал несколько трудов о нефтяных промыслах. В 1896–1900 годах К. Скальковский возглавлял кафедру политической экономии и горной статистики в Горном институте.

27.

Оклад в 20 тысяч рублей в год и плюс столько же, полагавшихся для делового бесконтрольного пользования (представительские) – это не те деньги, за которые можно честно служить, как намекал он в своих мемуарах.

28.

Среди бытующих ныне разговоров об искусстве Ф. И. Шаляпина превалируют шаблонные эпитеты о его голосовых данных, и это стало уже привычным. Дело совсем не в мощном голосе, как говорят об этом обыватели: «Свечи гасил своим басом!» Это, мягко говоря, неправда. Звук голоса – это стоячая звуковая волна, и движения воздуха при этом не происходит. Но было еще нечто, что до сих пор вызывает удивленное восхищение тем, как он читал

М. Ю. Лермонтова. Кому удастся послушать, как читал Ф. Шаляпин – это бездна непревзойденного искусства слова. Федор Иванович обладал безупречным внутренним чувством ритма, поэтому часто спорил с дирижерами, что он расходится то с оркестром, то с хором. Многим казалось, что это очередной каприз. Но все становилось на свое место, когда он читал. Ф. Шаляпин был признан новатором в области вокальной декламации. Он поразительно остро и чутко ощущал слово в музыке, передавая тончайшие смысловые интонации. И поэтому ему удавалось открывать непостижимые тайны внутреннего мира своих героев даже одной фразой или жестом. Так что искусство Ф. Шаляпина необходимо рассматривать только во всей совокупности его достоинств. Тогда и будет настоящий Шаляпин, каким сформировал его, как великого артиста, Савва Иванович Мамонтов. В августе 1999 года в Казани установлен первый памятник Федору Ивановичу Шаляпину, одарившему своим искусством весь просвещенный мир.

29.

В. В. Максимов потребовал у С. И. Мамонтова взятку, как он выразился: «за скорость». Положение Саввы Ивановича было безвыходным, он дал соответствующее распоряжение коммерческому отделу (А. В. Кривошеину), но с наказом – зафиксировать этот вынужденный факт, что и обнаружилось в процессе следствия.

30.

Закон «О порядке ликвидации дел железнодорожных обществ при переходе принадлежащих им дорог по выкупу в казну без объявления несостоятельности обществ» разрабатывался под руководством С. Ю. Витте с 1892 по 1903 г. и в этот период не имел юридической силы.

31.

Почему в семье было два Ивана – старший и младший? – Пелагея Яковлевна, едва освободившись от бремени, лишилась сознания. Роды были преждевременными, тяжелыми. Младенец едва подавал признаки жизни. Бабка-повитуха поспешила крестить, чтобы младенец не умер безымянным. И нарекли Иваном. Не было рядом ни родных, ни близких. И присутствующие не знали, что уже есть в семье первенец Иван. Младший Иван выжил, так и стало в семье два Ивана – старший и младший.

32.

Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) – профессор Института искусствознания АН СССР, историк литературы, театра и живописи; искусствовед, писатель и археолог. В советское время решением Министерства культуры РСФСР дом С. Н. Дурылина в Подмосковном Болшеве признан музеем, в котором в 1930-е годы собирался цвет

российской культуры – артисты Малого и Художественного театров, музыканты, певцы и художники. Дурылинский дом среди друзей называли «Болшевским Абрамцевом». С Дурылиными семейно дружили Бари. Дочь Александра Вениаминовича – Евгения Нерсесова – часто с детьми навещала этот гостеприимный Дом творчества.

33.

В этом доме (Фабричная, 5) родился Игорь Владимирович Ильинский (1901–1987) – впоследствии Народный артист СССР. Крестной матерью его была Варвара Андреевна Чернышева. В 1965 г. фабрика отмечала 100-летний юбилей, и И. В. Ильинский приезжал на встречу с земляками.

34.

Будучи подростком, он учился у немца-наладчика искусству пуско-наладочных работ на ткацких станках. В 1950-х годах Сергей Васильевич был награжден орденом «Знак почета» за изобретение направляющих «щечек» при сходе нити с початка. По этому случаю был прием у самого А. Н. Косыгина – министра текстильной промышленности.

35.

Константин Константинович Кацари окончил Московскую консерваторию по классу тромбона у профессора В. М. Блажевича. Однако он виртуозно играл и на трубе. В 1939

году по ложному доносу он был осужден к 10 годам – лесоповал в Мурманской области. Вернулся К. К. Кацари на фабрику и к своему оркестру только после смерти И. В. Сталина.

36.

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – православный богослов, выдающийся мыслитель, математик и физик, искусствовед, ученый-энциклопедист. Его сподвижником и ближайшим другом был Михаил Владимирович Шик. Оба были священниками и в 1918 году спасали от разорения сокровища российской культуры Троице-Сергиевой лавры, оба расстреляны в 1937 году. Их жизнь была насыщена общением с Шаховскими и Вернадскими.

37.

Очерк об Абрамцеве сына С. И. Мамонтова – Сергея – переиздан в альманахе «Памятники Отечества» (№ 1–2, 1994). Там же опубликовано много материалов по истории Абрамцева, Мытищ – поэзия, проза, краеведческие очерки.

38.

Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) народный художник СССР, академик АН СССР, попечитель Третьяковской галереи в предреволюционные годы,

художественный критик, историк искусства.

39.

В домашнем архиве семьи Лансере сохранилась небольшая книга, в которой уже трудно определить автора и едва прочитывается, что она издана в печатне А. И. Снегиревой. Москва, 1900 год. В ней упоминается К. Д. Арцыбушев:

40.

В течение 10 лет не удавалось обнаружить ни одной фотографии Арцыбушевых. Но, видит Бог, как вознаграждается упорный труд: в домашнем архиве Лансере неожиданно обнаружены в начале декабря 2002 года 20 никогда не публиковавшихся семейных фотографий Арцыбушевых, Лахтиных и Мамонтовых. Эти фотографии впервые публикуются в этой книге.

41.

Герб Арцыбушевых, выполненный в гипсе Е. Е. Лансере (правнук К. Д. Арцыбушева – первого исполнительного директора Мытищинского вагонного завода), передан в дар Мытищинскому историко-художественному музею в сентябре 2001 года, ко Дню города Мытищи.

42.

Как записано в Гербовнике: «Фамилии Арцыбушевых

многие служили Российскому Престолу разные дворянские службы и владели недвижимым имением, писанным по отказных 1635 и других годов книгам. Все сие доказывается копиями с отказных книг и определения Курского Дворянского собрания, о внесении рода Арцыбушевых в VI-ю часть родословной книги в число древнего дворянства».

43.

27 сентября 1988 года в Петродворце, во «Фрейлинском доме» был открыт музей семьи Бенуа. Автором проекта дома был архитектор Николай Леонтьевич Бенуа. В организации и создании музея непосредственное участие принял Советский фонд культуры. Первым камнем в основании музея стала картина Александра Николаевича Бенуа «На берегу пустынных волн», которая была передана музеем сыном А. Н. Бенуа – Николаем Александровичем. На церемонии передачи картины присутствовали и племянники Н. А. Бенуа – П. А. Браславский и Д. И. Вышнеградский – сводные братья. (Их мать – Елена Александровна Бенуа, см. Ученые записки, вып. 3, М., 1998).

44.

Евгений (П) Евгеньевич Лансере был в дружеских отношениях с Алексеем Викторовичем Щусевым (1873–1949), который учился в Петербургской Академии художеств у Леонтия Николаевича Бенуа дальнего

родственника Е. Е. Лансере. А. В. Щусев в 1910 году был удостоен звания академика Академии художеств. В советское время он известен как автор проекта Мавзолея Владимира Ильича Ленина, гостиницы «Москва» и многих других монументальных зданий в разных городах Советского Союза. Он был и директором Третьяковской галереи, и организатором музея архитектуры (ныне музей носит имя А. В. Щусева)... В 1930-е годы он пригласил Евгения Евгеньевича на работу по росписи вестибюлей Казанского вокзала. Но вскоре строительство вокзала было приостановлено. Е. Е. Лансере уехал с семьей в Грузию. Окончился трагический период так называемого дела «Промпартии», и Москва приступила к строительству метро. А. В. Щусев, пользовавшийся авторитетом и доверием у И. В. Сталина, пригласил своего друга для совместной работы над проектами по оформлению станций метро и выхлопотал ему две комнаты в коммуналке (1934 г.), в доме на углу Боброва и Милютинского переулков, где и сегодня живет его внук – тоже Евгений Евгеньевич Лансере – сын Светланы Дмитриевны. Он скульптор. Много лет поддерживал деловые и творческие взаимоотношения с Мытищинским заводом художественного литья им. Е. Белашевой и специалистами литейного цеха (отделение цветного литья) Мытищинского машиностроительного завода ЗАО «Метровагонмаш».

45.

Глеб Якунин – бывший член Государственной Думы РФ, известный своим неуравновешенным характером и соответствующими репликами – приходился двоюродным братом Светлане Дмитриевне.

46.

В советское время празднование Рождества было запрещено. Новогодний праздник официально был разрешен в 1937 году, а выходным днем праздник был объявлен в 1948 году.

47.

Прощание с покойной было невыносимо тяжелым. Перед глазами стояла трагическая минута, когда умирала моя мать. И мы, близкие родственники, стояли у ее изголовья. Мама умирала тихо, не приходя в сознание после очередного инсульта. Каждый ее вздох укорачивался на глазах. И когда она вздохнула последний раз, довелось прикрыть своими руками ее еще теплые веки.

48.

На Тегельском кладбище родовое захоронение семьи Гумбольдтов, здесь покоится прах знаменитого исследователя и ученого Александра фон Гумбольдта, его брата и родителей.

49.

Фамилия Вуич уходит корнями в Сербию. Многие служили в России. Вуич Н. И. – пом. управляющего делами Комитета министров (1901–1906), сенатор. Вуич Э. И. – прокурор Петербургской палаты (1902–1905), директор Департамента полиции (1905–1906). Возможно, что кто-то из них были близкими родственниками Анастасии Георгиевны.

50.

Судьба Александра Павловича Кутепова до сих пор покрыта завесой тайны. Он родился в г. Череповце в 1882 году, окончил Архангельскую классическую гимназию. Петербургское военное училище – участник Русско-японской войны, последний командир лейб-гвардии Преображенского полка (до 1917 г.). С 1917 по 1920 гг. в Добровольческой армии (от командира роты до командира корпуса). Последнее воинское звание – генерал-лейтенант, генерал от инфантерии. До 1930 года, после падения Крыма, был в Турции, Сербии, Франции, где возглавлял Русский общевойсковой союз; сторонник активных действий против большевистского режима в России.

51.

Это событие совпало с открытием Всероссийской промышленной выставки в Петербурге и первым

Всероссийским съездом промышленников. В этом же году вышло постановление Правительства о том, что иностранным поданным запрещается занимать посты на государственной службе.

52.

Дочь Тадеуша (Фаддея) Плуховского, Ольга Фаддеевна, сохранила для истории некоторые документы, ныне находящиеся в Мытищинском историко-художественном музее – финансовые отчеты и краткие биографические отрывки о жизни отца.

53.

О родословной С. Г. Лабунского известно совсем немного. В работе А. М. Дашевского встречаются отрывочные сведения, но очень путанные и противоречивые. Из других источников известно, например, что в «Указателе к Высочайше утвержденным Общему Гербовнику дворянских родов Всероссийской империи и Гербовнику дворянских родов Царства Польского» (СПб, 1910) значится фамилия Лабунских.

54.

В 1930-е годы Н. К. фон Мекк – активный член Всесоюзной ассоциации инженеров, автор многих монографий по экономике железнодорожного транспорта; читал лекции в

55.

Его супруга, Евгения Абрамовна, была одной из наиболее активных работниц Мытищинской общественной библиотеки. Оба они принимали деятельное участие в Обществе благоустройства, в Комитете по устройству яслей для детей и в организации столовых во время Первой мировой войны, преподавали на воскресных курсах для рабочих. Моисей Григорьевич состоял членом Ревизионной комиссии больничной кассы, работал в местном Обществе потребителей и одно время был председателем заводского кооператива.

56.

См. издания к юбилейным датам завода: Исторический очерк о ММЗ. – М.: 1940; На труд и подвиг. – М.: 1976; Ровесник века. – М.: 1997. В этих изданиях имеются ссылки, что в предреволюционные годы на заводе начинал работать Василий Константинович Блюхер, один из первых маршалов Красной Армии (расстрелян в 1937 г.).

57.

Л. В. Курчевский – изобретатель динамо-реактивных орудий (предшественниц «Катюши»), в 1933 году он был награжден орденом Красной Звезды (за № 116), а в 1937 году –

арестован по ложному доносу и 12 января 1939 года расстрелян.

58.

В семейных архивах потомков Бари имеются и другие сведения: «Вениамину Матвеевичу было предложено покинуть службу «из-за нежелательного вольнодумного влияния на воспитанников», которое начальство усмотрело в его негативных высказываниях по поводу подавления Россией восстания в Польше (1863–1864).

59.

Архитекторам и инженерам-строителям было известно: впервые павильон с остекленным покрытием и огромными световыми фонарями был построен в 1851 году на Всемирной выставке в Лондоне архитектором Джозефом Пэкстоном – знаменитый «Хрустальный дворец», в котором с 1859 года регулярно проводились Генделевские музыкальные фестивали. Дворец вмещал до 4 000 участников.

60.

«В 1990 году в связи с широко отмечавшимся столетием моего отца, Бориса Леонидовича, мы с женой оказались в Филадельфии. Там мы узнали, что в огромном парке этого города, в котором в свое время проходила выставка,

посвященная 100-летию независимости Соединенных Штатов, из всех строений, связанных с этой выставкой, сохранился и поддерживается в прекрасном состоянии лишь павильон, спроектированный и построенный А. В. Бари, имя которого пользуется там известностью и уважением. Узнав о нашем интересе к нему, Эрика Фрайбергер отвезла нас туда, и мы смогли полюбоваться этим огромным и прекрасным дворцом, созданным молодым инженером из стекла и стали во вкусах той эпохи, кое-где сохранившихся и в московских торговых зданиях, возникших десятилетиями позже по проектам его Конторы уже под инженерным руководством В. Шухова».

61.

Виктор Карлович Делла-Вос родился в Одессе в 1829 году. Его отец был участником боевых партизанских действий против войск Наполеона в Испании в 1812 году. Он бежал в Россию и в Одессе женился на русской дворянке. В семье было пятеро сыновей. Один из них, Виктор Карлович, окончил Ришельевский лицей, а в 1853 году – Московский университет со степенью кандидата физико-математических наук. Затем в Париже он продолжил образование, изучая механику и производство. Чтобы глубже познать непосредственное дело, Виктор Карлович работал простым рабочим. В Россию он возвратился в 1864 году и был приглашен на должность профессора

механики Петровской земледельческой лесной академии (ныне академия имени К. Л. Тимирязева). После кончины директора ИМТУ А. С. Ершова ему было предложено возглавить училище. На этом посту он оставался до 1880 года, когда подал прошение об отставке по выслуге лет. Испанец по происхождению, но русский по духу, он искренне служил России – создавал систему высшего технического образования, которая не имела равных в мировой практике. С особым вниманием Виктор Карлович относился к научным занятиям студентов и молодых ученых.

62.

На втором этаже центрального корпуса МГТУ им. Баумана установлена мемориальная доска с надписью: «В МВТУ учился и окончил полный курс в 1876 году знаменитый изобретатель, инженер и почетный академик В. Г. Шухов».

63.

А. Б. Иванов. Советские инженеры (ЖЗЛ). М.: 1985. Статья о В. Г. Шухове написана по воспоминаниям потомков Владимира Григорьевича и в дальнейшем тексте будут приведены многие сведения из этой книги. Частые ссылки будут повторяться и из других книг о В. Шухове: Л. И. Арнаут, Я. К. Карпов. Повесть о великом инженере. М., 1978; И. Я. Конфедератов. Владимир Григорьевич Шухов.

М., Л., 1950.

64.

В те годы г. Филадельфия был средоточием американской технической мысли. Здесь Бенджамин Франклин, всемирно известный ученый, организовал институт, названный после его кончины Франклинковским. Ректор института Франклина – Вильям Селлерс – в 1862 году предложил идею резьбовых соединений (болт, винт-гайка), в основу которой заложил простую мысль: все метрические резьбы должны иметь угол профиля резьбы при вершине 60 градусов, в плоском сечении – равнобедренный треугольник. С 1868 по 1901 г. инженеры-механики Филадельфийского инженерного Общества не только утвердили стандарт на метрическую резьбу Селлерса, они продвинули эту идею во все отрасли промышленности США. И по сей день весь мир пользуется этим изобретением, не ведая о его авторе.

65.

В последующие годы этому музыкальному инструменту были присуждены: 1889 г. – серебряная медаль в Новом Орлеане, 1893 г. – золотая медаль в Чикаго и золотая медаль в Париже в 1900 г.

66.

ИРТО было создано группой профессоров и инженеров

Петербурга в 1866 году. Почетными членами Общества в разное время были всемирно известные ученые и инженеры, такие как Д. И. Менделеев, Н. Е. Жуковский, Д. К. Чернов, Т. А. Эдиссон, А. Г. Эйфель. Действительными членами были М. И. Герсеванов и П. Д. Кузьминский, В. Л. Кирпичев и В. Г. Шухов, а также крупные промышленники – Л. Э. Нобель, С. И. Мамонтов, Н. И. Путилов, Н. А. Сытенко и др.

67.

Валентин Саввич Пикуль в романе «Жирная, грязная и продажная» (см. Из рукописного наследия. – М.: 1993) так описывает свое видение обстановки тех лет на бакинских месторождениях нефти:

68.

Примаченко П. А. Русский торгово-промышленный мир. – М.: 1993.

69.

Д. И. Менделеев впервые побывал в Баку еще в 1863 году по приглашению В. А. Кокорева. Его интересовали не только вопросы добычи и переработки нефти, но и возможность более полного использования добытой нефти и нефтепродуктов, а также проблемы ограниченности ее запасов и изыскания новых месторождений. К 1880 году вокруг бакинских месторождений закипели страсти –

конкуренты создавали различные объединения для борьбы за нефтеносные участки то против Л. Нобеля (А. И. Путилов), то против компаний Ротшильдов и Рокфеллера и т. д. Д. Менделеев своим авторитетным мнением поддерживал Л. Нобеля, А. Бари и В. Шухова, которых ценил как единомышленников.

70.

В 1883 году Л. Нобель получил патент на очередное изобретение – «Усовершенствованная система нефтяного отопления, применяемая ко всякого рода промышленным целям». Менделеев негодовал: «Топить нефтью – это преступление!» Нобель парировал: «Я понимаю Вашу озабоченность, как ученого. Но, как промышленник, я сегодня должен это сделать, ибо завтра меня обойдут конкуренты». В других вопросах они были более солидарны.

71.

Бакинская нефть – огненная жидкость – упоминается арабскими историками с более древнего времени. Масуди Абдул Гасан-ибн-Гусейн в конце IX века писал, что в Баку были известны два источника нефти: из одного добывали белую нефть, из другого – черную, «и нет на свете – Аллах хорошо знает! – нигде белой нефти, кроме этого места». Всемирно известный путешественник Марко Поло (1254–1324) отмечал наличие нефти в Закавказье: «На грузинской

границе есть источник масла, и много его... есть его нельзя, а можно жечь и мазать им верблюдов и лошадей, у которых потертости, раны, чесотка или короста. Издалека приходят за тем маслом, и во всей стране его только и жгут».

72.

Гаджи Зейнал Абдин Тагиев (1838–1924) родился в семье беднейших родителей, образования никакого не получил. С мальчишеских лет начинал свою жизнь учеником каменщика. 30 лет работал, что называется, не разгибая спины. За эти годы он освоил не только специальность каменщика, но стал и подрядчиком по строительству казенных зданий. За безупречную работу его неоднократно представляли к правительственным наградам. Собрав первоначальный капитал, Г. Тагиев занялся коммерцией по нефтяному делу. Как человек обязательный и предприимчивый, он быстро выбился в число крупных нефтепромышленников и крупных домовладельцев.

73.

Барон Петр Александрович Бильдерлинг (1844–1901), генерал артиллерии. Он с отличием окончил Пажеский корпус, затем – Михайловскую артиллерийскую академию, принимал участие в Русско-турецкой войне (1877–1878). Вместе с Робертом и Людвигом Нобелями занимался производством стрелкового оружия на Ижевском заводе.

С 1879 по 1885 год П. А. Бильдерлинг состоял членом правления, а 1885 по 1901 год был избран председателем Совета «Товарищества Бранобель».

74.

Л. Нобель выделял огромные средства на строительство жилых поселков и городков для семейных рабочих и инженеров, общежитий для молодых рабочих. Нобелевские благоустроенные городки строились не только в Баку, но и по всей России, где только располагались филиалы фирмы «Бранобель». Он обустроивал аптеки и больницы, строил столовые и хлебопекарни, бани и службы санитарного надзора, школы, парки и места отдыха.

75.

К 1890 году он закончит свой фундаментальный труд: «Крекинг-процесс нефти и комплекс аппаратуры для его осуществления». Этот труд будет признан мировым изобретением (патент 1891 г. на «приборы для непрерывной дробной перегонки нефти и т. п. жидкостей»).

76.

Основными пайщиками и учредителями Товарищества были: Людвиг Нобель – 1, 610 млн. руб.; Альфред Нобель – 115 тыс. руб.; Роберт Нобель – 100 тыс. руб.; братья П. А. и А. А. Бильдерлинги – 980 тыс. руб.; П. Я. Забельский –

135 тыс. руб. Паевой взнос других пайщиков составлял от 25 до 5 тыс. руб.

77.

В Москве, рядом с заводом «Серп и молот» (бывш. Ю. П. Гужона), недалеко от улицы Золоторожский вал, установлен памятный знак с текстом: «Нобелевский проезд. Здесь до 1918 года располагалось московское отделение Товарищества нефтяного производства братьев Нобель, учрежденного 18 (30) мая 1879 года». Памятный знак установлен по инициативе Академии естественных наук России при участии Московского фонда сохранения культуры завода «Серп и молот» на средства компании «Лукойл», АО «Ритек» (Россия), концерна «Тетралаваль» (Швеция). Авторы Е. А. Маспюр, С. Смирнов».

78.

На счету этой фирмы было достаточно много изобретений, запатентованных в России. Только с 1893 по 1915 гг. их насчитывалось более 26, и все они относились к усовершенствованию водотрубных паровых котлов.

79.

Сохранились оригиналы документов: «Описание водотрубного парового котла» и «Смета № 22/292» на

поставку котла № 545 по заказу «Торгового дома Никона Гарелина и сыновей» в Иваново-Вознесенск от 16 января 1895 года. Стоимость котла на рабочее давление 120 фунтов на квадратный дюйм, включая доставку, – 106 50 руб. (это были большие деньги – в то время на них можно было закупить необходимое оборудование и построить целый завод по выпуску 1 миллиона штук кирпича в год). Монтажные работы оплачивались дополнительно, работы производились под руководством мастера от исполнителя. Каждый котел комплектовался питающим насосом американского завода Блэк.

80.

Начало деятельности Бари и Шухова в 1880 году было весьма скромным. Годовой оборот составлял в 1880–1881 гг. 500 тыс. рублей. В 1897 г. он возрос почти до 6 млн. рублей, а всего за 15 лет деятельности фирмой было выполнено заказов на сумму свыше 24 млн. рублей.

81.

Металлоконструкции и другие промышленные изделия, спроектированные под руководством В. Шухова и построенные фирмой А. Бари, были вне конкуренции по экономии металла, дешевизне, надежности и простоте при сборке и ремонте. Стоимость изготовления металлоконструкций в то время оценивалась из расчета

стоимости 1 пуда готового изделия, между прочим, и самовары в России продавались на вес. Торговая марка «Строительной конторы инженера А. Бари» стала образцом гарантии качества, не было отбоя от заказов.

82.

Еще будучи студентом третьего курса Училища, он сделал свое первое практическое изобретение – создал экономичную конструкцию паровой форсунки для сжигания жидкого топлива. Изобретение нашло распространение и было высоко оценено в свое время Д. И. Менделеевым. Находясь в Баку, Владимир Григорьевич внимательно присматривался к тому, как сгорает мазут в топках паровых котлов, и все возвращался мыслью к своему студенческому изобретению. Он усовершенствовал конструкцию форсунки и добавил к ней камеру с подогревом. Теперь мазут, попадая в раскаленную камеру сгорания, почти мгновенно испарялся и при сгорании не было ни копоти, ни золы.

83.

В записной книжке В. Г. Шухова, по свидетельству его правнучки Е. М. Шуховой, имеются сведения о деятельности Главной конторы на Мясницкой, 20; в частности, о составе сотрудников и служащих и их заработке в 1900 году: «В Главной конторе работают 16 инженеров, чертежников и техников, 31 мастер и монтер,

14 служащих канцелярии, 18 бухгалтеров, 1 юрисконсульт, 1 доктор, 4 сторожа и И артельщиков – всего 96 человек, которым было выплачено 120 264 рубля серебром».

84.

В процессе строительства дебаркадера Киевского (в те годы Брянского) вокзала, архитектор И. И. Рерберг удивлялся сметливости прорабов-строителей. Проектная документация состояла из 3000 чертежей и десятков томов технологических карт. А прорабы для непосредственного исполнения всех работ пользовались всего-навсего тремя чертежами. Общее руководство строительством дебаркадера осуществлял Н. С. Лошинский.

85.

За 35 лет совместной работы А. Бари и В. Шухова в России было построено по проектам фирмы 3 240 различных резервуаров для нефти и нефтепродуктов, шпалопропиточные заводы, более 20 комплексов зерновых элеваторов, свыше 4 000 водотрубных паровых котлов, свыше 415 железнодорожных мостов, 370 км нефтепроводов в окрестностях Баку, 8 доменных печей, 65 нефтеналивных барж, 150 гиперболоидных сетчатых башен, свыше 400 000 кв. м металлических сетчатых покрытий (арочные, висячие, двойкой кривизны).

86.

В период Первой мировой войны, уже после смерти А. В. Бари, выполнялись заказы Военного ведомства. В частности, В. Шуховым была спроектирована оригинальная платформа для дальнобойных орудий, проектировались и строились батопорты, минные заграждения, палубные надстройки для морских военных кораблей. Сам же А. В. Бари весьма отрицательно относился к военным заказам и на правах патентодержателя не разрешал использовать патенты в военных целях.

87.

Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907) с детства проявлял любознательность и страсть к чтению. После окончания Педагогического института в Петербурге он посвятил себя науке и прожил жизнь далеко не безоблачную. Встречались и трудности на его жизненном пути, когда он не мог реализовать своего творческого потенциала во время правления С. Ю. Витте. Энциклопедические сведения о его личности не дают полного представления о нем как о великом мыслителе. В лучшем случае, мы усвоили со школьной скамьи, что Д. И. Менделеев – великий русский ученый-химик. А ведь его творческое наследие насчитывает до 300 статей и книг по самым различным областям фундаментальной науки. Кроме изучения проблем по добыче, транспортировке и переработке нефти, не

говоря О Периодической системе, Дмитрий Иванович обосновал теорию предельной растворимости спиртов в своей докторской диссертации. В России появилась лучшая в мире водка или «40 капель», как называли ее в народе.

88.

По сведениям Евгении Ивановны Кириченко (родственница Шехтелей), «старший брат будущего архитектора, Осип, С которым он был наиболее близок, оставался в Саратове до середины 1890-х годов, затем он переехал в Москву, где служил вначале техником, а позднее бухгалтером в технической конторе Бари».

89.

Николай Егорович Жуковский (1847–1921) окончил Московский университет в 1868 году и хотел продолжить образование в Петербургском институте путей сообщения. В этом институте когда-то учился его отец, Егор Иванович, а также барон Андрей Иванович Дельви́г. Но Николай Егорович «срезался» на экзамене по геодезии, и его мечта об инженерном образовании долгое время оставалась несбывшейся. И только в 1911 году, когда ему уже исполнилось 65 лет, ему было присвоено звание действительного Статского советника и звание Почетного инженера ИМТУ. Диплом и нагрудный знак в торжественной обстановке вручал ректор Училища А. П.

Гавриленко.

90.

Л. Н. Толстой заканчивал роман «Воскресение», иллюстрации к которому выполнил академик живописи Л. О. Пастернак, и собрался пожертвовать весь гонорар за издание романа гонимой в то время общине духоборов. Но случилось так, что издатели «растасили по частям» роман, и не нашлось достаточной суммы денег (12000 руб.), чтобы община могла воспользоваться ими для своей крайней нужды. Лев Николаевич обратился к Александру Вениаминовичу с деликатной просьбой, на которую тот со свойственной ему душевностью откликнулся.

91.

Ольга Алексеевна Величинская, правнучка А. В. Бари, среди многих материалов о прадеде передала собранные ею выписки из журнала «Исторический вестник» за 1895–1900 гг., где Б. Глинский первоначально печатал статьи о котельном заводе А. В. Бари.

92.

По воспоминаниям дочерей А. В. Бари, в столовой котельного завода по праздникам, а иногда и в будни, когда была тяжелая работа, выставлялась и водочка в графинах. Хочешь выпить 50–100 грамм «с устатку» и поесть с

аппетитом – пожалуйста, не возбраняется, но знай меру. Недоразумений по этому поводу не бывало. Большинство рабочих были людьми верующими и не злоупотребляли доверием хозяина. Старые кадровые рабочие внушали молодым, что вино от Бога, а пьянство от Дьявола, потому и не наследуют пьяницы Царства Божия.

93.

Дочь А. И. Шамшина, Мария, была замужем за Виктором Бари – сыном Александра Вениаминовича (с 1907 г. один из директоров котельного завода).

94.

Петр Аркадьевич Столыпин был ровесником Владимира Ивановича Вернандского. Они учились на физико-математическом факультете Петербургского университета (1881 г.) и вместе слушали лекции Дмитрия Ивановича Менделеева в знаменитой аудитории № 7. Д. И. Менделеев читал не только химию, своими лекциями он умел побуждать мысль в умах и душах студентов о силе Личности и ее способности преодолевать любые жизненные трудности, о научно обоснованных методах и реформах по устранению несовершенства общественного устройства России.

95.

По материалам архивных фондов музея МГТУ им. Н.

Э. Баумана можно проследить не только поступки и высказывания профессора П. К. Худякова, но и трагедию судеб профессоров и преподавателей, давших России самых ярких представителей инженерной школы:

96.

Московский государственный архив, ф, № 450, оп. 8, д. 323. На последней странице этого документа в списке пользователей стоят только подписи сотрудника архива и автора, то есть никто из «говорунов» не удосужился поинтересоваться документом.

97.

По сведениям Евгения Борисовича: «У нас дома часто вспоминали и рассказывали об А. В. Бари, о его таланте, доброте и отзывчивости к окружающим. Его дочь Ольга Александровна Бари-Айзенман была одной из способнейших учениц моего деда, академика живописи Л. О. Пастернака. Меня водили к ней в группу рисования, которому она обучала знакомых детей. С нею, ее сыном и дочерью, ее сестрой Лидией Александровной Бари моего отца, Бориса Пастернака, связывала многолетняя дружба. К помощи Айзенманов он прибегал, приводя в порядок работы своего отца, а Лидия Александровна, работая в Библиотеке иностранной литературы, держала его в курсе того, что писали о нем за границей в последние годы его жизни».

98.

В трудное время для семьи Воскресенских рояль был продан. Любознательные москвичи могут полюбопытствовать – его № 107313; а заодно и вспомнить – чьи руки касались его клавиш.

99.

Кирилл Петрович Кондрашин (1914–1981 гг.) – известный дирижер в советское время, народный артист СССР, лауреат Государственных премий, скончался и похоронен в Голландии.

100.

В. Г. Ражников. Кирилл Кондрашин рассказывает о музыке и жизни. М., 1889.

101.

Предки Бориса Поплавского по материнской линии были родом из Прибалтики, имели дворянское происхождение. Мать Бориса, Софья Валентиновна (урожд. Кохманская), приходилась дальней родственницей Е. Блаватской, двоюродной сестре С. Ю. Вите.

102.

В 1860-х годах только-только стали формироваться законы

о патентах как об одном из видов имущественных прав. До середины XIX века потребность в таком институте вообще отрицалась представителями промышленности и теоретиками. Считалось, что патент не оправдывается свойством труда, затраченного на изобретение, и не нужен самому изобретателю.

103.

Однозначно ответить на этот вопрос довольно сложно. Рассмотрим несколько примеров – Александр III и С. Ю. Витте; Ю. П. Гужон и Н. Г. Риттер:

104.

Близнецы были настолько похожи, что мало кто в семье мог их различить. Когда им было около трех лет, Лева впервые увидел себя в большом зеркале и стал отчаянно звать маму: «Мама, мама, смотри, а там Аля стоит».

105.

Первый муж Веры Самойловой – Орловский Петр Владимирович (1900–1948), сормовский рабочий. В молодости был бойцом и командиром продотряда в Сибири, затем работал в системе Главного гидрологического управления ГУСМИ. 1936–1937 гг. руководил экспедицией на ледоколе «Георгий Седов» в Карском море и море Лаптевых. В его честь названы мыс в Баренцевом море, на

архипелаге Земли Франца Иосифа – остров Земля Георга. В 1938 году П. В. Орловского арестовали, вернулся он из ссылки уже после Великой Отечественной войны и с трудом устроился начальником рыболовецкой артели в Керчи. (См. Б. Масленников. Морская карта рассказывает. Изд. 2-е., под ред. Героя Советского Союза адмирала флота Н. М. Смирнова. М.: Воениздат. 1986).

106.

Перелет легендарных советских летчиков по маршруту: Москва – Северный полюс – Ванкувер (США) состоялся 18–20 июня 1937 года. Расстояние в 8504 км они преодолели за 63 часа 16 минут.

107.

Георгий Владимирович Вернадский после падения Крыма, в ноябре 1920 года, вместе с женой оказался в Константинополе. Затем они перебрались в Афины. Семья бедствовала, едва сводили концы с концами. В Греции Георгий нашел работу, стал преподавать русский язык. Его заметили и пригласили принять участие в создании словаря греческого языка как знатока древних языков и специалиста по истории Византии. Позже семья сумела перебраться в Прагу, где Георгий начал преподавать в университете. В печати стали появляться его научные работы и статьи. В 1939 году Георгий Владимирович с женой выехал в

США, где им была написана «История древней Руси» (до образования Московского княжества, 6 томов), и стал известным профессором Йельского университета.

108.

Внучатый племянник Софьи Владимировны Паниной, Георгий Васильчиков (Князь Г. И. Васильчиков – историк, публицист. Живет в Швейцарии. Как консультант компании «Де Бирс» по связям СССР, содействовал организации спонсорской помощи созданному в 1986 году Советскому фонду культуры. – прим. авт.), неоднократно посещал Марфино. В августе-сентябре 1993 года он прислал из Швейцарии свои воспоминания, которые напечатаны в журнале «Наше наследие» № 29–30: «В семье Паниных сохранилось предание, что род их вышел в «Московию» в XV веке из Италии, из города Лукка, близ Флоренции. Впервые русские историки упоминают о Паниных в XVI веке, когда в 1530 году в бою во время Казанского похода погиб Василий Панин. Уже с царствования Михаила Федоровича Панины занимают высокие должности – воевод, думных дворян, стольников; а с царствования Петра Великого – губернаторов, сенаторов, генералов, министров и т. п. В конце XVII века Василий Никитич Панин, вместе с князем Ю. Барятинским, подавил восстание Степана Разина. Сто лет спустя его внуку, Петру Ивановичу, суждено было принять участие в подавлении восстания Пугачева.

109.

Московское метро... следующая остановка «Проспект Вернадского». Как часто мы слышим знакомую фамилию, но как мало знаем о В. И. Вернадском.

110.

Николай Степанович Лошинский (1883-?) родился на Украине в г. Черкассы. В 1902 г. окончил строительный техникум в Екатеринославе и получил специальность технолога-строителя. В этом же году он был принят на работу в «Строительную Контору инженера А. В. Бари» в качестве производителя работ и быстро продвигался по службе. Александр Вениаминович Бари умел ценить талантливых и деловых сотрудников. В 1904 году Н. Лошинский уже руководил Строительного отдела, и в этой должности руководит строительными работами при реконструкции Киевского и Казанского вокзалов в Москве. С 1918 по 1935 годы он работал по капитальному восстановлению разрушенных железнодорожных мостов (Мосмаштрест). В последующие годы его жизнь была неразрывно связана со строительством самых различных, в том числе и крупных объектов – эксперт по оценке проекта «Дворца Советов», строительство Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВДНХ). Последние годы жизни Н. С. Лошинский

был связан как инженер-консультант с организацией «Проектстальконструкция» и ЦНИИПСК – это то, что когда-то именовалось «Строительной Конторой инженера А. В. Бари». Творческая сторона жизни Н. Лошинского была наполнена общением с В. Г. Шуховым. Николай Степанович был признанным авторитетом среди инженеров, работавших в области металлоконструкций, им опубликовано более 20 научных работ и монографий в изданиях Гипрооргстроя.

111.

Сорокоумовские – известные в России предприниматели по заготовке, выделке и пошиву меховых изделий. На день коронации Николая II Сорокумовские изготовили три горностаевых мантии.

112.

В годы Великой Отечественной войны Кирилл Александрович Воскресенский, несмотря на сильную близорукость, добровольцем пошел на фронт в составе Краснопресненского отряда. Последние годы жизни он работал в МГУ – доцент, кандидат биологических наук.

113.

Макет будущей радиобашни В. Г. Шухова на Шаболовке долгие годы хранился в доме А. Бари, затем этот макет был установлен в вестибюле Московского Политехнического

музея. Многие из памятников инженерного искусства, к сожалению, не сохранились до наших дней. (Металлоконструкции вырабатывают свой ресурс и судьба их предрешена).

114.

Минарет был построен в 1417–1420 гг. по повелению эмира Улугбека – великого ученого средневековья, внука завоевателя Тамерлана. По свидетельству современников, Улугбек сам преподавал математику в медресе, куда спустя 400 лет судьба привела В. Г. Шухова.

115.

Мельников Николай Прокофьевич (1908–1982) родился в Белоруссии, начинал свою биографию учеником слесаря, в начале 1930-х годов работал на разных предприятиях Украины, окончил Киевский инженерно-строительный институт и получил специальность инженера-строителя по металлическим конструкциям. Его дальнейшая судьба была связана с ЦНИИПСК. В 1952 году Н. П. Мельников защитил кандидатскую диссертацию, а в 1962 – докторскую (профессор, член-корреспондент, академик). Им опубликовано более 150 научных работ, в том числе 26 монографий. Его труды известны как в нашей стране, так и за рубежом. Практический опыт и глубокие теоретические знания он передавал молодым инженерам и будущим

ученым, являясь профессором МИИТа с 1964 года.

116.

Директором банка обмена металлических денег на государственные ассигнации в Петербурге и Москве был назначен граф Андрей Петрович Шувалов. Первая контора ассигнационного банка была открыта на Мясницкой, в приходе архидиакона Евпла. Ассигнации были отпечатаны достоинством 25, 50, 75 и 100 рублей. И появились первые фальшивки, переделанные из 25-рублевых в 75-рублевые, но преступники были быстро обнаружены. (М. И. Пыляев. Старая Москва. – СПб., 1891);

117.

В 1709 году Петр I одержал блистательную победу над Карлом XII в Полтавской битве. В 1711 году он предпринял Прутский поход с целью освобождения Молдавии от турецкого ига, но его постигла неудача, сражение было проиграно, и сам Петр I едва не попал в плен. Турецкий султан потребовал выдачи Дмитрия Кантемира – господаря Молдавии.

118.

Высота ее составляет 1, 4 метра, ширина – 90 см., стыки свинцовых листов прикрыты дубовыми плахами-распорками. Нижние десять рядов выложены полнотелым

кирпичом, следующие семь плинфой, арочный свод – из клинообразного клинкера. Нижняя часть вертикальной кладки соединяется с основанием плинтусом из раствора водостойкой извести. Поэтому, к сожалению, не удалось обнаружить клейма на кирпиче, чтобы определить: кто поставлял кирпич на строительство водопровода (образцы кирпичной кладки переданы в Мытищинский историко-художественный музей).

119.

Количество воды, протекающей через единицу площади поперечного сечения фильтрующей породы, по формуле Дарси $V=kI$, где v – скорость фильтрации; I – напорный градиент (перепад), равный отношению падения напора h к длине пути фильтрации $L(I=h/L)$. Коэффициент фильтрации имеет размерность см/сек или м/сутки. Таким образом, скорость фильтрации при напорном градиенте, равном (1), тождественна коэффициенту фильтрации. Произведение коэффициента фильтрации на мощность водоносного горизонта является показателем его фильтрационной способности.

120.

В опубликованных материалах, помимо этих сведений, приводятся данные химических анализов, графики наблюдений за режимом подпочвенных вод и качеством

мытищинской воды за 140 лет.

121.

В 194 году Л. С. Лейбензон был удостоен Сталинской премии первой степени и всю премию пожертвовал на строительство самолета, которому по его просьбе присвоили имя Н. Е. Жуковского. Однако 10 июля 1936 года Леонид Самуилович был арестован. Следствие длилось почти полгода. Судили его дважды. Первый суд (5–9 декабря 1936 г.) вынес оправдательный приговор, но по протесту прокурора г. Москвы Л. Лейбензона судили второй раз (27 января 1937 г.), и он был приговорен к «ссылке без принудительного лишения свободы» в Казахстан сроком на 3 года. В эти годы Леонид Самуилович был членом-корреспондентом Академии наук СССР, профессором, заведующим кафедрами Московского государственного университета и Московского нефтяного института, директором университетского НИИ механики, действительным членом ЦАГИ. В мае 1939 года Л. С. Лейбензон был оправдан по протесту прокурора СССР. (См. Астрахан И. М. Академик Л. С. Лейбензон. Изд. «Нефть и газ». М., 1996 г.)

122.

Повышение минерализации воды (карбонатов и сульфатов Са и Mg) приводит к увеличению жесткости воды

и, как следствие, – в организме человека образуются так называемые мочевые камни. Допустимое значение жесткости воды: 7 мг – экв./литр.

123.

«Очерки гидрогеологии и инженерной геологии Москвы и ее окрестностей», Н. А. Плотников «Ресурсы подземных вод надбюрского горизонта в Мытищах по данным эксплуатации водопровода за 140 лет». (Очерки вошли в сборник трудов комиссии и опубликованы издательством Московского общества испытателей природы. Под редакцией проф. О. К. Ланге. – М.: 1947 г.).

124.

Каптаж (франц. captage, от лат. capto – ловлю, хватаю) – это комплекс инженерно-технических мероприятий, обеспечивающий вскрытие подземных вод и вывод их на поверхность Земли с последующей эксплуатацией (сооружение водозабора).

125.

Союзом НИО в 1990 году учреждена Золотая медаль имени В. Г. Шухова за выдающийся вклад в развитие науки и техники. С 2000 года по инициативе Союза НИО впервые в вузах России учреждаются стипендии имени В. Г. Шухова.

126.

Первым в России обосновался Эрнст Христоф Фридрих Кнорре, внук Матиаса Георга Кнорре (1695–1733), печатника из Хальденслебена. Эрнст Христоф Фридрих родился в 1759 г. близ Магдебурга. Он изучал теологию в Галле и по окончании курса был домашним учителем. Когда ему исполнилось 30 лет, он был приглашен в Дерпт (Тарту), чтобы занять место директора и преподавателя женской школы. Так он оказался в пределах Российской империи. В то время в Дерпте проживало много немцев. Так что первый российский Кнорре преподавал и общался в дружеском кругу на родном немецком языке. Он проявил себя одаренным педагогом. К сожалению, пока ничего не известно о его научных изысканиях, но известно, что в 1802 г. в Дерпте открылся университет, и Кнорре был назначен экстраординарным профессором математики и наблюдателем при астрономической обсерватории. Здесь он и работал до своей кончины в 1810 г.

127.

По семейному преданию, прадед Владимира Константиновича Шпейера пришел пешком из Германии в Петербург. Его сын Карл позднее жил уже в собственном имении Каменка на юге России. Карл Шпейер и его сын Константин были женаты на русских. Константин Карлович окончил Морской кадетский корпус, но поскольку

не переносил качки, вынужден был учительствовать в Школе штурманов в Николаеве, где он преподавал математику, а также был преподавателем Морского корпуса. Здесь Константин Шпейер и познакомился с Карлом Христофоровичем Кнорре, по совету которого он также послал своих сыновей учиться ремеслу сначала в Берлинское реальное училище, а затем в Цюрихский политехникум. В отличие от детей Карла Христофоровича, сыновьям Константина Карловича Шпейера в Берлине пришлось усердно осваивать немецкий язык, так как в их семье говорили только по-русски. К. К. Шпейеру, чтобы платить за обучение детей, пришлось оставить преподавательскую деятельность и перейти работать на маяк, где заработок был выше, – как говорили в Николаеве: «обрек себя на «добровольную ссылку»».

128.

В 1882 году вышла первая научная работа Г. А. Траутшольда по изучению геологического строения бассейна верховьев реки Яуза, а с 1887 года научное руководство изысканиями перешло к С. Н. Никитину, который окончательно исследовал и опубликовал геологическое строение этого района.

129.

Кессон (от франц. *caisson* – ящик) – устройство (камера)

для работы под водой при выемке грунта и последующего устройства фундамента опор моста.

130.

В 1903 году США поддержали Панаму в ее стремлении освободиться от колумбийской зависимости. В качестве компенсации США получили право на продолжение строительства канала. В 1904 году Военное ведомство США приступало к его строительству, и 15 августа 1914 году по Панамскому каналу прошло первое судно.

131.

Вадим Саввич Пикуль родился в 1912 году – троюродный брат писателя Валентина Саввича Пикуля, их деды были родными братьями.

132.

Отец Петра Балинского, Иван Михайлович (1827–1902), окончил в 1846 году Петербургскую медико-хирургическую академию с золотой медалью, ему было присвоено звание профессора.

133.

После Всемирной выставки в Париже Е. К. Кнорре вновь сближается с П. И. Балинским, который к этому времени уже разработал проект метрополитена в Петербурге, но его идея

так и осталась нереализованной.

134.

3-хчасовая речь Петра Ивановича имеется в фондах Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ). Даже с позиций сегодняшнего дня эта речь с подробным анализом статистических данных и логической последовательностью выводов поражает воображение (к сожалению, сама стенографическая запись сохранилась плохо, приходилось пользоваться микрофильмами с едва различимыми текстами).

135.

Павел Павлович Ротерт (1880–1954), – известный специалист в области строительства промышленных объектов, его учителем и наставником был профессор Н. А. Белелюбский. Много лет П. П. Ротерт сотрудничал с С. Н. Розановым и В. Л. Николаи – ведущими специалистами в области метростроения в советское время.

136.

Первую очередь метрополитена мелкого заложения – от Сокольников до площади трех вокзалов – строили по проектным разработкам Вадима Саввича Пикуля. Следующий участок – до центра – глубокого заложения. На этом варианте настаивали иностранные специалисты.

Здесь-то и хлебнули таких трудностей, о которых и не предполагали. Английские и немецкие приглашенные инженеры были заинтересованы в главном – обеспечить своим фирмам баснословные деньги за поставку металла и оборудования (особенно проходческих щитов) для строительства шахт и тоннелей. Не трудно представить себе даже на сегодняшний день – сколько же электроэнергии потребляют эскалаторы на станциях при глубоком заложении!?

137.

В 1940 году на Мытищинский вагонный завод приезжал из Киева Евгений Оскарович Патон чтобы ознакомить и обучить сварщиков новому способу – электрической сварки под флюсом. Но на заводе не оказалось свободных производственных площадей для установки сварочного оборудования. Е. О. Патон обратился в ЦНИИ МПС. Здесь и представилась возможность организовать теоретические курсы обучения и научить сварщиков практическому применению ЭТОГО способа сварки. От Мытищинского завода на эти курсы был направлен Анатолий Алексеевич Бусов – инженер сварочной лаборатории, которой в то время руководил Петр Васильевич Мумриков.

138.

Дополнительные сведения см. Р. Д. Позамантир и Л. К.

Бондаренко. Королев – Калининград, к космическим высотам – из глубины веков. – М.: 1998.

139.

Николай Иванович Астров в дни террора и бестолочи «окаянных дней» состоял членом «Национального центра» и «Союза возрождения России». В сентябре 1918 года на государственном совещании в Уфе он был избран членом Временного всероссийского правительства, так называемой «директории», но фактически не принимал в нем участия.

140.

Т. Масарик, доктор философии; из всех политических партий выделял только кадетов, с восторгом поддержал Февральскую революцию и Временное правительство. Октябрь встретил резким неприятием. Президентом Чехословакии избирался три срока – с 1918 по 1934 годы.

141.

Мытищинский завод в годы ВОВ именовался в зависимости от подчинения:

142.

Василий Гаврилович Грабин, генерал-полковник технических войск, доктор технических наук, Герой Социалистического труда, четырежды лауреат

Государственных премий.

143.

В 2001 году на ВВЦ состоялась выставка НТТМ, на которой произошло неожиданное знакомство автора с внуком П. А. Флоренского, Павлом Васильевичем, который подарил автору «Иллюстрированную хронику путешествий научного кружка «Петрограф». Этот старейший студенческий научный коллектив был организован в 1935 году его отцом – Василием Павловичем Флоренским (1911–1956), а ныне «Петрограф» возглавляет Павел Васильевич – профессор кафедры литологии РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, академик Российской Академии естественных наук, Международной Славянской Академии наук и искусств, Академии наук Абхазии, член Союза писателей России.